

Ш.Ш. ГИМАДЕЕВ

33 года

НА СЕВЕРЕ КАМЧАТКИ

Казань – 2015

Шамиль Шарифович ГИМАДЕЕВ

Родился 29 июля 1943 года в городе Казани.

После окончания геологического факультета Казанского государственного университета в 1966 году начал свою трудовую деятельность в Пенжинской геологоразведочной экспедиции. Работал старшим техником геологом, геологом, начальником поискового отряда, начальником партии, начальником группы партий.

В 1987 - 92 гг. работал начальником Пенжинской геологоразведочной экспедиции.

В период работы в системе камчатской геологии Ш.Ш. Гимадеев занимался геологической съемкой м-ба 1:200000, полистной и групповой съемками м-ба 1:50000, общими и детальными поисками полезных ископаемых, предварительной разведкой. Является автором и соавтором многих геологических отчетов. В 1968 – 72 годах обучался в заочной аспирантуре Казанского университета.

С 1993 г. по 1999 г., работая генеральным директором ЗАО «Корякуголь», организовал промышленную разработку Гореловского каменноугольного месторождения для нужд Пенжинского района Корякского АО.

Ш.Ш. Гимадеев награжден орденом трудового Красного знамени, медалью «За заслуги в разведке недр», отраслевым знаком «Почетный разведчик недр», памятным знаком «300 лет горно-геологической службе России», юбилейной медалью Корякского АО, золотым Почетным знаком НКО «Горнопромышленная ассоциация Камчатки». Он является Ветераном геологической службы Камчатки, Ветераном труда.

С 1999 года Ш.Ш. Гимадеев живет на материке. Но Камчатку, особенно Корякию, забыть не может. Вся его трудовая деятельность на Камчатке, а это более 33-х лет, была неразрывно связана с Корякией, с Пенжинским районом. Об этом убедительно свидетельствуют публикуемые ниже интересные воспоминания, написанные живым и самобытным языком. Автор описывает события более чем 40-летней давности так, как будто это было вчера.

Б.А.Шеунов

От автора

Никогда не думал, что возьмусь за свое жизнеописание. Всё произошло совершенно случайно. Несколько лет тому назад (в 2008 году) редактор журнала Горный вестник Камчатки (ГВК) Б.А.Шеунов попросил меня написать заметку о том, как начиналось освоение Гореловского угольного месторождения, что находится в Пенжинском районе, на севере Камчатки. Поводом для этого послужила юбилейная дата начала разработки этого месторождения. В 2008 году исполнилось 15 лет, как уголь стал по-

ставляться для обеспечения местных нужд.

Журнал ГВК, основанный в 2007 году, начал публиковать материалы о геологических исследованиях Камчатки, о развитии горнодобывающей промышленности. Материалы стали интересными для всех участников этих процессов. Особенно притягательными они оказались для тех, кто покинул Камчатку по разным причинам. Журнал стал некоей ниточкой, соединяющей всех, кому полуостров остался не безразличным. Со временем журнал стал публиковать истории нахождения камчатских месторождений.

Как-то в интернете меня нашли некоторые работники, участники разведки Сергеевского золотосеребряного месторождения и обратились с просьбой рассказать, как и когда оно было открыто. Аналогичный интерес проявила и редакция журнала ГВК. Подумалось, что читателям и тем более разведчикам будет интересно знать историю объекта, на котором они несколько лет жили и работали.

Редколлегия ГВК обратилась ко всем, кто занимался геологическим изучением Камчатки присылать материалы об истории геологических объектов. И этот призыв был услышан геологами. В связи с этим появились несколько публикаций об истории Южно-Камчатских месторождений. Вот тогда подумалось оставить след о некоторых ме-

сторождениях, людях, посвятивших многие годы северной части Камчатки. Это были самые лучшие годы (с начала 60-х до начала 90-х) и не только для Камчатки, но, пожалуй, для всей геологической службы в стране. Это годы, когда были открыты большинство ныне известных месторождений полезных ископаемых. Уровень геологической службы был очень высок. Сейчас трудно представить времена, когда вузы и техникумы геологического профиля направляли своих студентов на практики в любую точку той, большой страны, именуемой СССР, при этом, оплачивались все транспортные расходы до места проведения практик и обратно. Это были не экскурсии, а настоящая работа в полевых условиях. Здесь познавались все навыки полевой жизни, методики ведения геолого-съёмочных, поисковых и разведочных работ. Это была важная часть в подготовке будущих специалистов. Мне довелось побывать на четырех производственных практиках. Две из них на Приполярном и Полярном Урале и две на Колыме. Это была хорошая школа, которая позволила в будущем быстро адаптироваться к полевой жизни и уверенно применять существующие методики геологических исследований.

На Камчатке я оказался совершенно случайно. После преддипломной Колымской практики и защиты диплома, я рассчитывал на работу в Берелехской ГРЭ СВГУ Магаданской области. Мне даже была известна партия, в которой предстояло работать - Тас-Кыстабытская. Но судьба распорядилась иначе. В год окончания геологического факультета мест в СВГУ не оказалось, но было три места на Камчатку, с которой я связал свою жизнь на 33 года. Жизнь на севере Камчатки, куда я был направлен, до сих пор является трудной и не всякий согласится жить в этих условиях. Сегодня, оглядываясь назад, совершенно определенно могу сказать, что лучшие мои годы прожиты там, в Корякии.

Я полюбил этот, казалось бы, не очень уютный район за красоту его природы, животный мир, за людей, умеющих выживать в условиях, мало пригодных для нормального бытия. Здесь не просто было растить детей. Они были во многом «обделены» в отличие от сверстников «на материке». Некоторые из них считали, что яблоки растут «на банках», а арбузы ели вместе с корками. В этих краях мороз ниже

50 градусов, а сила ветра, достигающая 50 метров в секунду, не являются чем-то необычным. Из-за этих условий не все пришли «ко двору». Но я и многие мои коллеги на долгие годы посвятили свою жизнь этой территории за все красоты природы и, в первую очередь, за интереснейшую геологию. Пожалуй, нигде как на Камчатке нет такого многообразного комплекса вулканогенно-осадочных и интрузивных пород, гидротермальных образований, с которыми связаны разного рода полезные ископаемые. Я с большим удовольствием и азартом окупился в изучение этой территории.

Я никогда не вел дневников. Не знаю почему, но многие эпизоды из жизни на Камчатке помнятся до сих пор даже в отдельных мелочах и деталях. В моих воспоминаниях нет ничего вымышленного, придуманного. Все материалы изложены на основе личных впечатлений и наблюдений за период 1966-1999 годов.

Благодарю всех, кто оказал помощь в подготовке этой книги. Особенно признателен редактору журнала Горный вестник Камчатки Б.А.Шеунову, В.Н.Федорееву за многие замечания и практические советы, а так же корректуру большей части книги. Благодарю мою жену Л.Ф.Гимадееву за редактуру и корректуру текста, а так же многих пилотов из Корякского авиаотряда за присланные фото. Признателен за финансовую поддержку при издании книги благотворительному фонду «КГД», его директору Шакировой Я.К. и президенту Кнолю В.В., генеральному директору ОАО «Камчатгеология» Буланому П.В., генеральному директору «Палана-уголь» Спиваку С.В., директорам ГПП «Иткана» Козлову В.И., Поповичу М.М., бывшему начальнику отдела снабжения ОАО «Камчатгеология» Костицыну С.А., группе пилотов Корякского авиаотряда.

*Всем, кто жил и работал на севере
Камчатки, посвящается*

ГЛАВА I. НАЧАЛО

Дорога в Первореченск

На Камчатку, после окончания геологического факультета Казанского университета в 1966 году, мы распределились втроем. Кроме меня, Анатолий Чуйко с женой Резедой и Юрий Воеводин. Место наших работ решали на Пржевальской, 23-а, где тогда находилось геологическое управление. До сих пор не пойму, как оно помещалось в крошечном 2-х этажном доме?

Семью А. Чуйко оставили на юге Камчатки. Приняли во внимание, что его жена метеоролог (она закончила тот же университет, но географический факультет). С жильем тогда было сложно, но им повезло. На месте современной автобусной остановки «Геолог» стоял балок. Половина его уже была занята, а вот вторая половина досталась семейству Чуйко. Единственным удобством считалась железная печка, которая топилась дровами. Всё компенсировал пейзаж. Один мой коллега, будучи в командировке в Петропавловске-Камчатском, сказал, что за такой пейзаж с нас надо брать деньги. Согласитесь, он где-то прав. Из окна балка открывался вид на Авачинскую бухту, горы, Вилючинский вулкан. Крутой морской обрыв заканчивался пляжем. Тогда в обеденный перерыв многие конторские люди успевали позагорать и искупаться. Было еще одно преимущество у этого жилья. Когда из его окна надоедал пейзаж, его было не сложно сменить. Балок стоял на полозьях и развернуть его под другим углом не составляло труда. Это могла сделать любая проходящая машина, трактор.

Ну, а меня с Ю. Воеводиным определили в Пенжинскую ГРЭ. Юрия направили в геолого-съёмочную партию. А вот меня прочили в Малейваемскую партию, которая занималась разведкой одноименного серного месторождения (это был период серной эпопеи Камчатской

геологии). Не знаю почему, но я очень не хотел заниматься серой. Упирался несколько дней и, когда мой лепет о желании работать только на рудных объектах надоел главному геологу Т. В. Тарасенко, был отправлен в пос. Первореченск, где мою судьбу должен был решить главный геолог Пенжинской экспедиции Егоров Юрий Георгиевич.

Добраться до базы экспедиции (Первореченска) в то время было не просто. Самолеты Ли-2 вылетали в те края, только тогда, когда открыты минимум три запасных аэродрома. А это случалось не часто. Где-то облачность слишком низкая, где-то ветер превышает норму, а где-то «вынос» накрыл полосу. Потребовалось более недели, прежде чем все аэропорты по трассе дали «добро». Около 7 часов полета (это 1500 км), и наш самолет приземлился в аэропорту Каменское. По дороге в самолете меня «воодушевили», сказав, что от Каменского до Первореченска я могу не скоро добраться. В этом я убедился позже. А тогда был мой день. Через пару часов обещали вертолет, который в тот день доставлял почту по всем селам района. В ожидании его я не мог не заметить в аэропорту весьма колоритной личности. Его звали Михаил Михайлович Тимонин. Пенжинцы, особенно старшего поколения, наверняка, помнят его. Это был седовласый (как лунь), кряжистый, уже немолодой человек. Он представлялся всем заместителем начальника аэропорта, хотя занимал какую-то рабочую должность. Несмотря на это, всегда был хорошо информирован о полетах самолетов и вертолетов. В ожидании своего рейса я разговорился с Михаилом Михайловичем. Он поведал мне тогда историю появления коров в Пенжинском районе. Это было в 30-40-е годы. По заданию властей они с напарником пригнали около трёх десятков коров через Чукотку в Пенжинский район. Научили коров ходить под седлом. К райисполкому он прибыл верхом на корове и почему-то с патефоном в руках. За этот перегон будто бы получил Сталинскую премию. Представив этот путь и важность задания, такая награда, на мой взгляд, была вполне заслуженной. К сожалению, о своей жизни он ничего не рассказал. Чувствовалось, что он из Дальстроеновской эпохи и познал все её тяготы. Я ещё не раз встречался с Михаилом Михайловичем и очень сожалею, что не смог разговорить его о жизни. Уверен, он мог бы рассказать много интересного. Вскоре он же сообщил мне,

что на подлёте вертолёт, который летит в Первореченск с почтой. И действительно, через несколько минут на посадку заходил вертолёт.

Через 20 минут полёта Ми-4 приземлился на дощатой площадке Первореченска. Винты не глушили, выгрузили почту. Вертолёт взмыл, а я с почтовым работником Антониной Рейнгардт остался на площадке. За почтой обещали прислать трактор с «пенной» («пена» – низкие железные сани). По периметру площадки было месиво. Ничего не оставалось, пришлось пройти по грязи. Ноги в студенческих ботинках ушли в жижу чуть ниже колена. Пока шёл до конторы, кое-что отлипло. Вот в таком виде предстал перед главным геологом Ю.Г. Егоровым. Мой вид несколько не смутил его. Он знал о моем приезде. Место работы он уже определил. Я был назначен старшим техником - геологом в Игуновоямскую геолого-съёмочную партию. В те годы все молодые специалисты начинали с техников. Думаю, что это было правильно. Через год они становились геологами, а далее все зависело от судьбы и твоего отношения к работе.

Основной состав партии был на объекте работ, в поле. Задержался лишь начальник отряда Николай Павлович Митрофанов. Он завершал отчёт по предыдущей партии. Я подключился к отчёту. В это же время готовились к защите ещё несколько отчётов. Тогда я впервые узнал как принципиально, жестко и даже беспощадно рецензенты оценивали проведенные работы. Не прощались даже самые незначительные промахи при геологических исследованиях. Защиты этих отчётов произвели на меня сильное впечатление и стали хорошим уроком для начинающего геолога. Отчёты завершались банкетными, где дискуссии продолжались не менее жарко. Мой вылет в поле напрямую зависел от защиты отчёта и сдачи его в геологические фонды. Я, как мог, помогал Митрофанову. Наконец защита состоялась. Мы получили традиционную тройку. Более высокую оценку, на моей памяти, редко кто получал. Наступила пора ожидания вертолета.

А в это время по Пенжинской губе начался ход лосося, и всё население занялось ловом кеты. Те, кто в это время находился в посёлке, ловили не только для себя, но и на тех, кто в поле. Такова была традиция. Рыбу ловили «черпушками». Орудие лова примитивное, но очень эффективное. На основу П-образной конструкции из алюминия

евых трубок (от раскладушек) привязывалась кошелеобразная дель. Все это устанавливалось против течения. За 1-2 часа можно было выловить (по суги, начерпать) 2-3 десятка рыбин. После одной из таких рыбалок я впервые попробовал икру «пятиминутку». Говорили, что один из тогдашних заводов на побережье Камчатки готовил икру для королевы Англии. Вот если бы ей дали попробовать «пятиминутку», то она вряд ли стала бы употреблять то, что ей готовили на заводе. Но такая вкусная икра могла быть изготовлена только у места вылова лосося. Не менять же место резиденции...

Икры на Камчатке в то время было много. Цена дешевая. Даже возникали проблемы с реализацией. Нередко ее давали в нагрузку к алкогольным напиткам. Работники магазинов не очень цтили правила торговли и от некоторых неликвидных товаров избавлялись с помощью алкоголя, т.е. давали в нагрузку, особенно когда приближался «сухой» период. Позже узнал, как один наш рабочий Анатолий Михайлов, пришел однажды из магазина в свою общагу с несколькими бутылками водки и велосипедом в качестве нагрузки. Вот только ездить на нем было негде.

Первое Камчатское поле

Наверное, у многих геологов самым запоминающимся полевым сезоном был первый. И для меня моё первое поле, несомненно, стало незабываемым. Столько лет прошло, а тот сезон помнится во всех деталях. Добраться до поля можно было только вертолетом. После нескольких дней томительного ожидания, наконец, он прибыл. По дороге сделали пару посадок на базы других партий. Пролетая над Корфовским заливом, я впервые понял, как можно с воздуха навести рыбаков на косяки рыб. Особенно поразила стена лосося, шедшая по р. Вывенке. Это было время, когда вся Камчатка была занята выловом и переработкой рыбы. Рабочих рук не хватало и с «материка» завозили несколько тысяч молодых ребят и девчат на переработку рыбы.

Наш вертолет тем временем приземлился на базе Игуновоямской партии. Разгрузились быстро. В тот же день сходил на скважину, её бурили с целью поисков серы. Это недалеко от базы. Вечером

пришли съемщики. Партия была вся в сборе. Возглавлял ее Юрий Сергеевич Турчинович - опытный и даже маститый геолог, хотя, как и я, новичок на Камчатке. Задачей партии являлась геологическая съемка и поиски серных залежей на флангах разведваемого тогда Малетойваямского месторождения. Это было время серной эпопеи. Сформулировали и мою задачу. К моей радости на территории оказалось интересное проявление ртути, установленное ранее В.И.Голяковым при геологической съемке масштаба 1:200 000. Его-то и поручили мне опосредованно и дать оценку. Здесь же, на базе ознакомили с радиостанцией РПМС. Штатного радиста не было. Связь поддерживали техник-геолог и завхоз. Пользоваться радиостанцией умели все инженерно-технические работники. У нас было несколько частот, на которых мы работали. Сеансов связи с базой экспедиции было 3-4 раза в день. Но фактически связь осуществляли, в основном, утром. Вечером, где-то в 22 часа, все партии и отряды выходили на связь неофициально. Здесь обменивались новостями. Одна из радиостанций отличалась хорошим передатчиком. Это была радиостанция Малетойваямской разведочной партии. Там стояла мощная, по тем временам, радиостанция «Полоса». Да и радист там был профи. Точнее, это была радистка.

Однажды выйдя на связь, я не поверил своим ушам. По этой радиостанции предлагался концерт. Вскоре узнал, что радистка Галина (Гульзайнаб) Газизова, совмещавшая должности завхоза и радиста, иногда выходила на связь со своей концертной программой. В это время на нашей частоте работали многие торговые и рыболовецкие суда. Но как только слышали голос Галины, все рации замолкали и слушали её песни. Выступление начиналось словами: «Начинаем концерт для геологов и моряков восточного побережья Камчатки. Первым номером нашей программы - песня « В Намангане яблоки зреют ароматные». Пела она так себе, но с душой. Чувствовалась тоска по Узбекистану. Самое интересное, что эти концерты были неоднократными и никак не преследовались. Ведь это было нарушением норм ведения радиосвязи. Возможно, они трогали душу и тех, кто следил за работой эфира.

Через несколько дней меня забросили с отрядом на объект, где

начались мои первые маршруты на Камчатке. Отряд был невелик: несколько рабочих (проходчики, промывальщики) и я. Участок назывался «Рудный». Обосновались достаточно быстро. Уже к вечеру лагерь приобрел обычный вид. Установили палатки под жилье, столовую, склад, организовали кострище.

Через несколько дней состоялась встреча с местными оленеводами. Как-то, сидя у палатки, услышал из-под террасы слабый зовущий голос: «Тумгутум, тумгутум!». Тогда я еще не знал, что это слово означает «товарищ». Вскоре на террасу поднялся тот, кто так жалостно звал меня, он подал руку и сказал: «Амто!». Я понял, что это приветствие. Приглядевшись к нему, я понял, почему голос был такой слабый. По всему было видно, что он очень обессилен. Подошли рабочие, которые уже не первый год общались с коряками в поле. Из разговора с ним стало ясно, что в сторону нашего лагеря движется табун оленей и будет здесь через несколько дней. Они кочуют уже несколько месяцев. У них нет связи с совхозом и их самая главная беда – давно нет соли. Через два дня подошел табун. Познакомились с бригадиром. В табуне оказалось несколько детей. Конечно, мы почтеевали, угостили нашими продуктами, а детей порадовали конфетами и сгущенкой. Проблема с солью была решена, а вот со связью помочь не смогли. Тогда портативных радиостанций не было, а единственная радиостанция РПМС была на базе партии. Обещали с какой-нибудь оказией передать их заявки и просьбы через нашу радиостанцию. Гостеприимство коряки оценили достаточно весомо. Для нас «забили» жирного оленя. Наша дружба с коряками закрепилась на все лето.

Моя встреча с местными оленеводами не была чем-то новым. У меня до этого были две практики на Полярном Урале, где встречался с ненцами, хантами, манси и зырянами. Две на Колыме, где познакомился с якутскими оленеводами. Весь быт, одежды и условия их работы практически одинаковы. Наше государство, как в те далекие времена, так и сейчас совсем мало сделало для жизни и быта этих народов. Более того, развратили алкоголем и оторвали детей от родителей в школы-интернаты.

Я никогда не занимался ртутью, и не имел представления, как лучше опоиствовать участок и его фланги. Главное, посоветоваться не

с кем. Съёмщики заняты своими делами где-то далеко, а начальник поискового отряда Митрофанов Н. П. тоже не близко и занимается серными делами. А связи нет. Вот и пришлось выполнять работу по своему разумению. Впоследствии выяснилось, что всё сделано правильно. Правда, отдельные места участка были перепоискованы. То есть, можно было не так детально опробовать. Всё-таки, мои четыре производственных практики меня чему-то научили.

Моё первое поле на Камчатке завершилось в начале ноября. К этому времени пришла настоящая зима с хорошими морозами и пургами. Мой мини-отряд был экипирован только для летних условий. Несмотря на это, работа по проходке канав не прекращалась, хотя, по большому счету, надо было бы давно их свернуть. Как-то утром выхожу из своей палатки, а все рабочие стоят в фетровых зеленых шляпах, к полям которых пришиты куски сукна от портянок для прикрытия ушей. Они мерзли больше всего. Выглядело комично, зато уши были в тепле. Последнюю канаву очень хотелось «добить». В полотне ее уже вскрылись песчаники с киноварью. Осталось определить контакты этой зоны. Конечно, мешали снега и пурги. Только спустя некоторое время я понял, что эти песчаники с киноварью представляли метасоматическую залежь, и её дальнейшее изучение могло представлять какой-то интерес.

В составе нашего отряда был рабочий по кличке «Евражка». Его фамилию не помню. Это был его первый полевой сезон в геологии. Как-то он признался, что очень боится медведей. Это стало поводом при любом удобном случае усилить его страхи. В геологии всегда хватало ребят с юмором. Некоторые из них рассказывали самые невероятные истории о медведях, которые всегда заканчивались тем, что медведь либо снимал скальп с человека, либо разрывал его на части, закапывал и потом уже (после появления тухлого запаха) начинал есть. Поговаривали, что при нападении на палатки чаще берет тех, кто спит с края. А медведей у нашего лагеря было действительно много. «Евражка» жил в отдельной 2-х местной палатке, немного в стороне от других палаток. Однажды кто-то ночью вышел по «нужде» и случайно задел ногой за растяжки палатки. Начали выяснять, кто это сделал. Решили, что это медведь запнулся. Ну, приколотся кто-

то. «Евражке» объяснили, чтоб не беспокоился. Эффект был обратный. После такой заботы и многочисленных историй о медведях ему действительно было страшновато жить на отшибе в своей палатке. Чтобы как-то обезопасить себя он по ночам начал потягивать, подражая собаке. Кто-то сказал ему, что медведь боится собачьего лая. Поначалу я не поверил, что лай исходил от его палатки. Но вскоре убедился, что он действительно по ночам время от времени потягивает. Пришлось объяснить парню, что ребята подшучивают над ним. Он успокоился, но тазик с барабанными палочками всё-таки держал рядом с палаткой.

Зима набирала обороты, и мы начали борьбу за выживаемость, то есть большую часть времени тратили на добычу дров (кедрового стланика). Хотелось как-то напомнить о себе. Но как? Вспомнили, что перед большими снегами на соседнюю вершину, расположенную в 5-6 км от нашего лагеря, забросили вертолётном геофизиков. И судя по всему, про них тоже «забыли». Если это так, то там, наверху, им было кратно сложнее выживать, чем нам. С дровами на вершинах гор почти «никак». Позднее выяснили, что это были аэрогравики, которые заверяли свою «точку» и запурговали. Вертолёт прилетел за нами в жуткую пургу. Трудно было представить, как они нас нашли? Геофизикам и здесь не повезло. Их сняли с вершины только через два дня после нас. Все встретились в Корфе. Там была перевалка.

Посёлок Корф в это время был переполнен различным людом. Здесь собирались с полей геологи (как местные, так и заезжие), рыбаки, ихтиологи, биологи, этнографы, сезонные рабочие с рыбокомбинатов и др. Многие сидели в ожидании самолётов. Гостиниц практически не было. Основным убежищем для многих были стоместные бараки на «Тайване», расположенные в районе бани.

Нас приютили на улице Луговой, где экспедиция купила половину частного дома у тети Поли, очень злой и сварливой женщины. Жили тесно, но дружно. Среди приезжих народ был разный, но, в основном, молодой, горячий. Алкоголя в магазине хватало. Разношерстная публика нередко выясняла отношения между собой. Случалось, что и ножички шли в ход. Все питались, как могли. Но большинство в столовой.

На мое имя прислали из экспедиции денежный перевод для жизнеобеспечения отряда. Пошел на почту, и пока я получал деньги, один из наших рабочих Боря Зайцев чем-то не понравился заезжим. И они собрались его «мутузить». Парень наш был, вроде, не слабый. Около двух метров роста, но силы были далеко не равны. Его уже взяли в круг и начали проверять на стойкость. И в это время, в круге появился я, и спрашиваю: что здесь происходит? Я, конечно, ошарашил всех своим вопросом. Один из них спросил, кто это пытается испортить нашу разборку. Вынимает настоящий ножичек, толкает в бок своего соседа, и говорит: «Сейчас я проверю, где у него «аппендицит». Только попробуй, сказал наш проходчик Иван и вынимает полевой нож. У тебя больше, сказал тот и отступил. Очень вовремя подошли мои рабочие. Думаю, что конфликт разрешил наш промывальщик Николай Устинов. Он был из тех, кто немало лет провёл на различных зонах. Когда он заговорил с нападавшими на своей «фене», они ретировались. А ведь всё могло закончиться грустно, появились мои рабочие на несколько минут позже. Ножевые ранения в то время в Корфе были рядовым явлением. В геологии хватало ребят, побывавших на зоне. И статьи у них были самые разные: от мелких хулиганских до рецидивистских. Были и те, кого объявили в свое время врагами народа. Среди них были бывшие врачи, военные, рабочие редких технических профессий. Все они по разным причинам появились на севере. Нередко поводом служил «стакан». Именно он в их жизни «перевешивал» все разумные поступки. Многие, кто прошли через «зоны», не смогли вернуться к своим прежним профессиям. Как правило, они умели делать все - от строительных, слесарных работ до выпечки хлеба. Я многому у них научился. Их отличали бескорыстие и невероятное чувство справедливости. Многие обладали каким-либо талантом. Они много читали, любили музыку, а некоторые хорошо разбирались в живописи. Все очень трогательно и нежно относились к животным. От них я познал для себя целый пласт блатных, тюремных песен и стихов. Некоторые из них поистине стали народными. Узнал, что знаменитая песня про Колыму «Я помню тот Ванинский порт...» сочинена в одном из лагерей Магаданской области военным (капитаном) медиком. Где-то на Колыме или Полярном Урале я слышал эковские ва-

рианты басен И.А. Крылова. Их было несколько. Жаль, что не записал. Но коечто запомнилось:

*Ворона сыр на бухаря у фраера помыла,
Но так как штамповатая была, то призадумалась.
А сыр во рту держала. На ту беду лисицу вел конвой
И от него она в натуре оторвалась и.т.д.*

Согласитесь, совсем неплохо. И слог почти как у классика.

Завершение инцидента с нашим рабочим Б.Зайцевым решили отметить в столовой. Денег прислали с запасом. Столовая была заполнена, в основном, приезжим людом, приехавшим с «материка» на переработку рыбы. Их завозили весной (на время путины), поэтому называли «грачами». В столовой выделялись девушки в косынках. Это была своеобразная метка. Говорят, они прикрывали дорожки, которые выстригали на их головах блюстителю порядка за различные антиобщественные поступки. Местные власти позже остановили этот жестокий метод борьбы.

Через несколько дней АН-2 вывез нас и груз в аэропорт Каменское. Там нам повезло больше. В тот же день, на вертолёте, мы оказались в Первореченске. Это было накануне 7 ноября 1966 года. Впереди было еще так много интересного. Впереди – 33 года работы на севере Камчатки, 33 незабываемые года, которые я бы прожил ещё раз – день в день.

Первореченск – поселок геологов

В 1966 году посёлку исполнилось 5 лет. Это был типичный поселок для северных широт. Здесь имелось все для относительно нормального проживания- сельсовет, почта, магазин, детсад, медпункт, баня, клуб, библиотека, электростанция. Но было самое главное - интересная работа. Конечно, здесь не хватало кое-каких удобств. Они были во дворе. Главный недостаток - отсутствие теплого клозета. Многие северяне тогда мечтали о ручке унитаза. Согласно каким-то решениям и постановлениям тогдашнего правительства строить теплые ту-

алеты в поселках нашего типа запрещалось. До сих пор не понятно, чем была вызвана такая дискриминация? Всякие попытки включить в наши геологические проекты строительство теплых туалетов пресекались на уровне местных стройбанков. Это как же надо было не любить и не уважать большую армию северян, чтобы издать такое чудовищное указание? Только спустя много лет осознал, сколько бед и вреда нанес этот указ. Особенно тяжело приходилось женщинам и детям. Скольких заболеваний стоило это безумное постановление. Несомненно, это подорвало здоровье многих и многих людей. В те годы говорили в шутку, что женщин с севера опознавали по отпечатку дужек от ведра на «пятой точке». Грустная, конечно, шутка....

В 1966 году население Первореченска значительно увеличилось. В экспедицию прибыло несколько десятков (не менее 50 человек) новых работников. Специалистов, большая часть из которых были молодые специалисты из разных уголков той, большой страны (СССР).

Это было существенное вливание «свежей крови» в ряды экспедиции. Все вновь прибывшие быстро вписались в жизнь и быт поселка. Впоследствии именно эта часть специалистов составили костяк на геолого-съёмочных, поисковых и разведочных работах на севере Камчатки.

Зима с 1966 на 1967 годы запомнилась своими морозами и многодневными пургами. Сила ветра была такова, что валила с ног, в воздухе летали ящики из-под продуктов, шифер. Самой большой проблемой в это время считался туалет, точнее его отсутствие. Имеющиеся дощатые туалеты были далеко не герметичными. Открываешь дверь такого клозета, а перед тобой стена спрессованного снега. И как же быть? Кто занимался зимней шурфовкой, тот хорошо знает, что если в брезенте, которым закрывался шурф на ночь, имеется хотя бы небольшое отверстие, то в случае хорошей пурги выработка будет забита (запрессована) снегом от забоя до устья. Мой однокурсник как-то озабоченно поведал мне, что уже несколько дней не ходит «до ветру», и это - при трехразовом питании. Я объяснил ему, что я тоже правильно питаюсь и те же проблемы. Наверное, его это успокоило. Вместе проблемы переживаются не столь болезненно. Несмотря на отсутствие кое-каких благ цивилизации, жизнь в поселке буквально

была ключом. Большая часть населения были молоды и неудобства воспринимались как мелочи жизни. В поселке не было телевидения. Мы сами себя развлекали. На все праздники готовились концерты художественной самодеятельности. Причем, концерты готовили и взрослые, и дети.

В начале декабря 1966 года Пенжинской ГРЭ исполнилось 20 лет. По этому случаю всем поселком решили собраться в клубе. Начальник экспедиции Ю.П. Рожков освободил нескольких женщин от работы, которые накрыли роскошные столы. Они буквально ломались от местных яств. Вся еда была домашней и действительно вкусной. «Пьяные» пароходы пришли в июне и алкоголь еще не успел стать дефицитом. В это время нашему небольшому магазину мог позавидовать солидный гастроном на материке. 2-3 десятка сортов московских конфет, столько же сортов вин (болгарских, румынских, венгерских, российских), несколько сортов водки и коньяка. Мясные и овощные банки из Европы, Китая, Кореи и многое другое. Полное изобилие. Лишь спустя какое-то время некоторые отметили, что это и был тот самый коммунизм, к которому стремилась вся страна. Вот только жаль, что он не задержался у нас. А ведь и вправду все это было на прилавках, и, прямо скажем, по весьма доступным ценам. Однако вернусь к сервировке стола. Из перечисленных мною продуктов на столе присутствовали только алкоголь и конфеты. А вот основные блюда были шедеврами наших женщин. Это были разнообразные салаты, мясные блюда, рыба и прочие разносолы местного изготовления. Скажу откровенно, такого я раньше никогда не едал. К такому застолью подготовили концерт. В экспедиции несколько лет существовал ансамбль «Лос-Пенжинос», руководителем которого был Александр Борисович Исаков. В ансамбле не хватало ритма (не было ударника) и мой приезд оказался весьма кстати. В связи с этим оркестр заиграл с акцентированным ритмом.

Ансамбль Лос-Пенжинос. В центре руководитель А.Б.Исаков, справа Ю.Архаров, (аккордеон), слева Ш.Гимадеев (ударник)

На юбилее присутствовали гости из соседних посёлков. Все прибыли с подарками. За всеобщим «возлиянием» произносились тосты во здравие экспедиции. Здесь я впервые узнал, что первым начальником экспедиции был капитан В.А. Титов (тогда геология была военизированной). Для меня прозвучало как гром среди ясного неба, когда услышал, что мне предоставляют слово от имени молодых специалистов. К чему я, конечно, не был готов. Немного растерялся. Что я мог сказать всем собравшимся? В итоге обратился к уже состоявшимся и маститым геологам с просьбой помочь нам, молодым специалистам, побыстрее познать геологию севера Камчатки. Праздник продлился до утра. Он в значительной мере сдружил многих из нас. Банкет такого рода не был единичным. Все большие праздники (Новый год, День Советской Армии, 7 ноября, 8 марта, День геолога и некоторые юбилейные даты работников) отмечались в клубе всем коллективом экспедиции. Это было традицией в течение многих лет.

В год моего приезда в Первореченске, как и во всей стране, звучали песни В.Высоцкого. Их распевали все, от мала до велика. Популярность была невероятная. Каждый отпускник считал своим долгом привезти новые записи В.Высоцкого. Его стихи и музыка, на мой взгляд, особенно близки нашей геологической братии.

Однажды Первореченск посетил известный камчатский геолог-стратиграф Арсанбек Саидбеевич Арсанов, который оставил

свое впечатление о Первореченске в стихотворной форме. Мне, кажется, он правильно усмотрел и прочувствовал характер и дух этого поселка.

*На банках консервных горящие свечи,
Белесая ночь навалилась на плечи,
Под койкой шуршат обнаглевшие мыши
И ветер елозит по толевой крыше.*

*Зарею пропитаны рваные тучи,
В реке - колыханье коряги плавучей.
На улице воют заброшенно суки,
И сердце прихлопнуто лапою скуки.*

*А шорохи ночи доносят до слуха:
Пойми! Здесь места не для слабого духа,
За тысячи лет здесь лишь те уцелели,
Что знали простые, но прочные цели.*

*И бледные окна хохочут: Приятель!
Здесь кончил с собой не один созерцатель.
Здесь тени зимою в безветрии стылом,
Прочерчены наискось низким светилом,
А вороны - злые индейские боги
Над скорченным трупом подводят итоги.*

*Уйди! Или север тебя искалечит ...
На банках консервных оплывшие свечи.
На койках храпят утомленные люди,
Им грезятся юги и женские груди.*

*На улице ветер елозит по крыше,
Терзает лохмотья размокшей афиши.
В ночи замогильное пенье собак.
И воля - как камень зажата в кулак.*

Осенью 1966 года, еще до вылета с полевых работ в эфире прошел слух, что в Первореченске появилась какая-то оригинальная

женщина. Почти, все новости приходили по радиосвязи. Появление в Первореченске нового неординарного человека не являлось чем-то необычным. Этот поселок просто притягивал к себе таких людей. Вот и эта женщина не могла не появиться. Как только возникла вакансия заведующего детского сада, районный отдел (из районного центра села Каменское) тут же подыскал для нашего поселка весьма достойную кандидатуру – Анну Дмитриевну Верещагину. Она проработала у нас менее двух лет, но при этом оставила о себе массу впечатлений. Это была высокая блондинистая женщина «бальзаковского» возраста с голубыми глазами, с пленительным голосом. Наверняка, в свое время она покорила немало мужских сердец. Её движения были порывистыми, энергичными. Говорила в основном фразами. Причем, она не строила их, призадумавшись, а изрекала быстро и непринужденно. Почти каждая фраза – шедевр. Это очень впечатляло собеседника. У нас с А. Б. Исаковым даже появилась идея собрать эти фразы и издать в каком-нибудь ведомстве. К сожалению, не удалось сохранить все, что тогда записали. Однако кое-что не забылось. Разве может обычный человек в рядовом разговоре сказать собеседнику: «Здесь (на Первой речке) мороз вымораживает рассудок и увеличивает потребность в спиртном, особенно это заметно в наших широтах, где так много бутылок». Или она спрашивает у Веры Митрофановой: «Как твоя девичья фамилия?», та отвечает: «Чернышева». «Что же ты её сменила на Митрофанову? Ведь Чернышев князь, а Митрофанов кто?». Не каждый мог сказать, что «у этого человека руки пропитаны преферансом».

Детсаду всегда что-то было нужно по хозяйству. Экспедиция старалась помочь, ведь там были наши дети. Не всё удавалось решить. Как-то Анна Дмитриевна пожаловалась нам, что начальник экспедиции недостаточно помогает, хотя детсад формально принадлежал району. «Я захожу к нему (Рожкову Ю. П.) в кабинет с просьбой, а он поднимает свою волосатую руку, смотрит на меня красивыми глазами и говорит: «Верещагина, ты мне надоела», пошел на площадку и улетел на Ми-4. Но я баба тёртая, все равно добыюсь. Стрелять бы надо, но пистолеты «заржавели».

Один-два раза в году в детском саду проводились субботники.

Организация их была чёткой и конкретной. Каждый родитель точно знал, что будет делать. Для этого издавался специальный приказ, где Верещагина расписывала весь объём работ, например: Березкина-мать моет полы, Березкин-отец ремонтирует окно; Митрофанова-мать чистит посуду, Митрофанов-отец красит печку и т. д.

Ниже я приведу лишь небольшую часть ее фраз, которые удалось вспомнить:

– «Идеальные люди встречаются редко, еще реже - гении. У нас в посёлке живут в большинстве своем заурядные личности»;

– «Женское общежитие – это Мекка, там не закрываются двери, туда все стремятся как к камню Кааб»;

– «Утром встаю в половине шестого. Я теряю назначение дамы!»;

– «Чуть небо не стонало в эти минуты.... А где РОНО?»;

– «Весной человек в ожидании, весь в ребусах жизни»;

– «Усталость. Её подчеркивает знаменатель возраста»;

– «Вы знаете, ваш Шамиль (то есть я) потомок Пржевальского»;

– «Я знаю, здешние женщины выписывают журналы, для виду, блеснуть своей эрудицией и уничтожить.... При мне «Новым миром» растапливали печку».

Обращение к детям детского сада: – «Вы, будущие дочери и сыны России! Вы живёте в пределах Крайнего Севера, не забывайте об этом»;

– «Воспитанники нашего сада имеют чистые руки и светлые головы»;

– «Дети – наши цветы, но и среди них встречаются сорняки»;

– «С понижением температуры наши дети покрываются волосяным покровом»;

– «Илья Эренбург – умный мужик. Взял бы и описал утро Пенжины».

Представляете, какой объём материала поставляла она в редакцию экспедиционной газеты «Разлом». Есть категория женщин, которые способны командовать дивизией, вот Анна Дмитриевна из этих. Уволилась она так же неожиданно, как и появилась. Говорили, что стала в каком-то селе преподавать географию. Очень хотелось бы побывать на её уроках.

До сих пор не знаю, каким образом в поселке Первореченск оказались две корякские женщины – мать и дочь по фамилии Уркачан? Они жили в семейном общежитии, где занимали одну комнату. Поселок был относительно молодой: его заселили в 1961 году, и строился он только для работников Пенжинской ГРЭ. И мать, и дочь никакого отношения к геологии не имели. Мама была уже старенькой (по виду) и появлялась на улице редко. Дочери Татьяне было 25-30 лет. В полевом сезоне 1966 года она работала завхозом в Игуновоямской партии, то есть в той, где я начал свою геологическую деятельность на Камчатке.

На 20-летний юбилей Пенжинской ГРЭ Татьяна подготовила корякский танец «норгали». Постановку танца контролировала её мама. Она уточняла многие элементы танца. Я наблюдал за репетицией этого древнего танца и поразился пластике движения. Кроме танца Татьяна сочинила слова и музыку под названием «Первореченский вальс». Всё это она продемонстрировала мне, посчитав, что я смогу оценить. Вот здесь, по-видимому, я допустил ошибку. Посоветовал кое-что изменить в тексте и внёс кое-какую поправку в музыкальной части. Она была со своеобразным характером и мои замечания ей не понравились. В связи с этим «Первореченский вальс» никто не услышал, кроме меня. А жаль. В целом «вальс» был неплохим. Вот так, сам того не ведая, «загубил» её произведение.

В 1967 году Татьяна с мамой, скорее всего, перебрались в Палану, где вскоре мы услышали её голос по окружному радио. Татьяна являлась редким специалистом, владевшим всеми четырьмя наречиями корякского языка. Её репортажи нередко звучали по Паланскому радио и мелькали в местной прессе. Татьяна была, несомненно, талантлива во многом. Как и многие коряки, она обладала хорошей пластикой движения и отлично танцевала главный корякский танец «норгали», неплохо рисовала, пела, писала стихи и даже музыку. Характер у нее был не очень покладистый, скорее ершистый. Помнятся её ортодоксальные заявления о том, что иноземные люди (россияне) топчут резиновыми сапогами её корякскую тундру и с этим надо что-то делать. Письма такого содержания иногда поступали от неё в областной комитет партии. Не думаю, что она в то время отражала

общее мнение коряков. Многие из них, с которыми мне приходилось встречаться, были дружелюбными и доброжелательными. Согласен с претензиями некоторых из них к приезжим, которые внесли в их жизнь и быт много негативного.

В более поздних встречах она с гордостью рассказывала мне, что у неё растёт дочь, которая поступила на факультет журналистики Московского университета. С дочерью встречался только мельком. После МГУ она вернулась в родные пенаты и стала успешным журналистом. А вот сама Татьяна, по рассказам жителей Паланы, ушла умирать в тундру.

Хоккейные баталии

Мой первый полевой сезон на Камчатке закончился поздно. На базу Пенжинской ГРЭ, в Первореченск, прилетел в начале ноября. В это время полным ходом шла заливка катка. Конечно, я тоже подключился. В тот же вечер ко мне подошел Валера Ковалев (капитан «Радикулита») и сказал: - «Будешь защищать наши ворота». Вот так одной фразой он решил мою хоккейную судьбу. Ежегодно, как только начинались морозы, хоккеисты команд «Радикулит» и «Ревматик» (именно так назывались хоккейные команды) после работы выходили на каток, начинали устанавливать деревянные бортики и приступали к заливке. Дело в том, что по окончании хоккейного сезона борта коробки (это были щиты из не струганных досок) убирались. Каток заливался на центральной площади Первореченска, и коробка летом не очень вписывалась в дизайн поселка, поэтому её разбирали, а осенью собирали заново. Это было не сложно и занимало 1-2 вечера. А вот заливка катка дело трудоёмкое. Для этого требовалось вылить 55-60 пяти кубовых цистерн воды, которую брали из Первой речки. Отсюда и название поселка. Заливка цистерны осуществлялась ведрами. Для этого требовалось 6 человек. Трактор проламывал лёд в реке, на ёмкость взбирались 2 человека, у полыньи становились тоже 2 человека. Они зачерпывали ведрами воду из реки и подавали тем, кто стоял на цистерне. Два человека были на подмене. Такая система закачки была не лёгкой. За вечер удавалось

залить 5-6 ёмкостей. Всё это происходило на приличном морозе, на протяжении 10-12 вечеров. Самым главным при этом было, чтобы трактор не подвёл. Он был единственным на весь посёлок. Его выделение зависело от главного механика П. П. Трибунского. Поначалу он неохотно разрешал использовать трактор, но когда стадион назвали его именем, проблемы с трактором отпали. Тракторист был, что называется, свой - один из нападающих команды «Ревматик» Анатолий Лобосов. Конечно, использование техники не обходилось без согласия начальника экспедиции Ю. П. Рожкова. Хоккейная коробка по размерам отвечала всем мировым стандартам. Поле имело необходимую разметку. По всему периметру были натянуты гирлянды из электрических лампочек. Имелось и табло. На всю подготовку катка уходило 15-20 дней. Не оставались в стороне и болельщики. Многие из них очень активно участвовали и в заливке, и в строительстве.

И вот наступал тот день, когда должен состояться первый матч. Это был праздник для всего поселка. Команды выходили в чистых формах (белые рубашки у «Радикулита» и красные у «Ревматика»). Судейство было строгим и справедливым. Матчи судили Михаил Руфанов, Борис Синицин, Евгений Татаржицкий. Играли 3 периода по 20 минут чистого времени. Оно определялось шахматными часами. Хоккейная экипировка, в основном была самодельная, но коньки, клюшки, в том числе, вратарские - классические. Их привозили из отпуска. Долгое время не могли решить проблему с вратарскими масками. Несколько сезонов пришлось играть без маски, поэтому синяков и ссадин хватало. Их носили с гордостью. Болельщики, как правило, располагались по противоположным бортам. У каждой команды были свои фанаты. Тогда не было «кричалок», как сейчас, но традиционное «шайбу, шайбу» наверняка слышали в соседнем посёлке. Особенно рьяно «болели» жены и дети хоккеистов. Думаю, что это спланивало семьи, хотя члены некоторых семей «болели» за разные команды. Конечно, и сами хоккеисты старались не подвести своих болельщиков. Играли жёстко. Физическая нагрузка была большая. В составе команд редко набиралось две пятёрки. Кто-то улетал в командировки, в поля и т.д. Иногда на замене было 2-3 человека. Игра не прекращалась, даже если начиналась пурга. Проигрывающая ко-

манда не соглашалась остановить игру или перенести доигрывание на следующий день.

Десяти сезонов я защищал ворота за команду «Радикулит». Нередко вспоминаю наши хоккейные баталии. За каждый матч игроки теряли по 2-3 кг веса. Ушибы, раны компенсировались невероятным «кайфом» от этих игр. Среди геологов некоторые никогда раньше не стояли на коньках. Чтобы включиться в игру они осваивали коньки на катке по ночам. Посмотреть игру в хоккей нередко приезжали из близлежащих населённых пунктов. (Каменского, Манил, Усть-Пенжино). В то время наша хоккейная коробка была единственной на Камчатке. Лишь спустя несколько лет в хоккей стали играть в Петропавловске-Камчатском и Елизово. Там, узнав про наши команды, одно время вели переговоры о проведении совместных игр. Но это было не реально. Выехать в город было не просто. Тогда летали на самолетах ЛИ-2. Время полёта 6-7 часов. Вероятность, что по непогоде можешь застрять на десяток дней, была велика. Да и руководство экспедиции вряд ли дало бы согласие. Команды на 90 процентов состояли из техников, геологов, начальников партий. Это могло надолго остановить многие камеральные работы.

Кроме двух взрослых команд в поселке были две детские «Сагурн» и «Нептун». На полные команды не хватало ребят и пришлось привлечь девочек. Все они играли с не меньшим азартом. Уверен, что эти игры запомнились им на всю жизнь.

Первореченский каток был не только местом хоккейных баталий. Вечерами многие жители поселка приходили просто покататься. Включались электрические гирлянды, хорошая музыка, и это было настоящим праздником. На Новый год в центре катка обязательно устанавливалась наряженная ёлка.

В связи с хоккейными делами не могу не рассказать один примечательный эпизод. Сейчас о нём можно рассказать. Долгое время хоккеисты обеих команд мечтали механизировать заливку ёмкости водой. Уж очень трудоёмкая была эта работа. И вот нашли подходящий насос. Для его работы необходимо было отапливаемое помещение. На наших морозах он не заводился. Пошли к начальнику экспедиции Рожкову Ю.П. и выпросили балок с условием, что как только он

потребуется, то мы его вернём. В балке установили печку и впервые, относительно цивилизованно (не ведрами), закачивали воду из реки для заливки катка. В связи с этим каток залили быстро. Однажды балок все-таки потребовался для одной из разведочных партий. А балок за это время капитально вмёрз. Хоккеисты немного обкайлили балок по периметру и решили, что надо его слегка потряхнуть. Для этого, конечно, потребуется немного взрывчатки (ВМ). В посёлке жил некий Ключев Владимир Миронович, у которого было несколько должностей. Его основная работа была - заведующий материальными складами. Одновременно он являлся председателем сельсовета, выдавал всякие справки, проводил брачные обряды, давал справки на тех, кто уходил к «верхним» людям и тем, кто только родился. Но нам он был ценен тем, что являлся взрывником и при необходимости пользовался взрывчатыми веществами (ВМ) со склада экспедиции. А необходимость возникала в связи с тем, что в соседнем селе Манилы (это в 9 км от нашего посёлка) не всегда могли пользоваться кучей угля, которая находилась на берегу Пенжинской губы. При сильных морозах уголь смерзался и его требовалось рыхлить. Вот для этого содержался взрывник Ключев В.М., к которому и обратились за взрывчаткой. Среди хоккеистов было немало руководителей буровзрывных работ. Они хорошо знали взрывное дело, поэтому услуги самого Ключева, вроде как, и не требовались. Все сделали сами, по науке. Первый взрыв был слабым и практически не эффективным. Чтобы долго не возиться, на второй взрыв аммонита не пожалели. После взрыва от балка осталась только одна стена. Я не могу передать лица всех, кто там присутствовал. Это надо было видеть. Тишина стояла гробовая. Рты у всех долго не закрывались. Когда прошёл шок, прежде всего, подумали о том, как сказать Рожкову, что балка практически нет? Все осознавали, что балок стоит дорого и, главное, на него рассчитывали в одной из разведочных партий. Всё обошлось. Конечно, начальник экспедиции Рожков Ю.П. был не в восторге от нашего деяния, но никаких репрессий не последовало.

В 1972 году экспедицию перевели в поселок Корф. Она стала называться Северо-Камчатская. Корф на фоне Первореченска – несомненно, более цивилизованный поселок. Отсюда летали прямые

рейсы в Петропавловск-Камчатский. Здесь были круглогодичный морской порт, более развитая инфраструктура и т.д. С переездом в п. Корф мы не забыли про хоккей. Начали подыскивать место для строительства коробки. Подходящее место нашлось у школы, руководство которой, конечно, обрадовалось. Очень скоро построили коробку катка, пожарники произвели заливку. Играли не так часто, как в Первореченске, но не реже чем 1 раз в 7-10 дней. Для наших команд появился серьезный соперник – ребята из аэропорта. Многие из них играли на очень приличном уровне. Скажу откровенно, нам редко удавалось у них выиграть. Со временем количество игр сократилось. В Корфе прибавились другие соблазны. Появились новые интересы, не стало прежнего задора. Более цивилизованный поселок всё-таки разобщил нас.

Пожалуй, закатом нашего хоккея стал матч 1 января 1976 года. Кому-то из нас пришла в голову идея сыграть самый первый в новом году хоккейный матч на земном шаре. Обе команды договорились встретиться на катке в 0 часов 20 минут и сыграть действительно самый первый матч в мире. Раньше Камчатки новый год встречали Чукотка и еще несколько регионов. Мы были в полной уверенности, что ни Чукотка, ни другие регионы и страны в ту ночь в хоккей не играли. Вряд ли им такое могло прийти в голову. Матч закончился боевой ничьей при счете 2:2. Этот матч официально не был зарегистрирован, поэтому не внесён в «книгу рекордов Гиннеса». После этого было еще несколько игр, которыми команды «Радикулит» и «Ревматик» завершили свои выступления.

Первый отчет и первый проект

Моя первая зима в Первореченске была весьма насыщенной всякого рода событиями. Я стал соавтором отчета по работам Игуновьямской партии, где провел первый полевой сезон. Работами этой партии ставилась задача найти новые залежи в пределах Северо-Камчатского сероносного района. К этому времени здесь были уже известны два месторождения - Малетойваямское, Ветроваямское и более 70 проявлений серы. Камчатка тогда переживала серный бум. К

сожалению, нам не удалось расширить сероносную зону и увеличить её промышленную оценку.

Мой ртутный объект (участок «Рудный»), на котором я провел первый полевой сезон, также не вызвал серьезного интереса. Кварцевые жилы с киноварью оказались с высокими содержаниями ртути, но с незначительными параметрами. А вот метасоматически-изменённые песчаники с киноварью предлагалось доизучить. Доля моего вклада в первый отчёт не велика. Всё только начиналось. Впереди десяток отчётов по различным видам геологической деятельности (от региональных работ до разведки).

Параллельно с написанием отчета мне доверили составление проекта детальных поисковых работ на Ясненском ртутном месторождении. Конечно, я очень старался, памятуя о своих впечатлениях на защитах отчётов, где рецензенты буквально «испепеляли» авторов. При составлении проекта большую помощь оказал мне тогда Герман Константинович Мазурин. В то время он был старшим геологом в партии, ведущей разведку на ртутном месторождении. К сожалению 5 декабря 1968 года он погиб при сходе снежной лавины на участке «Верность».

Проектанты, как правило, становились исполнителями, поэтому я вдвойне старался не упустить что-либо для успешного выполнения проектного задания. Хочу подчеркнуть, что в то время авторы проекта составляли все три его части, т.е.: геолого-методическую, производственно-техническую и смету. Наиболее сложным оказалось составление сметы. Оно заняло большую часть времени. Из геологического управления время от времени поступали поправочные коэффициенты к различным видам работ. В связи с этим вся смета пересчитывалась заново. Так было 3-4 раза. Коэффициенты были 4-х, 5-ти и даже 6-тизначными. До сих пор помню один из них 1,26075. Вот такие коэффициенты перекручивались на арифмометрах «Феликс». Кто помнит их, тот знает, как не просто давались расчеты. Лишь много позже в экспедиции создали проектно-сметную группу, которая рассчитывала производственно-техническую часть проекта и смету. Геологи составляли только геолого-методическую часть.

На фото в первом ряду слева Р.Онойко (экономист), рядом Т.Баженова (проектировщик), во втором ряду слева Т.Ляшенко (экономист), далее Л.Эркенова, Н.Шипицына (руководитель проектно-сметной группы).

Мой проектируемый объект, Ясненское рудное поле, входил в Энычаваямскую ртутоносную зону, в которой находились уже известные ртутные месторождения Ляпганай, Нептун, рудопроявления Тавена, Рудное, Удача. Рудные тела представляли собой кварц-карбонатные жилы в дроблённых метасоматически-изменённых песчаниках с очень богатым (до нескольких процентов) содержанием ртути. Основным минералом являлась киноварь. Изученность зон и жил оставалась незначительной. Перспективы наращивания по простиранию были достаточно велики. Кроме того, совершенно не исследованными оставались фланги рудного поля. Все предшественники рассматривали последнее как небольшое месторождение для совместной отработки с Ляпганайским, Нептуновским месторождениями РЭПовским (временно-эксплуатационным предприятием) методом. Целесообразность такой отработки была определена геолого-экономическими расчётами. Именно поэтому проектное задание предусматривало детальное доизучение этого поля. Следует заметить, что за Ясненским рудным полем ходила недобрая слава. Вся площадь рудного поля была в развалах пород с киноварью. Длительное время не удавалось вскрыть их в коренном залегании. Действительно, на геологическом плане показано много магистральных

канал абсолютно пустых. Руководил поисковыми работами некий Груздев, который очень переживал за безрезультативность выработок. После очередной такой выработки он наложил на себя руки и ушёл из жизни. Говорили, что он похоронен где-то вблизи рудного поля. Причина такой смерти осталась тайной. Поговаривали о его личной ответственности за пустые выработки. Не исключено. Ведь ещё у многих были свежи в памяти времена репрессий. Буквально на следующий день вскрыли главную рудную зону. Просто мистика какая-то. Ну, как тут не вспомнить о необходимых жертвах за месторождения.

Так случилось, что поработать на Ясненском рудном поле не довелось. Из управления пришёл приказ свернуть работы по отрасли «ртуть», в том числе и по моему объекту. Объяснили тем, что на мировом рынке резко упали цены на ртуть. Будто бы испанцы выбросили на рынок много дешевой ртути с месторождения Альмаден. Вот так бесславно, наверное, «благодаря» испанцам, закончилась ртутная эпопея Камчатки. А ведь всё шло к тому, что вскоре начнётся её промышленная разработка.

Я не остался без работы. В это время начальник Чалбугчанской партии Карпасов Л. М. перевелся на Колыму, его место занял Сергеев Ю. Н., освободив, таким образом, мне должность геолога. Так образовалась молодая партия в Пенжинской ГРЭ. Самым «старым» оказался Ю.Сергеев. Ему было тогда 26 лет.

Чалбугчанская партия вела геологическую съёмку и поиски масштаба 1:200000 на территории листа Р-58-IV. Южная часть листа была уже заснята в 1966 году. Впереди предстояли еще два полевых сезона. С переходом в эту партию мне очень повезло. Это был район с разнообразным комплексом вулканогенно-осадочных и интрузивных пород. Уже в первый год исследований здесь обнаружили проявления полиметаллов, молибденита и другой минерализации. Ю.Сергеев поручил мне вести поисковые работы, чему я был искренне рад. В первую очередь изучил все имеющиеся материалы и прежде всего промежуточный (тогда это требовалось) отчёт. Кроме того в 60-е годы появилось много новой литературы по геологии вулканогенно-осадочных пород, их классификации и методике составления

совершенно новых (металлогенических) карт. Всё это пришлось детально изучить.

Весь состав партии, кроме Ю.Сергеева, был холостым. Нас не обременяли семейные и хозяйственные дела. Камералка (место, где обрабатывались результаты полевых работ) стала вторым домом, где мы проводили большую часть суток.

В экспедиции было у кого поучиться. Лев Александрович Анкудинов, Анатолий Андреевич Коляда, Виктор Иванович Голяков, Ананий Иванович Поздеев, Валерий Михайлович Ковалев и др. уже в то время считались признанными «листовиками», то есть авторами карт масштаба 1:200000, что до сих пор является престижным в геологической среде. Выражу общую благодарность от имени геологов моего поколения всем нашим учителям.

Среди специалистов, которые прибыли в экспедицию в середине 60-х годов были и те, кто имел солидный опыт работы в других регионах страны. Это Александр Борисович Исаков с супругой Людмилой Александровной. Он начал работу на разведке Малетойваямского месторождения серы, а Людмила Александровна долгие годы работала петрографом. Надо отдать должное, она обучила не один десяток геологов микроскопическому изучению пород.

В тоже время в экспедиции появились чета Турчиновичей – Юрий Сергеевич и Вероника Васильевна. Юрий Сергеевич начал работу начальником Игуновоямской партии масштаба 1:50000, а впоследствии многие годы работал ведущим геологом в геологическом отделе. Пожалуй, он был главным консультантом для всех геологов, занимающихся составлением геологических карт.

На фото слева направо: А.Исаков, Галина Алексеевна (минералог) Л.Кротова-Исакова, В.Турчинович, Ю.Турчинович.

Несмотря на «спартанские» условия жизни геологический персонал в экспедиции оставался практически неизменным. Конечно, не обходилось без «гастролеров». Они иногда появлялись с «материка» для решения своих меркантильных проблем и не задерживались в наших краях. Я иногда задумываюсь над тем, что удерживало большинство из нас для проживания в этих не уютных местах, где не было элементарных удобств? Поначалу казалось причина – повышенная оплата труда за счет северных доплат. И все же пришел к выводу, что деньги не первопричина бытия на севере Камчатки.

Нас привязала к этому району, прежде всего, интересная работа, окружающая красота здешней природы и добрые, теплые взаимоотношения людей.

Осень на р.Пенжина.

Совершенно очевидно, что суровая природа, тяжелые условия труда и быта сплавивали нас. В этом мне приходилось убеждаться в течение многих лет.

Моя более, чем тридцатилетняя работа на севере Камчатки была связана практически с одним и тем же коллективом ИТР и рабочих.

На фото слева направо верхний ряд: С.Рожков, Г.Шипицын, Н.Евглевский, А.Коляда, за ним А.Амелин, Е.Татаржицкий, Л.Ляшенко, Л.Глущенко, нижний ряд Я.Семенов, В.Хворостов, Ш.Гимадеев, А.Лутченко, В.Полунин, О.Ковалишин.

Как грустно, что некоторые из них ушли в мир иной. Вечная им память.

Первореченск перед полем

Предполевой период всегда считался довольно напряжённым. Кроме того, что кому-то необходимо успеть защитить отчёт и сдать его в фонды, а кому-то защитить техническое задание на полевой сезон, возникало множество хозяйственных дел, связанных с получением снаряжения, продуктов и др. Большое внимание уделялось подготовке и заброске весновочных групп, которые готовили базы к полевым работам. От этого в немалой степени зависел успех полевого сезона.

Первореченск был не очень благоустроенным поселком и если перед выездом в поле не выполнить кое-какие хозяйственные работы, то зима может оказаться еще более экстремальной. Это в первую очередь касалось семейных и прежде всего тех, у кого были дети. Надо отдать должное и низко поклониться всем женщинам, оставшимся в посёлке на время полевых работ. Многие хорошо знают, как не просто вести хозяйство в посёлке, особенно когда нет рядом мужского плеча. И они достойно несли свой «крест». У мужской ча-

сти населения посёлка перед полевыми работами была обязанность, от которой зависело тепло в доме. Все дома поселка имели печное отопление. Печи топились углем, но для разжигания его требовались дрова, которые заготавливались на приливно-отливной полосе. Плавника было много. Основная сложность состояла в том, чтобы поднять на берег и доставить его к дому. Следующий этап – распиловка бензопилой «Дружба» или «Дружба-2» на чурки и колка их «на швырок». Последний этап – укладка в штабель. Дело вроде нехитрое, но трудозатратное. Зима холодная и долгая, дров требовалось много. С углём было всё проще: экспедиция обеспечивала всех. Посёлок жил дружно, и дружба была круглосуточной. Тем, кто во время заготовок оказывался на весновке, дрова заготавливали друзья, соседи. Никто не оставался без дров.

Немаловажным этапом считалась рыбалка. В конце мая – начале июня по реке Пенжина на нерест шла корюшка. Слово «ловить» для неё вряд ли правильное. Скорее, её черпали сачками. Она шла буквально стеной. Основное место рыбалки – вблизи аэропорта Каменское. Туда приплывали на моторных лодках, ставили их на берегу под уклон, открывали сливные пробки, сачком загружали корюшку до краёв борта лодки, вода стекала, закрывались сливные пробки, и корюшка доставлялась в посёлок. Этим занималась бригада из добровольцев. Каждая семья гарантированно получала по одному мешку корюшки. Многие посёлки Пенжинского района в это время были увешаны корюшкой. Это небольшая, на вид невзрачная рыбка с запахом свежих огурцов, являлась каким-то символом нашего района. Корюшку любили и ели все, в том числе кошки, собаки и даже олени. Она считалась лакомством. Жареная и вяленая корюшка вспоминается многим до сих пор.

С нерестом корюшки совпадала пора копания огородов и посадки картофеля. Многие семьи имели огороды и получали приличные для наших районов урожаи (не могу не упомянуть, что репа, выращенная в селе Усть-Парень демонстрировалась на ВДНХ г.Москве). Правда, для этого огороды холили и лелеяли, то есть избавлялись от камней, удобряли и т. д. Это тоже требовало существенных физических усилий. Скорее это были насыпные огороды.

В конце 60-х годов благодаря некоторым энтузиастам в поселке появились теплицы. Пионерами их стали В. Карабутов, М. Руфанов. По их примеру буквально через год почти у каждого дома стояла теплица. Многие жители научились получать помидоры, огурцы и другие овощи в приличных объемах. Умудрялись даже излишки консервировать на зиму.

Оригинальную методику выращивания огурцов позже предложил заместитель начальника экспедиции Р. Л. Набатов. По его методике теплица вовсе не требовалась. Он предложил детям собрать бутылки (благо их хватало) и внутрь каждой заложить по ростку огуречной рассады. Солнце светило почти круглые сутки, и огурцы росли довольно быстро. Кое-кому удалось получить хороший урожай. Но в целом методика не прижилась. Родителям не понравилось, что их дети пропадают на помойках в поисках бутылок. Кстати о бутылках. Многие десятки лет пароходами в Пенжинский район завозились тысячи бутылок и банок с различным содержанием. Никогда эта стеклянная тара не вывозилась обратно на материк и не использовалась местной промышленностью. Самое интересное при этом то, что вся стеклотара бесследно ушла в почву. Представьте себе, какой мощный «культурный» слой они образовали на территории района. Аналогичные слои наверняка имеются и в других населенных пунктах Камчатки. Когда-нибудь мы очень удивим потомков этими слоями.

Гусиная охота

Гусиную охоту (особенно весеннюю) всегда ждали с особым трепетом. Она наступает в начале мая, когда пробуждается природа на севере Камчатки. Это трудно передаваемая пора. В течение дня, а иногда и нескольких часов на больших площадях поднимается стланник, и на глазах преобразается рельеф. Оголяются от снега поляны с прошлогодней брусникой, голубикой и шикшой. И всё это на фоне яркого солнца, не заходящего почти круглые сутки. К этому времени у многих охотников возникает нестерпимый зуд. Спешно готовится охотничья амуниция. Извечным вопросом всегда были боеприпасы, т.е. патроны или элементы, их составляющие (порох, дробь). Достав-

ка их из города было делом непростым. И всё же к началу охоты все как-то умудрялись снарядиться. На время охоты брали отпуск без содержания (как минимум на неделю). Кто-то зарабатывал отгулы. И это того стоило. Никакие отпуска с выездом на материк не могли сравниться с тем «кайфом», положительным зарядом эмоций, полученным на гусиной охоте. По разным причинам не всем удавалось вырваться на охоту. Особенно тяжело приходилось болеющим охотой первым руководителям. Общественное око (доброжелатели) зорко следили за ними. Горе было тому начальнику, кто «нечаянно» воспользовался даже попутным вертолётom для поездки на охоту, и кто-то при этом «стуканул». Таким обеспечивалась райкомовская «разборка». Мало кто осознавал, что многим руководителям на северах требовалась психологическая разгрузка такого рода. Их труд был напряженным и по сути круглосуточным. Это я понял на личном опыте, когда стал руководителем экспедиции.

Дорога до угодий - это самая сложная часть охотничьего процесса. В наиболее выгодном положении находились обладатели моторных лодок. Но таковыми были единицы. Огромной удачей считалось попасть на попутный вертолёт, летевший мимо угодий в какую-либо партию. Многие лётчики – страстные охотники и нередко брали охотников сверх загрузки.

Основным охотничьим угодьем в Корякии считается Парапольский дол. Это огромная территория для гнездования перелётных птиц. Именно сюда устремлялись многие охотничьи компании. Более всех завидовали тем, кто работал в круглогодичной Аметистовой партии. Озёра вблизи этой партии считались одними из лучших угодий. В период охоты сюда стремились большие и малые начальники, различного рода инспектора, жаждущие «проверить» правильность ведения геологоразведочных работ. Поводов посетить Аметистовую ГРП находилось много.

Одним из лучших мест для охоты на перелетную дичь вблизи Первореченска, считались Манильские озера. На одном из них базировалась экспедиционная конбаза. Здесь содержались до 120 лошадей. Охота там была отменной. Но вскоре эти озера включили в состав заказника и они стали недоступны для свободной охоты. Рунный ход

гусей в Пенжинском районе приходился на 11-14 мая. Но случались и аномалии. Как-то зима особенно рьяно сопротивлялась и весна существенно задерживалась. Тундра оказалась под толстым слоем снега. Это лишало гусей кормёжки. У посёлка Первореченск на берегу Пенжинской губы лежала большая куча угля. Она хорошо выделялась на фоне белого безмолвия. Вот туда однажды начали буквально сыпаться с неба стаи гусей. Обессиленные, они лежали с распростёртыми крыльями на куче угля и ледовом припае. Аналогичная картина наблюдалась и в соседнем селе Манилы. Совершенно очевидно, что доселе очень осторожные гуси просили помощи у людей. В экспедиции имелся большой запас овса. Наши лошади, конечно, «поделились» своей «пайкой». Более недели жители поселка подкармливали гусей. Некоторые из них стали почти ручными. До вскрытия тундры в районе на гусиную охоту был объявлен мораторий.

Возглавляют перелёт крупные красивые гуси гуменники. Как правило, перед их стаями летят «разведчики». Именно от них зависит безопасность стаи. За ними следуют казарки, пискульки и другие виды гусей. Завершают перелёт разнообразные утки и кулики. Интересно в этот период наблюдать за местными пернатыми (чайками, воронами). Они нередко копируют «гостей», строятся клином и даже пытаются подражать гоготанью. Во время кормёжки гуси на земле выставляют охранников по всему периметру стаи. Они при этом не кормятся, а выполняют строго роль смотрящих. Ружейные выстрелы в период охоты привлекают лис и песцов. Для них это время дармовой добычи. Они первыми находили подранков. Скажу откровенно, нередко ловил себя на мысли о том, что охота на гуся, да и на любую другую живность, занятие не очень эстетичное. Но древние инстинкты, азарт – брали свое.

Ассами по охоте на пернатую дичь в Первореченске считались Иван Слюсарь (председатель охотобщества на общественных началах), Геннадий Никифоров, Виктор Полунин, Борис Сеницын. Особенно удачливым был признан И.Слюсарь. Очень мне нравился этот парень. Он работал в лаборатории, в сугубо женском коллективе. Красивый, крепко сложенный, обязательный, всегда спокойный (именно поэтому хороший стрелок). На мой взгляд, он был образцом

главы семейства. Не было случая, чтобы он не одарил всех работников лаборатории гусем. Для него это была традиция. Именно таким запомнился И.Слюсарь многим жителям Первореченска. К глубокому сожалению, он трагически погиб. Вечная ему память.

Как-то я заметил реакцию гусей, проживающих в загоне у Б. Сеницына (он постоянно держал с десятков диких гусей), на крики пролетающих над посёлком стай. Мне показалось, что гогот невольников слышат пролетающие стаи. Пришла идея записать на магнитофон разговор гусей и попробовать таким способом подманить стаи перелётных гусей. Сумасшедшая, конечно, идея, но мы её испробовали с В. Рыбаковым. Более получаса в загоне Б. Сеницына записывали гоготанье на магнитофон, после чего на резиновой лодке добрались до Нерпушки (это в районе устья р. Таловки). Там устроились в скрадке и запустили магнитофон. Кое-какие стаи, конечно, подворачивали (скорее из любопытства) на магнитофонную запись сородичей, но особого эффекта мы не получили. То ли гуси (невольники) посылали не те сигналы (возможно сигналы тревоги), то ли перелётных настораживали куриные ко-ко-ко? Ведь в загоне с гусями соседствовали куры. Подстрелив несколько гусей традиционным способом, мы вернулись в посёлок.

Е.Дмитриев, Н.Смаровоз, Ш.Гимадеев, В.Сосновский с трофеями

Рассказывая об охоте, не могу не упомянуть Ю. П. Рожкова, начальника Пенжинской ГРЭ. Охота на гуся была его слабостью и страстью. Он был заядлым и азартным охотником. В его доме была небольшая коллекция охотничьих ружей. В середине 60-х годов многие обзавелись пистолетами. С таким ружьём результативность, конечно, увеличивалась. Как-то зимой мы ехали на вездеходе, из-под которого выпорхнула стайка куропаток. Ю. Рожков на ходу пятью выстрелами выбил четыре куропатки. Последние летают «вертляво» и сбить её, к тому же влёт, очень не просто. О его стрельбе по гусям ходили легенды.

Участников охоты в мае было видно издалека. Почти все имели ожоги от солнца на лице. Особенно доставалось выдающимся частям (носам).

Охотничьи трофеи делились поровну, невзирая на удачливость каждого. Не обходили трофеями и тех, кто по уважительной причине не смог принять участия в охоте. Никто в поселке не оставался без гуся. Это была традиция.

Вадим Трифонов

Я всегда подчеркивал, что Первоуренск притягивал оригинальных людей. Вот и сейчас хочу поведать об очень неординарном человеке. Он проработал у нас несколько лет, и, несмотря на это, запомнился многим. Его звали Вадим Трифонов.

Это был парень выше среднего роста, атлетического телосложения, с мужественным лицом, квадратной челюстью и короткой стрижкой. По виду, такой американский мачо. Он обладал большой физической силой и выносливостью. Его возраст был 25-26 лет. Работал старшим техником-геофизиком и дело свое знал хорошо. Жил в общепитии. Немного заикался, из-за этого комплексовал. Скорее всего, именно из-за этого сторонился девушек. Вероятно, по той же причине не сложились тесные дружеские отношения с ребятами, однако был коммуникабельным и обладал хорошим чувством юмора. Несмотря на наши морозы, круглый год ходил в тонкой куртке. Всё свободное время искал для себя физические нагрузки и вскоре про-

славился тем, что буквально выпрашивал у многих в посёлке какую-нибудь физическую работу. Таких работ хватало, особенно в весенний период, когда шла заготовка дров и перекапывание огородов. Конечно, ему были рады, прежде всего, одинокие женщины и «соломенные вдовы». Он охотно помогал всем и делал это с удовольствием, качественно и безвозмездно. Любая помощь и услуга в посёлке оказывалась, конечно, бесплатно, но по традиции считалось долгом угостить хорошим обедом, желательно с вино-водочным субстратом. Всё это Вадим категорически отвергал. Был единственный случай, когда его уговорили пообедать. Это плохо закончилось для хозяйки. Он съел все продовольственные запасы этого дома, включая обед. А съесть он мог очень много. В этом я лично убедился в Москве, где мы случайно встретились (несколько лет спустя) на Новом Арбате.

Прежде, чем поведать о нашей московской встрече, я не могу не рассказать о дне рождения Вадима. В своей жизни я побывал на многих днях рождения, но запомнились только два. Как-то в общежитии, где многие из нас тогда обитали, просочился слух, что у Вадима на днях состоится день рождения. Вскоре этот слух подтвердил сам виновник торжества. По этому случаю, как водится, пригласил всю общагу, где и сам проживал в небольшой комнате. Девчонки тут же вызвались помочь организовать стол, но он отверг помощь. Хотел сделать всё сам. Он оказался неплохим поваром и действительно накрыл (как говорят сейчас) весьма достойную «поляну». Общага долго думала, что подарить? В результате подарком стал роскошный платяной шкаф из фанеры. С мебелью в наших краях всегда было «плохо». Такой шкаф был далеко не в каждом доме Первореченска. Именинник искренне обрадовался такому подарку. В небольшой комнате умудрилась поместиться вся общага. Роль тамады Вадим взял на себя. Об этом позже пожалели все. Тосты во здравие себя, гостей, родителей и т. д. лились из него один за другим, и не выпить за каждый из них было невозможно. Частота возлияний возрастала. Между некоторыми тостами даже «пуля» с трудом проскакивала. Это определило финал праздника. Через 1 час 40 минут все гости и даже очень стойкие ребята оказались либо под столом, либо тихо «расползлись» по своим комнатам. Так закончился самый короткий день рождения в

нашем регионе. Не сомневайтесь, так и было. Все участники этого дня рождения подтвердят правоту моих слов.

А теперь, я расскажу о встрече с Вадимом на Новом Арбате, где встретились совершенно случайно. Чтобы встреча была «не шапочной», я имел неосторожность пригласить его к своим московским друзьям. Договорились о времени встречи. Предварительно Вадим купил ящик (20 бутылок) пива и примерно 10-15 пачек мороженого. Со всем этим явился к моим друзьям. Конечно, сели за стол. Его аппетит заметила хозяйка и ставила в пример нам. Мы с Игорем не отличались таким аппетитом. Напрасно она это сделала. Когда всё, что на столе было съедено, и холодильник опустел, не стало мороженого и пива, он пригласил всех нас в ресторан «Метрополь», считая, что здесь мы перекусили и сейчас должны отпраздновать его возвращение с одного из районов страны. Надо было видеть лица хозяев, особенно хозяйки. С большим трудом уговорили перенести визит в ресторан на ближайшие дни. Но он не состоялся, так как этой ночью Вадим улетал в Читу. А до этого он только что вернулся с БАМа, где в составе десятого мостостроительного отряда строил один из крупных мостов.

Из общения с ним, я понял, что после ухода из нашей экспедиции он поработал на Чукотке. А затем ушел из геологии и занялся очень необычным делом, посвятив ему минимум несколько лет, а возможно и больше. Вначале непросто было понять, чем он занимается. Только спустя некоторое время стало ясно, что он пытается создать некое пособие для выживания человека в экстремальных условиях. Для этого проводит над собой различные опыты в условиях больших физических нагрузок, низких и высоких температур, подземных условиях и, самое интересное, изучает поведение человека в разнообразной психологической среде. Свои первые опыты он начал на Чукотке, где практически уже в зимних условиях доделывал самые далекие маршруты от базы с крайним минимумом продуктов, будучи в летней геологической робе. Его начальник долго не соглашался на такие маршруты, но дал добро, так как план по маршрутам был на грани срыва. В маршруты ходил один, потому что никто не соглашался работать в таких условиях. О своем состоянии вел записи.

После Чукотки он поработал на самых южных рубежах еще той, большой, Родины, в каких-то пустынях и очень жарких краях. А затем для изучения психологического состояния попробовал себя воспитателем в общежитии, рабочим в строящемся метро и многих других местах. Причём намеренно устраивался на рабочие должности. Как оказалось, такие просьбы настораживали работодателей, ведь его послужной список был безукоризненным.

Своими наблюдениями он поделился с Юрием Сенкевичем, ведущим тогда телепередачу «Клуб кинопутешественников». Тот свёл его с институтом в Москве, который занимался выживаемостью

людей (оказывается, и такой был). Вадим предложил себя в качестве подопытного в некоторых экспериментах. Они не согласились, посчитали эти опыты опасными. В институте такие опыты проводят только на мышах и кроликах. А он тем временем настолько научился управлять своим организмом, что мог ввести себя практически в тотальное состояние, а затем вывести себя из него. На БАМе он показывал возможности пребывания человека зимой под водой.

Его карьера на БАМе завершилась после письма в ЦК партии. Как-то по радио отрапортовали о сдаче на БАМе очередного моста в эксплуатацию, приурочив к какой-то дате. А мост к этому времени был не очень достроен, то есть эксплуатировать его нельзя. Такие рапорты в той стране случались. Это возмутило Вадима. И не только это. Он был свидетелем невероятной бесхозяйственности при строительстве БАМа. Огромные дорогостоящие бетонные изделия, конструкции и многое другое на его глазах втапывались в грязь. Об этом, и в том числе о «досрочной» сдаче моста, он подробно написал в письме на 4-5 листах и отправил в ЦК партии на имя Л. И. Брежнева. Пакет с его письмом вернули через месяц без комментариев, а его вежливо

спровадили со стройки.

Вот с этого периода жизни я потерял связь с Вадимом Трифоновым. Надеюсь, что он нашел свою достойную нишу.

Юбилей революции

В 1967 году Великой Октябрьской революции исполнилось 50 лет. По этому случаю всем городам и весям было велено широко отметить юбилейную дату. Власти Пенжинского района решили организовать смотр художественной самодеятельности всех сёл и посёлков. Не забыли и про геологов. Соответствующее распоряжение получил и наш начальник экспедиции Ю. П. Рожков. На «ковер» пригласили А. Б. Исакова - руководителя ансамбля «Лос-Пенжинос» и приказали не «ударить лицом в грязь» перед районным начальством и показать от имени геологов что-нибудь «эдакое», но без политических выкрутасов. Времени на подготовку оставалось крайне мало, но кое-что удалось сотворить. Программу составили с учётом значимости торжества. Пока на вездеходе добирались до райцентра (с. Каменское), а это более 60 км, сочинили еще несколько номеров. К началу смотра получилась очень даже приличная программа. В отличие от других коллективов в нашей программе было не так много патетики, и зрители это громко оценили. Комиссия, воодушевленная зрительским восприятием, без колебаний присудила нам первое место.

На заключительном концерте нам сделали замечание, отметив, что не усмотрели того зажигающего порыва по сравнению с основным выступлением. Им было невдомек, что на основном выступлении настроение приподняли соответствующим субстратом. И, тем не менее, как говорят, победителей не судят. Для своего начальства мы сделали хорошую «галочку» по случаю приближающегося юбилея. Не прошло и нескольких дней, как от руководства района пришла депеша о необходимости нашего участия в областном смотре. Нашему руководству это было не очень желательно, т.к. отвлекало многих ИТР от работы дней на десять. Тогда летали самолеты ЛИ-2, и поездки в город редко обходились десятью днями. Начальник экспедиции Ю.П. Рожков отказал было нашим работникам участвовать в данном ме-

роприятии, но ему тут же указали на политическую близорукость и недопонимание важности события. Спорить с райкомом в те времена было себе во вред. Нашему начальнику пришлось сказать «есть».

Мое участие в этом смотре было определено как обязательное, в связи с тем, что на весь район я оказался единственным, кто мог играть на ударной установке. Я действительно со школьных лет играл на ударной установке, а в студенческие годы даже подрабатывал к своей скромной стипендии в нескольких оркестрах города Казани и считался неплохим ударником. Похваляюсь, что в свое время получил несколько уроков от знаменитого ударника из оркестра Олега Лундстрема. К слову сказать, многие музыканты из этого оркестра после выезда из города Харбин (Китай) «осели» в Казани, в городе, где многие из них когда-то получили музыкальное образование.

Подготовкой к областному смотру занимался Михаил Гандуров. Он тогда руководил домом культуры районного центра с. Каменское. Очень талантливый парень. Он закончил музыкальное училище в Петропавловске-Камчатском и институт народов Севера в Ленинграде. Кроме виртуозного владения баяном, прекрасно рисовал. Его шаржи на Софи Лорен и других знаменитостей публиковались в 70-е годы в центральных журналах страны. Талант его был многогранным. Ему ничего не стоило сочинить небольшую сценку или пьеску. В голове всегда вертелось множество идей. Помнится его сценка, показанная в одном из концертов в селе Каменское. Телефонная связь в районе была всегда плохой. Еще более плохой она была с Первореченском. Связисты всегда ссылались на какую-то муфту, которая намокала, поэтому связь с Речкой (так они называли Первореченск) часто прерывалась. Гандуров решил это дело обыграть. На сцене телефонная будка, к ней подходят люди и говорят на разных языках с Парижем, Берлином, и даже с Америкой. Подходит наш житель и заказывает Первореченск. Ему говорят: «Связи с Речкой пока нет. Ждите». Устав от ожидания, наш житель заказывает Лондон, его тут же соединяют и он просит соединить его с Речкой. Его мгновенно связали с Речкой. Он по телефону напоминает своей жене, что сегодня банный день, чтобы она подготовила сумку с бельем и не забыла положить шампунь и мочалку. После концерта связистов лишили годовой премии.

Связь с Речкой заработала четко, но недолго. Вот такую сценку он сочинил за несколько минут.

Моя задача в нашей программе – шумовое оформление. И для меня это не составило большого труда. Для всех участников смотра приобрели костюмы, а девушкам пошили платья. Коллектив собрался немалый; примерно 40-45 человек, не считая организаторов и контролёров от партии и комсомола. А контролировать было кого. Программа была единая. Номера перетекали от одного к другому, то есть все были взаимосвязаны. Стихи, посвященные юбилею, перемежались с национальными танцами и песнями. Во всём сквозили идеи партии, воспевалась роль вождя в улучшении жизни северных народов. Совершенно серьезно произносились слова о том, что Ленин – коряк, Ленин – чукча, Ленин – ительмен, большой тумгутум Ленин. Все это было хорошо срежиссировано благодаря М.Гандурову. Основными «примами» программы считались Саша Котгинин (из с. Манилы) и Владимир Кичгельхот (из с. Таловки). Оба, несомненно, талантливы: хорошо пели, декламировали, танцевали, замечательно рисовали. Большая часть программы держалась именно на них. Вот этих ребят и приходилось контролировать. Как истинные «примы», они нередко капризничали и срывали репетиции из-за излишнего потребления «огненной воды». За ними лично присматривал второй секретарь райкома партии Пожидаев.

Организаторы смотра встретили нас в аэропорту Елизово. Нам выделили два автобуса и повезли в центральную гостиницу Петропавловска-Камчатского. Рядом со мной сидели две девушки 17-18 лет (из Аянки или Слаутного). Их разговор между собой поразил меня. Оказалось, что они впервые едут в автобусе, удивляются, что совсем не трясёт (они впервые ехали по асфальту). Широко раскрытыми глазами смотрели на многоэтажные здания, а позже и другие блага цивилизации города, которые отсутствовали в их селах. Как несправедливо уже тогда расчленилось общество, и как расширилась эта пропасть сегодня!

Нас поселили в центральной гостинице города. Выступление проходило в Доме Флота. Обратил внимание, что на одной из стен висел большой (более двух метров) портрет Ильича, в лице которого

угадывались черты народов Севера. Многие народности той большой страны, старались вложить свои оттенки в облик вождя.

В конце концов, смотр прошел на высоком уровне. Выступление пенжинцев было успешным. Наши «примы» не подвели.

На этот смотр впервые из Паланы прибыл ансамбль «Мэнго». Тогда он был в ранге художественной самодеятельности и сразу покори́л всех. Здесь же руководители области и округа приняли решение о придании ансамблю статуса профессионального. Из нашего коллектива в этот ансамбль отобрали несколько девушек и ребят. Кстати, девушки Пенжинского района всеми участниками смотра были признаны самыми красивыми.

На следующий день мы улетали домой. Прощальный банкет решили провести в ресторане. Играл оркестр, пела певица. Как оказалось, она была сокурсницей Михаила Гандурова. Чувствовалось, что в оркестре не хватало ритма. Оказалось, что в этот день у ударника был выходной. Михаил сказал певице, что в зале есть ударник, и, если оркестр не против, он может поиграть. Я с большим удовольствием отыграл этот вечер на хорошей ударной установке. Те, кто играет в ресторанах – особая категория музыкантов. Мне и до этого приходилось играть в одном из ресторанов города Казани. И я воочию знаю, что они играют практически любую музыку: от классической до шлягера. Они обладают невероятным чувством ритма, прекрасно импровизируют. При всём при этом каждый из музыкантов виртуозно владеет своим инструментом.

По возвращении с этого смотра в Первореченск, первое, о чём меня спросили, правда ли, что я сильно поиздержался, и пришлось подрабатывать в оркестре ресторана. Я «приколослся» и подтвердил, что жизнь в городе дороговатая. Осталось только удивиться тому, как информация об игре в ресторане могла дойти до Первореченска раньше нашего прибытия туда? Нам тогда повезло. Мы вылетели рано утром и без задержек прибыли в тот же день. Телефонная связь в те годы практически отсутствовала, а слово «интернет» страна еще не знала.

ГЛАВА II. ПЕРВОЕ ЗОЛОТОСЕРЕБРЯНОЕ МЕСТОРОЖДЕНИЕ КАМЧАТКИ

Чалбугчанская партия

Открытие месторождений - явление чаще скоротечное, а вот разведочная его часть, как правило, занимает значительный период. В советское время, по статистике, от начала разведки месторождения до начала его освоения проходило в среднем от 10 до 12 лет. Многие месторождения неоднократно консервировались, бросались геологические поселки, оборудование, материалы. А затем снова возрождалась разведка. Это объяснялось различными причинами. Изменениями конъюнктуры минерального сырья, технико-экономическими условиями, прекращением финансирования и т. д.

Многие годы отраслевые министерства не очень охотно вовлекали в освоение месторождения в восточной Сибири, на Северо-Востоке и Дальнем Востоке. Это было вызвано отсутствием в отдаленных регионах транспортной и другой инфраструктуры. И порой, именно по этой причине многие весьма перспективные месторождения с большими запасами полезного компонента оставались не освоенными. Но думаю, что была и другая причина. Министерских чиновников строго спрашивали за прирост запасов минерального сырья, а его удобнее было делать в европейской части страны, где инфраструктура была достаточно хорошо развита. Скорее всего, по этой причине и произошел столь резкий разрыв в качестве жизни на территории страны до Урала и восточнее последнего.

История Сергеевского золотосеребряного месторождения началась с региональных работ. В составе Пенжинской экспедиции Чалбугчанская партия вела геологическую съемку и поиски масштаба 1: 200000 в пределах листа Р- 58-1V . В 1967 году проводились работы

в средней части листа. С этого года и появились первые сведения о рудном золоте на этой территории.

Это был мой второй полевой сезон на Камчатке. База партии стояла, пожалуй, в самой живописной части Ичигемского хребта. Палатки располагались на берегу небольшого озера. У выхода каждой из них были мостки для ныряния в озеро. Чуть ниже цепь сообщающихся озер длиной до 2 км, которые питались из ледника. Все завершал огромный «цирк» с вертикальными стенами. Озера изобиловали хариусами, гольцами и другими видами рыб. В партии была оркестровая труба, по сигналу которой происходил подъем. Это была самая молодая партия в экспедиции. В наших «попах» еще играла «пионерская зорька». На нижних озерах мы еще с удовольствием играли в «Варяга». Однажды зашел разговор о том, как из обычного ружья сделать обрез. Об этой методике давно ходили разные байки. Знатоки утверждали, что если опустить ствол ружья в воду и в таком положении выстрелить, то ствол обрезается как ножом. При этом отрезается ровно столько, насколько погружен ствол в воду. Прав М.Задорнов. У нас пылливый ум. Решили проверить так ли это.. Нашли подходящее ружье. Все сделали, как прописано. Эксперимент развеял легенду о таком изготовлении обреза. Ствол ружья после выстрела раздуло, а передняя часть напоминала узкие лепестки цветка.

Гораздо успешнее прошли испытания рамки. В 60-х годах в журнале «Знание сила» появилась статья о биолокации, где говорилось о том, как с помощью металлической рамки можно определять границы нарушенных зон, жил в земной коре. Метод оказался достаточно эффективным и позже его успешно применяли при заложении горных выработок в одной из разведочных партий. Для успешной работы с рамкой требовалась особая энергетика. Во всей экспедиции таким даром более всего обладала геолог Людмила Безрукова.

В предполевой период я ознакомился с геологией нового для меня района и особенно тщательно с различного рода проявлениями полезных ископаемых. К этому обязывала моя должность геолога поискового отряда. Отныне я отвечал за все поисковые работы в партии. Разнообразный комплекс вулканогенно-интрузивных пород на территории сопровождался многочисленными зонами гидро-

термально-измененных пород с рудной минерализацией. Это были породы, слагающие Пенжинский сектор Охотско - Чукотского вулканогенного пояса. В полевой сезон было выделено несколько участков с кварцевыми жилами и зонами измененных пород с сульфидной минерализацией. Они опробовались штучными, бороздовыми и др. пробами. Рыхлые отложения в долинах водотоков вскрывались расчистками с последующей промывкой на предмет выявления их золотоносности. Всеми видами опробования занимались студенты-практиканты из различных вузов страны. Среди них была моя будущая жена Людмила, прибывшая по моему вызову из Казанского университета. Впоследствии она немало сделала на поисковой станции Сергеевского месторождения.

Полевой сезон уже практически заканчивался. В одном из моих последних маршрутов были найдены довольно обширные развалы кварцевых жил. Из них отобрал несколько штучных проб. На первый взгляд кварц не представлял какого-либо интереса. На вид белый, безрудный. Вот, только рисунок его необычен. В его строении наблюдались полосчатые, концентрически-зональные, каркасные текстуры, местами отмечались полосы аметиста.

Была уже глубокая осень и все отряды возвращались на центральную базу. На базе подтянули кое-какие камеральные работы по составлению геологической карты, обработке рыхлых металлометрических проб, дроблению штучных проб-протолок. Дробление проб было трудоемким занятием. Проба дробилась в чугунной ступе тяжелым пестиком. Дробленая масса пропусклась через сито в 1 мм, а затем одна часть отправлялась на различные виды анализов, а вторая промывалась в лотке, и получаемый шлик изучался под бинокуляром, то есть проводился минералогический анализ. Метод дробления был «дедовский», но эффективный. В полевых условиях можно было оперативно получить данные о минеральном составе. Результаты первых промытых проб-протолок, отобранных из вышеупомянутых кварцевых развалов, под бинокуляром показали мелкие зерна золота. Это была, несомненно, удача. Очень хотелось вернуться на эти развалы кварца, попытаться проследить их по простиранию, более детально опробовать, но, увы, вот-вот ожидалась «белые мухи»

- то есть в ближайшие дни мог лечь снег. А до этих развалов от базы около 35-40 км. Вскоре за нами пришел вертолет, который вывез нас на базу экспедиции, в пос. Первореченск. Вылетая с нашей полевой базы, я уговорил пилотов подсесть к развалам кварцевых жил и мы смогли отобрать еще несколько штучных проб, в которых впоследствии также подтвердилось наличие золота. Мы с нетерпением ждали результатов пробирного анализа из города (лаборатория была в Петропавловске-Камчатском). Во всех пробах обнаружилось золото от 3-5 г/т до 100 г/т. Радость, конечно, переполняла нас. Следующий полевой сезон ждали как никогда.

В 1968 году предстоял третий и завершающий полевой сезон на листе Р-58-1V. Никто из нас не думал и не представлял, какие у нас впереди испытания и потери.

К полевому сезону мы подготовились основательно. Промежуточный отчет (тогда составлялись и такие) мы защитили быстро. Довольно много времени осталось на предполевую подготовку. Мы были молоды. Энергия была через край. Почти весь состав ИТР был холостым. Домашних забот почти не было. Все время отдавалось работе. Не было телевидения, поэтому после ужина все собирались в камералке. Это было время, когда многие из нас стремились внедрить в работе какие-то новые методики при геологических исследованиях. В экспедиции были два заочных аспиранта. Один из них Юрий Сергеев, второй Леонид Шевырев. Оба выпускники Воронежского университета. Почти все геологи выписывали специальную литературу, журналы, следили за новыми методиками. У каждого были свои интересы. Кто-то увлекался стратиграфией, кто-то геоморфологией. Меня в геологии всегда больше интересовали методы поисков. Вот и в этой предполевой подготовке решил сосредоточиться на построениях различных карт по выделению ослабленных зон, в которых, как правило, концентрируется рудная минерализация. На северную часть листа был составлен целый комплекс карт. Большая часть из них основана на статистической обработке имеющихся карт (геологических, аэромагнитных аномалий, гравитики и др.), топографических основ. Методика построения таких карт была очень простой. Любая карта разбивалась на квадраты и с помощью палетки считывались

все линии, попадающие в площадь палетки, причем не только линии, но и другая имеющаяся полезная информация (проявления, геохимические и геофизические аномалии, шлиховые пробы с полезными компонентами, их ореолы и др.). Очень тщательно готовилась карта мегатрещиноватости. Думаю, что эта карта сыграла основную роль в выделении зон повышенной трещиноватости. Она была построена на топооснове масштаба 1:100000. Впоследствии, на основе выделенных здесь зон повышенной трещиноватости, были сделаны более подробные участки этих зон на аэрофотоснимках. Это конкретизировало площади наиболее перспективных зон. Карты составлялись на прозрачной кальке, что позволило наложить все построенные схемы и получить единую карту с аномально высокими изолиниями, отражающими самые ослабленные участки. Таковых оказались три. При их заверке были установлены различные по качеству проявления золота и других минералов. Наиболее ослабленной оказалась площадь в районе правобережья р. Кубавеем. Именно здесь впоследствии были установлены более 100 кварцевых жил, отдельные из которых стали объектом предварительной разведки.

Между тем приближалась весна. В некоторых партиях весновочные группы уже были в поле. Многие геологи завидовали тем, кто уже в поле. Их задача подготовить базу партии, установить палатки, построить склады, баню и т.д. В это время еще много снега, но достаточно тепло, много солнца.

В календаре 1968 года так сложилось, что на майские праздники получилось 5 или 6 выходных дней. Провести все выходные в застолье посчитали тяжелым и трудным занятием. Наш начальник Юрий Сергеев предложил прогуляться куда-нибудь на лыжах. В это время зашел в камералку Игорь Сазанский, геолог из соседней партии. Услышав о нашей прогулке на лыжах, тут же предложил сходить к кому-нибудь на весновку. Начали дальше развивать эту мысль. Ю. Сергеев вспомнил, что на днях в журнале прочитал, как чукчи из снега строят иглу, такое снежное сооружение для жилья. Было бы здорово попробовать его построить. Мысль поддержали. Через несколько минут к идее примкнул геолог Александр Кравцев. Осталось выбрать куда идти. Самым лучшим вариантом оказалась весновочная груп-

па Лево-Окланской партии. Она базировалась примерно в 110 км от Первореченска. Старший на весновке был Николай Макаренко. Это был очень опытный техник - геолог, который провел не одну весновку и построил не одну базу. Сходили на центральную радиостанцию, где узнали, что с этой весновочной группой давно нет связи. На последнем сеансе они просили что-то для пилы «Дружба». Впереди праздник 1 Мая, нет связи, нужны запчасти. В общем, поводов сходить на эту базу больше, чем достаточно. Опять же, надо проверить, как строится зимнее чукотское убежище по имени иглу. Но самое главное, зачем собрались - это посмотреть, как у Коли Макаренко отвиснет челюсть, когда мы придем к нему на базу. Быстро нашли необходимые запчасти для бензопилы, собрали посылки от жен и друзей для весновочной группы и на следующий день Ю.Сергеев, И.Сазанский, А.Кравцев и я двинулись на лыжах в сторону Лево-Окланской базы.

*Справа налево: Игорь Сазанский, Александр Кравцев,
Юрий Сергеев и я.*

Впереди 110 км пути. Решили идти с одной ночевкой. Пройти половину пути, переночевать в чукотской игле и на второй день добраться до базы. На всякий случай взяли два спальных мешка. В них

вполне могли уместиться по 2 человека. С нами увязались две собаки, о чем они, наверняка, пожалели. Одна из них спаниель Жулька, вторая – овчаристая - Рекс. Погода была, как говорят авиаторы, миллион на миллион. В переводе - просто классная.

Первую половину пути прошли быстро. Остановились на ночевку и начали строить иглу. Для строительства нужны прямоугольные кубы спрессованного снега, Для этого мы взяли ножовку. Кубов нарезали быстро и много, но поднять строение выше одного метра так и не смогли. Пришли к выводу, что для этого надо быть чукчей. Наскоро поужинали, расстелили лыжи, забрались по двое в спальники, укрылись собаками и заснули. По-моему, первыми заснули собаки. Наверняка, они прокляли тот день и час, когда увязались с нами. А мы ведь их прогоняли. Конечно, им было очень тяжело. Они хотя и шли по нашей лыжне, но наст их не держал. К концу дня они выбились из сил, особенно Жулька. У нее между лап постоянно нарастал лед, и надо было его обгрызать. Именно поэтому первыми захрапели собаки. Утром проснулись в тумане, но день обещал быть солнечным. Позавтракали плотно. Впереди около 50 км. Начали собирать рюкзаки, и тут выяснилось, что в наших рядах кое-кто дрогнул. Ю.Сергеев начал издали вести разговор о целесообразности дальнейшего пути и заявил, что не прочь вернуться обратно. Дескать, и собак жалко. Все остальные были полны решимости посмотреть, как же все-таки отвиснет челюсть у Коли Макаренко. Наше путешествие продолжилось втроем. Больше всех обрадовались собаки. Их лица буквально сияли, хвосты писали восьмерки. Они уходили по лыжне Ю.Сергеева в Первореченск. При этом время от времени оглядывались на нас. Ну, а мы пошли к своей цели. Чтобы было легче идти, спальные мешки решили оставить и воспользоваться ими на обратном пути. Мы были в полной уверенности, что оставшиеся 50 км пройдем легко. Но все оказалось иначе. Вторая часть пути оказалась сложнее. Снег был рыхлым, и лыжи проваливались. Скорость значительно упала. Но это, как оказалось, не самая сложная напасть. Выяснилось, что точного местонахождения базы из нас не знал никто. При заброске весночной группы на одном из рейсов на вертолете летал Игорь Сазанский. Еще в начале нашего путешествия он гарантировал, что мы запросто

найдем базу. Якобы она стоит у подножья горбатой пологой горы. Карту, конечно не взяли. И это было нашим главным проколом. И вот, не доходя примерно 7-10 км, мы начали присматриваться к горам. Увы, никаких горбатых гор впереди не наблюдалось. А тем временем вечерело и морозец, как назло, крепчал. Впереди появилась черная полоска леса. Вот туда мы и устремились в надежде разжечь костер, отогреться и обсудить, что делать дальше. Несомненно, что база была где-то рядом. Но мороз крепчал, опустились сумерки. Ночной темноты не было (ведь уже был почти май), а вокруг джекклондоновское белое безмолвие. Решили остановиться и разжечь костер. Вся полоса леса состояла из гнилой березы. Никогда не думал, что гнилая береза практически не горит. Пламени, практически нет, один дым и мы потихоньку начали подмерзать. Как мы вспоминали про наши оставленные спальники!!! Почти всю ночь пропрыгали у псевдо костра в лыжных ботинках.

Чуть рассвело, и я решил поискать базу, а ребята остались у костра. Ноги коченели, и стоять без движения становилось опасно. Действительно, через 5-6 км появились контуры палаток. Весновщики, конечно, еще спали. Решил изобразить оленевода, который подъехал к базе на нартах. Так и сделал. Стал ждать, когда выйдет Коля Макаренко и покажет то, зачем мы проделали такой путь. Вскоре он действительно вышел, и я получил истинное удовольствие от его отвисшей челюсти. Вот ради этого действительно стоило пройти столько км. Так нам казалось тогда. После того как челюсть встала на место, на лице у Коли появился испуг. Первое, что он сказал: что случилось? Он был уверен, произошло что-то страшное. Ведь они жили в полном отрыве. Связи нет, приемника тоже. Он спросил, откуда я. Он долго не верил, что я из Первореченска. Когда я сказал, что сейчас приедут Сазанский Игорь и Саша Кравцев, он был сбит с толку окончательно. Через 2-3 минуты вышли остальные весновщики, которые тоже были напуганы. Минут через 30-40 подошли еще два участника, весновщики начали приходить в себя. Мы привезли подарки от жен и друзей, конечно письма, а главное праздничный груз (так называли спиртные напитки). Встреча завершилась застольем.

Во второй половине дня у нас возникли проблемы. Во время на-

шей холодной ночевки у Александра Кравцева и Игоря Сазанского подморозились ноги. Если у первого слегка, то у Игоря весьма серьезно. Лыжный ботинок одеть уже не мог. Нога влезала только в валенок. Об обратной дороге речь уже не шла. А уходить надо на следующий день, т.к. через два дня мы должны быть на работе. С базы уходили ранним утром. Провожать вышли все. Некоторые весновщики считали нас не очень нормальными. Ну, кто бы в выходные дни отправился в такую даль. Вот, уж воистину, дурная голова ногам покоя не дает. Но мы были молоды в то время, бесшабашные. День обещал быть хорошим. Так оно и случилось. Солнце хотя и не грело, но светило ярко. До своих спальных мешков дошли без особых проблем. Местами лыжня сохранилась, и мы до сумерек были на месте. Забрались в спальные мешки рано. Хорошо выспались. Все, казалось, складывалось нормально. Я заметил, что Александр трет глаза и чертыхается. Вчера во время перехода он шел без очков и на ярком снегу «пожег» глаза. Такое часто бывает, когда много снега и очень активное солнце. Дорога наша усложнилась. Сделали повязку на глаза, и теперь он мог идти за мной по лыжне только на ощупь. На отдельных участках шли в связке. Несмотря на это около 30 км до перевала шли ходко. Проблемы начались с перевала вниз до Первореченска. Фирновый снег слегка подогрело солнце, и лыжи скользили неудержимо. Кроме этого вдоль долины было немало деревьев. В другом случае мы получили бы только удовольствие от такого скольжения, но один из нас, по сути, был слепой. Вопреки всему до Первореченска добрались живыми.

Общага еще продолжала праздновать 1 мая. Нас быстро включили в общее торжество, подогнали к общему уровню настроения, то есть заставили принять несколько штрафных за дни отсутствия. Мы не сопротивлялись. Через 1-2 часа, под песнопения наших коллег и песни Владимира Высоцкого, спали на своих кроватях. Тогда мы еще не знали, как будем объяснять начальнику экспедиции Ю.П. Рожкову отсутствие старшего геолога Игоря Сазанского. Дело в том, что он был одним из основных авторов отчета, являлся рецензентом другого отчета, а время поджимало. Нужно еще подготовиться к полевым работам. Наш начальник обо всем, конечно, знал. В своем кабинете

весь запал негодования он выпустил в нас. Пригрозил, что вертолет, который, возможно, полетит за Игорем, придется ему оплатить. Все понимали, что других вариантов вывоза нет. Но мы знали и другое, каких-то крутых репрессивных мер, конечно, не будет. Рожков Ю.П. был отходчивым, хорошо понимал молодежь и сурово никого не наказывал, хотя иногда и было за что. Обошлось и в этот раз. Завернули какой-то проходящий вертолет, который и вывез Игоря. Правда, просидел он с весновщиками больше 2-х недель. Вот так закончился наш первомайский поход к весновщикам.

Приближалась весна. Полевые партии начали готовиться к перегону лошадей. В экспедиции была своя конебаза. Она находилась на противоположном берегу реки Пенжина. На базе содержались 120 лошадей. Лето и осень они работали в полевых партиях, а поближе к зиме перегонялись на свою базу. Это были неприхотливые, якутской породы, лошади. Они не боялись морозов, зимой копытили себе корм, но ежедневно получали свою пайку овса. В эти годы техники в партиях не было, поэтому все грузы перевозились на вьючных лошадях. Многое зависело от каюра. Ценились те, кто не только хорошо управлялся с лошадьми, но и ориентировался на местности, умел читать карту.

Лошади - умнейшие животные. Они сразу чувствовали, с кем имеют дело. Бывали случаи, когда завьюченный караван уходил с базы или лагеря, целый день шел, а в итоге возвращался, к удивлению каюра, в ту же точку, откуда вышли. Надо же, шли, шли и опять сюда пришли - восклицал каюр, плохо ориентирующийся на местности.

Будучи когда-то на практике, на Колыме, я убедился в способностях лошадей. В партии закапризничал каюр и отказался работать. Полевой сезон заканчивался. Почти все отряды были на базе, кроме одного. Это был небольшой отряд горняков, которые уже несколько дней сидели без продуктов в 40 км от базы. Начальником партии был Валентин Егоров, выпускник нашего Казанского университета. Наверное, он заметил, что я достаточно уверенно обращался с лошадьми и попросил доставить горнякам продукты. Их было не так много. Все уместилось на одну лошадь. На вторую лошадь бросил кавалерийское седло и рано утром выехал. Так как я в этом отряде не был,

выдали карту с указанием лагеря отряда.

До сих пор удивляюсь начальнику той партии, как он мог так рисковать, отправляя студента в такой поход. Будучи сам много лет начальником партии я никогда бы не рискнул отправить одного студента в такой вояж. Пока все шло хорошо. Лошади были справные, шли ходко. Когда прошли большую часть пути, погода стала портиться. Начался снег, усилился ветер, сгустились сумерки, видимость уменьшилась, а вскоре пропала совсем. Я начал замерзать в седле. До лагеря горняков было по расчетам 5-7 км. Началась настоящая пурга. Видимость нулевая. Решил, что единственный выход - это вернуться обратно по своим следам. Начал разворачивать лошадь, но она вырвала поводья и решительно двинулась дальше. Я понял ее, отпустил поводья, вцепился в седло и очень боялся выпасть из седла. Но моя лошадь, а ее звали Майка (конь с грузом - по кличке Иртыш) очень осторожно везла меня. Перед самым лагерем, судя по карте, была переправа через реку Аркагала. Это довольно крупная река шириной примерно 20-25 м. Где-то на противоположном берегу был лагерь горняков. Я не знал, как лошадь ориентировалась в той кромешной тьме, но она спустилась с террасы высотой не менее 8-10 м, перешла русло реки (по реке уже шла шуга) и выбралась на противоположный берег. Моей радости не было предела, когда увидел огонек. Это были палатки горняков. А пурга в это время была уже настоящая.

Когда из палатки вышли горняки и увидели нас, они были изумлены. Они не верили своим глазам. В свой адрес тогда услышал много лестных слов от бывалых колымских работяг. Конечно, это было приятно. Связи с отрядом не было. Мы были неожиданным подарком. Иртыша быстро разгрузили. Обоих лошадей накрыли брезентами. Каждой лошади выдали по буханке хлеба, а мне срочно налили стакан водки и уложили в спальный мешок. Только на следующее утро горняки рассказали мне, почему я не замерз, то есть не погиб. Оказывается лошадь Майка, на которой я ехал, в начале полевого сезона была в этом отряде и привезла меня по своим следам. Отношение к лошадям у меня всегда было трепетное, но после этого перехода оно стало еще сильнее. Ведь они мне спасли жизнь.

Весна в 1968 году пришла рано. Солнца было много, снег таял бы-

стро. Приближался праздник Победы. Наша ледовая арена изрядно подтаяла. Несмотря на это решили сыграть последний матч сезона.

Команда «Радикулит»

День игры в хоккей всегда был праздником в поселке. Почти, все жители на катке. Страсти накалялись серьезные. Среди болельщиков было немало женщин. Среди них особенно рьяно болела бухгалтер Василиса Фадеевна. Она неоднократно признавалась лучшим болельщиком сезона и премировалась, как правило, теплым нижним бельем китайского производства «Дружба». Ледовая арена не отапливалась, и такое белье было очень кстати. Не помню, как закончился матч между Радикулитом и Ревматиком, так назывались наши команды, но все получили удовольствие. Самое интересное состоялось после матча. По случаю ДНЯ ПОБЕДЫ провели рыцарский бой на льду катка. Бой посвятили нашему главному бухгалтеру. К своему стыду не помню ее имени, только помню, что это была очень яркая красивая женщина, к тому же оказалась ветераном войны, она была летчицей. Сценарий боя был такой. Два рыцаря скакали на своих конях навстречу друг другу. Коней изображали люди. На головах маски, изображающие конские головы. У рыцарей в руках копыя, на конце которых привязано по валенку, чтобы не проткнуть противника насквозь. В другой руке щиты, за щитом кинжалы. По правилам боя надо выбить противника копьём из седла. Все это происходит на льду. Кони не подкованы, в ботинках. Решили, что так будет прикольно-

нее. Рыцарей двое. Первый - Анатолий Андреевич Коляда. Его конем были Лев Александрович Анкудинов и Володя Прокофьев (кстати, сын начальника ГКЗ СССР). Вторым рыцарем был я. Моим конем были Виктор Грецкий и Валера Ковалев. Мой конь выглядел роскошным. Седло было из стула, к которому прибили два бруска, а поверх стула положили красочный настоящий ковер. Вот, в таком седле и восседал я. Бой был скоротечным. Лошади немного поскользили и очень картинно упали на лед вместе с рыцарями.

Рыцарь идет в бой

Победа! Соперник повержен

Наша принцесса (бухгалтер) была в восторге от представления в ее честь. Очень жаль, что она недолго проработала у нас и уехала в другой регион. Надеюсь, что она на всю жизнь запомнила этот рыцарский бой.

Между тем, праздник сменился буднями. С конебазы перевезли лошадей на наш берег. Они слонялись по поселку в ожидании своих походов. А вот их каюры, по традиции, ушли в глубокий «штопор». Лошади в это время осваивали наши помойки. На весенних помойках Первореченска они находили для себя много интересного. Нередко можно было видеть лошадей, на копытах которых одеты консервные банки. Снять их сами не могут, вот и ходят, стуча по нашим деревянным мостовым. У каждой партии была своя связка лошадей. Старались брать одних и тех же. Знание характера каждой из лошадей было важно. Среди них были спокойные, флегматичные, шаловливые, вредные, вороватые, пакостники и очень хитрые. Самые глав-

ные хлопоты доставляли те, кто ночами уводил весь табун, иногда на многие километры. Как правило, это были кобылы. За ними нужен особый досмотр. Одна такая лошадь могла разрушить, почти все планы полевых работ. Были и такие, которые во время перегона пропадали, а осенью, когда все возвращались на конебазу, возникали на тропе, при этом, очень даже ухоженные. Это были из категории супер хитрых.

Каждый год в связках появлялись малолетки. Это те, кому стукнуло три года. Их надо учить ходить под вьюками. Методы обучения простые. Первое привыкание к седлу, а затем вьюки с грузом. Обучение проходит быстро, особенно у опытных каюров. Их методы не назовешь гуманными. Что делать, такова лошадиная доля. Вспоминаю, как мы обучали молодую кобылу по кличке Погодка. Она спокойно дала себя завьючить и прошла под вьюками свой первый маршрут. А вот наутро пришел каюр и сказал, что Погодка заболела. Действительно, как только на нее надевали вьючное седло, она закатывала глаза, причем делала это очень картинно, подкашивала ноги и имитировала падение. Увидев это, груз перераспределили на других лошадях, а ее отпустили. Буквально тут же стало ясно, что это была симуляция. На следующее утро она проделала тот же номер, который уже не прошел. Каюр провел с ней соответствующую терапию, и она включилась в свою трудовую жизнь.

Годы, когда геологи работали на лошадях, считаю интересными, романтическими. К лошадям привыкали, их любили и баловали сладостями. На территориях работ было много безымянных ручьев. Думаю, что клички всех лошадей конебазы увековечены на геологических картах, планах участков. Доля их труда в нашем деле не малая. Не все лошади проживали свой век. Судьба некоторых заканчивалась трагически. Они погибали на водных переправах, срывались с крутых обрывов. Во время перегона, некоторые рожали и жеребята не выдерживали дороги, уходили под лед на переправах, и это видеть было очень горько. Я с детства люблю лошадей. В полевых работах было много эпизодов, связанных с этими красивыми и умными животными. О некоторых ярких моментах я еще расскажу.

И вот издан приказ начальника экспедиции Рожкова Ю.П. о нача-

ле перегона лошадей в сторону Окланской культбазы. Это было связано с тем, что много лошадей бесхозно бродило по поселку, а каюров никак не могли вывести из «штопора». Многие из этих лошадей, так или иначе, должны идти на север мимо Окланской культбазы. Эта база стояла на берегу р. Оклан. Здесь было несколько строений барачного типа, в которых оленеводы хранили свой скарб, иногда показывали фильмы. Здесь же была довольно приличная по тем временам библиотека. Вот на эту базу и планировалось перегнать лошадей и привести там в чувство каюров. Тем более что на этой базе уже была чья-то весновочная группа. После открытия перевалов они продолжают перегоны на свои полевые базы. По мере готовности все группы вышли в разное время, с перерывом 3-5 дней. Наша группа вышла первой и была, наверное, самой многочисленной. Кроме двух каюров и меня в состав перегонщиков вошел некий Миша. Его посоветовал взять на перегон Юрий Сергеев. Они были приятелями еще по Воронежу. Позже выяснилось, что это фотокорреспондент Воронежского хора, того самого, знаменитого. Он выпросил у Сергеева вызов на Камчатку и решил познать изнутри геологическую романтику. Основным каюром у нас был Алексей Дерюганов. Это был опытный каюр. Второй каюр Гена с лошадьми никогда не работал, пообещал, что всему обучится по ходу работ. Другого выбора не было. Желающих на это место трудно найти. Вот таким составом плюс 8 лошадей вышли из Первореченска. Моя задача была довести лошадей до Окланской культбазы, а самому вернуться в Первореченск. Для этого у Славы Семенова (начальника соседней партии) попросил коня. На нем я должен был вернуться. Зная, что впереди есть водные преграды, взяли резиновую лодку. Впереди 60-65 км. Это не очень много, поэтому рассчитывал дойти за два дня. Продуктов взяли из того же расчета. Вот в этом была главная ошибка. Ведь знали же, идешь на один день - продуктов бери на неделю. В самый последний момент подошел Сергеев и вручил свой пистолет. На всякий случай, хотя для этого у нас был карабин. До Первореченского перевала (23 км) прошли без особых осложнений. Мы двигались по южной экспозиции склона и снежный покров почти весь стаял. Но, когда поднялись на перевал, то увидели сплошное белое безмолвие. Встал вопрос о том, что пробиться по

этим снегам будет не просто. Внутренний голос подсказывал, что надо бы вернуться и переждать, а другой голос не одобрял это. Вроде простое дело, а не смог выполнить. Вот этот голос переборол. Решили попробовать. Кое-где наст держал и можно было нормально двигаться, но местами попадались участки, где проваливались до 50-70 см. Из 8 лошадей две шли практически пустыми. Мы двигались, но медленно. Пока радовала только погода. Много солнца и довольно тепло. Ночь провели на снегу. Рано утром решили двигаться дальше. Погода начала меняться. Мелкий дождь сменялся мокрым снегом. Твердый наст разрыхлило. Лошади вязли в глубоком снегу. Продвинулись не более чем на 8-10 км. Застряли окончательно. Как назло, погода только ухудшалась. До реки Оклан ни кустика. Ситуация складывалась критическая. Вырыли котлован, установили 2-х местную палатку. Перспективы быстро вырваться из снежного плена практически не осталось. Лошади стояли почти по грудь в снегу. Пришлось ввести жесткий лимит на оставшиеся продукты. Погода окончательно испортилась. Через день продукты были съедены все. Каюры погрузнели, а для Миши началась та самая романтическая часть в геологии. Делать было нечего, поэтому начали рассказывать всякие истории из жизни каждого. Каюр Дерюганов имел неосторожность рассказать кое-что из бывшей лагерной жизни. Это впечатлило Мишу и он на полном серьезе стал побаиваться Дерюганова. В моем рюкзаке валялся пистолет, который мне дал Сергеев. Миша начал упорно прятать его, боясь, что Дерюганов завладеет им. Конечно, это были бредовые мысли, но переубедить его я не смог. В итоге он спрятал его у себя за пазухой. Вот так 3 дня мы провели в ожидании погоды среди снегов и лошадиных ног. На 4-й день появились кое-какие просветы, улучшилась видимость. Оглядевшись, мы увидели, что стоим на левом берегу ручья, который впадает в р. Лиланто, а она, в свою очередь, впадает в р. Оклан. У устья последнего и находилась культбаза. По расчетам до нее около 20 км. Но нас разделяли еще глубокие снега. А вот ручей начал оживать и даже по-весеннему журчать. Ширина ручья вниз по течению увеличивалась и метров через 400-500 в нём вполне могла уместиться резиновая лодка. Там, наверху, кто-то сжался над нами. Быстро накачали лодку, собрали свой скарб, погру-

зались и поплыли. Вначале было очень тесно, но со временем ручей расширился и довольно бодро понес вниз. Появилось солнце, и настроение наше улучшилось. Напрасно мы тогда расслабились. На одном из крутых поворотов лодку развернуло и она кормой врезалась в снежный тоннель. Сидевший на корме каюр Гена выпал из лодки и его пронесло по тоннелю 5-7 метров. Все произошло мгновенно. Ручей в этом месте неглубокий и Гена быстро выбрался на берег. Дерюганов зацепился за лодку и пытался выбраться. Лодку заклинило. Диаметр тоннеля был меньше ширины лодки. Дерюганов самостоятельно выбраться не мог, т.к. большая часть его тела находилась в тоннеле. Общими усилиями вытащили Дерюганова, а затем и лодку. Выбрались на берег. К нашему счастью, рядом оказалась коряжская стоянка. Оленеводы никогда не уходят со стоянки, не оставив дрова. Так было и тогда. Быстро развели костер. Обсушились. Установили потери: унесло рюкзак с затвором от карабина и охотничьим ножом. Пистолет сохранился благодаря Мише. Он был у него за пазухой. До базы оставалось примерно 10 км. На лодке ходу не более 2-х часов. После такого шока команда категорически отказалась плыть на лодке. Никакие уговоры не подействовали. На берегу ручья стояло одинокое дерево. На нем залабазировали лодку. Оставалось идти пешком. Снега значительно поубавилось, но остались еще большие поля, чередующиеся с оттаявшей тундрой. Идти было трудно, особенно по снежным полям. О еде старались не вспоминать. Каждый из нас мог с уверенностью сказать теперь, что без еды может прожить 4 дня. Только к вечеру добрались до устья р. Лиланто. От устья до базы 2 км, считай, что пришли. Но, увы. Река Лиланто это не какой-то ручей. В районе устья она разлилась на 6 рукавов. Часть из них перешли без особых усилий. Особенно тяжело пришлось преодолеть последний рукав. Пытались валить деревья, сделать завал и по нему перейти. Все усилия были тщетны. Тополя макушками цеплялись за противоположный берег и их течением уносило. Мы сидели на острове, который с минуты на минуты могло затопить. На одной из попыток удалось буквально выбросить Дерюганова на противоположный берег. До базы было около 2 км. Пришли весновщики с лодкой и едой. Наконец и мы были на нужном берегу. Открыли пару ба-

нок консервов, почаевали. Как ни странно, есть не очень хотелось. На базе была радиостанция. Передали свою информацию о прибытии. Объяснили ситуацию с лошадьми. На следующее утро прилетел вертолет, привез продукты, а главное овес для лошадей. Когда мы приземлились на свою стоянку, где оставили лошадей, картина была ужасной. Лошади истощены. На вьючных седлах местами съедены кожаные ремни. У одной кобылы отсутствовала большая часть хвоста. Их печальные глаза рассматривали нас с укоризною. До сих пор не могу простить себе этот перегон. Выйди мы на неделю позже всего этого бы не случилось. Из вертолета выгрузили овес. Его оказалось 10-12 мешков. Я подумал, вот обрадуются лошади, но они не проявили к нему никакого интереса. Тогда впервые узнал, что у изголодавшихся лошадей суживаются желудки настолько, что они не могут есть. Оказывается их надо раскармливать. В тазик с подсоленной водой засыпают овес, выдерживают некоторое время и постепенно мелкими порциями дают. К вечеру все лошади пришли в себя. Появилась другая проблема. Они начали агрессивно нападать на мешки с овсом. Все мы с трудом отбивались от их атак. Переедать им сейчас нельзя. Лошади поняли, что по отдельности не добьешься успеха. Они сменили тактику, отбегали на 50-70 м и затем всей гурьбой мчались на мешки. Так было 2 дня. Мы радовались, что все невзгоды закончились. Подошла еще одна группа лошадей. Они тоже побывали в снежном плену. Их лошади подключились к поеданию овса.

Моя миссия завершилась. Меня ждали в Первореченске завершение камеральных работ и подготовка к вылету на полевые работы. Рано утром я вышел пешком. Погода стояла превосходная. Тундра оживала на глазах, такой прозрачный воздух был только в Пенжинском районе. Вот, в соседнем Олюторском районе воздух был уже не тот. Думаю, что это подтвердит каждый, кто был в обоих районах. По ходу своего маршрута решил пройтись вдоль ручья, где произошла наша авария. Надеясь найти рюкзак с затвором от карабина, я увидел необыкновенную картину. На берегу ручья, на небольшой террасе на попе сидел медведь. Между его ног была наша резиновая лодка, которую залабазировали на дереве. Неизвестно как он ее достал. Но вот, как он ее располосовывал своими когтями, это надо было видеть.

Каждую резиновую ленту он сопровождал с умильным выражением лица. Все говорило, что этот процесс ему очень нравится. Медведь меня не видел и я в течение некоторого времени получил неопишное наслаждение от увиденного. Пожалел об отсутствии фотоаппарата. Какие могли быть снимки!!! Потихоньку ретировался. Не стал медведю портить кайф. Впереди еще длинная дорога. Снежный покров почти сошел. Снег остался в ложбинах и расщелинах. Несмотря на это, дорога не асфальт. Около 50 км по тундре измотали. Особенно тяжело дались последние 8-10 км. От Дунькиного пупа хорошо просматривался весь Первореченск. Кстати, почему вершина имела такое название? Еще будучи на практике на Колыме, я услышал от старых колымчан историю о некоей Дуньке, которая обитала в районах добычи россыпного золота. Известно, что Колыма была одним из главных регионов по добыче россыпного золота в стране. Практически все поселки вдоль колымской трассы завязаны на этой добыче. Золото добывали как государственные предприятия, так и артели. А еще были, так называемые, вольнопринесители. Это те, кому прииски выдавали справку на право мыть золото в уже отработанных полигонах. Это был приработок местного населения. Золото сдавали в золотоприемную кассу при приисках. Тогда это было нормальным явлением. И вот, как гласит легенда, в одном из этих поселков обитала некая Дунька, которая по осени (по окончании промывочного сезона) встречала золотодобытчиков и отдавалась им за золотой песок. Причем, мерилом за услуги служил ее пупок. Говорят, пупок был никак не меньше 50 грамм. Рассказывали, что какие-то шутники, когда закончилось золото долгое время строгали медный самовар. Наверное, фраза старателей - бросил деньги на пупок, связана скорее с тем же именем. По трассе у каждого поселка была какая-нибудь вершина. Ее обязательно называли Дунькиным пупком. Вот и первореченский Дунькин пуп, видимо, назван исходя из той же традиции. Ведь история Пенжинской ГРЭ ведется с Колымы. Услуги Дуньки были весьма востребованными. На Колыме очень не хватало женщин, и мужское население можно было понять. Очевидцы рассказывали мне, как закрывали последний женский лагерь на Колыме. Где-то в начале 50-х годов был объявлен день закрытия этого лагеря. За несколько дней

до этого со всей Колымской трассы на повозках, машинах собрались мужики. И представьте себе, открываются ворота и на волю выходят 5000 женщин. Все они были разобраны и развезены по поселкам и стали постоянными спутниками мужчин, то есть стали их женами.

С первореченского пупка до поселка было рукой подать. Кочкарник оттаял и совсем вымотал, а тут еще лег очень густой туман. Видимость сократилась до нескольких метров. Шел буквально на «автопилоте». Близость окончания дороги совсем расслабила меня. Так бывает иногда в конце большой дороги. Почти 50 км по тундре - хорошая нагрузка даже для молодого тогда организма. Присел на очередную кочку, чтобы отдохнуть и вижу, как на меня двигается что-то большое. В тумане не различить, но очертания чего-то большого. Подумалось, неужели медведь? Они нередко наблюдались у поселка. Вспомнил про Сергеевский пистолет. Достал его из рюкзака, взвел и пошел навстречу. Хорошо, что в это время подул ветерок: буквально в 3-4 метрах от меня стояла корова, наша поселковая. А ведь еще мгновение и мог выстрелить. Такой был туман. Картина была комичная, а «мандраж» - серьезный. Вот так закончилась эпопея моего перегона лошадей.

Последний сезон Чалбугчанской партии

Пока я не очень удачно перегонял лошадей, в партии практически завершилась предполевая подготовка. На практику прилетела наша бывшая студентка Борисова Людмила, уже в роли моей жены. До вылета в поле осталось защитить техническое задание на полевой сезон 1968 года. Основной задачей сезона являлись геологическая съемка и поиски в северной части листа Р-58-1V. Особое внимание в задании уделено поискам в районе Дикого изгиба р. Кубавеем, где необходимо изучить и опробовать золотоносные кварцевые жилы, а так же обследовать два участка в верховьях реки Холоховчан. Задача утверждена, ожидаем вертолет. 5 июня прилетел долгожданный МИ-4. Погода, как говорят авиаторы, миллион на миллион. В это время солнце практически не заходит. Через час с небольшим мы на базе. С завистью смотрим на весновщиков. Они все загорелые, будто с

сочинского побережья. Быстро разгружаем основной груз на базе и этим же вертолетом основные исполнители работ во главе с начальником партии Сергеевым забрасываемся в верховья р. Холоховчан. Так было задумано изначально. Отсюда рекогносцировочным маршрутом мы должны пересечь почти всю территорию и вернуться на базу. Определились с местом посадки. Выгрузили свой геологический скарб и попрощались с экипажем. Как только они запустили двигатель, из сопла вырвалось пламя и в считанные секунды охватило весь вертолет. Первая мысль была бежать от вертолета. В любой момент мог произойти взрыв, но нас сдерживала память о том, как наш коллега Березкин В. П. когда-то своей шляпой организовал аварию вертолета. При взлете вертолета с его головы сорвало шляпу, которая попала под лопасти МИ-1 и они переломились. Помня об этом, каждый из нас вцепился в груз, дабы он не взлетел. А вокруг полыхал огонь, причем он усиливался по мере наращивания оборотов несущих винтов. На наших глазах горели лодка, продукты и т.д. С нами была большая часть геологических, топографических карт, фотоснимки. Многие из них имели гриф «секретно». Было трудно представить, какие кары ожидали бы всех нас за потерю этих материалов. Наконец вертолет набрал необходимые обороты и перелетел на безопасную площадку. Настала и наша очередь спастись. Благополучно выбрались из пожарища. Вместе с экипажем приступили к тушению. Локализовать пожар удалось только через 5-6 часов. Наконец все собрались у вертолета. До пожара он был зеленого цвета. Сейчас перед нами стоял абсолютно черный фантастический монстр. На экипаж было жалко смотреть. Второй пилот Виталий Осадчий от отчаяния пнул сапогом брюхо вертолета. Тут же образовалась дыра (корпус вертолета не успел остыть) и довольно приличная. Командир Вячеслав Петрович Кудрявцев скрипнул зубами, но при виде женщины сдержался. Мы потом снизу наблюдали за жестикуляциями командира в кабине и повинной головой молодого пилота. Все было ясно без слов. Напоследок командир открыл боковое окно и спросил: может нам привезти что-то? Мы не стали загружать его своими проблемами. Судя по всему, к нему будет много вопросов у руководства лётного отряда. Кстати, как выяснилось позже, у соседей в Магаданской об-

ласти именно при таких обстоятельствах сгорели два вертолета. Выходит, нам повезло. Вот так неудачно начали полевой сезон. Борьба с огнем продолжалась еще около двух дней. Только удостоверившись, что пожар окончательно потушен, приступили к работе. Мы еще не знали, какие трагические события нас ждут впереди.

Это был рекогносцировочный маршрут с запада на восток территории с целью получить общее представление о геологическом строении северной части листа и выработки единых названий пород, слагающих данную площадь. Четыре основных исполнителя параллельными маршрутами через три дня прибыли на базу.

Лошади еще не пришли, поэтому плановые работы решено было начать «на рюкзаках». Это когда все необходимое для жизни и работы в твоём рюкзаке. Такая методика не нова, ею пользовались многие, когда возникали проблемы с внутренним транспортом. Наш начальник Ю.Сергеев правильно рассудил. Если съёмщиков и поисковиков забросить на западную рамку листа, то до прихода лошадей мы сможем отработать значительный кусок территории. К тому же, ещё опосредованно два участка с аномалиями, выделенными на картах мегатрещиноватости. Через 2 дня попутным вертолетом мы высадились на западную рамку территории. Это было самое благоприятное время для работы. Еще не родились комары, а световое время практически круглосуточное. Все отряды занялись своими делами. Один из участков под поиски назвали «Бивень» по случаю находки здесь бивня мамонта. Его длина была до 1,5 метра. С одного конца были следы распила. Впоследствии выяснилось, кто укоротил бивень. Им оказался знаменитый оленевод Аянкинского совхоза Долган. Придя на наш лагерь, он подтвердил, что еще в 1940 году отпилил кусок бивня на ручку ножа и показал этот нож. С приходом оленеводов питание наше улучшилось. Провели с ними бартерную сделку. Все остались довольными.

Съёмочный отряд быстро обследовал свою территорию, т.к. геология здесь оказалась не сложной. Значительная часть покрыта четвертичными отложениями и полями палеоценовых базальтов «пустых» в смысле минерализации, как барабан.

Участок «Бивень» нас не порадовал. Нашли несколько развалов

кварцевых жил и зон окварцованных пород. В процессе поисковых работ были найдены слоистые туфопесчаники с отпечатками флоры. Их показали нашей молодой геологине Людмиле Прокофьевой (позднее Коновой). Она по специальности - палеонтолог. Уже в полевых условиях флора определилась как верхнепермская. Это была важная находка не только для нашей территории, но и для всего региона. На втором участке так же не обнаружили каких-либо интересных объектов.

Поисковые работы еще продолжались, когда съемщики уже обследовали свою намеченную площадь. Для дальнейших работ им необходимо было вернуться на базу. Наш внутренний транспорт (лошади) еще не прибыли на базу. Перевалы, проходимые для лошадей, не открылись. Начальник Ю. Сергеев решил, не дожидаясь лошадей, сплавиться до базы на плотах, благо река Холоховчан вполне пригодна для этого. К тому же, леса для строительства плотов было предостаточно. В течение дня съемщики связали плоты, погрузили свой груз и отправились на базу. Я завидовал им и просил Сергеева подождать пока и мы закончим свои работы на участках, чтобы вместе отправиться на плоты. Но он не хотел терять такое благодатное для работы время. С этим нельзя было не согласиться.

Наши поисковые работы на участках продолжились еще несколько дней. После чего мы, как и съемщики, связали два плота, погрузили снаряжение, образцы, пробы и начали свой сплав на базу. К вечеру прибыли на базу, где нас встретил повар Сан Саныч Ковалев. Миша, которого оставили на рации, сбежал. Это тот самый Миша, который участвовал с нами в перегоне лошадей. Как объяснил повар, он, сымитировав приступ аппендицита, вызвал санрейс. Видимо, очень впечатлил его тот перегон. Это лишь подчеркивает факт того, что геология не для всех. Потеря не существенная. Проходящих людей в экспедиции было не мало. Поужинав, забрались в спальники и отключились.

Сергеев, из-за отсутствия лошадей, конечно, не хотел терять время. Отдохнув на базе и пополнив запасы продуктов, он на том же плоту с Ревякиной и рабочим Климом Румыновым продолжили сплав до устья р. Кубавеем и далее по р. Пенжине с целью провести увязочные

маршруты по восточной рамке листа.

Рано утром нас разбудил Клим Румынов, который принес печальную весть. Их плот вблизи устья руч. Шумного ударился об завал (нагромождение из бревен). С плота упала в воду Ольга Ревякина. Сергеев бросился за ней в реку. Румынов успел ухватиться за бревно на завале. Он наблюдал на поверхности реки Сергеева и Ольгу некоторое время, пока река не повернула, и они не скрылись из виду. Пробежав вдоль берега, он никого не нашел, на его зов никто не ответил. Мы вышли на связь, вызвали вертолет. Ольгу Ревякину нашли быстро. Это был ее первый полевой сезон после окончания Магаданского техникума. Ей не было и двадцати. Красивая, очень яркая девушка, с точеной фигурой, смоляно-черными волосами и голубыми глазами. Река Пенжина не захотела укрыть ее в своей пучине и выбросила на косу. Половина ее волос были седыми. Оказывается, такое бывает при стрессовых ситуациях. Сергеев очень не хотел брать ее с собой на плот, но она буквально умоляла со слезами на глазах. Сергеев дрогнул, повесил на нее полевую сумку с картами, сказав в шутку « в случае чего буду спасать сразу два предмета». Слова оказались пророческими. Вспоминаются многие детали разговоров перед сплавом. Нам не казалось, что он будет экстремальным. – «Будь внимательным» - традиционно сказал я Сергееву перед уходом. – «Все будет хорошо, в случае чего на горных реках главное удержаться на поверхности воды». А вот Клим Румынов был свидетелем обсуждения книги Федосеева «Смерть меня подождет». Неужели судьба этих людей уже была предрешена буквально за несколько дней до аварии?

Ольгу вывезли в Первореченск и захоронили на мысе Контрольном. Позже приехали родители из Якутии и перевезли прах на родину. В народе говорят, что беда не приходит одна. Оказывается, годом раньше погиб Ольгин брат - топограф, где-то на Дальнем Востоке. Все-таки Создателя не назовешь милосердным.

Поиски Сергеева продолжались. Я с тремя рабочими на трех резиновых лодках около месяца обследовал все завалы от места аварии до села Аянка. Река Пенжина вторая по размеру после реки Камчатка. Ее длина около 650 км. Первые дни мы ни на минуту не сомневались в том, что Сергеев жив. Мы ожидали увидеть его каждую минуту,

стреляли из ружей, пускали ракеты. Появлялась мысль, что Сергеев где-то рядом и не выходит, боясь ответственности за гибель Ольги. Мы обследовали более 150 км реки до села Аянка. Вертолетом нас забросили еще раз к месту аварии. И мы снова прошли этот путь, пытаясь найти хоть какие-то следы. Всё было тщетным. Через некоторое время прошли сильные дожди. Пенжина превратилась в бурлящий поток и дальнейшие поиски стали бессмысленными.

А в это время в Воронеже рос его сын Сергей, которого он так и не увидел.

Участники поисков вернулись на базу. Обстановка в партии была гнетущая. Никто не хотел верить, что Сергеев погиб. До конца своих дней не верила в это и его мама. Но жизнь продолжалась. Необходимо было завершать все намеченные работы. Старший геолог Преображенский Г. П. находился в отпуске. Его срочно отозвали. Вместе с ним в партию прилетела Лида - жена Сергеева. Мы все выглядели перед ней виноватыми. На базе экспедиции работала комиссия по разбору этой аварии. Всю вину возложили на Сергеева. Никто не принял во внимание, что плоты и сплав на них - мера вынужденная. В связи с гибелью Ю.Сергеева невольно вспоминаются некоторые совпадения. Первый начальник той же Чалбугчанской партии Л.Карпасов после увольнения уехал на Колыму, где в свой первый полевой сезон погиб при переправе через горную реку. Отец Ю.Сергеева погиб в Великую отечественную войну так и не увидев своего сына. История повторилась. Ю.Сергеев также не смог увидеть сына. Что это? Так было предначертано?

*Лидия Сергеева
с сыном Сергеем*

С приходом лошадей появилась возможность рассредоточить съёмочные и поисковые отряды более рационально. Мой отряд отправился к своему главному объекту для опознания. Мы встали лагерем на безымянном тогда ручье, впоследствии названным «Ухват» и вместе с Людмилой Гимадеевой

приступили к обследованию ранее выявленных развалов кварцевых жил. Параллельно провели более детальное шлиховое и донное опробование всех близлежащих водотоков. На основе поисковых маршрутов составили геологическую карту участка. Отобрали много штучных и металлометрических проб. В результате удалось проследить несколько жил по простиранию, описать их состав, структурно-текстурные особенности, пытались визуальнo рассмотреть золото. Посчитали, что оно тонкодисперсное и его трудно увидеть невооруженным глазом. Позднее выяснилось, что мы очень даже ошибались.

Осень пришла также быстро, как прошло лето. Запахло «белыми мухами» и надо было торопиться на базу, т.к. нельзя запаздывать с обратным перегонem лошадей. Совсем скоро перевалы могли закрыться. Пришлось свернуть поисковые работы и уйти с последним караваном лошадей на базу. К этому времени съёмочный отряд был уже на базе.

Наша база стояла на живописном месте. Красивая река Холоховчан, где много хариусов и других рыб. Особое очарование придавали лиственничные леса, обилие цветов и ягод. Саму базу украшал наш животный мир - 4 собаки (Зоська, Фроська, Трифон Васильевич и Евдокия Поликарповна - ихняя мама), кошка Мурка и всеобщая любимица - поросенок по кличке Мара. Перед отправкой в поле весновщиков поросенка купил в Манилах наш геолог Саша Кравцев. Вся эта живность обитала вокруг повара Сан Саныча Ковалева и жила очень дружно. До сих пор перед глазами стоит картина, когда повар идет с коромыслом и ведрами за водой по узкой тропинке, а за ним следом вереницей идут три щенка, их мама, поросенок Мара и замыкает шествие кошка Мурка. Набрав воды, эта процессия в том же порядке идет на кухню. Жаль, что все это не запечатлел на фото. Среди лета на базу прилетал главный геолог Е. Буриков со своей собакой. Наша живность сразу окружила чужака. Повар спросил, как зовут собаку. - «Шайба» - ответил хозяин. - «Дай лапу, Шайба» - попросил повар. - «Моя собака не дает лапу». - «Вот это да!» - воскликнул Сан Саныч. - «Мара, ко мне, дай лапу» - приказал повар. Мара дала вначале одну ногу, затем другую, встала на задние ноги и по-своему подала голос. Главный геолог

обомлел и с позором покинул столовую вместе со своей собакой.

Не надо думать, что все обитатели зря ели свой хлеб. Вокруг базы хватало медведей, и голос каждого из них предупреждал об опасности. Медведи нашу базу обходили стороной. Наблюдая за поросенком, мы узнали для себя много нового. Чутью Мары могли позавидовать многие животные. Повар рано утром уходил на рыбалку, иногда за 2-3 км от базы. Мара, проснувшись, находила его по следам и могла свободно переплыть Холоховчан. Никогда не думал, что свиньи такие хорошие пловцы. Мара была светлого, почти белого, окраса. Както решили, что выглядит она скучновато. Для начала разрисовали в цветную полоску, а когда наскучила полосатость, покрасили в шашечку. Дело дошло до того, что стали писать на ней непотребные слова. Это был перебор.

Подведя кое-какие итоги полевых работ, Г. П. Преображенский вызвал вертолет для ликвидации базы и вывоза партии в Первореченск. Вот так грустно и трагично завершился третий и последний полевой сезон Чалбугчанской партии на листе Р-58-IV. Впереди камеральные работы и написание сводного отчета за три года.

Камеральные работы шли не просто. Кое-какие материалы (в том числе, секретные) были в полевой сумке Ю. Сергеева, которую не нашли. Как ни странно, никаких репрессий в отношении их утери не было. На эту тему вспомнился интересный эпизод. Как правило, весной многие партии вылетали на свои объекты для подбора места новой базы. Для ориентировки пользовались секретными картами генерального штаба масштаба 1:100 000. В экспедиции был геолог Геля Поверенов, очень оригинальный парень. В нем было что-то от гоголевского Плюшкина. Он собирал и складировал всякое старье и складировал его обычно там, где жил. В комнате общежития его скарб не вмещался и ему выделили часть отдельного дома. Чего только не было в этом доме!!! Но самым главным в его коллекции были кошки. Их не мало, около десяти. Они жили в фанерных посылочных ящиках, прибитых к стенам дома. У каждой свое имя и маленькая квартирка. Это было трогательное и одновременно необыкновенное зрелище. Кошачий театр Юрия Куклачева отдыхал. Так вот, как-то вернувшись из полета, Геля имел неосторожность оставить на столе секретную

карту, а когда вернулся - от карты остался маленький кусочек. То ли кошки были голодные, то ли карта была с каким-то вкусным запахом, но карты практически не стало. Ситуация сложилась скорее грустная. За потерю такой карты в далекие прошлые годы грозил реальный срок, а сейчас - лишение допуска. А это конец карьеры для геолога. «Смотрящие органы» были настроены решительно. Но, по-моему, вмешался начальник экспедиции Рожков Ю. П. и все «спустили на тормозах»

Остается сожалеть, что некоторые данные о геологии нашего района ушли вместе с Сергеевым. А таковые наверняка были. Известно, что немало информации геологи держат в голове, она там созревает. Спустя несколько лет после защиты отчета по листу Р-58-IV, перебирая в памяти материалы, очень хотелось обобщить их под несколько другим углом. Я бы с большим удовольствием вернулся к средней части листа, в район участков Цирковый и Нипхин, где найдены многочисленные развалы массивных руд с большим спектром различных минералов. Региональный масштаб проведенных работ не позволил более детально разобраться с этими рудами. Жаль, что в то время, да и сейчас в практике не хватает оперативного бурения для оценки отдельных зон, жил, хотя бы до глубины 100 метров. Эффективность поисков наверняка увеличилась бы кратно. Остается уповать на то, что наши потомки сделают это за нас. Сегодня я бы внимательно изучил и тщательно опробовал экзо- и эндоконтактные зоны больших массивов гранитоидов Ичигемского хребта, где возможны невысокие содержания золота, но большие объемы руды. И косвенные данные об этом имеются.

До сих пор не выходит из памяти находка озокерита в полости кварц-карбонатной жилы на правом берегу р. Нибарчен. Как появился этот минерал (горный воск), являющийся смесью высших углеводородов в полости жилы, залегающей среди гранитоидов? Это остается загадкой. Может быть, эта находка позволяет расширить регионы поисков нефтяных залежей? По крайней мере, эта находка свидетельствует не только об органогенном происхождении нефти.

Но вернемся к нашим работам по написанию отчета. Обработка полевых материалов шла как обычно. Кое-какие сложности возника-

ли в сбивке границ геологических карт по периметру нашей территории. Явление это обычное. Редко кому удавалось без проблем сбить границы своих геологических подразделений с соседями. Здесь всегда возникали споры. Самое же слабое место при составлении отчета - несвоевременное поступление результатов анализов. Это всегда сдерживало сроки его сдачи. Нередко отчеты сдавались далеко не со всеми результатами лабораторных исследований. Конечно, качество таких отчетов не могло быть хорошим и достоверным. Большие начальники всегда торопили. Нужно было списывать затраты на геологические исследования. Считалось, что недостающие анализы добавятся потом. Все заканчивалось тем, что эти анализы, в лучшем случае, попадали в папки с архивными материалами, а в худшем - просто были потеряны. Наша партия не стала исключением и тоже не получила всех анализов. К началу июня сводный отчет близился к завершению. Осталась самая малость. И в это время приходит телеграмма из г. Казани с сообщением о том, что у меня родилась дочь Светлана. Наш начальник Г. Преображенский распорядился сделать перерыв в написании отчета. Все материалы закрыли в сейф и 3-4 дня почти весь пос. Первореченск не работал. К этому времени только-только подошли на рейд корабли с различными грузами, поэтому недостатка в продуктах и винно-водочных субстратах не было. Я благодарен руководству экспедиции за то, что они закрыли глаза на столь масштабное празднование. За праздником пришли довольно хлопотные будни. Написание отчета благополучно завершили.

В это время в поселке находилась группа геологов из Петропавловска-Камчатского для проведения тематических работ в одном из наших районов. Это были авторитетные геологи С. Е. Апрельков и Ю. М. Слепов. Один из них (Апрельков) был первым и единственным в геологическом управлении кандидатом геолого-минералогических наук. Вот им и поручили написать рецензию на наш отчет. Рецензия получилась положительная. Особо отметили участок им. Сергеева (мне пришлось долгое время бороться с руководством геологического управления за это название), где выявлены кварцевые жилы с высокими содержаниями золота и серебра. После защиты отчета и традиционного его обмытия, с наших плеч свалилась огромная гора.

Г. Преображенский с сыном М. Забродиной, Слепов Ю. М. (один из рецензентов отчета Чалбугчанской партии), Ш. Гимадеев, внизу - В. Прокофьев, сын директора ГКЗ СССР, крайний справа - студент

Стал вопрос, что делать дальше. Какого-либо проекта на детальные поиски на участок им. Сергеева не было. Но совсем терять полевой сезон не хотелось всем. Поэтому решили провести хотя бы небольшие опробовательские работы за счет Маметчинской партии, проводившей геологосъемочные работы масштаба 1:50 000 на одноименном полуострове, на западном побережье Камчатки. Для этого я составил небольшое техзадание с целью определить положение кварцевых жил, их параметры, вещественный состав. Предполагалось пройти 300-350 мЗ канав ручным способом.

Во второй половине июня я и 4-5 рабочих выбросились на участок. Наконец-то я мог без особой спешки разобраться с золотоносностью кварцевых жил. При более детальном обследовании развалов выяснилась их приуроченность к вулканогенным образованиям среднего состава, определились направления, мощности, углы падения отдельных жил, изучены приконтактные изменения, и структурно-текстурные особенности. Все вскрытые жилы опробовались более представительным бороздовым методом. Но самым важным в тех работах стало то, что я впервые нашел видимое золото. То, кото-

рое казалось, определялось только анализами. Стало ясно, что оно, в основном, тонокораспыленное и концентрируется в ритмично-полосчатых участках кварца, среди темных полос сульфосолей серебра. Этот поисковый признак помог увидеть золото в нескольких кварцевых жилах и впоследствии стал основным критерием при заложении горных выработок.

Вторая половина сезона 1969 года прошла в Маметчинской партии. Поисковые работы здесь велись в основном на ртуть. Это был совершенно другой, и прямо скажем, скучный регион. Здесь преобладали монотонные терригенные толщи и небольшие выходы кислых лав. Не было того многообразия вулканогенных и интрузивных пород, как на листе Р-58-IV. Одно радовало глаз - Охотское море. Горные работы проводились с применением взрывчатки. Это то, чего так не хватало на Сергеевском участке. В составе горного отряда было несколько проходчиков и взрывник. Документацией канав занимался в основном Юра Цвиркунов. Моя задача - поисковые маршруты и на их основе составление детальных геологических карт. Водоразделы в тех районах практически голые, а склоны покрыты непролазным стлаником. Доставка взрывчатки велась вручную. Каждый день проходчики для своих выработок несли на себе взрывчатку. Иногда это приходилось делать неоднократно в день. Это была очень тяжелая работа. Некоторые проклинали такую работу, но находились и те, кто с юмором относился ко всему происходящему. Среди них был один, никогда не унывающий парень, родом из Донецка. Звали его Николай. Однажды он заставил всех нас поверить, что началась война с Китаем. Как-то все проходчики загрузились взрывчаткой и начали подъем на водораздел, где я каждому наметил места проходки канав. Так получилось, что все сосредоточились на одном водоразделе. Все поднялись и приступили к подготовке шпуров. Осталось показать канаву только Николаю. Наконец он появился на водоразделе, но не спешил ко мне, а собрал вокруг себя всех проходчиков. Я наблюдаю за этим собранием издали и конечно чертыхаюсь. Мне давно пора быть в маршруте. Не выдержал и решил разобраться, в чем же дело. Подхожу и слышу оживленный рассказ о том, что несколько часов назад китайцы объявили нам войну. Уже бомбят Хабаровск и другие

города Дальнего Востока. Вышел приказ всем мужчинам до 1939 года рождения явиться в военкоматы. Спрашиваю, где Юра Цвиркунов? А он, мол, слушает по приемнику военные сводки. Многие проходчики остолбенели. Кто-то пожалел, что срывается его отпуск и выезд на материк. А у меня в голове промелькнула фраза из китайского радио, которое тогда не очень дружелюбно вещал на нашу страну: «Спите спокойно товарищи сибиряки, временно проживающие на китайской территории». Подумалось, вот и дошло до конкретной реализации этих слов. Вспомнился и наш техник-геолог. Он прибыл к нам молодым специалистом. Успел отработать только один полевой сезон, после которого его призвали в армию. В нем было еще так много безалаберной юности. Короткая война с китайцами на острове Даманском сделала из него не по годам взрослого человека. Это мы поняли из его писем.

Наконец на водоразделе появился Юра. Спрашиваю, ну как там? А он говорит, что задержался, искал аэрофотоснимки. Спасли Николая его хорошие спринтерские данные. А ведь так складно врал! Представьте, какое у всех было облегчение от того, что это всего лишь шутка. А какие мысли вертелись у каждого в голове при слове «война»? Как много вопросов у каждого из нас возникло, прежде всего, к себе. Наверняка все вспомнили о своих близких на материке. Оказывается, как интенсивно работает мозг при коротком слове «война».

Сезон на Маметчинском полуострове завершили без особых проблем. Осень и зима прошли в камеральных работах по Маметчинской партии и составлении краткого отчета Кубавеевского отряда. Итоги последнего подтвердили и расширили представления о золотоносности кварцевых жил. Для более углубленного их изучения составили проект на поисково-оценочные работы в пределах Сергеевского участка.

Первая Сергеевская партия

Так в 1970 году появилась первая Сергеевская партия. Ассигнования выделили небольшие. Их хватило на поисковые маршруты, 4500 м3 поверхностных выработок и комплекс опробовательских работ.

Состав партии соответствовал ассигнованиям – начальник Гимадеев Ш.Ш., геолог молодая специалистка Гимадеева Л.Ф., техник Н.Галактионов (студент), несколько горных рабочих, взрывник

Л.Гимадеева

Цель работ - получение достоверных данных по параметрам жил, их качественная оценка на основе более представительных бороздовых проб, тщательное изучение вещественного состава. В полевой период 1970 года была составлена геологическая карта масштаба 1:10000 на территорию месторождения. Определены положения золотоносных кварцевых жил. Они сосредоточены среди меловых пропилитизированных вулканогенных пород, прорванных позднемеловыми интрузиями гранитоидов и субвулканическими телами кислого состава. Покровы меловых вулканогенных образований венчали палеоценовые базальты, являющиеся экраном золотого оруденения.

Горными выработками были в различной степени вскрыты и изучены около 40 кварцевых жил. В семи из них обнаружено видимое золото. Именно на них и сосредоточились впоследствии детальные поисковые работы и предварительная разведка.

Параллельно с написанием отчета по первой Сергеевской партии составлялся проект на детальные поиски. Обоснований для этого было более чем достаточно. Анализы проб, полученные по результатам работ 1970 года, красноречиво говорили об этом. В новом проекте предусмотрели большой объем поверхностных горных выработок, с соответствующим комплексом опробовательских работ.

Трагедия на Айнаветкинском перевале

Ранняя зима 1970 года и многодневные пурги застали врасплох несколько сезонных партий. Из-за отсутствия погоды вертолеты не смогли во время вывезти полевиков. В то время мы пурговали в долине ручья Ухват, на месте будущей разведочной Сергеевской партии. Тогда мы, по сути, заложили основу этой базы. Как и многие сезонные партии в ноябре того года, когда зима уже набрала обороты, оказались в летних палатках. Продовольственные запасы иссякли. В редкие дни между пургами удавалось подстрелить несколько куропаток. Радовало лишь одно, нас окружал лиственный лес, поэтому не было проблем с дровами и в наших, хотя и летних палатках было тепло.

6 ноября сквозь вой пурги услышали гул вертолета. Его командир В.П.Кудрявцев не глушил винты и передал мне приказ начальника экспедиции Ю.П.Рожкова срочно свернуть базу и вывезти людей в село Аянку, что в 100 км от базы партии. Погода по трассе до базы экспедиции в поселок Первореченск была не летной. В считанные минуты свернули спецчасть (секретные карты), радиостанцию, некоторые палатки и менее, чем через час лета мы оказались в Аянке. Еще в полете понял, что при погрузке вертолета потерялся образец с золотом. Это был необычный образец. Он представлял собой золотую ветку, напоминающую мох. Его длина была около 3 см и в поперечнике 2 см. Густые ветки были с отростками до третьего порядка. Вот такая золотая ветка лежит до сих пор где-то в земляном полу моей палатки.

Аянкинским совхозом в те годы руководил очень именитый директор Дрокин Владимир Дмитриевич. Это был один из передовых совхозов на севере Камчатки. Только в этом селе в те годы были построены благоустроенное жилье, больница, школа, детский сад, гостиница и другая инфраструктура. Только в гостинице Аянки тогда можно было принять горячий душ и даже ванную. Неслыханная роскошь по тем временам. На всей Камчатке такое могли позволить только в областном центре и далеко не в каждой гостинице. Совсем не зря здесь постоянно обитали корреспонденты областных и центральных газет. Их публикациями рекламировались в стране усло-

вия проживания на наших северах. Надо отдать должное директору совхоза В.Д. Дрокину, стараниями которого построено все это великолепие.

Проблема с жильем для нас в Аянке решилась быстро. Все директора совхозов в районе доброжелательно относились к геологам. Нас многое сближало. Наши взаимовыручки, как в тундре, так и в поселках помогали решать многие производственные, организационные вопросы. Нам выделили дом, который мы быстро обжили. Летне-осенний завоз по навигации завершился относительно недавно, поэтому магазин ломился от разных изысков с западных районов Родины, братского китайского народа и стран совета экономической взаимопомощи. Руководство экспедиции при отправке вертолета за нами не забыли о наших опустевших животах и прислали пару сотен кг продовольственных товаров. Дух и веяния всенародного праздника 7 ноября витал по селу и мы решили поддержать его градус, тем более, что у нас был двойной повод. В местном магазине докупили недостающего продукта и вскоре сравнялись с общим градусом веселья. Немного огорчало, что мы вдали от коллег, но все же это лучше, чем пребывать на базе, где совсем неуютно и не сытно, как здесь.

Экипаж вертолета традиционно поселили в гостинице со всеми удобствами. В тот же вечер решил посмотреть каково там, в гражданской гостинице. К этому времени пилоты уже приняли душ и накрыли свою «поляну». Они заведомо получили от метео длительный прогноз, и им ничего не мешало вместе со всей страной отметить всенародный праздник. На их столе рябило в глазах от этикеток зарубежных консервов, бутылок армянского коньяка. Достоинно смотрелся и местный продукт- икра и красная рыба. С моим приходом появился повод поднять тост за совместную работу геологов и авиаторов. Алкоголь сделал нас раскованнее. Начались воспоминания. Командир вертолета Вячеслав Петрович Кудрявцев был среди всех самым старшим по возрасту. Его воспоминания о прошедших годах оказались весьма интересными. Это было время, когда осваивались якутские алмазы. Оказывается, их подготовка к разработке окутана множеством детективных историй. Американцам открытые в Якутии алмазы постоянно не давали покоя. Они всячески тормозили органи-

зацию их добычи, вели прямые радиопередачи с провокационными речами и более того, физически уничтожали специалистов, проектировщиков, приезжающих из Ленинграда. Вячеслав Петрович в то время летал на самолетах По-2, обслуживал эту большую стройку. Из радиопередач, как рассказывал Вячеслав Петрович, иногда появлялась информация, о которой могли знать только те, кто жил на месте стройки. Наверное, тогда наши особисты озадачились и вскоре вычислили тех, кто целенаправленно мешал осваивать якутские алмазы. Их оказалась целая группа во главе с резидентом. А вывозил эту группу на «материк» В.П.Кудрявцев на самолете По-2.

Наше пребывание в Аянке затянулось на 2-3 дня. Из-за поломки радиостанции у нас не было связи с базой экспедиции и с соседними партиями, поэтому мы ничего не знали о трагических событиях в Уннэйваямской партии, где погибли начальник отряда Юрий Резник, техники Ганя Прокопьев и Алимфа Зайцева. В этой партии выпавший глубокий снег отрезал отряд от основной базы партии. Положение усугубили многодневные пурги. Ситуация ухудшилась из-за отсутствия дров для отопления палатки. Все это вместе взятое, по-видимому, подтолкнуло к решению выбираться собственными силами на базу соседней разведочной (Айнаветкинской) партии, до которой было 9 км. Те, кому хоть однажды приходилось передвигаться по глубокому снегу, хорошо представляет себе как это не просто. В начале ноября, а это происходило именно в это время, световой день близок к минимальному. Решиться на такой переход могли только физически подготовленные люди. Все трое именно таковыми и были. Начальник отряда Ю.Резник был низкорослым, но из категории «крепышей». Он играл защитником в хоккейной команде «Ревматик» и вполне соответствовал своему назначению в команде. Не каждый рослый нападающий противной команды был способен пройти его. Ганя Прокопьев якут по национальности, уроженец суровой Якутии, бывалый полевик и этим сказывалось все. А.Зайцева, пожалуй, была самой спортивной среди всех женщин Пенжинской ГРЭ. Все свободное время зимой проводила на нашем катке и зачастую с хоккейной клюшкой, при этом владела хорошим броском. Иногда привлекалась к настоящей игре за одну из мужских команд и наравне боролась за

шайбу. Это была тройка совсем не слабых людей. Но глубокий снег, а возможно и ветер, отняли слишком много сил. Их не хватило совсем немного. Трагедия произошла на перевале, где группа остановилась на отдых. Обессиленные они заснули. В группе не оказалось того, кто должен был растормошить всех, не дать заснуть. Это была обязанность Ю.Резника, как начальника отряда, ответственного за этот переход. В таких ситуациях именно у руководителя должно быть сил чуть-чуть больше, чем у остальных. Я об этом рассуждаю не как теоретик. Мне довелось в свое время побывать примерно в такой ситуации зимой на Урале и Кольском полуострове на лыжных переходах, когда группа, буквально засыпала во время привалов.

Последний привал группы Ю.Резника оказался в 700-800 метрах от базы Айнаветкинской партии. Думаю, что привал вряд ли бы состоялся, знай они, что база совсем близко. Но удача в тот день окончательно отвернулась. В этот трагический вечер электростанция на базе заглохла, а вместе с этим погас свет. Отсутствие света и шума дизельной станции, наверное, сыграли роковую роль. По иронии судьбы в живых осталась только кошка, которую Ю.Резник нес в рюкзаке.

Через несколько дней пурга утихла и вертолет В.П.Кудрявцева доставил нас в Первореченск, который уже пребывал в глубокой скорби. Гибель наших коллег надолго выбила из равновесия жителей поселка. Одну из улиц поселка назвали именем Резника. Но жизнь продолжалась. Впереди камеральные работы и трепетное ожидание результатов анализа бороздовых проб, отобранных из кварцевых жил. Параллельно с написанием отчета по Сергеевской партии составлялся проект на детальные поисковые работы. Обоснований для этого было более, чем достаточно. Полученные анализы красноречиво говорили об этом. Содержания золота в бороздовых пробах составляли до 600 г/т, а серебра до 3кг. В новом проекте предусматривался большой объем поверхностных горных выработок с соответствующим набором опробовательских работ.

В 1971 году распоряжением начальника экспедиции меня и Гимадееву Людмилу отправили в Верхне-Уннэиваямскую партию для завершения поисковых работ и написания отчета. Мы доделывали работу начатую отрядом Ю.Резника. Они занимались опосискованием на

флангах Айнаветкинского оловорудного месторождения. Конечно, мы побывали на том перевале. За суетой тех работ не удалось как-то отметить место этой трагедии. Лишь спустя много лет эту оплошность исправили. На базе Северо-Камчатской экспедиции, поселке Корф в наших мастерских изготовили памятник, который на вездеходе к месту гибели доставили, установили Владимир Логинов и Владимир Козлов.

Полевая работа на этой территории была, конечно, познавательной, но не более. Геология типичная для Корякского нагорья. Флишеидная однообразная толща с редкими дайками интрузивных пород и покровами кислых вулканитов не могла идти ни в какое сравнение с многообразием вулканитов, интрузивных комплексов и различными гидротермальными образованиями района Ичигемского хребта. Мы добросовестно завершили все ранее начатые поисковые работы наших погибших коллег. Дали оценку оловоносности зон на участке «Граничный», вскрыли несколько ртутоносных зон. Приняв участие в составлении окончательного отчета по В. Уннэйваямской партии, я вскоре переключился на подготовку работ на Сергеевке. Здесь уже был готов проект на детальные поиски. К выезду в поле готовилась весновочная группа во главе с Николаем Макаренко. Мы с нетерпением ждали начала нового полевого сезона 1972 года. А в это время проектно-сметная группа начала подготовку большого проекта на предварительную разведку с применением подземных горных выработок и бурения.

Детальные поиски на Сергеевском месторождении

При составлении проекта стало известно, что кулуарно, где-то в министерских кругах, рассматривался вариант передачи предварительной разведки Сергеевского месторождения первому главку. Это - уранщики. Когда появлялись в стране перспективные объекты, какими-то особыми распоряжениями они передавались этому ведомству. Его горнопроходческие и буровые бригады являлись тогда самыми высокопроизводительными. Скорость по проходке и бурению

превосходила иногда в два и более раз средние показатели по Министерству геологии. Конечно, все это достигалось бесперебойным обеспечением и высоким классом их специалистов. Примером тому была очень быстрая разведка золоторудного месторождения Мурунтау в Узбекистане. Для разведки Сергеевского месторождения хотели привлечь Ольховскую экспедицию, базирующуюся на Байкале. Начальник этой экспедиции, ознакомившись с материалами месторождения, запросил у Министерства геологии 10 миллионов рублей на переброску экспедиции и 120 тракторов. Вопрос финансирования решили положительно, а вот тракторов не дали. Для обеспечения четкой работы разведка требовала поставки 10-12 тонн груза в сутки. Доставка груза авиацией обошлась бы очень дорого, да и не надежен этот вид транспорта. Поэтому ставка делалась на наземный транспорт. Вопрос с уранщиками отпал, и все стало развиваться нашим традиционным способом. Заложили в проект то, что могли реально выполнить без особой скорости.

Проект еще где-то утверждался, а весной 1972 года начали заброску весновочной группы для строительства базы, складов и т.д. После схода снегов приступили к поверхностным горным работам с применением взрывчатых материалов. Проходка шла хорошо, появлялись новые интересные жилы.

Во второй половине лета в Якутске министерство проводило совещание по золоторудным объектам, где показали образцы с Сергеевского месторождения. Министр геологии, увидев наши руды, приказал срочно выделить дополнительные деньги на поиски и разведку. Нам резко увеличили объемы геологоразведочных работ, а дело уже шло к осени. В качестве проходчиков прислали 20 демобилизованных солдат, которые не имели никакого опыта работ. Больше всего боялись, что молодые ребята попадут под взрыв. Бывшие солдаты не знали, что такое коренные породы. Взрывник не успевал их обслуживать. Многих из них взяли обучать кадровые проходчики, и за это им огромное спасибо. Большая нагрузка была и на геологическом персонале. К находящимся в поле геологам – мне и моей жене Людмиле – добавилась еще чета Шипициных - Георгий Поликарпович и Нелли Михайловна.

Приближалась зима, и кроме основной работы приходилось ду-

мать об утеплении жилья, заготовке дров. Зима пришла рано и, как это всегда бывает, неожиданно. Проблемы только нарастали.

Так случилось, что наших лошадей: жеребца Геройку, мерингов Ясного и Орлика не смогли перегнать на конебазу, пришлось им зимовать с нами. Они добросовестно отработали сезон и теперь оказались в сложных условиях. Дело в том, что овес давно закончился, выпало много снега и лошади не могли копытить. Проблемы (и довольно ощутимые) с продуктами появились у всей партии. Отходов в столовой почти не стало, и лошади совсем оголодали. Они начали обгрызать каркасы палаток, жевали рубероид. На моих глазах Орлик съел газету. На лошадей было жалко смотреть. Потеряв всякую надежду на людей, они отправились вниз по ручью, к долине р. Кубавеем, где был лиственничный лес и произрастала ветла. На базе экспедиции знали про нашу проблему с лошадьми, но ничем не могли помочь. Авиация не работала из-за постоянных пург. Предложили забить лошадей, но это было категорически отвергнуто. Как можно было пойти на такое?

После многодневных пург наступил ясный солнечный день. Мы услышали дальний гул вертолета. Видимо, еще раньше его услышали лошади. Вверх по ручью Ухват, грудью пробивая глубокий снег, друг за другом шли к базе наши лошади. К моменту посадки вертолета МИ-4, они, как солдаты, стояли возле вертолетной площадки. Командир Ковалев Н. П. просто обомлел от такой картины. Многие лошади с нашей конебазы имели опыт перелета на место работы вертолетом, либо самолетом АН-2. Техника их погрузки была проста. На расстеленный брезент заводили лошадь, обвязывали веревками передние и задние пары ног и валили ее на брезент, а затем на этом брезенте заносили в вертолет. Наши лошади, судя по их поведению, уже не раз летали таким образом. Вертолет привез продукты и как только их разгрузили, лошади, оттесняя друг друга, стали буквально ломиться в вертолет. Видя такое, командир впервые разрешил лошади самостоятельно зайти. МИ-4 мог взять за рейс только одну лошадь. Когда прилетел второй рейс на глазах Ковалева, по-моему, были слезы. В то время в экспедиции была довольно большая конебаза – около 120 лошадей. Лошади со всех партий уже давно были дома, только наши отсутствовали. Когда наш Геройка вышел из вертолета, он попривет-

ствовал конебазу громким ржанием и все лошади ответили ему тем же. Так встречали и Орлика, и Ясного.

Зима с 1972 на 1973 год выдалась и пуржливой, и холодной. Мы зафиксировали тогда температуру -64° . Еще летом высокое начальство из управления распорядилось не распылять материалы и сосредоточить их на строительстве поселка в районе устья ручья Шумного. Это около 20 км от месторождения. Туда даже отправили топографический отряд для проведения съемки под будущий поселок. Наши рабочие сразу смекнули, что поселок на руч. Шумном – миф. Если же готовиться к зиме летом, то зимовка не будет холодной. Наиболее расторопные возвели из местного леса строения типа «зимовья» и встретили зиму в тепле. Основная часть людей осталась зимовать в палатках.

Заканчивался 1972 год. На базе из инженерно-технических работников остался я один. Моя жена Гимадеева Л.Ф. до последнего продолжала документировать горные выработки и лишь в октябре вылетела на базу экспедиции, а 11 декабря 1972 года родила вторую дочь Юлию. Лишь много позже я понял, что не следовало так долго задерживать ее в полевых условиях. Совсем не оправданными были такие жертвы во имя плана. Он, конечно, был выполнен буквально в последние часы 1972 года. Проходчики были очень горды этим обстоятельством. Все-таки было время, когда слово «план» было святым! Впереди маячил новый 1973 год. Праздничный груз, т.е. алкоголь и продукты были завезены на вертолете загодя. Я пообещал, что на Новый год стол будет достойным и действительно на столе были шампанское, вино, водка, коньяк. Главной «фишкой» праздничного стола стала колбаса. Ее сделал наш пекарь (как оказалось большой спец по колбасным изделиям) из мяса местного лося. Колбаса выглядела просто изумительно. Во вкрапленниках присутствовали «украинский сникерс»- т.е. сало (как он сохранил такой продукт?), и еще какие-то ингредиенты, усиливающие вкусовые качества. Экологический стандарт был самый высокий. Под бой курантов поздравили друг друга с новым годом. За столом сидели люди не простой судьбы, лучшие проходчики экспедиции: Арапов Юрий, Голиков Виктор, Бобряшов Николай, Валющенко Александр, Булгаков Василий, Машуков Хад-

жи-Мурат, Пархоменко Владимир, Аксенов Алексей, Трокай Виктор, Рахимов Тулкун и многие другие. Они участвовали в поисках и разведке практически всех месторождений севера Камчатки. Сегодня некоторые из них уже ушли в мир иной. Вечная им память.

Проходчик Арапов Ю. Ф.

*Машуков Хаджи-Мурат
Бетербекевич*

*Проходчики В.Пархоменко,
А.Аксенов*

*Проходчики В.Булгаков,
Н.Бобряшов, В.Голиков*

Почти каждый год в Пенжинском районе в ночь на Новый год бывает пурга. Так было и на этот раз. Для меня это празднование было хлопотным. Практически двое суток пришлось буквально охранять наших рабочих. Не все могли контролировать количество выпитого. Температура ниже 50 градусов - рядовое явление, и если кто-то упадет, то через 15 минут может стать «подснежником». Так называли тех, кто падал на улице, его засыпало снегом, и оттаивал он только весной. Моя задача была не допустить такого случая. Это было не очень просто. Палатки и зимовья были разбросаны по обоим берегам руч.

Ухват. Все осложнялось глубоким снегом. К тому же электричества на базе еще не было, обходились свечами и керосиновыми лампами. Кто был на зимовке, представляет себе, каково не натворить пожар в таких условиях. Это была не первая моя зимовка и не единственный Новый год в полевых условиях. Но он запомнился наиболее ярко. Тогда все обошлось, никто не пострадал. Через 3-4 дня все «восстановились», и я смог, наконец, выспаться.

А к этому времени в сторону нашей базы продвигалась первая тракторная колонна с грузами. Вел колонну опытный рейсовик Николай Зиновьев. Колонна впервые пересекла Ичигемский хребет через трудный Первомайский перевал. Объем грузоперевозок тракторами предстоял большой. Своих рейсовых тракторов не хватало. Привлекли трактора из соседних совхозов. Рейсовики на севере - это определенная каста механизаторов. Их ценили за высокий профессионализм, умение ориентироваться на местности и даже за мужество. Не было зимы, чтобы кто-нибудь не уходил под лед вместе с тракторами и санями. Свои трактора, сани они готовили лично, никому не доверяли. За свою работу получали высокую заработную плату. Она стоила того. Как-то совхозные трактористы рассказали мне, как они везли из Аянки в Манилы (это 300 км) какого-то бухгалтера или экономиста из управления сельского хозяйства, которому поручили провести хронометраж их работы. Уж очень не давала покоя некоторым чиновникам высокая зарплата. Рейсовики решили организовать проверяющему небольшой экстрим. Подпустили немного дымка в кабину, а во время остановок (чаевок) подливали в чайник немного солярки. Кушали быстро, ссылались на то, что нельзя терять время. Проверяющий и глотка не успевал сделать, как поступала команда по машинам. Через сутки – двое, он был черный, голодный и выглядел как типичный помощник тракториста. По дороге попурговали. И так они везли его около 10 дней. Когда он докладывал о результатах хронометража, то предложил увеличить их зарплату кратно.

Бывали и по-настоящему трудные и опасные рейсы. В Пенжинском районе был прославленный рейсовик Николай Огороков. Он считался ассом. Мог везти двое саней по 10-12 тонн. У него была одна беда. Нередко уходил в рейсы один. Этакий самонадеянный одиноч-

ка. Но однажды его трактор заглох, началась многодневная пурга. Вокруг белое безмолвие. Пришлось сжечь все, что горело, в том числе и сани. Когда стихла пурга, по его маршруту вылетел вертолет, который застал картину: Окорок стоял в пустой бочке, поливал ее снаружи остатками солянки, из последних сил борясь за свою живучесть. И ведь выжил, хотя шансов, почти, не оставалось. Мороз тогда был настоящий (не менее 50 градусов).

Колонна Зиновьева уже приближалась. Это стало ясно после очередного сеанса радиосвязи. По случаю первого рейса колонну обеспечили радиостанцией «Гроза». Не прошло и несколько часов, как на базе появился первый трактор и почему-то без саней. Вскоре стало ясно почему. На расстоянии 5-6 км от базы были два озера. Одно из них трактора прошли нормально, а вот второе озеро один трактор проскочил, а следующий провалился и ушел под воду вместе с загруженными санями. Трактористы выбили задние стекла и успели спастись. Чтобы вытащить трактор и сани, необходимо зачекировать их по отдельности, а для этого необходимо освободить фаркоп трактора от шкворня. Без ныряния не обойтись. А в это время мороз был много ниже 50 градусов, Я выдал несколько бутылок (НЗ от новогоднего праздничного груза) для внутреннего подогрева и пожелал им удачи. Как это все было сделано, я не видел. Кто-то точно нырял, соединил трос с фаркопом. И трактор, и сани с грузом утром были на базе. Те, кто понимают, как удалось все это сделать, могут только восхищаться такими ребятами. Это были «штучные» специалисты, вызывающие огромное уважение.

В 1973 году началась интенсивная доставка грузов, как наземным транспортом, так и авиацией, Рассматривалась возможность завоза грузов по р. Пенжина баржами. Идея была хорошая, но не нашлось хорошего организатора этого дела. Всякая идея должна претворяться конкретным человеком. Если такового не нашлось, идея зависает.

Итак, между Манилами и месторождением появилось интенсивное движение. Это сразу отметила радиостанция «Голос Америки». Они заявили, что на севере Камчатки открыт новый золотодобывающий район. И как они догадались, что район золотодобывающий? Все наши переговоры по рации были закодированы. Нельзя было от-

крыто запросить солярку, бензин, взрывчатку. Категорически запрещалось открытым текстом сообщать о пожаре, несчастном случае, необходимости топлива, взрывчатки и др. Все передавалось зашифрованными словами: солярка - черная смола, бензин – белая смола, взрывчатка – порошок, детонаторы – карандаши, карабин – ведомственный ключ, пожар – береза и т.д. Американским дешифровщикам было не просто. Например, к чему несколько тысяч карандашей для разведочной партии, или сотня тонн белой смолы? Но кое-что им удавалось расшифровать и они с радостью для себя сообщали, что на участке Шумном осталось два ведра солярки, а докеры Тикси бастуют пятые сутки, хотя они в это время празднуют открытие навигации и разгружают «пьяный» пароход. Надзирающие органы четко следили за применением кодов и иногда наказывали радистов. Как-то прилетел к нам в партию особист, прошел прямо к радисту, проговорил с ним несколько минут и улетел. Радист неделю не разговаривал. Мы долго пытали его, надеясь узнать причину его молчания и только спустя несколько дней, он признался, что попросил у филиппинцев прислать ему евангелие. Они в своих передачах всегда предлагали эту книгу бесплатно всем желающим. Книга в те годы почему-то считалась крамольной.

Аркадий был классный радист. Он пришел в геологию из военной авиации и часто рассказывал летные байки. Одна из них особенно запомнилась. В летном училище, где он учился, некоторые курсанты хорошо выполняют все полеты, но не могут сажать самолет из-за страха перед приближающейся землей. У них был майор – инструктор, который избавлял курсантов от этого страха за один сеанс. Ручки штурвалов их самолетов были съемными и майор, при отказе курсантов сажать самолет, снимал свою ручку, открывал окно и выбрасывал ее. Курсанту ничего не оставалось, как сажать самолет самому. Вот такой боязливый курсант учился вместе с Аркадием. Настало время отработки посадки самолета и его предупредили о намерении инструктора быстро научить сажать самолет. Курсант ночью снял с соседнего самолета запасную ручку штурвала. Утром взлетели, выполнили комплекс упражнений, и инструктор приказал сажать машину. Курсант отрицательно замотал головой. Видишь, - сказал инструктор, сняв

свою ручку штурвала, открыл окно и выбросил ее. Курсант снял свою ручку, открыл окно и тоже выбросил. Инструктор обомлел и тут же выбросился с парашютом, а курсант вытащил из-под сиденья заранее подготовленную ручку и благополучно посадил самолет. И таких баек у Аркадия было много.

В январе – феврале на базу начали прилетать специалисты. Требовалось жилье. Строили утепленные палатки. Поселок разрастался. Трактора разгрузили и начали готовить к обратной дороге. Я собрал каменный материал (образцы, бороздовые пробы и т. д.), геологическую документацию и выехал колонной тракторов в Первореченск. Наш путь пролегал через тот же Первомайский перевал и село Оклан. Я устроился в кабине одного из тракторов. Это был трактор Александра Тексина – опытного рейсовика из Таловского совхоза. Налегке мы без труда добрались до села Оклан, где оказалась база отдыха совхозных рейсовиков. Для этого приспособили обычный дом в небольшом селе, который был открыт круглые сутки для всех рейсовиков. Здесь они останавливались, как правило, на ночевку. Спальных мест мало, поэтому ночевали в тракторах или у знакомых. В доме стоял большой стол, за которым и происходила основная «релаксация».

Когда мы прибыли в Оклан, там уже отдыхали ребята из Аянки, Слаутного и Манил. Все искренне обрадовались нам. Мои трактористы (я говорю «мои», т.к. меня определили старшим колонны) тут же пополнили ряды отдыхающих. Прежде всего, сгоняли в магазин и внушительно увеличили на столе запасы винно-водочного субстрата и закуски к нему. Судя по размаху веселья, я сразу понял, что в ближайшие сутки уйти отсюда будет непросто. Вновь прибывшие быстро догнали общий градус веселья, и тормоза уже не держали. Для жителей села Оклан рейсовики были как заезжие артисты. Практически все местные были соучастниками общего «отдыха». Конечно, выезд на следующий день был категорически невозможен.

В разгар веселья в дом вошел мужчина, по виду местный. Он был весь в крови и не выговаривал половину алфавита. С трудом объяснил, что пришел домой, а там с его женой кто-то. Ему предложили взять топор и разобраться с чужаком. Он ответил, что пытался, разве не видно по кровавым подтёкам. Выпив и немного посидев, он встал

и направился к двери, пробубнив: «Может быть, уже можно домой». Нравы в селе были еще те. Тогда мне подумалось, что надо сделать всё, чтобы маршрут грузоперевозок миновал село Оклан.

Только на вторые сутки удалось сдвинуть колонну. Оставшиеся 60 км до Манил ехали долго, около суток. Я ехал во втором тракторе и оба моих тракториста (основной и помощник) были совершенно «мягкими». Головной трактор часто останавливался, а за ним все остальные. При этом они выстраивались во фронт. Во время остановок все успевали немного принять «на грудь». Собственно, остановки организовывались именно для этого. До Манил добрались очень даже веселыми. Здесь так же, как и в Оклане, был свой «кильдым» - место отдыха и релаксации. Больших трудов стоило оторвать от компании одного тракториста, который отвез меня с грузом до Первореченска (это в 9 км от Манил). А впереди, еще дорога в Корф.

С началом разворота работ на Сергеевском месторождении, базу экспедиции перевели в поселок Корф. Это решение было спорным. С одной стороны, Корф – это незамерзающий морской порт, солидный аэропорт, более цивилизованный поселок с развитой инфраструктурой и т. д. С другой стороны, удалились от объекта работ еще на 250-300 км. И это не очень хорошо.

Зима 1973 года в Корфе оказалась напряженной. В короткие сроки необходимо было составить отчет о полевых работах 1972 года, а также новый проект работы Чехминского отряда. Кроме того, возникло немало проблем с организацией этого отряда, набора рабочих и ИТР для решения геологических задач.

Отчет по работе за 1972 год был написан и защищен оперативно. Нашим пробам в Центральной лаборатории (г. Петропавловск-Камчатский) дали зеленый свет. Многие искренне радовались высоким содержаниям золота и серебра в наших пробах. Дробление проб, их квартование происходило в Корфе. Дробильный цех тогда возглавлял Н. И. Смаровоз. Дробильщицами работали, в основном, женщины. Хочется отметить, что это был очень дружный коллектив, и они много сделали для того, чтобы пробы без задержек доставлялись (авиагрузом) в центральную лабораторию геологического управления. Для этого им иногда приходилось работать и по две смены.

По результатам работ 1972 года значительно увеличилось количество кварцевых жил. А среди ранее выявленных жил появились новые сечения с высокими содержаниями золота и серебра. Все материалы подтвердили обоснованность постановки предварительной разведки.

Параллельно с написанием отчета составлялся проект Чехминского отряда, площадь работ которого находилась на восточном фланге Сергеевского рудного поля. Шла организация полевых работ. В задачу отряда входили поиски новых кварцевых жил на флангах месторождения и их изучение поверхностными горными выработками. Кроме того, в долинах ручьев Шумного и Букварь заложили несколько шурфовочных линий для оценки россыпной золотоносности.

А в это время на самом Сергеевском месторождении расширялся поселок. Появились дома, срубленные из местной лиственницы. В отдельных его частях появились «элитные» строения из экологически чистого материала. Район этот назывался «Нахаловка». Для тех лет это некий «аналог» сегодняшней московской «Рублевки». Их возводили подземщики, особая каста в разведочных партиях. Они всегда обустроивались основательно.

Фото панорама поселка

Пополнялись кадры ИТР (как правило, молодые специалисты) и рабочих. Природные и бытовые условия быстро заставили сплотиться всех. Так было всегда; чем сложнее условия – тем сплоченнее люди. Отсюда начали свою геологическую карьеру Вениамин Зайцев,

Нина Зайцева, Виктор Уваров, Антонина Уварова, Виктор Хворостов, Людмила Безрукова, Людмила Гимадеева, Любовь Кравченко, Валерий Виноградов, Татьяна Виноградова, Владимир Сосновский, Рашид Газизов и др. Все они в дальнейшем состоялись как специалисты высокого уровня.

В. Зайцев после работ на рудном золоте (Сергеевском и Аметистовом месторождениях) прошел хорошую школу в Пенжинской ГРЭ, где познал азы россыпного дела. Впоследствии возглавил геологический отдел ПГО «Камчатгеология», а затем руководил геологическими службами в горнорудных компаниях Корякии и ЗАО «Корякгеолдобыча». В настоящее время заместитель генерального директора ЗАО «Корякгеолдобыча». Стал кандидатом геолого-минералогических наук.

Под руководством В. Уварова начались первые буровые работы на месторождении. Именно он приступил к бурению первой скважины №28 на участке Центральном. Запомнилась ее глубина- 240 метров. Тогда получили первый керн с глубоких горизонтов месторождения. Это было время, когда каждый из молодых специалистов в Сергеевской ГРП что-то делал впервые. От этого все получали необыкновенный драйв.

*Скважина №28
В. Уваров*

Позже Виктор Уваров был одним из первых, кто организовывал ЗАО «Корякгеолдобыча» и стал его первым генеральным директором. Именно он совместно с Владимиром Логиновым, Виктором Улановым, Виталием Кошелевым и др. выполнили самую черновую работу при становлении компании. Это потом, много позднее, к ней приросли другие люди.

Стремительную карьеру сделал В. Хворостов. После Сергеевки и разведки Аметистового месторождения он возглавил геологическую службу ПГО «Камчатгеология», став главным геологом. Затем побывал

в должности главных менеджеров нескольких горнорудных компаний и даже попрактиковался во властных структурах Петропавловска-Камчатского. Сегодня где-то организывает очередную горнорудную компанию.

В. Виноградов был последним начальником Сергеевской ГРП. Мало кому известно, что именно он является тем, кто оставил конкретную надежду на возрождение разведочных работ на Сергеевском месторождении. Благодаря именно его профессионализму на месторождении пробурена скважина глубиной 501 м, которая подсекла рудное тело с высокими содержаниями золота и серебра. Это была первая (или одна из первых) скважин, пробуренных на рудном месторождении Камчатки на такую глубину. Сегодня В. Виноградов проживает в Германии, где признан классным специалистом по бурению скважин в различных регионах мира. Он имеет высокий европейский сертификат специалиста по бурению.

Л. Безрукова, пожалуй, является аборигеном разведочного периода. Это они совместно с В. Виноградовым бурили ту самую скважину, которая оставила надежду на возвращение геологоразведочных работ на месторождении. Тогда их осталось около 10 человек на базе Сергеевки. Основная ликвидация партии уже прошла. Я представляю

Безрукова Л.А.

ту радость Л. Безруковой и В. Виноградова, всех буровиков, когда они вскрыли «слепое» рудное тело (с высокими содержаниями золота и серебра), которое изменило прогноз по месторождению. Предлагаю Л. Безруковой и В. Виноградову дополнить мои воспоминания периодом разведки месторождения. Думаю, что это будет интересно многим. Отрадно, что Л. Безрукова до настоящего времени является ведущим полевым геологом.

Здесь начал самостоятельные топогеодезические работы В. Сосновский. Он первым на месторождении разбил топографическую сеть и увязал все горные выработки. Сегодня руководит большим отделом то-

по-геодезических работ в г. Новосибирске.

Л. Гимадеева является одним из первооткрывателей Сергеевского месторождения. Еще будучи студенткой, она проводила здесь шлиховое опробование, отбор штучных и металлометрических проб, а в 1970 году участвовала вместе со мной в полевых работах уже как молодой специалист, в процессе которых выявились практически все золоторудные кварцевые жилы, ставшие впоследствии объектами для предварительной разведки. Она является соавтором отчета по первой Сергеевской партии. Именно в этом отчете была составлена первая карта месторождения, впервые описаны золоторудные кварцевые жилы, их вмещающие породы и приконтактные изменения. Здесь же началось ее увлечение геохимическими методами поисков.

Было время, когда многие геологи подшучивали над теми, кто строил геохимические ореолы (особенно, по потокам рассеяния) и даже пытался вести подсчет запасов по ним. Со временем эти работы стали восприниматься серьезнее. А сегодня рассматриваются как один из надежных методов поисков. Особенно актуальным данный метод представляется при поисках золоторудных месторождений, связанных с метасоматитами. Нахождение таковых вероятно в пределах Ветроваямского вулканогенного поля, где работами Л. Гимадеевой (Ветроваямский геохимический отряд, 1985-88 г.г.) установлены аномальные геохимические поля рассеяния золота и сопутствующих элементов (Гимадеева Л.Ф., 1988ф).

По взаимоотношениям микроэлементов и величине коэффициента корреляционных связей между ними можно судить о глубине среза месторождения. По тем же критериям можно судить о вертикальной зональности рудных тел. По расчетам Л. Гимадеевой между двумя рудными телами в жиле № 1 Сергеевского месторождения, вскрытыми штольневой горизонтальной и скважиной на горизонте 315 м, прогнозируется минимум еще одно «слепое» рудное тело. Это может значительно увеличить запасы золота и серебра.

Моя жена, начиная с первых лет нашей жизни, всегда разделяла со мной все тяготы полевых работ и жизни в далёких камчатских посёлках. Я безмерно благодарен ей за самоотверженную работу, особенно в начальной стадии поисковых работ на Сергеевском ме-

сторождении, когда наряду с организационными и техническими сложностями оказались и высокие физические нагрузки.

В одной из командировок в Петропавловск-Камчатский меня представили новому начальнику геологического отдела КГУ по фамилии Фрайбергер, имени-отчества не помню. Он интересовался работой на Сергеевском месторождении. Я, конечно, доложил о ситуации и последних результатах. Больше всего он удивил меня вопросом о моей личной интуиции в отношении месторождения. То есть, чувствую ли я наличие такового? Что я мог тогда ответить? Сказал утвердительно. Месторождение, несомненно, есть и, в подтверждение этих слов, показал образец кварца с золотом (лучше бы я этого не делал). Через мои руки прошли лучшие образцы с золотом с Сергеевского месторождения, но этот был самым впечатляющим, музейным. Я чувствовал, что, практически, расстаюсь с ним, так как наверняка станет вопрос о передаче его в геологический отдел, якобы для рекламы месторождения. Так оно и случилось. Мне мягко намекнули, что такие образцы помогут решить судьбу месторождения. У меня не было выбора. Осталось согласиться. А образец представлял собой кусок кварца из развалов жилы Шумной, весь пропитанный золотом. Оно присутствовало в виде мономинеральных желваков, прожилков до 2-3 мм, агрегатов зерен кристаллов, натечных форм размером до 3-5 мм. Содержание золота от общей массы кварца составляло не менее 15-20 %. Судьба этого образца неизвестна. Скорее всего, он «потерялся» вместе с начальником геологического отдела, который совсем немного поработав, покинул Камчатку. В своей работе ничем не запомнился, кроме оригинальной фамилии.

В той же командировке я получил радиограмму от начальника Сергеевской ГРП с просьбой найти электрослесаря на подземные горные работы. Я зашел в отдел кадров и сделал заказ. На следующее утро захожу в вестибюль управления и, буквально, пробираюсь сквозь толпу каких-то людей. Вскоре выясняется, что эти люди пришли устраиваться на работу. Якобы, с севера прибыл человек для набора рабочих. Я и представить не мог, что таковым являюсь именно я. В отделе кадров П. Головин (начальник кадров) сказал: «Выбирай». Созвонился с начальником партии и спросил, не нужны ли еще ка-

кие-либо рабочие. Выяснилось, что требуются еще кое-какие специалисты, в том числе и проходчики. Желających оказалось много. Пришлось провести конкурс. Набралось более десяти человек.

Не помню как, но приобрел на всех билеты и привез их в аэропорт. Не удивился, что рейс сначала отложили, а затем перенесли на следующий день. Тогда редко кому удавалось вылететь с первого захода. На следующий день кое-кого из моей команды не досчитался. Кто-то подрался и их увезли в милицию. Пришлось выручать. Милиция меня отчитала, что я со своими рабочими плохо провожу политико-воспитательную работу. Я обещал исправиться, при этом объяснил им, что как только я увезу их на север, где они будут трудоустроены, у милиции на юге Камчатки станет меньше работы. Они правильно смекнули и взяли под охрану всю мою команду, а через час поинтересовались, не требуется ли мне еще десятка два таких рабочих. Уж очень они их достали. Улетали несколько дней. Наконец установилась погода, и все мы в сопровождении милицейского эскорта направились к трапу самолета. Многие из этих рабочих полюбили наш образ жизни и остались в геологии на долгие годы.

Лето отличалось большим наплывом гостей. О Сергеевском месторождении прослышали некоторые организации и институты. И, конечно, в первую очередь наши соседи. В то время в Магадане процветал СВКНИИ. Это был хороший, настоящий НИИ (в отличие от многих других в стране) с грамотными научными кадрами. Институт ежегодно издавал свой журнал с обзором новостей различных отраслей, в том числе и геологических. Вот из этого института на Сергеевку добралась группа их сотрудников. Среди них был бывший работник нашей экспедиции В. Василенко, а с ним геолог Красный (сын известного доктора ГМН наук Красного Л. И.). Кстати, в этом институте работал В. Ф. Белый, большой специалист по Охотско-Чукотскому вулканогенному поясу. Интерес к новым золоторудным объектам всегда был высок. И в научном мире тоже. Возникали новые темы. Кому-то необходима была научная карьера. Группа из СВКНИИ летела с Магадана на вертолете МИ-4, который по каким-то причинам не нашел нашу базу, и они появились здесь пешком, оставив груз в 8-10 км восточнее базы. За грузом отправили трех лошадей. Нас, конечно, опере-

дил медведь. Он не все уничтожил. Кое-что осталось. Самым загадочным стало исчезновение большого брезентового баула (это больше обычного мешка) с картошкой. Он исчез бесследно. В радиусе 2-3 км не нашли ни единой картофелины. Такое ощущение, что он взвалил баул на плечо и осторожно унес далеко-далеко. Необычную картину однажды наблюдала моя жена, когда с ее базы Ветроваямского отряда бежал медведь на трех лапах, держа под мышкой мешок с мукой. Зрелище неслабое. Видимо, таким же способом медведь унес баул с картошкой.

Научные сотрудники рассказали о новостях светской жизни в стране, а также о новых сведениях по геологии. В это время на Северо-Востоке и Дальнем Востоке были открыты и начаты разведочные работы на нескольких золоторудных месторождениях. Большие перспективы ожидалось на Карамкене, где содержания золота и серебра достигали первых сотен г/т. Ритмично-полосчатый кварц с этого месторождения на первый взгляд был безрудным. Образцы такого кварца показали начальнику управления Драбкину И. Е. и сказали, что содержание золота высокое, но оно невидимое. Израиль Ефимович обратил внимание геологов на темные тонкие полосы кварца. Когда рассмотрели под биноклем, то увидели тонко распыленное золото. Все-таки было какое-то природное чутье на золото у этого человека.

Карамкенское месторождение разведали быстро, построили ГОК, который принимал лично Алексей Николаевич Косыгин – председатель Совета министров СССР. Колымчанам (золотодобытчикам) тогда повезло. Косыгин попросил их нарастить добычу золота, а взамен существенно увеличил фонды поставки техники, оборудования, материалов, снаряжения и т. д.

В то же лето Сергееву посетил главный геолог управления Т. В. Тарасенко. Побывать здесь ему было вдвойне интересно. С перевала участка Центрального хорошо просматривается Ичигемский хребет, где он, будучи молодым техником-геологом, в 1949 году начинал свою работу на Камчатке.

Следом за магаданцами прилетела группа сотрудников ЦНИГРИ – Щепотьев Ю. М., Андрусенко Н. И. Все-таки мир тесен. В 1964-65

г.г. я был на практике в Берелехской экспедиции Северо-Восточного геологического управления, где одну из партий возглавлял Ю. М. Щепотьев. В связи с этим, у нас оказалось немало общих знакомых. А сейчас он был в роли старшего научного сотрудника головного института благородных металлов. К этому времени он уже стал кандидатом геолого-минералогических наук. Диссертацию защитил по Южно-Камчатским месторождениям. Его спутница, Надежда Иванова, тоже кандидат наук, занималась изучением газово-жидких включений, декрипитацией кварца и определением на этой основе температуры образования кварца.

Их визит связан со сбором материалов по золоторудным месторождениям Северо-Востока и Дальнего Востока страны. Но и для нас он был важен. С их слов в ЦНИГРИ постоянно «обитал» куратор от ЦК партии, который отслеживал появление новых перспективных объектов, и, при необходимости, влиял на их финансирование. Особо крупные месторождения тогда включались в решения съезда партии, и для такого объекта открывалась зеленая улица по всем направлениям. Ю. М. Щепотьев сразу начал покровительствовать нашему месторождению. Думаю, что он высказал свое положительное мнение при распределении финансирования разведочных работ. Кроме того, дал мне несколько хороших советов по написанию диссертации. В это время я учился в заочной аспирантуре при Казанском университете на кафедре полезных ископаемых у В. А. Полянина. С Надеждой Ивановной мы представили на одном из совещаний совместный доклад о температуре образования руд Сергеевского месторождения. С помощью этой группы были сделаны кое-какие химические и минералогические анализы руд нашего месторождения в лабораториях головного института.

В те, уже далекие советские времена, различные отрасли в геологии курировали конкретные люди от большой науки. Золото – Г. П. Волорovich, олово – С. Ф. Лугов, ртуть – Федорчук В.П. и т. д. Удобно было. Знали, с какой отраслью к кому обратиться. Главное, доступ к ним был достаточно свободным. Не без их участия решались вопросы об ассигнованиях тех или иных месторождений. Они знали даже мало-мальски значимые месторождения, зачастую, очень даже де-

тально, так как многие из них посещали лично.

Вот с такой целью появился на Камчатке один из главных оловянных щиков страны С. Ф. Лугов. Он прибыл, чтобы ознакомиться с Айнаветкинским оловорудным месторождением. Оно ему понравилось. Говорят, что, увидев руды Айнаветки, он воскликнул, что это вторая Боливия. Наверное, он нам слегка польстил, так как ассигнования по олову очень быстро сократились. Совсем неожиданно Лугов С. Ф. прилетел на Сергеевку. Он сразу оговорился, что об этом его попросил министр геологии РСФСР Лев Иванович Ровнин. Мы провели с ним экскурсию, показали типы руд, тогда было что показать. Это было летом. Стояла великолепная погода, вокруг красивые пейзажи. Почему-то наши края он сравнил с Крымом. Прилетел бы он в декабре!!! Тем же МИ-4 с небольшой коллекцией типов руд улетел в тот же день.

Лугов С. Ф., Гимадеев Ш. Ш., старший геолог ГРП Шипицын Г.П. на месторождении

Популярность Сергеевского месторождения росла. Летом 1973 года рудами Сергеевки заинтересовались научные сотрудники Читинского НИИ. Один из его сотрудников прилетел на МИ-4 с копиями фото из отчета первой Сергеевской партии. На фото были различные типы руд, в том числе полосчатые (самые продуктивные), каркасные и др. Сотрудник даже толком не представился и в категорической форме потребовал образцы этих руд. Человек, вроде, из Сибири. Даже москвичи не могли позволить себе такое «нахальство». Пришлось его слегка «приземлить», но несколько образцов все-таки дали. Я хо-

рошо понимал, ему нужен был еще один геологический объект для встраивания в его «глобальную» научную работу. Иногда такие люди приезжали с рекомендациями больших министерских начальников в полной уверенности, что мы бросим все свои производственные дела и срочно начнем собирать нужные им материалы. Не секрет, что такие псевдо ученые нередко наши материалы из производственных отчетов выдавали за свои.

На Камчатку с началом летних месяцев устремлялись представители самых разнообразных организаций. Многих, особенно из столичных городов, привлекал наш край. Сюда стремились ихтиологи, биологи, этнографы, топографы, геофизики и, конечно, геологи. Камчатка была «модной» и побывать в наших краях считалось престижным.

Многие годы, как на юге, так и на севере Камчатки, работали ребята из ВАГТа (Всесоюзного аэрогеологического треста). Они вели плановые геологические съемки и поиски масштаба 1:200 000, 1:50 000, различные тематические исследования, даже проводили аэро-съемку побережья Пенжинской губы. Пытались найти погребенные россыпи. Иногда их работы были результативными. Но была одна беда, как и у нас: зачастую не хватало заверки. Если мы не могли что-то оперативно заверить, то им это сделать было еще сложнее.

Наряду с этим у геологов ВАГТа кое-какие работы выполнялись на более высоком уровне. Все-таки это был аэрогеологический трест. По сравнению с нами они лучше владели аэрофотоснимками (АФС), изготавливали и имели фотоматериалы более высокого качества. Они вырастили своих хороших и классных дешифровщиков.

Одна из этих групп прибыла на Сергеевское месторождение, чтобы на месте проверить свои дешифровочные признаки. Возглавлял эту группу В. Фомин. Надо отдать им должное, они прибыли со своими аэрофотоснимками (АФС), где были отдешифрированы не только границы различных геологических объектов, но и некоторые кварцевые жилы на месторождении. Часть из них действительно подтвердилась на местности. Территории Сергеевского месторождения повезло. На эту площадь были современные (по тем временам) и вполне хорошо-го качества АФС, и действительно на них четко вырисовывались мно-

гие геологические объекты. Это позволило нам впервые с помощью качественных АФС дистанционно заложить поверхностные горные выработки с высокой точностью для вскрытия золотоносных жил на участке Центральном. На АФС главная жила № 1 читалась отчетливо. В это время разведочные работы на ней только разворачивались. Склон был практически нетронутым, и поэтому жила просматривалась, почти, на всем протяжении. Воспользовавшись этим, я отправил на склон с портативной радиостанцией техника-геолога Березкина В. П., а сам остался внизу с другой радиостанцией. По моей корректировке он установил штаги по осевой части жилы на всем ее протяжении. Точность заложения канав после такой разметки была идеальной. Это ускорило вскрытие и изучение жилы № 1 поверхностными горными выработками, значительно сократило их объемы.

С геологами аэрогеологического треста я сотрудничал многие годы (не менее 20 лет). Со многими сдружился и до сих пор поддерживаю контакты. Они не кичились своим московским происхождением, за что находили среди нашей геологической братии любую помощь и поддержку. Нередко пересекались наши геологические маршруты в полевых условиях. Это были полезные встречи для обеих сторон. При этом сопоставлялись различные сведения о геологическом строении территории. Бросались в глаза их маршрутные рабочие. Оказалось, что рабочих они набирают по большому конкурсу. Это не простые рабочие. Многие из них со степенями математических, физических и других наук. На полевой период они оставляли свои кафедры, лаборатории и ежегодно боролись за право побывать на Камчатке, а затем всю зиму рассказывали своим коллегам геологические байки. Это были очень высокоинтеллектуальные рабочие. Они мало чего умели, но в отличие от наших, были вежливы и учтивы, не сквернословили, говорили только на классическом русском языке, если пили, то умеренно. Послать такого рабочего куда-нибудь «по матери» или дальше, у геологов язык не поворачивался. Вопрос, какой рабочий лучше для полевых работ, остается дискуссионным.

Однажды я отправил нашего вездеходчика Виктора Панченко на один из лагерей московской партии. Они попросили что-то перебросить на другую стоянку. Вездеходчик вернулся в крайнем возбужде-

нии и долго рассказывал, как живут в поле москвичи. Мне он сказал, что нам так не жить. Оказывается, в центре их лагеря за столом повара раскатывала тесто бутылкой, но не пустой, а полной, с водкой. Самое странное, сказал он, что никто не просил или не хотел водки. Ну, как такое может быть, тем более в поле?

В круглогодичных партиях рабочие нередко просили легализовать алкоголь. Некоторые считали, что это не помешает работе. Пришел с мороза, как они говорили, и принял граммов 150-200 для здоровья. Согласен, что при наших морозах это действительно не повредит. А как быть с «тормозами»? У многих они отсутствуют. Ведь тогда прощай «план» и заработок тоже.

Как-то на Чехме проходчики в очередной раз подняли этот вопрос, и я предложил эксперимент. Дело было зимой. Решили, что 200 граммов (чехминских) водки будут выдаваться ежедневно к обеду. Продержались чуть более недели. Наш народ находчивый. Норма 200 граммов при наших морозах, почти ничто. Через 1-1,5 часа от «кайфа» не остается и следа, поэтому рабочие начали объединять пайки и принимать их по очереди. Сразу возникли проблемы, и эксперимент пришлось остановить. Об этом попросили сами проходчики. Всем стало ясно, что свободное присутствие алкоголя в полевых партиях пока не желательно. Во многих партиях практиковалась брага. Я был противником этого напитка и очень жестко пресекал его изготовление. В тоже время не было случая, чтобы мы не отметили чей-то день рождения или не отпраздновали крупные праздники (Новый год, 1 мая, 7 ноября и, конечно, День геолога). Для этого всегда находился достойный алкоголь.

Однажды летом к нам пожаловал министерский чиновник, проезд которого, по-моему, ничего не решал. Судя по всему, он был экономистом. Фамилия какая-то грузинская. Скорее всего, он выпросил командировку из туристских соображений. Побывать на Камчатке (тем более, летом) хотелось многим, а за счет государства - очень многим. Глядя на нашу первую буровую с треногой из местной лиственницы, он долго смеялся. Сказал, что в стране давно забыли про такие треноги. Это была первая скважина №28, которую бурил В.Уваров. Горестно было слышать «издёвку» министерского чиновника. А

тренога – вынужденная мера в наших конкретных условиях. Жаль никто не намекнул ему, что это позор прежде всего того министерства, которое он представлял.

А следующий визит, несомненно, был важен для Сергеевской ГРП. В июле 1973 года на Сергеевское месторождение собралась комиссия из Москвы во главе с замминистра геологии Ф. М. Морозовым. Вместе с ним был начальник главка (фамилию не помню). Министерскую группу сопровождала местная партийная элита – предрайисполкома Никора, инструктор обкома партии Сергеев, геологическое начальство Камчатского ТГУ и я, для проведения экскурсии по месторождению. Взлетели с аэропорта Тилички на вертолете МИ-4. Перед взлетом поменяли командира. Должен был лететь Борис Ожиганов – очень опытный пилот, но почему-то за левое кресло сел Юрий Борисов. Возможно, Б. Ожиганов уже вылетал свою саннорму. Вертолет для этого выделили «министерский». Пилоты звали его «белая лошадь». В его окрасе было много белого. В салоне стояли три мягких кресла. Эта машина всегда была в резерве, в ожидании важных персон. Буквально на вертолетной площадке напросился с нами в полет инженер по спецприменению по фамилии Кристалл. Вот такой компанией мы полетели в сторону Сергеевского месторождения. По дороге, в аэропорту поселка Каменского (это районный центр), подобрали первого секретаря Пенжинского райкома Писаренко. Без него мы просто не могли лететь, т.к. это была его вотчина, и он давно искал повод посмотреть, что же там делают геологи. Здесь нашу компанию угостили рыбными копченостями. Посол «бичёвский», но рыба была вкусная. Местные знатоки московским гостям порекомендовали попробовать корюшку. Она им понравилась. Корюшку в районе любили все, от мала до велика. Недавно прошел нерест, и рыбой были увешаны все поселки.

В это время в районе аэропорта гидрогеологическая партия бурила скважину на воду. Московским чиновникам представили начальника партии Валерия Сазонова. Его вид очень впечатлил замминистра. На вид он был как помбур – в промасленной робе. По-деловому он отрапортовал про дела гидрогеологические. Надо отметить, что партия Сазонова была «на щите». Она всегда выполняла план и реша-

ла геологическую задачу. Валера хорошо знал экономику и, в отличие от многих, его партия почти всегда получала премию. Заместителю министра В. И. Сазонов понравился, и он порекомендовал И. А. Усольцеву (в ту пору начальник Северо-Камчатской ГРЭ) продвигать его выше. Усольцев усмехнулся. «Куда же выше - буркнул он, - разве, что начальником экспедиции, тогда мне куда?». Вот и поговорили.

Взлетели с аэропорта Каменское на север. Через 30-40 минут полета мы попали в густую дымку. В долине реки Пенжины горела тундра. Пилоты потеряли ориентиры и пригласили меня осмотреться и найти местоположение по каким-нибудь приметам. Я увидел очень характерную вершину (это была гора Чехма) и мы вскоре вышли на базу Сергеевской партии. Чтобы комиссия не утруждала себя подъемом, решили садиться на перевале. Это действительно было удобно. Отсюда всё месторождение как на ладони, самое главное рудное тело начиналось именно здесь. Условия для посадки на перевале были стандартные. Никаких особых преград не было, двусторонний заход. Но так считал я.

На деле все обернулось аварией. То ли командир перенервничал в полете из-за потери ориентиров, то ли по каким-то другим причинам, но вертолет при посадке жестко ударился об землю, а затем попытался взлететь, но оборотов уже не хватило. Вертолет перевернулся. Улетели несущие винты, хвостовая балка, внутри салона сорвало с тросов 500 литровую запасную емкость. Открылась дверь салона и из нее выпал вьючный ящик. Вертолет продолжал переворачиваться и придавил ящик.

Первые минуты после аварии вертолѐта

Как ни странно, но ящик выдержал и оставил дальнейшее переворачивание. Он практически спас нас, так как дальше начинался штольневой рельеф, т.е. крутой склон. Ящик был набит спецлитературой, среди которой было 5 бу-

тылок коньяка. В салоне находились 12 человек. Все начали быстро покидать вертолет, т. к. в любой момент мог произойти взрыв. Нам повезло. Взрыв не состоялся. Позже кто-то сказал, что этим мы обязаны бортмеханику Петру Лебедеву, который успел перекрыть подачу бензина.

На следующий день летная комиссия подтвердила, что мы все родились в «рубашках». Был только один шанс из ста, чтобы мы не взорвались. Видимо, там, «наверху», нас пока не ждали. Не обошлось без ранений. Больше всех пострадал бортмеханик. Запасная емкость придавила ему грудную клетку. Инженер по спецприменению сломал ногу. Остальные отделались ушибами. Московские гости практически не пострадали. Они сидели в мягких пассажирских креслах. Замминистра выбрался из вертолета в руках с корюшкой. Самым расторопным оказался инструктор обкома Сергеев. У него был фотоаппарат, и он успел сделать серию снимков.

Следом за нашим вертолетом из пос. Манилы вылетел еще один вертолет. Он вез какой-то груз для партии и сел на площадку в поселке партии в тот момент, когда разлетались лопасти нашего вертолета. За нашей аварией снизу наблюдал весь поселок. Когда рассеялась пыль, то все увидели на перевале вертолет, лежащий колесами вверх. Это было не слабое зрелище. Через 2-3 минуты второй вертолет (командир Игорь Томашевский) приземлился на перевале и забрал раненых. Пожалуй, самое худшее состояние было у командира Ю. Борисова. За ним пришлось приставить кого-то, так как его психологическое состояние было на грани срыва. На всякий случай забрали его пистолет.

Несмотря на ЧП, министерская комиссия и сопровождающие лица решили в тот же день ознакомиться с месторождением. Я провел экскурсию по участку Центральному и ознакомил с основными золоторудными телами, а затем уже в камералке рассмотрели все геологические материалы по месторождению. Не знаю почему, но вспомнился наш геологический вьючный ящик. Надо отдать должное - добротные ящики производили тогда для нас. Немало потрудились, прежде чем извлекли коньяк. Все-таки есть что-то необъяснимое в алкоголе. В полевых партиях нередко возникают поводы, которые

необходимо отметить. Вот и сейчас коньяк оказался очень даже кстати. С его помощью мы в какой-то мере сняли стресс.

Летная комиссия прилетела только на следующее утро. Накануне договорились о версии, как это произошло. Мы знали, что завтра всех допросят, старались как-то облегчить судьбу командира, написали заявление о том, что высокая московская комиссия настояла на посадке именно на этом перевале.

Слева направо: заместитель министра Морозов Ф.М., Гимадеев Ш.Ш., первый секретарь Пенжинского райкома партии Писаренко, начальник Северо-Камчатской ГРЭ Усольцев И.А., председатель Олюторского райисполкома Никора в первые минуты после падения вертолета.

Специалисты по разбору аварии быстро восстановили истинную картину происшедшего. Конечно, наши дилетантские доводы не повлияли на их решение. На разбор аварии прилетел сотрудник КГБ. Многие пассажиры были далеко не рядовые граждане. Он внимательно и дотошно расспросил всех и, по-моему, удостоверился, что авария не была спланированной кем-то. Что ж, он выполнял свою работу.

Слева направо: Усольцев, Никора, начальник Главка, Ф.М.Морозов, старший геолог Г.Шуницын, Ш.Гимадеев у штольни №2

Вот, так закончился этот полет на Сергеевское месторождение. Инженеру по фамилии Кристалл прооперировали ногу, она стала короче. Бортмеханик подлечился и продолжал работать. Командира перевели вторым пилотом. Ушибы пассажиров зажили. Авария всех нас как-то сблизила и даже сдружила. Несколько лет после этого, бывая в Москве, я мог без предварительных согласований пройти к замминистра и повспоминать наш совместный полет. Только спустя какое-то время все осознали, что могло все закончиться очень даже плохо. Вертолет разобрали на части и вывезли на внешней подвеске в пос. Корф, где его через некоторое время восстановили. Он всегда стоял в резерве. Мне еще неоднократно приходилось на нем летать. Многие пассажиры этого рейса до сих пор хранят как сувениры куски от лопастей вертолета МИ-4 с бортовым номером 29077.

Большим подспорьем для Сергеевского месторождения оказались лиственничные леса. В Корякии они произрастали только к северу от реки Оклан. Лиственничка использовалась в строительстве домов, как крепкий лес в штольне и, конечно, это дрова. Представляю, сколько бы возникло сложностей, не будь этих лесов. И этот подарок

природы нами использовался в полной мере.

В летний период редкая декада на Сергеевке обходилась без гостей. Вот, и Волорович Г. П. посчитал необходимым посетить наше месторождение со своей свитой. Это был директор геологического института золота и благородных металлов. Надо же было случиться такому, что именно во время его визита потеряли основную жилу в штольне №2. Буквально до приезда главного «золотаря» страны жила не вмещалась в забой, то есть была более 2.5 м мощности. То ли геологи зеванули, то ли проходчики проявили самостоятельность и подвернули забой не в ту сторону? Такой конфуз, конечно, огорчил геологов. Доктор Волорович решил лично разобраться с «пропажей» жилы, попросил компас, пикетажку, сделал замеры и решительно заявил, что жила «ушла» влево. Его авторитет сыграл свою роль. Тут же задали рассечку влево, причем, видимо, с перепугу, заложили основным сечением ствола штольни, то есть 6.4 м2, а не 2.7 м2, как положено. Очень жаль, что Волорович Г. П. не дождался, когда появится жила. 20-ти метровая рассечка на всем протяжении оказалась пустой. Старший геолог Шипицин Г. П. ходил, как в воду опущенный. Все геологи переживали. Наконец, они проанализировали всю ситуацию, из которой стало ясно, что жилу следует искать в противоположной стороне и рассечка вправо буквально на первых метрах пересекла достаточно мощную кварцевую жилу. Очень хотелось назвать пустую рассечку именем Волоровича. Решили смягчить и назвали «научной». Этот эпизод научил геологов не терять «головы» перед авторитетами.

Весной 1974 года Шипицин Г.П. уехал в отпуск и меня попросили временно поработать старшим геологом Сергеевской партии. Месторождение я знал хорошо, поэтому никакой сложности для меня эта должность не представляла. Да и с коллективом я был хорошо знаком. Исполнять мои обязанности начальника на Чехме с большим трудом уговорил геолога Николая Самылова. Это был не ординарный парень со своей оригинальной философией и не менее оригинальным чувством юмора. Надо отдать должное, геолог он был толковый. Наряду с этим в его характере присутствовало большое «но». Он очень оберегал свою свободу и никак не хотел менять ее на какие-либо командные должности. Тут он прав. Любой начальник не является

свободным. И все-таки я уговорил его, хотя бы до приезда Гимадеевой Л.Ф. На том и договорился.

В то же лето на Чехму неожиданно прислали четырех техников-геологов, молодых специалистов. Вакансий техников не было, и они согласились поработать проходчиками канав. Это были молодые крепкие ребята, закончившие один и тот же техникум и прошедшие армейскую школу. Вот так начали свою деятельность на Камчатке Валерий Вильданов, Виталий Кошелев, Игорь Разживин и В. Костылев. К каждому из них приставили опытного проходчика. Сразу отмечу, что лучшим учеником из них оказался В. Кошелев. И хотя проходчиками они проработали всего несколько месяцев уверен, что это сыграло положительную роль в их дальнейшей жизненной позиции и карьерном росте. Впоследствии В. Вильданов стал начальником Северо-Камчатской ГРЭ, а В. Кошелев заместителем начальника той же экспедиции, а позднее заместителем директора горнодобывающей компании «Корякгеолдобыча», где немало сделал в самый сложный период ее становления. Считайте, что Чехма послужила стартовой площадкой для двух немалых начальников. Кстати, здесь же начинал свою геологическую деятельность первооткрыватель одного из крупнейших месторождений россыпной платины Владимир Николаевич Мелкомуков.

На Чехме своим чередом продолжались поисковые работы, а в это время на Сергеевском месторождении шла подготовка к рекордной проходке штольни. Такая проходка необходима была принципиально. Наши ежемесячные мизерные объемы подземных горных выработок скептически воспринимались в министерских кругах. Требовалось доказать, что партия может увеличить проходкукратно. В связи с этим поставили цель пройти 200 метров. Для бригады Анатолия Дворяка это была высокая планка, но вызов «брошен» и вся партия с трепетом отслеживала буквально каждую смену. Это настроение, конечно, передалось проходчикам и они очень старались. Геологическую документацию и опробование в это время вели две молодые специалистки Людмила Безрукова и Нина Зайцева. А маркшейдерский надзор осуществляла тоже молодая специалистка Татьяна Виноградова. Камчатский рекорд состоялся. Бригада Анатолия

Дворяка прошла тогда 230 метров. Областная газета известила об этом на первой полосе. Этот рекорд стал своеобразной отправной точкой для последующих проходок подземных горных выработок на других Камчатских месторождениях (Аметистовом, Агинском и др.)

В 1974 году в Сергеевской ГРП появился главный геолог. Там, наверху решили, что лучший геолог тот, которого пришлют со стороны. Вариант с Арчилом Григорьевичем Малтизовым был не самый худший. Северянин, коммуникабельный, интеллигент, грамотный, мог сутками читать стихи Расула Гамзатова и других поэтов, кандидат геолого-минералогических наук, правда, по россыпным делам. Он был из обоймы Дальстроя. Как правило, это люди особой категории. Практически все опробованы на работах в очень жесткой форме. Я два полевых сезона провел (будучи студентом) в одной из самых первых геологоразведочных экспедиций на Колыме. Это Берелехская экспедиция, которая базировалась в поселке Нексикан. В начале 60-х годов там работали многие, прошедшие Дальстроевскую

школу. Действительно, эти люди отличались высокой дисциплиной, ответственностью за работу и умели находить выход из сложнейших организационных и производственных ситуаций. Многие из них выглядели физически очень крепкими. Среди них тогда было немало геологов-практиков. Они не имели специального образования, но за долгие годы работы познали все детали и тонкости геологической науки. Будучи в маршруте с таким геологом Владимиром Больших я наблюдал, как он находил фауну триаса или меловую флору, называя их на латыни. Это весьма впечатляло.

А. Г. Малтизов быстро вписался в коллектив. Многим бросились в глаза его дисциплина и аккуратность. Он рано просыпался, ежедневно делал зарядку: гиря-штанга. Всегда чисто выбрит и обязательно с парфюмом, что совершенно необычно для Сергеевки. Он окончил институт в самом начале 50-х годов, прибыл на работу в одну из экспедиций Дальстроя. Из его рассказа он предстал перед начальником и доложил, что прибыл по распределению. Начальник попросил его зайти через 10-15 минут. Они хотели с главным инженером обсудить его место работы. Когда через 15 минут он снова вошел в кабинет, начальник экспедиции объявил, что направляет его начальником разведочной партии. «Я же не справлюсь», сказал Арчил Григорьевич. «Не справишься - посадим», коротко сказал начальник. Через несколько дней, встретив его в коридоре, начальник сказал, чтобы особо не расстраивался, ибо хозяйственной частью займется прораб из расконвоированных зека. Он будет следить за порядком. Вот так Малтизов начал свою трудовую деятельность.

Это была колымская методика подготовки кадров. От этих людей требовалось непременно выполнение геологической задачи. Те, кто смогли выдержать такие испытания, впоследствии становились и хорошими организаторами, и хорошими геологами.

Однажды главный геолог Северо-Камчатской ГРЭ Ляшенко Л.Л., главный геолог Сергеевской ГРП Малтизов А.Г., я и еще несколько сотрудников оказались вместе в командировке в г. Петропавловске – Камчатском. Поселились в гостинице «Авача». Вечерами, после работы собирались в одном из номеров, где поглощали пиво. Для нас тогда пиво считалось большим дефицитом. Да и в городе не всегда

оно было в свободной продаже. О чем могли говорить мужики за пивом с нашей любимой корюшкой? Конечно, о работе. Вот, и мы «гутарили» о своей геологии, причем, очень громко. Не помню, чья была идея, но кто-то вышел в коридор, нашел там милиционера (тогда милиция охраняла гостиничный покой) и попросил его постучать в наш номер и сказать буквально следующее: «Кто здесь так громко говорит о золоторудных месторождениях?» И вот как-то в разгар наших дискуссий раздается стук в дверь, заходит милиционер и задает тот самый вопрос. Думаю, что тот, кто решил над нами так «приколоться» очень пожалел об этом. Если у большинства просто открылись рты и они обомлели, то у Малтизова А. Г. было предистерическое состояние. Кто-то показал на потолок, где находились датчики пожарной сигнализации. Их только-только вводили для гостиниц и различных контор. Многие восприняли их за микрофоны. Стало ясно, что нас давно подслушивают. С большим трудом удалось вывести из оцепенения Малтизова. Он лучше всех из нас знал, чем могли закончиться такие разговоры. Данные о золоте всегда были под прицелом «особых» ребят. В то время все это могло плохо закончиться для каждого из нас.

Как-то летом начались перебои с поставками взрывчатки. В целях ее экономии я решил пройти несколько бульдозерных канав на сопке Ревякинской (сопка названа в честь погибшей вместе с Сергеевым на р. Пенжине Ольги Ревякиной в 1968 году). Обратился в Сергеевскую партию с просьбой выделить бульдозер. Через несколько дней приехал Василий Коваленко со своим бульдозером. В этот же день решили подняться на сопку и начать проходку. Склон был достаточно крутым, но Василий был одним из самых опытных бульдозеристов. Забрались на самый верх. Я устроился к нему в кабину, откуда показал одну из магистральных канав. Она была с южной экспозиции и мне необходимо было удостовериться, сколько таликов снимет бульдозер и сколько затем потребуется «добивки» с ВВ. Работа шла споро, пока не дошли до сыпучего делювия. Не успели сообразить, как этот делювий вместе с бульдозером понесло вниз по склону. Скажу прямо, наше падение было не из приятных. Коваленко крикнул мне: «Прыгай!». Не знаю, что удержало меня. С одной стороны, страшно лететь на Т-130,

а с другой не хотелось оставлять одного Василия. А скорость нашего движения нарастала. Я не знаю, как Василий удержал тяжелый бульдозер на склоне. И, когда он остановился, нас обоих трясло от нервного напряжения. Дальнейшая проходка велась осторожно.

Примерно аналогичный случай произошел, буквально, через несколько дней, когда водитель Федор на вездеходе ГАЗ-47 вез 500 кг взрывчатки на жилу Алтынчеч. Он также поднимался по крутому склону и в один момент умудрился «разуться» сразу на обе гусеницы. Вот тогда пришлось катапультироваться и водителю, и сопровождающему его взрывнику. Вездеход сорвался вниз, пролетел на катках примерно 100-150 м. Его остановил ствол лиственницы. Она выдержала удар и предотвратила дальнейшее падение. Была большая вероятность, что ВВ сдетонирует. Но этого, к счастью, не случилось.

Кстати, жила «Алтынчеч», что в переводе означает «Златоволосая» обнаружена в 1969 году. Это была одна из первых жил, где установлено видимое золото. В том же году родилась моя старшая дочь Светлана. Ее волосы были золотистыми, отсюда и появилось название «Алтынчеч». Находка жилы и дата рождения Светланы, почти совпали.

В одном из маршрутов по сопке Горелой, это к востоку от сопки Ревякинской, мною были найдены среди делювиальных развалов вулканитов 6-7 кристаллов бледно-фиолетовых аметистов. Они лежали так, будто кто-то пришел и высыпал их. Вокруг никаких признаков кварцевых жил, правда, большая часть площади задернована. Примечательно, что размеры кристаллов от 5-7 см и до 20-25 см и до 4-5 см в поперечнике. Жаль, что окраска их выцвела на солнце. В то время я где-то вычитал, что окраску аметиста можно восстановить путем направленных рентгеновских лучей. В поселке Корф был рентгеновский кабинет. Им руководил молодой главный врач больницы. Уговорил его на этот эксперимент. Он согласился и обработал один из кристаллов рентгеновскими лучами. К сожалению, эксперимент оказался неудачным. Возможно, не хватило мощности или интенсивности облучения. Остался вопрос о происхождении этих кристаллов. Судя по всему, где-то рядом была жила и в ней пустоты, «карманы» с такими кристаллами.

С площадки Сергеевской партии вот-вот собирался взлететь вертолет с вновь назначенным начальником Гимадеевой Л.Ф. и грузом на базу Чехминской партии. Буквально перед самым взлетом прибежал техник-геолог Сергей Хуникив, который принес трагическую весть. На Чехме взорвался проходчик Панкратов. Из Сергеевской партии эту весть тут же передали на базу экспедиции, в пос. Корф. А вертолет вместе с медсестрой (тогда на Сергеевке уже был медпункт) и Гимадеевой вылетел на базу Чехмы.

Через несколько часов прилетел следователь и медик из районного центра. Каждый из них делал свое дело. Следователь собрал свидетельские показания, а врач вместе с Гимадеевой собрали все части тела воедино. На следующий день прибыли другие комиссии (РГТИ, КГБ, КГУ). На вторые сутки – комиссия из Москвы (Мингео).

Причину трагической гибели установили быстро: Панкратов работал не в спарке – один. Не секрет, что проходчики взрывные работы производили сами. Один взрывник не мог физически обслужить даже 2-3 горные выработки, а проходчиков было более 15-20 человек. Это было системное нарушение техники безопасности. Лучшим вариантом для нас было бы иметь взрывников-проходчиков, то есть проходчиков с правом производства БВР. Но тогда это было нереально. Проходчики, в своей основе, неплохо знали и взрывное дело.

Разбирая этот трагический случай, у меня осталось ощущение того, что это мог быть самоподрыв, то есть суицид. При проходке канав способ взрывания был электрический. Бурились шпурсы, в которые закладывалась взрывчатка с электродетонатором, затем собиралась цепь и соединялась с магистральными проводами. Последние вводились на безопасное расстояние, а концы их присоединялись к взрывной машинке и производился взрыв. В случае с Панкратовым взорвались не все шпурсы. Не сработали два. Такие «отказы» бывали, и не так уж редко. Панкратов пошел по магистральному проводу, который оказался в нормальном состоянии и в самой канаве увидел два невзорвавшихся шпура. В его руках был самодельный щуп для определения замкнутости электрической цепи. Только самоубийца мог взять концы электродетонатора, торчащего из невзорвавшегося шпура и соединить с полюсами щупа, основой которого была батарея

КБС. Трудно объяснить эти действия Панкратова. Самым необычным в этой трагедии является то, что рядом остался еще один невзорвавшийся шпур и тоже с торчащими концами электродетонатора.

Все комиссии провели тщательное расследование и, конечно, констатировали грубейшие нарушения техники безопасности. Возбудили уголовное дело. Во время трагедии согласно приказа начальником на Чехме считалась Гимадеева Л.Ф. Однако, комиссия приняла во внимание, что она не успела принять руководство партией непосредственно на ее базе. Случись это на несколько часов позднее, вся ответственность легла бы на нее. Уголовную ответственность понесли исполняющий обязанности начальника Н. Самылов, горный мастер В. Сухов и взрывник В. Рыбаков. Они получили условные сроки наказания. После этой трагедии у меня осталось чувство вины перед Н. Самыловым. Ведь именно я уговорил его «порулить» партией на время моего отсутствия.

В районе горы Чехмы, это недалеко от базы одноименной партии, был большой малинник. Мы его заприметили еще во времена геологической съемки масштаба 1:200000, но воспользоваться его плодами долго не могли. Не удавалось побаловаться малиной и позднее, то есть в 1973-74 г.г. Всякий раз нас опережал медведь, и нам оставались жалкие крохи. А малина была необыкновенно душистая и вкусная. И все-таки однажды нам повезло, и мы явились вовремя. Малинник был в длину примерно 100-150 м и шириной 5-10 м. Ягоды тогда уродилось много, и мы наслаждались в полной мере. Но, как выяснилось, не только мы. На хороший урожай, конечно, явился главный хозяин малинника – медведь, с которым мы столкнулись почти нос к носу. Все разбежались в разные стороны, но недалеко. Уж очень хороша была малина. Так и ели, собирая ее, в пределах видимости друг друга. Рассмотрев медведя, поняли, что этот медведь наш хороший знакомый. Дело в том, что он приходил на нашу базу ежегодно на 1 мая и, сидя на снежнике, рассматривал нас с расстояния примерно 100 м. В это время большинство из нас были при повышенных градусах. 1 мая тогда считался большим праздником.

Историй, связанных с медведями у меня не мало. Но об одной хочется поведать, несмотря на то, что она произошла не со мной.

Многие годы геологи ВАГТа и Аэрогеологии (одна и та же организация под разными названиями) работали на Камчатке. Большая их часть на севере, в основном, в Пенжинском районе. Они проводили геологическую съемку и поиски масштаба 1:200 000, 1:50 000. Вот одной из этих партий руководил Илья Иосифович Сонин. Когда его партия прилетала из Москвы на полевые работы, он обязательно посещал наши камералки в поселке Корф. У него была громкая речь и слышалась отовсюду. Это был «громкий» человек. Он, несомненно, талантливый геолог, один из родоначальников литохимической съемки и применения ее при поисках полезных ископаемых. Его лист Р-58-III являлся нашим западным соседом. Поэтому наши контакты носили постоянный характер. Будучи в Москве, мы непременно встречались, и его гостеприимство было искренним и неподдельным. Кроме геологии, которую он любил безумно, Илья Иосифович увлекался бегом. Это было его любимым хобби. Причем, бегом занимался серьезно. Он участник многих марафонов, проводившихся тогда в СССР. Не единожды весной по льду пробегал «дорогу жизни» по озеру Ладога. Он не только участвовал в марафонах, но и неоднократно являлся их победителем. В его камералке, в Москве, стояли многочисленные призы.

И.Сонин в одном из забегов.

Хочу рассказать вам (со слов самого Сонины) об одном забеге, за который он не получил никакого приза. Вместе с тем, запомнился как никакой другой марафонский забег.

Дело происходило на территории листа Р-58-III. При региональных геологических съемках, когда площади значительные, многие партии разбрасывали бочки-лабазы с продуктами и др. Это было очень рационально. В одном из полевых сезонов, съемочный отряд во главе с Сониним, шел к одному из лабазов, чтобы пополнить запасы и разгрузить у лабаза собранный каменный материал. Впереди шел начальник, за ним гуськом двигался весь отряд. Уже просматривался

лабаз. И как только начальник дотронулся до бочки лабаза, из кустов вышел его новый хозяин – медведь. Он уже некоторое время жил, питался у лабаза и считал его своей добычей. Весь отряд, от неожиданности, бросился бежать. Побежал и Сонин. Не знаю почему, но медведь выбрал в качестве «соперника» именно Илью Иосифовича, наверное, решил начать с начальника. Медведь бежал резво и Сонину тоже пришлось увеличить темп. И все это на глазах у изумленного отряда. Что же никто хотя бы не выстрелит вверх, - размышлял Сонин, ведь оружие было у некоторых геологов. Наверное, я был начальником не очень и меня решили «сдать» медведю, подумалось Сонину. А между тем, уже слышалось тяжелое дыхание зверя. И когда медведь, казалось, вот-вот догонит своего «соперника», Сонин споткнулся и упал. А у медведя, судя по всему, открылось «второе дыхание» и, перепрыгнув через Илью Иосифовича, он продолжил свой забег до «самого финиша», который состоялся уже без зрителей. Коллеги, придя в себя, внимательно изучили место падения своего начальника, рассмотрели следы лап «соперника», и пришли к выводу, что у медведя не было злого умысла против их начальника и этот забег надо рассматривать чисто спортивным. Победителем следует признать медведя. А все потери от разоренного лабаза считать его призом за столь необыкновенный забег.

Согласно Чехминского проекта были предусмотрены шурфовочные работы по оценке россыпной золотоносности рыхлых отложений в долине ручья Шумного, а так же правых притоков реки Пенжины. Работы проводились в зимних условиях. Вот об одном природном явлении хочется рассказать. Морозы в ту зиму стояли лютые. Проходчики между делом охотились на зайцев, куропаток. В основном, ставили петли на тех и других. Это была эффективная охота. Петли ставили как на нашем, так и на противоположном берегу реки Пенжины. Однажды приходят проходчики и говорят, что не смогли попасть на противоположный берег реки в связи с тем, что она вскрылась на всю ширину и лед ушел. Его не было 1-1.5 км вверх и столько же вниз по реке. Стали анализировать, как это могло случиться. За сутки до этого явления температура была около -50 градусов. В течение суток немного потеплело, но не более десяти градусов, то есть температура

выросла до -40 градусов. Как при такой температуре могла вскрыться вторая по величине река на территории Камчатки?

По прошествии многих лет я снова и снова вспоминал это явление природы. В последние годы Сергеевской ГРП руководил Валерий Виноградов. Где-то в середине 70-х годов в разговоре со мной он обратил мое внимание на наличие незамерзающих источников на правом берегу реки Пенжины, которые он наблюдал в зимний период при температурах -40, -50 градусов. В суете тех лет я не придавал этому особого значения, скорее, эта информация не отложилась в голове. Много лет спустя он работал со мной в Пенжинской ГРЭ в должности главного инженера. Тогда я снова вспомнил о его наблюдениях и уточнил место этого источника. Прошло еще немало лет, и только сейчас появилась возможность озвучить через журнал «Горный вестник Камчатки» эту информацию. Все-таки она не дает покоя. Видимо, появилось много свободного времени. Совсем недавно, благодаря интернету, я нашел Валерия Виноградова. Он проживает уже более 15 лет в Германии. Снова зашел разговор об этих источниках. В свое время рабочие с лесосеки (где заготавливали крепежный и строительный лес для Сергеевской ГРП) рассказывали о том, что над рекой Пенжиной зимой нередко наблюдался пар над льдом. Такой пар и я наблюдал не раз. Но принимал его за туман, который стоит над рекой при сильных морозах. Из глубин своей памяти я вспоминаю незамерзающие участки р. Пенжины, где иногда наблюдал, как выдра кормила своих детенышей хариусом. Тогда такие незамерзающие участки объяснил себе быстрым течением реки. Теперь становится ясно, что морозы ниже 50 градусов могли сковать и более сильное течение воды.

Все рассуждения о теплых источниках логично вписываются в землетрясения, происшедшие в 90-х и начале 2000 годов. Они ощущались в селах Аянка, Слаутное, Каменское. Все эти населенные пункты в относительной близости от упомянутого источника (90-100 км). Стало совершенно очевидным наличие в этом регионе «живой» тектонической зоны. Вероятнее всего это зона Орловско-Каменского глубинного разлома Пенжинского сектора Охотско-Чукотского вулканогенного пояса.

Сегодня остается только сожалеть о том, что в свое время никто из нас не обратил должного внимания на это явление. Предлагаю геологической службе Камчатки провести маршрутные исследования в долине реки Пенжина, от устья реки Кубавеем до устья ручья Шумного с описанием всех источников, замеров их температур и отбором гидропроб на различные виды анализов. При возможности, путем аэровизуальных наблюдений в зимних условиях зафиксировать все выходы открытой воды вдоль долины реки Пенжины.

Не исключено, что со временем теплые источники могут стать маленьким благом для жителей сел Аянки, Слаутного и др.

Хочется отдельно рассказать о Зинаиде Сергеевне Кирдеевой. Я не помню, когда она появилась в геологии. Как-то в суете работ я даже не знал ее возраста. Помню из разговоров, что она из Приморья, города Партизанска. Там она в какой-то военной части кормила летный состав. Наверное, поэтому и появилась в геологии, ведь у нас коллектив тоже сугубо мужской.

Когда организовалась база на Чехме, стал главный вопрос: где найти повара-пекаря? Некоторые ребята, кто перешел работать на Чехму из Сергеевской ГРП, намекнули мне, что неплохо бы переманить оттуда З. С. Кирдееву. Она в то время занималась выпечкой хлеба. Пекарь она была отменный. Во всем районе не было такого вкусного

З.С. Кирдеева

хлеба. Когда я обратился к руководству партии о возможности перевода ее на Чехму, мне выставили условие. Если баба Зина (так ее звали все) подготовит достойную замену, то руководство не будет противиться этому переводу. Замену она подготовила быстро. Ее ученица действительно переняла все секреты выпечки хлеба, кроме одного. Хлеб ученицы был тоже хорош, но не хватало души. Вот так на Чехме появилась баба Зина. С тех пор она 10 лет работала со мной во многих партиях, совмещая должности завхоза, повара и пекаря.

Зимовки в наших районах не отличались комфортом. Температуры зимой -50° , а иногда и ниже, были обычным явлением. Повару в таких партиях не позавидуешь. Попробуйте сорвать завтрак, обед или ужин? Все работы тут же остановятся. Это круглосуточная работа, без выходных. Многие это понимали и старались как-то облегчить труд повара. На всех базах мы строили столовые из местного леса, готовили большой запас дров. Столовые были всегда самым уютным местом. Вот и на Чехме для столовой построили здание из толстых бревен местной лиственницы. В этом же здании был кинозал. Почти все партии с круглогодичными работами имели киноустановки «Украина». Качество кинолент было невысокое, но сами фильмы подбирались хорошие («В бой идут одни старики», «Мимино», «Белое солнце пустыни» и др.). Смена фильмов происходила редко. Все фильмы знали наизусть. В любом случае они скрашивали наш досуг. Хочу, чтобы вы представили картину. Зимняя база, за стеной воеет пурга. В столовой (кинозале) стрекочет киноустановка «Украина», на нарах сидят бородатые проходчики с большими кружками, наполненными мороженым. Они едят его большими ложками и смотрят очередной фильм. Да, да, именно мороженое. Его готовила наша баба Зина и качество его никак не уступало московскому. И эта картина мне вспоминается часто. С ее приходом наше питание значительно улучшилось. Мне сейчас трудно выделить какие-то блюда из меню. Скажу кратко. Все, что готовила баба Зина было очень вкусно, а ее кулинарные изделия (пирожки, блины, пряники и др.) не могу забыть до сих пор.

Зимовка в геологических партиях дело не простое. Для этого нужны особые кадры. Не каждый выдерживает низкие температуры, многодневные пурги, неустроенность и др.

Опытный зимовщик готовится к зиме уже летом (как в русской пословице). Он не пройдет мимо дощечки, куска рубероида или другого строительного материала. Обязательно подберет рваный резиновый сапог – это лучший материал для растопки печки утром, не пройдет и мимо огарка свечи. Самым лучшим строительным материалом считались ящики из-под аммонита, доски из которых шли на полы домиков, палаток и для обивки стен. Многие рабочие заранее интересовались, где будут зимние работы, на каких участках и какие

там будут объемы. Уже летом, в свободное время они на этих участках заготавливали дрова, определяли места для домиков.

Мне повезло. Со мной на зимовках всегда были надежные, проверенные ребята и я с благодарностью вспоминаю их. Многие годы со мной работали Ю. Арапов, В. Голиков, Н. Бобряшов, В. Валющенко, В. Трокай, Х. М. Машуков, В.Булгаков и др. Именно эти ребята претворяли в жизнь планы геологов, именно они, по сути, делали месторождения.

Грустно, что многих из них нет с нами. Вечная им память.

Сергеевское месторождение является типичным золотосеребряным низкотемпературным, близповерхностным, характерным для молодых вулканогенных поясов, со своим набором вещественного состава и структурно-текстурными особенностями руд. Такого типа месторождения появились в конце 60-х начале 70-х годов в пределах Охотско-Чукотского вулканогенного пояса. Наши геологические исследования вознаграждены находением Сергеевского месторождения в пределах Пенжинского сектора этого пояса. Оговорюсь, что практически бессульфидный характер руд, белый, молочно-белый кварц на вид без какой-либо минерализации не привлекателен для опробования и мог остаться без внимания геологов. Появление высоких содержаний золота и серебра в таких рудах есть в какой-то мере, элемент случайности. И я рад, что этот элемент случайности не обошел нас. Характерным для данного типа руд считается присутствие адуляра, минерала типичного именно для низкотемпературных месторождений золота. Минералогами ЦНИГРИ обнаружен совершенно новый минерал (из сульфосолей серебра), который назван пенженитом (по имени р.Пенжины).

Весьма характерными являются структурно-текстурные особенности руд, среди которых наиболее продуктивными оказались плосчатые. Как на Сергеевском, так и на других месторождениях нередко присутствует аметист.

Я уверен, что природа старается прятать от нас свои богатства. И это совершенно очевидно. У меня есть много примеров тому. Приведу лишь один эпизод. Геолог уже в сумерках возвращается из маршрута

(дело было на Колыме) и по дороге поднимает небольшой обломок кварца. Утром, рассматривая его под лупой, находит один маленький значок золота. В тот же день мы нашли этот развал кварцевой жилы, где было очень трудно найти обломки без видимой вкрапленности золота. Жила оказалась богатой, но маломощной и короткой. Она вместилась в трех рюкзаках.

Я завершаю воспоминание об истории Сергеевского месторождения. Она далеко не полная и охватывает, в основном, региональные и поисковые этапы исследований. Разведочный этап месторождения осуществлялся большей частью без моего участия. Было бы логичным завершить историю с учетом разведочного периода. Но это должны сделать те, кто непосредственно занимался разведкой. Уверен, что многим будет интересно и это время. Одним из тех, кто мог бы рассказать об этом, является Л.А.Безрукова (Зайцева). Именно она участвовала в процессе всей разведки, вплоть до ликвидации Сергеевской ГРП.

Работа на Сергеевском месторождении стала своеобразным полигоном для многих работников. Более половины из них были молодыми специалистами. Многие приобрели здесь не только профессиональный, но и жизненный опыт. Всем, кому удалось поработать на Сергеевке, не страшны никакие экстремальные условия. Практически все из них впоследствии состоялись.

То, что мы сильны «задним» умом является национальной чертой нашего народа. И все же не могу не высказаться о допущенных просчетах при разведке Сергеевского месторождения. При иных тактических подходах перспективы месторождения могли быть иными. Основная ошибка допущена, прежде всего, при проектировании. Проектантам в то время казалось, что уже на известных золоторудных телах будут получены запасы, интересные для промышленной разработки. Это была не дальновидная позиция.

Крайне не достаточными оказались буровые работы. Не изученными на глубину оказались почти все (за редким исключением) известные кварцевые жилы. Скважина 24, пройденная до глубины 501 метр показала высокие содержания золота и серебра на горизонте 370 метров. По геохимическим данным Гимадеевой Л.Ф., изучавшей

вертикальный размах оруденения, между штольневым горизонтом и «слепым» рудным телом, вскрытым скважиной 24, существует еще одно рудное тело. Все это свидетельствует о распространении золотосеребряного оруденения на глубину. Мнение некоторых геологов о выклинивании рудных столбов бездоказательно. Золотое оруденение никогда не отличалось равномерным распределением. Почти на всех месторождениях оно носит неравномерный, столбообразный, бонанцевый характер. Поэтому тезис о выклинивании оруденения по всему месторождению - не корректен.

Свою отрицательную роль при разведке месторождения сыграла, конечно, частая смена руководства и, прежде всего, геологической службы. Именно последняя была обязана пересмотреть методику разведки и своевременно перенаправить горные и буровые работы для оценки золотоносности более широкого круга кварцевых жил на глубину. В этом случае вывод о перспективах месторождения в целом мог выглядеть более достоверным.

Надо признать, что на разведочной стадии, при ведении тяжелых горных буровых работ, не всегда хватает согласованности и общей заинтересованности. Для успешной разведки месторождения и подготовки его к освоению, необходимы слаженные действия всех звеньев с одинаковым блеском в глазах. Вот тогда успех обеспечен.

Мы получили несказанный кайф от работы на этом месторождении. Это ощущение я желал бы пережить каждому геологу. Довести объект от региональных геолого-съемочных работ до предварительной разведки удалось не каждому геологу. Это был первый золоторудный объект на Камчатке, где проводились серьезные разведочные работы. Мы внесли свой вклад в понимание строения такого рода месторождений и определили свои поисковые признаки и критерии при поисках и оценке аналогичных объектов

Надо отметить эффективность геолого-съемочных работ масштаба 1:200000 при поисках месторождений. Многие рудные объекты в стране найдены именно при этом виде работ. Это подтвердилось и в нашем случае.

На территории того же листа в 1973-74 г.г. проводилась групповая геологическая съемка масштаба 1:50 000 (Семенов, 1975ф). К сожалению

нию, в процессе этих работ не найдено ни одного нового рудного тела. Не появилось новых рудных тел и в процессе предварительной разведки, за исключением «слепого» рудного тела, вскрытого под занавес работ 500-метровой скважиной. Следует признать, что поверхность месторождения на стадии региональных и поисковых работ изучена на высоком уровне.

Ниже хочется привести справку по Сергеевскому золотосеребряному месторождению, составленную начальником отдела Камчатского филиала ФГУ «ТФГИ по ДВФО», одного из участников разведки Л.И.Кравченко. На месторождении на сегодняшний день вскрыто 115 кварцевых, адуляр-кварцевых, карбонатно-кварцевых жил, жильных зон и зон прожилкования. В рудных телах установлен 41 минерал, из которых основными рудообразующими являются самородное золото, агиларит, аргентит, пирсеит, гессит, сфалерит, галенит, халькопирит, пирит. Золото свободное, его пробыность 600-760, размеры золотин (в среднем) от 0,04 до 0,8 мм, не редки дендриты, агрегаты и скопления зерен до 2-3мм, мономинеральные прожилки, желваки шириной до 3-4мм. Количество рудных минералов составляет в среднем 1-2%. Соотношение золота и серебра изменяется от 1:1 до 1:20.

На месторождении выявлены 36 рудных тел со средней протяженностью 50 м и значительным размахом по падению, достигающем сотен метров. В подсчете запасов участвовали жилы 1,5,6,7,12,13,26,42,49,84,Ржавая, Аметистовая, Алтынчеч, Малахитовая, Сульфидная, Горелая. Средняя мощность рудных тел 1,11м, среднее содержание золота 16,8г/т (в отдельных сечениях бороздовых проб до 623,3 г/т) серебра 217,2г/т (в отдельных бороздовых пробах до 3000 г/т). Общие запасы (С1+С2+Р1) по месторождению составили по золоту 26,1т, серебру 337,4т, при этом 56% запасов сосредоточены в одном рудном теле (жиле №1). Соотношение разведанных запасов С1, С2, Р1 - 4,5%, 51,5% и 44%. Сопутствующие в рудах теллур-3065 кг, селен- 625кг, ртуть- 16835кг.

Известно, что природа не просто отдает свои богатства, требует испытаний, жертв и, порой, не малых. Совсем недавно я поймал себя на мысли, что за Сергеевское месторождение заплачена довольно высокая цена, которая исчисляется несколькими человеческими

жизнями. Когда-то существовала статистика в угольной отрасли, где платой за каждый миллион добытого угля отдавалась жизнь одного шахтера. Интересно, а сколько жизней стоит добытое золото на Камчатке?

ГЛАВА III. ЭКСПЕДИЦИОННАЯ ЖИЗНЬ

Серная эпопея

Пенжинская ГРЭ за время своего существования пережила несколько эпопей: ртутную, серную, оловянную, золоторудную. Пожалуй, самой запоминающейся из них является серная. В 60-х годах на Камчатке было выделено два сероносных района: Южно-Камчатский и Северо-Камчатский. Последний был признан наиболее перспективным. Здесь выявили два месторождения: Малетойваямское и Ветроваямское, а также более 70 проявлений серы.

Разведкой серных месторождений с большим азартом и энтузиазмом занимались две группы геологов. У каждой из них был свой взгляд на геологическое строение этих объектов, методику поисков и разведки. Их противостояние иногда выходило за рамки приличия, и на защитах полевых материалов споры доходили до потасовок. Но существовала и другая форма выражения своей правды. Как-то после защиты полевых материалов Малетойваямской и Лататыргинской партий появились две песни на музыку хитов того времени с народными словами. Песня про Малетой пользовалась большим успехом и всегда сопровождала многие посиделки геологов по различным поводам.

Авторами слов являются А. Исаков, Л. Ляшенко, В.Шмелев, Б. Михайлов. Авторов ответной песни не помню.

*В Малетое серы мало,
серу надо добывать.
Малетоя маловато,
надо зону расширять.*

*Тюлюль, тюлюль, тюлюль, тюлюль, тюлюль
Тюлюль, тюлюль, тюлюль, тюлюль, тюлюль.
Ах ты, сера, ах ты, вера
Где же, где ж тебя искать?*

*Красной горкой мы гордились,
Забрались на самый верх,
Огляделись, пробурились,
а на горке серы нет.
Ни на горке, ни под горкой,
Даже рядом её нет.*

*Тюлюль, тюлюль, тюлюль, тюлюль, тюлюль
Тюлюль, тюлюль, тюлюль, тюлюль, тюлюль,
Если вера изменила,
надо разум применять.*

*Ильгилькильваям трепался:
я богаче, чем Сибирь.
Дулся, дулся, раздувался,
да и лопнул как пузырь.*

*В министерстве тары-бары -
в чем же дело, в чем секрет?
Приготовили амбары -
тара есть, а бары нет.*

*Ларчик просто открывался,
доложу я, братцы, вам.
Приезжайте, забирайте
Малетой, Ветроваям.*

Ответная песня на мотив «Мы идем по Уругваю» (авторов песни не помню):

*Все мы, все с Ветроваяма
С Лататыргинской реки.
Все мы умные, как утки,
и лихие мужики.*

*Алкоголиков немало,
но таких на свете нет.
В наших душах спирт и пламя,
в головах же - винегрет.*

*Серу надо, нате серу,
Мы чужое можем дать.
Мы открытое открыли,
Нам на веру наплевать!*

*Мир завалим нашей серой,
Будем песни распевать -
Ах ты, Ветро, ах ты, яма
Лататыргинская мать.*

Малетойваямскому месторождению посвящена опера «Зарницы над кальдерами». Она была исполнена на подмостках Первреченского клуба. Опера охватывает период разведки месторождения. Она исполнялась под классическую музыку с народными (сочиненными) словами. Солисты точно копировали некоторых руководителей экспедиции, допустивших ошибки в обеспечении и организации производства. Критика сработала. Условия снабжения и быта были улучшены.

Напомню, что на Малетойваямском месторождении в 60-х годах прошлого столетия проведена детальная разведка. Запасы по месторождению составили 16,2 млн. т со средним содержанием серы 14,5%. Основу месторождения представляет залежь размером 750х400 метров. Вертикальный размах оруденения 170 м, а содержание серы до 35%. До определенного момента всё развивалось благополучно, и дело шло к тому, что вот-вот приступят к проектированию ГОКа (гор-

но-обогачительного комбината). Месторождение тогда широко освещалось в прессе, а в популярном киножурнале «Дальний Восток» рассуждали о месте строительства города Серогорска. Но в последний момент, где-то там наверху, все идеи освоения месторождения затормозили. Как объяснили, ТЭО (технико-экономическое обоснование) оказалось недостаточно положительным. Возможно, подвели ребята с Гаурдакского месторождения (Туркмения). Себестоимость их серы оказалась дешевле. Не исключено также, что соответствующих министерских чиновников испугала удаленность и слабая инфраструктура региона.

С разведкой Малетойваямского месторождения связана определенная часть жизни многих геологов, буровиков, других специалистов. Я хорошо помню дружную молодежную разведочную партию, где работало много одарённых, талантливых людей. Призываю бывших работников этой партии поделиться воспоминаниями о годах разведки месторождения, тем самым пополнить историю Камчатской геологии. Промышленная оценка Малетойваямского месторождения наверняка будет пересмотрена. При составлении нового ТЭО, с учетом комплексной разработки руд, они должны перейти в разряд балансовых запасов. Данное месторождение вошло в учебники, как классическое месторождение вулканогенной серы.

В 60-е годы было сочинено много литературных «шедевров» на существующие музыкальные произведения. Особой популярностью пользовалась музыка В.Высоцкого. У нас был свой вариант песни из кинофильма «Вертикаль», где В.Высоцкий спел цикл песен о горах. Вот только некоторые отрывки из нашего варианта:

*Здесь вам не Питер, здесь климат иной
Идут надбавки одна за другой
И за пургой идет другая пурга,
Здесь можно свернуть, на юг улизнуть,
Но мы выбираем трудный путь*

*Кто здесь не бывал, в Губу (Пенжинскую) не плевал,
На Первой речке не зимовал,
Тот не поймет, что есть на свете уют*

Авторами стихов были А.Исаков, Ю.Сергеев, А.Кравцев, Е.Татаржицкий, некоторые фразы принадлежат мне. Тот же авторский состав сочинял и прозу. Особенно запомнился рассказ А.П.Чехова. Он был посвящен молодым специалистам, коих в те годы много прибыло в Пенжинскую ГРЭ. Рассказ, конечно, пародийный. Он, как и у классика называется «Ванька Жуков».

Ванька Жуков 29 летний мальчик, окончивший три месяца назад Бахчисарайский геологоразведочный институт и отданный в работы в Пенжинскую экспедицию к начальнику Рожкову, в ночь под День геолога не ложился спать. Дождавшись, когда все ушли в клуб на банкет, он проник в оформительскую, достал из сейфа пузырьки с драгоценными остатками туши, ручку с заржавленным пером и, разложив перед собой измятый лист оберточной бумаги, стал писать. Бумага лежала на скамье, а сам он стоял перед скамьей на коленях и писал.

Милый дедушка, Константин Макарыч! Я пишу тебе письмо. Поздравляю с наступающим праздником с 1 мая и желаю тебе всего от господ бога. Нету у меня ни отца, ни маменьки, только ты у меня один и остался.

Ванька вздохнул, умакнул перо и продолжал писать: А вчерась мне была выволочка. В общежитии холодно под двумя одеялами зябну. Включил электроплитку для обогрева, да по нечаянности заснул. А Кисель-комендант выволок меня за волосья во двор и отчесал шпандырем. На неделе начальник партии велел мне 13 тыщ спектральных анализов переписать, а я начал не с того конца, а он взял анализы и начал ими меня в харю тыкать.

А еды нету никакой. Утром дают галету, в обед фарш сосисочный и к вечеру тоже сосисочный фарш, а чтоб отбивную или молока, то хозяйева сами трескают. А спать мне велят в рабочем общежитии, а когда за стеной одеколон пьют и матеряются вовсе не сплю.

Милый дедушка, сделай божецкую милость, возьми меня отсюда домой. Увези меня отсюда, а то помру.

Ванька покривил рот, потер своим черным, вторую неделю невымытым кулаком глаза и всхлипнул.

Дедушка, милый, геологов здесь пропасть, век мне в техниках бол-

таться. Хотел было в Магадан бежать, да начальство не пускает и сапогов нету, мороза боюсь. А когда вырасту большой и стану геологом, то за это самое буду тебя кормить и в обиду никому не дам.

А Первореченск деревня так себе. Дома все казенные, а овец нету и собаки не злые. А в местной лавке тушенка, огурцы и помидоры в банках аж китайские, а сколько лет они на складах мерзнут, про то сидельцы не сказывают.

Милый дедушка, а когда посылку собирать будешь, не забудь коньяку, мочалку, репудину, а то начальство не чешется и комары летом второе ухо отгрызут.

Ванька судорожно вздохнул и опять уставился на окно. В шкафу мыши хрустели секретными картами, а из клуба доносилось разухабистое пение членов профсоюза рабочих геологоразведочных работ СССР.

Христом богом тебя молю,- продолжал Ванька,- возьми меня отседа. Пожалей ты меня, молодого специалиста несчастного, а то меня все ругают и кушать страсть хочется, а морозы такие, что и сказать нельзя, все плачу. А намедни так напился у семейных, что упал и насилу очухался. Пропащая моя жизнь, хуже собаки всякой...

Остаюсь твой внук Иван Жуков.

Ванька вложил лист в авиаконверт, купленный накануне за 6 копеек. Подумав немного, он умакнул перо и написал адрес: министерство геологии, Дедушке. Потом почесался и прибавил Константины Макарычу.

Убаюканный сладкими надеждами он час спустя крепко спал.... Ему снился дедушкин кабинет. На диване сидит дед, свесив босые ноги, и читает письмо министру. Около телефонного столика ходит Вьюн и вертит хвостом... Ванька не знал, что пьяные грузчики потеряют его письмо в Каменском.

Геологическая съемка и поиски

В 1975 году я завершил поисковые работы на флангах в Сергеевского золото-серебряного месторождения. В том же году по решению НТС Северо-Камчатской ГРЭ получил задание на проектирование групповой геологической съемке и поискам масштаба 1:50000 в бассейне реки Тылхой. Для меня данный вид работ был более предпочтителен. Поисково-разведочные работы, как правило, проводятся на небольших площадях с однообразным комплексом пород, что в некоторой степени становится утомительным и скучным. Я со своими коллегами с азартом взялись за проектирование. Старшим геологом в Тылхойскую партию пригласил сокурсника Юрия Воеводина.

*Ю.Воеводин – Первооткрыватель Аметистового
золотосеребряного месторождения.*

Большую часть ИТР составили молодые специалисты геологи Борис Вишневецкий, Алексей Разумный, Владимир Ашурко, техники Сергей Хуникив, Елена Бочарова, Татьяна Шеремет. Все геологи впоследствии сделали карьеру. Б.Вишневецкий дослужился до главного геолога экспедиции, А.Разумный возглавляет геологическую службу в крупной горно-добывающей компании ЗАО «Корякгеолдобыча», Владимир Ашурко стал начальником партии, а сейчас работает в Венесуэлле.

Это наша камералка, где мы творили отчёты.

*На переднем плане слева направо Б.Вишневецкий,
Н.Ворогушин, Ш.Гимадеев. В дальнем углу В.Ашурко, А.Разумный.
Справа В.Панин, у бинокля техник Юрий.*

Проектом Тылхойской ГСП предусматривались кроме геологической съемки, проходка поверхностных горных выработок и зимняя шурфовка. Последняя предполагалась для оценки золотоносности рыхлых отложений. По сведениям предшественников ожидалось большие мощности рыхлых отложений, поэтому в проект заложили шурфы глубиной до 30 метров. В связи с этим их сечение предусмотрели в 2 кв.м. До сих пор экспедиция проходила шурфы глубиной только до 20 метров. Мои бывшие проходчики из Чехминской партии, узнав о горных работах, попросились в Тылхойскую партию. О такой профессиональной команде можно было только мечтать. Более того, они уговорили нашего неизменного повара бабу Зину так же перебраться в эту партию. Я был рад видеть в своей партии Юрия Арапова, Виктора Голикова, Василия Булгакова, Хаджи-Мурата, Николая Бобряшева, Виктора Трокай, Алексея Аксенова, Владимира Пархоменко. Весной 1976 года вся компания приступила к строительству базы на реке Белой. К началу полевого сезона база была готова. Из местного леса срубили баню, столовую, камералку, склад и др. По традиции начало сезона отметили стрижкой наголо.

*Слева направо два студента,
Б.Вишневецкий, Ш.Гимадеев, В.Ашурко.*

После чего последовал небольшой банкет, на котором присутствовали наши соседи – оленеводы из Северо - Эвенского совхоза (Магаданская область). Соседство с ними носило обоюдовыгодный характер. Мы на многие годы сдружились с местными оленеводами. Наши бартерные сделки помогали разнообразить меню.

Помнятся многочисленные встречи в тундре с детьми оленеводов. Таких встреч было немало. В дни школьных (летних) каникул в оленеводческие бригады приезжало много детей. Стойбища оленеводов преображались. Родовались дети, их родители, бабушки, дедушки. Пребывание детей в тундре было далеко не праздным. Они знакомились с полевым бытом, учились навыкам труда оленеводов, видели, как непросто управлять большими табунами оленей, а главное, общались с природой. У каждого из детей был любимый олень. Они подкармливали своих любимцев юколой (что-то похожее на «Орбит» без сахара в северном исполнении), а иногда и печенюшкой. Да, да, не удивляйтесь. Некоторые олени с удовольствием потребляют кондитерские изделия. Практически у каждого ребенка была любимая собака. Около 10 лет наши маршруты пересекались с тропами оленеводов. Их бригадир Анатолий Пойтеле был всегда желанным гостем на наших стоянках. Как выяснилось, в табуне потихоньку шаманят. Узнать личность Шамана не удалось. Но выяснилось, что все по

- настоящему и даже приносятся жертвы. Для этого к «верхним людям» отправляют «плохих» собак, которые не смогли подружиться с оленями. Время смены стоянки оленеводов определяет шаман. Если костер трещал не так, как нужно, то смена стоянки в этот день отменяется. Примечательно, что оленеводы строго следуют законам тундры. На стоянках обязательно оставляют запас дров, а по засечкам на тагане определяют хозяина стоянки. По направлению тагана определяют маршрут движения табуна. Наверное, следует рассказать о крованом супе. Не каждая «мамушка» (хозяйка очага в табуне) может его изготовить, есть какие-то секреты. Суп готовят, когда возникает необходимость дальнего перехода, особенно зимой. Мне пришлось на себе испытать действие крованого супа зимой в верховьях реки Тылхой. Тогда на стойбище оленеводов «мамушка» накормила таким супом и я без труда прошел пару десятков километров до своей базы.

Камеральное помещение на базе служило одновременно кинозалом. В партии всегда была киноустановка «Украина» и несколько десятков кинолент. Именно в связи с этим нередко приходили дети оленеводов к нам на базу. В одном из таких сезонов среди ребят появилась новенькая по имени Оля. Она выделялась среди всех детей своими лидерскими качествами. На первый взгляд ей было не более 10 лет, но дети, даже старшего возраста, уважали и прислушивались к ней. Именно ей поручали найти начальника (то есть меня) и договориться о возможности посмотреть фильмы (которые заканчивались чаепитием в столовой). Конечно, в таких случаях приходилось осво-

бождать «камералку». При общении с Олей чувствовалось, что её интеллект намного выше, чем у других детей.

Вскоре выяснилось, что это дочь бригадира Анатолия Пойтеле

и у неё необычная судьба. Ее историю мне рассказали дедушка Борис и бабушка Анна. (фото)

Когда ей было 2-3 года, она заболела в табуне. Её отправили в село Верхняя Парень, главную усадьбу совхоза. Там не смогли оказать квалифицированную помощь и отправили в районный центр Северо-Эвенск, где также не справились с болезнью. Со временем она оказалась в Магадане. Не смогли вылечить и в Магадане. Всё это заняло несколько месяцев. При существующей тогда связи родители окончательно потеряли свою дочь и считали её умершей. Как выяснилось позже, её отправили в Москву, где после выздоровления отправили в лесную школу (в то время такие практиковались). Там Оля училась в средней школе, получила хорошее воспитание и даже музыкальное образование (играла на аккордеоне). Так прошло около 10 лет и однажды она возвращается на родину по тому же маршруту. Можете себе представить радость родителей!

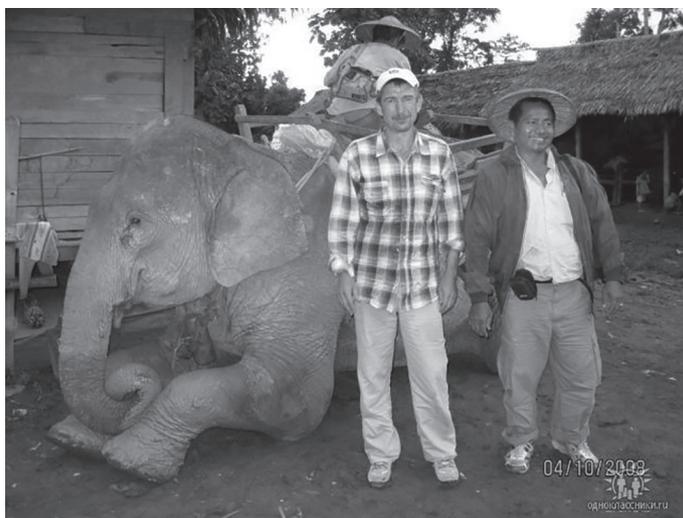
Северо-Камчатская ГРЭ в конце 70-х годов вела в большом объеме групповые геологические съемки масштаба 1:50000. Кроме этого продолжались поисковые и разведочные работы. Это была комплексная экспедиция. Но в этом комплексе не хватало собственных наземных геофизических работ. Они выполнялись в основном геофизической экспедицией ПГО «Камчатгеология», которая находилась в городе Елизово, примерно в 1000км от наших объектов работ. Отсутствие тесного контакта наших геологов и геофизиков при обработке своих полевых материалов, написании отчетов вдали друг от друга, приводили к снижению эффективности этих работ. Правда, были исключения, к которым следует отнести геофизика Виктора Шмелева. Это был один из редких специалистов, который на протяжении многих лет увязывал геологические материалы с геофизическими данными во время совместных камеральных работ, проживая в наших геологических поселках. Такая совместная работа улучшала качество составления геологических карт, позволяло более достоверно выделять рудоносные зоны. Необходимость в экспедиции своей геофизической партии, отряда было совершенно очевидным, но руководство ПГО и прежде всего главный геофизик Декин Г.П. категорически возражали, объясняя тем, что не сможем найти необходимых

специалистов. Словно наперекор этим возражениям геолог из моей партии Николай Ворогушин привез на Камчатку молодую жену Анну. Она закончила геофизическое отделение МГУ и специализировалась на магниторазведочных и электроразведочных методах. Я, почти, убедил Г.П.Декина в создании геофизического отряда в составе нашей экспедиции. Более того, по его распоряжению из геофизической экспедиции мне передали установку ИКС-5 (искатель жил), которую предполагалось испытать в ближайший полевой сезон. Применение геофизических работ на многих рудных участках могли улучшить эффективность их опоискования. Совсем не использованными оказались геофизические методы при поисках россыпей золота. Методом вертикального электроразведывания могли «отбить» плотики долин водотоков, а детальная магнитка указать на конкретные места нахождения россыпного золота. Все эти работы, конечно, могли быть выполнены только при условии постоянных совместных работ геологов и геофизиков. Увы! Все планы по организации собственных геофизических работ нарушились из-за распада семьи Ворогушиных. Анна покинула Камчатку. Как можно было расстаться с молодой, умной, красивой женщиной?

В 1985 году в Северо-Камчатской ГРЭ (СКГРЭ) появился геохимический отряд. Его созданию предшествовал министерский приказ о необходимости геохимической подготовки территорий, где готовились листы для издания геологических карт масштаба 1:200000. Кроме того, появился интерес к метасоматическим породам, в которых оказались не высокие содержания золота, но из-за большого объема руды, их запасы стали привлекательными. Именно по этим причинам был создан Ветроваямский геохимический отряд. Его возглавила Гимадеева Людмила Федоровна. К этому времени у нее был накоплен большой опыт обработки геохимических проб по различным методикам. По взаимоотношениям различных микроэлементов она могла определить формационную принадлежность рудных объектов, их эрозионный срез. По интенсивности ореолов рассеяния рудных элементов рассчитывались прогнозные ресурсы. Простой и относительно дешевый способ получения вышеперечисленной информации стал популярным методом выявления большеобъемных

месторождений золота во многих регионах. В качестве пилотного проекта для проведения геохимических работ главным геологом СКГРЭ Л.Л.Ляшенко была выбрана территория, примыкающая к Малетойваямскому серному месторождению. Практически весь состав отряда был укомплектован молодыми специалистами. Некоторые из них впоследствии проявили себя и заняли высокие должности. В этом отряде практически начинал свою работу на Камчатке будущий председатель комитета по природным ресурсам Корякского национального округа, а позже министр природных ресурсов Камчатского края Андрей Семиколенный. Отсюда начал карьеру Сергей Наумченко, ставший позже главным геологом горно-геологического предприятия «Иткана», занимающегося добычей россыпного золота на Колыме. В отряде работал Николай Ворогушин, который сегодня составляет геологические карты в Южной Америке, пробираясь сквозь джунгли на слоне.

Н.Ворогушин у слона с маршрутным рабочим.

Своими маршрутами отметился один из оригинальных геологов Аметистовой ГРП Вячеслав Барышников, оставивший в отчете по Аметистовому месторождению самую правдоподобную версию раздела «Физико-географического очерка месторождения» и прилегающих территорий.

На одной из площадей геохимического отряда находилась главная вершина корякского хребта гора Ледяная. Ее высота 2562 метра. Красота и величие этой горы так покорили Андрея Семиколенного что, будучи председателем комитета по природным ресурсам в КАО, пользуясь административным ресурсом, приобрел в собственность тропу по южному склону горы Ледяной от подножья до вершины.

Здесь навеяны многие строки геологу Сергею Паламарю, известному на Камчатке поэту-песеннику. В геохимическом отряде работала чета Федосенковых: Сергей (в качестве вездеходчика), техник-геолог Людмила, Сергей Неверовский, А.Холин. Незабываемые (с его слов) полевые сезоны провел Вадим Латыпов, сплавляясь на резиновой лодке по рекам и ручьям со шлиховым опробованием. С развалом геологии он перебрался в Казань, где сегодня является одним из руководителей фирмы «Спортивный мир».

В геохимическом отряде познали посконную соль геологии школьники, дети наших геологов Максим Уваров и Светлана Гимадева.

Площади работ геохимического отряда составляли от 3000 кв.км до 6000 кв.км. С перебросками внутри отряда всегда были проблемы. Единственный вездеход Газ-47, котрый много раз самортизировал свои сроки эксплуатации, был очень ненадёжен. Выручали резиновые лодки. Но самым надежным «транспортом» были ноги. Отряд работал, как вспоминает Л.Гимадеева, исповедуя Куваевский принцип – «умри, но сделай».

Переброска лагеря отряда на новое место

Шлиховой отряд

В многодневный маршрут

В 1984 году в Северо-Камчатской ГРЭ решили создать этакий «летучий» горный отряд по проходке поверхностных горных выработок. Выраздалось поколение старых проходчиков данного вида работ. Проблема назревала давно. Работа с так называемым, одноручным бурением шпуров с помощью ломика и «ложки» была малопроизводительной. Кадры для такой проходки не готовились. Имеющиеся

проходчики не справлялись с нарастающими объемами этих работ. В тот год возникла опасность срыва выполнения геологических заданий. И тогда руководство экспедиции решило объединить оставшихся проходчиков в один отряд, которому вменялось оперативно выполнить все намеченные объемы горных работ. В его состав вошли 12 проходчиков, горный мастер, взрывник, вездеход с водителем. Отряд возглавил В.Логинов. Поставленная задача была практически невыполнимой. Для ее исполнения в условиях, когда объекты работ разбросаны на большие расстояния друг от друга требовалась опережающая подготовка складов взрывчатых материалов, четкая транспортировка отряда и механизация бурения шпуров. И все же отряду благодаря неимоверным усилиям и опыту проходчиков удалось выполнить тот минимум работ, достаточный для выполнения геологической задачи. Надо отдать должное проходчикам Ю.Арапову, В.Кругликову, Н.Бобряшову, Кошеленко, Рачковскому, Армушко, горному мастеру Ю.Билькевичу, водителю вездехода В.Козлову и др. В том же году горный отряд был расформирован.

«КОГТИ» и геология

Я немало лет руководил буровзрывными работами и, конечно, неоднократно объяснялся с инспекторами гортехнадзора. Несомненно, возникали кое-какие «трения». Без них не обошлось, но крупных «разборок» избежал.

Многие годы горнотехническая инспекция Камчатки находилась в подчинении Магаданской областной ГТИ. И только в связи с увеличением объемов горных работ, а точнее с появлением в 90-х годах горнодобывающих компаний, она приобрела статус самостоятельной организации, с не очень доброжелательной аббревиатурой «КОГТИ» (Камчатская областная горнотехническая инспекция).

Мне вспоминаются «лихие» 90-е годы, когда мы строили угольный карьер «Гореловский» на севере Камчатки. Дело было для нас новое. К сожалению, время было выбрано не самое лучшее. Страна переживала экономический хаос. Противников строительства карьера хватало (от местных властей до «братков»).

На фоне общей негативной ситуации запомнилась поездка в Магадан, куда привезли проект горного отвода. Мы не очень рассчитывали с одного захода решить все вопросы его оформления. Когда начальник Магаданской ОГТИ ознакомился с целью нашей командировки, он собрал инспекторов и поставил задачу оказать нам всестороннюю помощь. Более того, он подчеркнул, что самолёты на Камчатку летают один раз в неделю, поэтому всё необходимо сделать в максимально короткие сроки. Для нас это было чудом. Впервые за несколько месяцев появилась хоть в чём-то реальная поддержка. В Магадане мы увидели, как уважительно относятся к горнякам и их труду. Я не хочу сказать, что магаданские инспекторы не строги. Они, как и всюду, требовательны и принципиальны, но при этом делают всё, чтобы подконтрольные им организации работали бесперебойно. Это подтвердили нам местные горняки. Вот, что значит горняцкий край!

Примечательно, что ко времени нашего визита в Магаданской области было уже выдано 2000 лицензий на добычу полезных ископаемых. В то время как на Камчатке их выдали только порядка 5-7. За неделю пребывания мы получили много ценных производственных советов, а также договорились о покупке промыслового прибора (для добычи россыпного золота) на Магаданском заводе и, самое главное, получили горный отвод сроком на 21 год. Запомнилась фраза Спивака С. В. (в то время главного инженера ЗАО «Корякуголь»): «В год окончания горного отвода достигну пенсионного возраста». Как далеко была тогда его пенсия! Однако время летит, и его пенсия сегодня не кажется столь далёкой.

Возвращаясь к работе с камчатскими инспекторами, на память приходят многие эпизоды. Припоминаю забавный случай приезда начальника РГТИ Мухина Павла Всеволодовича в одну из наших партий зимой. При проверке склада ВМ (взрывчатых материалов) он решил «приколоться» над заведующим и спросил, как тот опечатывает склад. «Обычно» - ответил тот, - «как всегда, ставим печать на бирке с пластилином». «А зимой, когда пластилин замерзает?» - спросил Мухин (разговор состоялся на складе ВМ), - «покажите мне сейчас, как вы это делаете?». «Все просто» - ответил завскладом, - «берём спички, подогреваем пластилин». Это был провокационный вопрос (согласно

инструкции спички категорически запрещены на территории склада). Штрафа не удалось избежать. Мухин П. В. был строгим, но справедливым. Работы он останавливал, когда нарушения действительно угрожали безопасности.

На Камчатке у каждого инспектора имелся свой «фирменный» стиль проверки объектов. Поделюсь своим наблюдениями. Не стану называть их имена. Многие, кто занимался БВР, и так их узнают. Один из них уже на подлёте к объекту переобувался в кроссовки, почти на лету выпрыгивал из вертолётa, и довольно резво оббегал близлежащие выработки, где находил остатки ВВ (взрывчатых веществ), ДШ (детонирующего шнура). Со всем этим он приходил в контору, требовал машинку и начинал печатать предписание. Затем обходил другие объекты, после чего предписание становилось многостраничным. Все работы, конечно, останавливались. В течение дня большая часть пунктов выполнялась, а через сутки устранялись и остальные нарушения.

Второй тип проверяющего - прямая противоположность первому. Он степенно выходил из вертолётa и шёл напрямиком в домик или палатку «своего» человека, где безвылазно проводил почти целый день. После чего целенаправленно шел к местам, где все нарушения были налицо. Своё предписание вручал руководителю работ на подножке вертолётa, когда несущие винты раскручены для взлёта.

Третий тип инспектора закрывал работы независимо от тяжести пунктов предписания, и вкрадчивым (успокаивающим) голосом просил не расстраиваться. Вот он улетит и оттуда (из города) даст добро на открытие работ. Конечно, когда получит данные об исполнении всех пунктов предписания.

Читателю может показаться, что на геологических объектах постоянно творились невероятные нарушения, многие из которых можно расценить как преступления. Заверяю вас, что это не так. Все, начиная от рабочих и кончая ИТР, хорошо осознавали, что нарушения грозят длительными остановками работ и делали максимум для того, чтобы этого не допустить. Конечно, находились и «разгильдяи». Как правило, это временщики, сезонники. От таких старались избавляться. Всё, о чём сейчас идёт речь, происходило в 60-70 годах. Тогда

слово «терроризм» не было знакомо. Никому не могло прийти в голову взять взрывчатые вещества для каких-то своих нужд.

Мои воспоминания о работе с гортехнадзором будут неполными, если не расскажу об одном эпизоде, который наиболее запомнился. В 80-х годах мы вели зимние шурфовочные работы по оценке россыпной золотоносности рыхлых отложений в долине реки Гыленги. Однажды запросили взрывчатку, и во второй половине дня её доставил МИ-4 на один из лагерей в количестве одной тонны. А склад ВМ находился в 10 км от лагеря. Имеющийся вездеход был в ремонте. Сделать ещё одну посадку до склада пилоты отказались. Зимой лётное время короткое. Они не успевали вовремя вернуться в аэропорт. Встал вопрос: либо разгрузиться здесь, либо они уходят с грузом на базисный склад, т.е. в Усть-Пенжино. Глупо возвращать взрывчатку обратно, решил я, и её разгрузили в лагере, в надежде, что вскореотремонтируем вездеход и перевезём на склад.

Утренняя связь принесла нам «радостную» весть. В экспедицию прилетают инспектора с проверкой. Я доложил начальнику экспедиции Ю. П. Рожкову, что вчера завезли ВВ, а на склад доставить нечем. Он пообещал отправить проверяющих в другие партии, но уже в обеденную связь сообщил, что они летят целевым назначением именно в Тылхойскую партию. Осталось только удивиться тому, как и кто, мог сообщить о том, что наша взрывчатка хранится не по правилам? Я исключаю, что это сделали наши вертолётчики. Они понимали, что любая остановка наших работ – это потеря их лётных часов и соответственно оплаты их труда. Они нередко сами предупреждали нас о прилёте каких-либо комиссий. Частоты их радиостанций прослушивались нашими радиоприемниками (спидолами). Они по рации сообщали открытым текстом, например: «Летим к Шамилю, везём комиссию». После такой информации кое-что успевали подчистить, исправить, сторож на складе принимал «бравый» вид, готовил карабин к команде «товсь» и т. д.

И вот, инспектора приземляются на МИ-4. Налицо большие и малые нарушения. По мере возможности мы кое-что сделали. Площадку с ВВ обозначили красными флажками. Рядом сторож в тулупе с карабином, тут же сторожка - двухместная палатка. Сразу досталось всем.

Отчитали и заведующего складом Т. П. Шеремет, и не только за ненадлежащее хранение ВВ, но и за то, что спит на нарах, изготовленных из ящичков из-под взрывчатки и детонаторов. Я как-то пытался сгладить их нарекания удалённостью нашего объекта от населенных пунктов, непролазными снегами. И как только я сказал, что в радиусе 200 км никаких «шпионов» нет, раздался скрип полозьев оленьих нарт, и в домик входит дед Агапка в зимней кухлянке и очень «намухоморенный», т.е. принявший солидную дозу сушеного мухомора.

Дед Агапка - это старый оленевод, который жил при табуне. По-русски он знал буквально несколько слов: здравствуй, водка, начальник и твоя мать. У него было две жены (старшая и младшая). Все жили в одной палатке. Его постельное ложе - посреди двух жён. У старшей жены профиль лица далеко не корякский, скорее европейский, а возможно и американский. Ему и его старшей жене было много лет, и они в последнее время уже готовились к «верхним» людям. Как рас-

Старшая (справа) и младшая (слева) жены деда Агапки.

сказывали их внуки (летом они часто гостили в табуне), старики время от времени примеряют заранее пошитые ритуальные одежды, в которых будут сожжены. Во время летних полевых работ мы неоднократно встречались с оленеводами, и не раз оказывали кое-какие услуги, в основном, по переброске вездеходом их лагерей. Конечно, обменивались продуктами. Они нас баловали свежей олениной. Их бригадир Анатолий Пойтеле как-то перевёл слова деда Агапки о том, что он хочет найти нас зимой и обязательно привезти подарок. И вот, этот подарок прибыл, правда, очень

некстати. На нартах лежал большой жирный олень, разделанный по всем корякским канонам. Здесь же его вкусные составляющие: печень, сердце, язык и даже пенис. После передачи подарка зашли в жарко натопленный домик. Глаза деда казались смешливыми. За ще-

кой находился комочек махорки. В самый первый год нашего знакомства с этой бригадой была просьба оленеводов привезти махорки. Оказывается кто-то давно надоумил их сосать махорку, таким образом, извлекая из нее какие-то «кайфовые» вещества. Заказ удалось выполнить не сразу. Найти махорку оказалось не так просто. Самокрутки и козьи ножки перестали крутить давно. И все же, будучи в отпуске, мне удалось купить махорку, причем Маршанскую. Наши деды и отцы, в своё время, считали её лучшей, более «забористой». А дед Агапка, тем временем, в жарко натопленном домике решил снять с себя кухлянку, а заодно и меховую рубашку. Когда он всё с себя снял, мы увидели абсолютно белое тело с множеством наколок, причём на английском языке. Ну, вот тебе и «шпион», сразу заметил инспектор Пахотин Кондратий Антипович. И сказал это почти серьёзно. Наше положение ещё более усугубилось. В это время я почему-то очень сожалел, что в школе учил не английский язык. Ведь так и не узнал, что же было написано на теле деда Агапки. Авторы текста были явно «янки». Кто его знает, может и прав был Кондратий Антипович о предполагаемом «агенте»? Дед Агапка, смекнув, что посторонние люди не очень доброжелательны, быстро оделся и уехал в своё стойбище.

Все закончилось актами, предписаниями о закрытии работ и письмами в Пенжинский и Олюторский районные отделы госбезопасности. Они самым серьезным образом дознавались, как мы допустили такие нарушения, откуда рядом с нашей базой появился человек, плохо говорящий на нашем языке, с английскими наколками и со своим транспортом? Насколько часты визиты таких людей? Почему оленья упряжка оказалась возле плохо охраняемой взрывчатки? Не существуют ли в партии бартерные сделки - оленина за ВВ? Задавалось много и других вопросов. Тогда подумалось, что в далекие 30-е годы эти ребята не утруждали бы себя большим количеством вопросов, а решение могло быть скорым. В нашем случае серьезных репрессий не последовало, однако «крови попили».

Так случилось, что через некоторое время тот же Кондратий Антипович (инспектор) стал главным инженером организации «Камчатлестопром». Его основным объектом был угольный карьер на Медвежке (на восточном побережье Камчатки). Судьба свела нас в

поселке Корф, в столовой. Вид его был огорченным. Оказывается, приехали инспектора из «КОГТИ» и остановили работу карьера из-за каких-то мелочей. И вот теперь он жаловался мне на существующие инструкции. Будь его воля, половину пунктов убрал бы из инструкции. А ведь как «пел» тогда, на Гыленге, о важности каждого пункта! Какие жуткие истории рассказывал про многие пункты инструкции! Каким объемом крови полит каждый из них! Теперь, будучи в другой должности, многие из них, на взгляд Кондратия Антиповича, оказывались не столь уж «окровавленными», а кое-какие совершенно ничемными. Вот ведь как бывает. Все познаётся в сравнении.

А дед Агапка весной того же года отправился к «верхним людям». Его сожгли по всем правилам предков на левом берегу реки Гыленги. Осталось ощущение того, что его приезд зимой был прощальным.

Перевозка лосей

В апреле 1977 года я вылетел на вертолете Ми-4 с базы своей партии и приземлился в аэропорту Манилы для заправки. Диспетчер аэропорта В.Емельянов от имени М.Останина (известного охотоведа на Камчатке) попросил по дороге в Корф подсесть в районе реки Белой, где появилась срочная проблема. В те годы такие просьбы возникали нередко и все, как правило, помогали друг другу. Экипаж без труда нашел нужную точку. Палаточный лагерь населяли не совсем обычные люди. Это была бригада москвичей, специалистов по отлову диких зверей. Совместно с камчатскими коллегами они реализовывали проект по переселению лосей с севера на юг Камчатки, в Мильковский район. Лоси не могли самостоятельно перебраться на юг через скалистый камчатский хребет. Не знаю, кому первому пришла эта идея в голову. В любом случае она заслуживала всяческого одобрения. Пенжинский лось является, пожалуй, одним из главных украшений одноименного района. Вряд ли где имеются такие крупные особи, настоящие исполины. Вдоль всей спины четко выделяется черная полоса. Их вес достигает 500 кг. Под стать своему весу их рога.

Когда-то в долине реки Пенжины охотниками были добыты несколько особей лосей, рога которых украсили интерьеры Москов-

ской олимпиады. Семь лосей мне довелось видеть практически по всему району. Они нередко подходили к базам наших партий и отрядов. Их развелось так много, что возникла проблема кормов. Возможно, это послужило причиной их переселения на юг, где кормовая база обильная.

На фото А.Разумный и В.Алексеев. на заднем плане С.Рожков.

Возникшая проблема в лагере звероловов оказалась действительно серьезной. На территории коралья (искусственного ограждения), где размещались пойманные лоси, проснулся медведь. В связи с этим требовалось срочно «договориться» с медведем. Пока охотники выясняли отношения с «косолапым» я познакомился с ребятами, которые по роду своей работы, исколесили почти весь мир. Они «добывали» животных в различных частях земного шара для зоопарков многих стран.

Технология перевозки лосей оказалась не простой. С воздуха (с вертолета Ми-4) стреляли усыпляющими ампулами. Обездвиженные тела доставляли в кораль, где с помощью укола оживляли. Некоторое время наблюдали за лосем, а когда считали, что его состояние удовлетворительное, готовили для отправки вертолетом к месту нового жительства.

Перевозке подлежали только здоровые особи. На каждого лося заводили паспорт со своим именем и клеймом. Транспортировку лосей производили в специальных ящиках на вертолетах Ми-8.

На новое место жительства они выходили из вертолета самостоятельно. Вот таким образом за три года перевезли 68 лосей. Говорят, что сегодня на юге Камчатки уже несколько тысяч лосей. Наверное, это один из редких случаев, когда человек вмешался в природную среду, при этом она не только не пострадала, а осталась благодарной.

«Добычей» лосей для депортации на новое место жительства занимались несколько экипажей вертолетов Ми-4. В их числе экипаж командира Н.П.Ковалева, который, как они сказали, недавно организовал им авиашоу. Он показал им как на вертолете можно танцевать вальс. На реке Белой, где они стояли лагерем, был чистый прозрачный лед. Вот на этом льду он колесами своего вертолета выделял развороты, круги, прочие вальсовые па, чем привел в восхищение московских гостей. Наверное, в воздухе станцевать вальс на вертолете не так сложно. А вот исполнить его колесами на льду возможно только большому мастеру.

Икар

Эту историю знают многие. Особенно в Корякии и, тем более, пенжинцы. И всё же захотелось напомнить о том, что север всегда отличался неординарными людьми.

В конце 60-х годов аэропорт Каменское, а это произошло именно там, представлял собой жалкое зрелище. Грунтовая полоса, укатанная на косе, вода в период половодья. Весной полоса заливалась паводковыми водами и по ней курсировали моторные лодки. Служба аэропорта ютилась в небольшом домике. В зале ожидания (20-25 кв. м) стояла большая печь, которую топили дровами и углём. Здесь и обитали пассажиры, прибывшие из Петропавловска-Камчатского, либо из других сел. И все-таки это был аэропорт районного масштаба.

Сам районный центр находился на противоположном берегу реки Пенжины, на расстоянии 5-6 км. Добраться до него всегда было непросто. Для транзитных пассажиров это было неслабым испытанием, особенно в зимний период. Многие вылетали отсюда неделями. Наш геолог Юра Резник по пути в отпуск провел здесь около месяца и запросил отпуск ещё за один год. Вечерами в этом крошечном зале

ожидания умудрялись даже крутить фильмы. В адрес местных властей поступало много жалоб с требованием хоть что-нибудь сделать для обустройства пассажиров – открыть магазин, столовую. Власти, как всегда, обещали что-то предпринять и даже построить новый аэропорт. Но это всё было потом.

А пока открыли небольшую столовую, где поваром был некий Володя. Фамилию забыл. Он исправно кормил пассажиров и довольно сносно. К тому же был отменным пекарем. Но пассажиры были не всегда и столовая нередко пустовала. Думаю, что в такие дни ему было особенно грустно и тоскливо. Он был молод, здоров. Хотелось как-то разнообразить свою жизнь. Вот под такое настроение однажды приземлился вертолет. Он дозаправился, забрал всех оставшихся пассажиров и готовился к взлету. МИ-4 раскрутил винты до нужных оборотов и «по-ковалевски» взмыл. Так взлетал только Н. П. Ковалев. Пассажиры расселись, смотрели в иллюминаторы и провожали ненавистным взглядом взлётную полосу и аэропорт, где провели несколько «незабываемых» дней.

И вот, когда эти прощальные взгляды завершились, их глаза устремились на дверь вертолета, а точнее, на её внутреннюю ручку. Она дёргалась, словно кто-то пытался снаружи открыть дверь. На это пассажиры обратили внимание бортмеханика. Вертолёт стремительно пошёл на снижение. Уже на земле выяснили, что на подножке сидел повар Володя. Он уже успел основательно окончить. Ведь за бортом было не меньше -40° . Стали выяснять, что же толкнуло его лететь таким способом? Мог и в салоне лететь, даже бесплатно (такое в Пенжинском районе случалось). Цены билетов на внутренних рейсах тогда были демократичными. Билет от с. Каменское до с. Манилы стоил 3 рубля. Конечно, дело было не в деньгах. Парню опостылела коса, этот однообразный образ жизни и он решил развеяться. Решение возникло спонтанно. Но он просчитался с маршрутом полёта. Володя был уверен, а возможно, так и планировали пилоты, что МИ-4 летит в село Манилы. Это примерно 20 минут полёта. На такое время и был его расчёт. Но при взлёте что-то поменялось в планах, и вертолет взял курс на Таловку. Это более одного часа полёта. Вот тогда и пришлось стучаться в дверь. Возможно, где-то в других регионах, а тем более

в столичных аэропортах, за такой полёт он мог надолго уехать в места не очень удаленные от нас под досмотр служивых ребят. Здесь, конечно же, ему всё простили. После этого полета популярность его значительно выросла и многим прилетавшим пассажирам его показывали как местную достопримечательность. Вот тогда за ним закрепилась гордая кличка «Икар».

День рождения Нельмы

Этого события ждали многие жители Первореченска. Причина ожидания очень даже важная. Одной из наших собак вот-вот должно было исполниться один год. Собака не простая, редкой породы – ньюфаундленд (водолаз). Поговаривали, что за такую собаку где-то в Европе давали дорогую машину. Когда эта собака у нас появилась, мы решили, что теперь Первореченск занимает первое место в мире по количеству ньюфаундлендов на душу населения.

Конечно, был и другой, не менее важный, повод ожидания праздника. Поселок был небольшой, и многие знали друг о друге всё, и даже, сколько и чего хранится у каждого в погребках. Ещё задолго до «сухого периода» многим запомнилась покупка хозяином дорогой собаки ящика водки. Не смогли вспомнить время её распития, следовательно, она (по логике) находится на сохранении. Хозяина «раскололи», и он признался, что совсем скоро его любимой собаке исполняется один год. Вот для этого случая и хранится важный продукт. Геологическая братия не стала торопить приближение дня рождения (хотя очень хотелось) и терпеливо ждала. Пора, наконец, представить виновника торжества.

Собаку звали Нельма. А её хозяином был Илья Беляев. Они появились в посёлке втроём: он, его жена и собака. Все из Москвы. Семейство быстро вписалось в жизнь и быт посёлка. В них отсутствовал московский «снобизм». Они спокойно восприняли все «удобства», которые были во дворе, и даже печное отопление дровами и углём для них не оказалось (как ни странно) чем-то сложным. Вскоре выяснилось, что они жили в частном доме на улице Красной Сосны, в районе ВДНХ. Именно поэтому почти все эти неудобства они преодо-

левали ранее, аж в самом сердце нашей Родины, городе Москве. Хозяин семейства был очень «рукастым». Он умел делать всё или почти всё. Быстро обустроил комнату, сколотил мебель, облагородил стены, подремонтировал печь, создал уют для собаки. Кроме всего прочего, оказался классным поваром. Кстати, комнату этому семейству дали в шестиквартирном доме, где проживали ещё пять семей, в том числе моя семья и чета Исаковых. Такой энергичный сосед для нас с Исаковым был, конечно, хорош (он был неплохим собеседником), а с другой стороны - «не очень». Мы не приветствовали то, как он подавал завтраки в постель супруге, готовил всякие кулинарные изыски. Всё это плохо влияло на наших жён и, в итоге, негативно отражалось на жизни мужской части населения дома, где нередко слышалось из комнат: «Вставай! Илья уже накормил жену, собаку, рубит дрова и натаскал воды для стирки. А ты всё валяешься!». И всё же, сосед он был неплохой. В свое время много путешествовал: работал проводником на железной дороге, повидал многие регионы большой страны и рассказывал интересные истории. Не могу не поделиться одной из них. Уж очень она отражала существо нашего советского человека. Илья возвращался из Якутии (видимо, работал в геологической экспедиции) и загорелся идеей привезти в Москву медвежонка. Оформил у ветеринара на медведя справку о том, что это якутская лайка, со всеми необходимыми прививками и явился в аэропорт. На регистрации ему сказали: «А ты куда собрался с медведем?». «С чего вы решили, что это медведь?» - парировал Илья, - «Вот справки. Это якутская лайка, вот кличка, прививки». Работникам аэропорта пришлось зарегистрировать его и псевдо собаку. О столичной жизни этого медведя рассказ отдельный. С собаками, как выяснилось, Илья связан с детства. С двенадцати лет он состоял в клубе собаководства. Нельму (именинницу) он приобрёл у какой-то хозяйки именно через этот клуб. Долго проверяли его условия жизни, материальный достаток, человеческие качества и т. д., прежде, чем доверить такую собаку. Когда все формальности были завершены, Илья получил долгожданные документы на собаку. Их оказалось вдвое больше, чем у четы Беляевых вместе взятых. На проводы Нельмы в аэропорт приехала теперь уже бывшая хозяйка. Очень сокрушалась, что собаке предстоит такой большой

перелёт, даже слезу обронила. Свое первое лето собака провела на Маметчинском полуострове, где хозяин работал старшим геологом одноименной партии. Многие работники этой партии очень завидовали Нельме. Из всей партии только у неё было шестиразовое питание. В посёлок она вернулась весьма упитанной. Все-таки Илья был собачьим фанатом с большой буквы! И вот, наконец, наступил день рождения Нельмы. Об этом узнал весь посёлок, так как телефонистка Валентина Ощеулова приняла и доставила Беляевым для Нельмы поздравительную телеграмму из города Москвы. Поздравляла, конечно, бывшая хозяйка, такая же собачница-фанатка, как и Илья. В телеграмме Нельме было прописано много традиционных пожеланий, почти человеческих. Хозяину напоминалось о правильности питания собаки, необходимости холить и лелеять её. Телеграмму зачитали за роскошным столом, во главе которого восседала на полу сама виновница. Её голова и головы гостей оказались на одном уровне (сказалось правильное питание). Вот таких размеров была Нельма в один год своей жизни. Она сидела с гордо поднятой головой, словно соответствуя важности торжества в свою честь. На её груди висела большая гирлянда медалей (пока из шоколада), а рядом лежала берцовая кость (наш совместный подарок с А. Б. Исаковым) первореченского быка, пущенного накануне «в расход», за скверный характер по отношению к людям. Он неоднократно пытался поднять на рога скотника и стал излишне агрессивным, за что и был приговорён. Видать, было в нём что-то от испанских кровей.

Первый тост – за здоровье именинницы опрокинули «соколом». Остальные шли обычным порядком. Закуска на столе отменная. Особенно удался бефстроганов «по-беляевски» - это фирменное блюдо Ильи. А вот водка была корейская. Она называлась «Самбьяк». Это скорее «бьяк», чем «сам». Когда выпиваешь её, такое ощущение, что проглотил кусок сырой земли. Красочная этикетка на бутылке изобиловала корейскими иероглифами. Один из них особенно выделялся на фоне всех: он имел г-образную форму, только поперечная часть знака ориентирована вниз. Рассмотрев внимательно этот иероглиф, мужская часть гостей сошлась в одном: знак символизирует о каких-то негативных последствиях, если, видимо, злоупотреблять на-

питком. Кто-то из гостей сказал прямо: «Можно стать импотентом». Вот об этом и свидетельствует знак. Не все согласились с ним. Однако выбора не было. Это был «сухой» период (корабли придут не скоро).

Вскоре, все двадцать бутылок опустели. Несмотря ни на что, это была водка. После исполнения многих традиционных песен под аккомпанемент исаковской гитары, далеко за полночь, умиротворенные и обсудившие все мелкие и глобальные проблемы, гости разошлись по своим домам.

Вот интересно, где-нибудь ещё состоялся такой «собачий» день рождения?

Ужин в кафе «Юность»

Припоминаю, как наша причастность к бытию Пенжинского района помогла нам однажды пробиться в одно из кафе г.Петропавловска-Камчатского. Старожилы, наверняка, помнят времена, как трудно, а порой невозможно, было попасть в вечернее время в кафе или ресторан. Помнят так же, как сложно было поймать такси. Предпочтением пользовались люди в фуражках с крабами, у которых, как говорили тогда, полкилограмма меди на лбу, то есть моряки и рыбаки. Таксисты охотнее обслуживали именно эту категорию жителей города. Оно и понятно. Это были выгодные клиенты. Рестораны и кафе на 90 процентов заполнялись также моряками и рыбаками.

В одной из командировок мы решили поужинать в пункте общественного питания, где вечером не только кормили, но и наливали. Это заведение находилось на улице Советской, недалеко от нашего геологического управления, и называлось оно – кафе «Юность». Это было время, когда название кафе соответствовало нашему возрасту. У входа стояла большая толпа, и шансов поужинать здесь, а заодно слегка «согреться», совсем не было. Но что-то задерживало нас у двери, которая время от времени открывалась и закрывалась. И вот, когда она в очередной раз открылась, кто-то из нашей группы крикнул, что мы в командировке, хотим покушать и прибыли из Пенжино (так иногда называли себя те, кто живёт в Пенжинском районе). И случилось чудо. Человек, который «заведовал» дверью сказал: «Кто здесь

из Пенжино? Проходи». Толпа уважительно расступилась, и мы вчетвером оказались в вестибюле кафе. Наши завистники опомнились, и стали громко возмущаться. На что последовало разъяснение о том, что мы прибыли из самой экстремальной части Камчатки. В толпе не все поняли, где это, но ропот прекратился. Нашим благодетелем оказался житель села Каменское. Он хорошо помнил наши холода и пурги. Конечно, нашлось много общих знакомых. В кафе все столики были заняты, но наш земляк нашёл для нас стол и стулья, организовал обслуживание, и мы вскоре плавно вписались в общую публику, градус которой уже был высок. В кафе играла «живая» музыка. Как сейчас помню, играл ансамбль из Харькова.

В те годы многие музыкальные коллективы подрабатывали в северных и дальневосточных городах. К сведению читателей, в ресторане «Океан» (пожалуй, самом популярном в те годы) играл и пел популярный ныне Михаил Шуфутинский, а в кафе «Берёзка», что в Елизово, пела, не менее популярная в то время, Ада Якушева. В залах питейных заведений правили балом моряки и рыбаки. Многие из них только вернулись с длительного плавания и отрывались по полной программе. Музыканты не успевали выполнять их заявки. Среди них было много песен Высоцкого, а песня со словами: «не пройдет и полгода, как я возвращусь» была самой исполняемой.

Тихон Васильевич Тарасенко

За время работы на севере Камчатки я не часто встречался с главным геологом Камчатского геологического управления Тихоном Васильевичем Тарасенко. Моя первая встреча с ним состоялась в 1966 году, когда я прибыл на Камчатку молодым специалистом после окончания геологического факультета Казанского университета. Именно он определил мою судьбу и отправил на север Камчатки. Скажу откровенно, в Пенжинскую ГРЭ поехал с удовольствием, хотя знал многих, кто с большим желанием тогда хотел остаться на юге Камчатки, где так много экзотики.

Вторая встреча с Т. В. Тарасенко была скорее виртуальной. При написании промежуточного отчета Чалбугчанской ГСП (1967 г.) в

главе «История геологических исследований» упоминалась работа молодого специалиста, техника-геолога Т. В. Тарасенко в 1949 году в районе Ичигемского хребта (на его северных отрогах в 1967 году было открыто Сергеевское золото-серебряное месторождение). Только спустя много лет я узнал, как непросто проводились эти исследования в те годы. Из рассказа Тарасенко Т.В. до объекта работ добирались несколько недель на 30-40 оленьих нартах. Ещё стояли сильные морозы, и перед каждой ночёвкой приходилось принимать «подогрев». Для этого везли канистру спирта. Вот эта канистра и была главным тормозом в движении каравана с его частыми остановками. Только, когда стало ясно, что выпита последняя капля спирта, каюры существенно прибавили в скорости и вскоре прибыли на место будущей базы. Жаль, что уже в те годы мы прочно «подсадили» местное население на алкогольные напитки.

После схода снегов топограф взобрался на высшую точку Ичигемского хребта (1503 м) и оттуда начал наносить на планшет гидросеть окружающего района с выделением отдельных вершин и хребтов. И это стало основой для ведения здесь геологических исследований. Можно по-разному относиться к тем геологическим материалам. Но совершенно точно надо снять шляпу перед этими людьми и, в том числе, перед Тихоном Васильевичем. Представьте себе нынешнего молодого специалиста, техника-геолога, который руководит мелко-масштабными геологическими исследованиями на огромной территории при отсутствии элементарной топографической карты.

Третья встреча состоялась в 1972 году на Сергеевском месторождении. Отсюда хорошо просматривался весь Ичигемский хребет, где более 20 лет тому назад он начинал свою геологическую деятельность. Тогда я ознакомил его с месторождением, а геолог Гимадеева Л. Ф. подготовила (по его просьбе) несколько комплектов типов руд месторождения. Высокое управленческое начальство не очень жаловало нашу экспедицию. Их приезд в наши края был редким. Начальник управления В. М. Никольский побывал лишь единожды. Он устроил небольшой «разнос» на общем собрании и отбыл в город. Многие тезисы того «разноса» стали хорошим материалом для экспедиционной газеты «Разлом», которая всегда отличалась крити-

ческим, сатирическим и независимым нравом. Узнав о том, что стал объектом «острого пера» местной редколлегии, он предупредил (как позднее выяснилось) управленческих работников об осторожности в высказываниях при поездках в нашу экспедицию. Всё-таки очень «зубастая» и действенная была наша газета!

Нас, геологов на севере Камчатки, не очень интересовали и совершенно не заботили «подковёрные» игры и интриги «южан». И всё-таки кое-какие слухи доходили и до нас. Поговаривали, что, дескать, не так рулит верхнее начальство и даже будто не так дружно сотрудничает. Со временем стало ясно, что противостояние на самом верху действительно имеет место быть. Конфликт между начальником КТГУ Никольским В. М. и главным геологом Тарасенко Т. В. выплеснулся наружу. Я ни в коей мере не берусь давать оценку этим взаимоотношениям. Все решили «большие дяди» из министерства. В отставку отправили обоих.

В 1999 году геологической службе Камчатки исполнилось 50 лет. По этому случаю организовали встречу нескольких поколений геологов Камчатки. Прибыли ветераны с материка. Встреча получилась теплой. На встречу прибыл и Т. В. Тарасенко. Тогда он жил в Москве. Не знаю почему, но именно мне он решил рассказать то, чем занимается на пенсии. Его рассказ заставил меня еще раз проникнуться к нему уважением. Скажу откровенно, что немногие решили так распорядиться своим заслуженным отдыхом. Во время Великой Отечественной войны на его родине в деревне погиб каждый второй мужчина. Вот увековечить их и взялся Т. В. Тарасенко. Для этого он с одним из здравствующих жителей деревни составили проект мемориала всем павшим в той войне землякам. Небольшие личные сбережения послужили стартовым капиталом. Средств для строительства, конечно, никто не выделил. Да и откуда они могли взяться в небольшой деревне, которая и сейчас с трудом выживает? Несмотря на это, у проектантов не опустились руки. Пригодились организаторские способности. В обмен на пшеницу, которую выделил колхоз, приобрели гранитные плиты. Путём таких же бартерных сделок отполировали их, местные умельцы выбили имена всех погибших. Таковых оказалось не менее двух сотен. Не остались в стороне и жители деревни. Многие добро-

вольцы внесли посильный труд в создание мемориала. Он получился очень даже солидным (16 плит с именами погибших и посреди стела). Не всякий населённый пункт имеет такой. Но этим дело не закончилось.

Фрагмент ансамбля павшим землякам

Часовня с двумя колоколами

Проектанты начали строить часовню на местном погосте. Её строительство к моменту нашей беседы было в стадии завершения. Венцом своего долга перед земляками, как выразился Тарасенко Т. В., должны стать два колокола, которые будут украшать часовню. Колокола, похвастался он, уже заказал в Туле. И вскоре обещал установить их. Вот так завершилась наша встреча и беседа, которая, как оказалось, стала последней. В ближайший день Геолога я решил поздравить Тарасенко Т. В. с праздником и позвонил в Москву. Трубку взяла жена и сообщила грустную весть о том, что его не стало. Он умер на своей родине и там же похоронен. «А где его родина?», - поинтересовался я. «В деревне Кашино Воробьевского района Воронежской области», - ответила жена. Выразив всевозможные соболезнования, я достал атлас автомобильных дорог и нашел эту деревню, которая оказалась в 30 км от места жительства моей младшей дочери Юли. В тот же год мы с женой Людмилой посетили могилу Т. В. Тарасенко и, конечно, тот мемориал, и часовню с колоколами. Как оказалось, он приехал на родину, установил колокола и на следующий день умер. Вот уж воистину всё сделал и ушёл в мир иной с чувством выполненного долга. Жители деревни высоко чтут имя своего земляка Тихона

Васильевича Тарасенко.

От имени геологов Камчатки мы возложили цветы, венок на его могиле и на мемориале.

Чукотский десант

В 1983 году в истории камчатской геологии началась новая эпоха. Сменилось руководство ПГО «Камчатгеология». Это не стало большой неожиданностью. В далекой столице (Москве) давно зрело мнение, что Камчатка нуждается во вливании свежей крови. Август 1983 года стал временем смены генерального директора. Не стану говорить о причинах снятия с работы Рема Александровича Ремизова. Отмечу лишь, что во время его правления значительно продвинулись геологоразведочные работы на Камчатке. Они велись достаточно успешно. Это привело к открытию многих россыпных и золоторудных месторождений (Агинского, Сергеевского, Асачинского), Мутновского месторождения парогидротерм, знаменитого месторождения россыпной платины. Именно в это время набрали хороший темп разведочные работы. Много было сделано и в строительной сфере. Работники стали жить в комфортном жилье. Заметно выросла производственная база. Вероятно, были большие и малые проколы. Не мне об этом судить. Единственно, что бросается в глаза – это потеря в то время таких отраслей как нефть, газ и парогидротермы. Жаль, что так бесславно и без борьбы эти отрасли передали сахалинцам. Ведь основы этих работ с огромным трудом заложили именно камчатские геологи.

Молва о смене руководства до наших северных краев дошла с небольшим опозданием. Генеральным директором назначили Виктора Ивановича Лаштабега с соседней области, а конкретно с Чукотки. Почему-то так повелось в стране, что чужие таланты всегда лучше местных. Это не моя мысль. Это по теории Лофтуса о наборе персонала из законов Мерфи. Свысока всегда виднее, кого куда переместить. Произошло всё в вихревом темпе. Оглянуться не успели, как основные посты заняли ребята из «чукотского десанта». Хорошо этот период отобразил в стихах наш геолог Игорь Петренко:

*А нас накрыла, не зевая
Волна кочевников лихая.
Не половцы, не печенегу,
А чукчи, то бишь Лаштабегу.
И действительно:
Куда не глянешь по верхам,
Их чукчи тут, их чукчи там.*

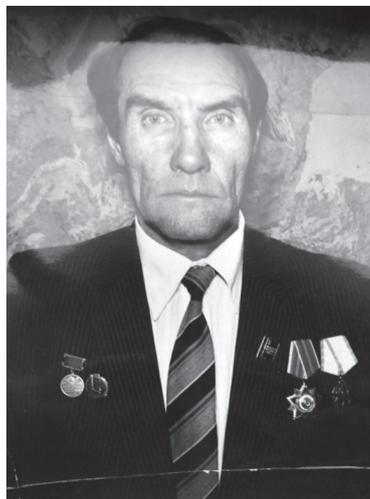
Я не могу рассказать как «прописывалась» новая команда на юге Камчатки, так как наша экспедиция находилась далеко вато от Петропавловска-Камчатского (более 1000 км). До нас доходили лишь отдельные слухи о «крутых» приказах, о перемещениях и увольнениях. Поговаривали, что кое-какие из них подписывались не выходя из уазика (т. е. автомобиля). Своей участи с нетерпением и тревогой ожидали в Северо-Камчатской ГРЭ, в посёлке Корф. Они не заставили себя долго ждать. Я изложу свой взгляд на перемены в экспедиции. Не думаю, что он понравится всем читателям. Но это мой личный взгляд.

Главным «идеологом» по реконструкции Северо-Камчатской ГРЭ, судя по всему, назначили Валерия Петровича Маргулиса, нового главного инженера ПГО «Камчатгеология». Именно он вбросил тезис о том, что экспедиция «больна». И этот термин длительное время вколочивался в сознание всех работников. Правда, чем «больна» никто не расшифровал. И началось лечение не знамо от чего. Исходя из этого, начались увольнения и перестановки. Конечно, прежде всего, обезглавили экспедицию, то есть отстранили от работы её начальника Рожкова Юрия Павловича.

На Камчатке имя Ю. П. Рожкова было знакомо каждому геологу. Несмотря на это я хочу напомнить тем читателям, которые не застали этот период работы, и не знают о его фактическом вкладе в становление и развитие геологии на Камчатке.

В книге «Геологическими маршрутами Камчатки» он рассказал о своём жизненном пути. Я бы порекомендовал камчадалам (прежде всего, людям из геологической «обоймы») прочесть эти воспоминания. Они не займут много вашего времени. Не так уж много у нас людей в Камчатгеологии, кто смог пройти такой путь, кто смог

пережить все взлёты, падения и не сломаться. Я напомним, что именно Ю. П. Рожков фактически стал одним из зачинателей камчатской геологии. По распоряжению начальника СВГУ И. Е. Драбкина он определил место для базы Пенжинской ГРЭ, начальником которой и был назначен. В 1959 году был заложен пос. Первореченский, а в 1960 году его заселили, прибывшие с полевых работ геологи. Кто побывал в наших краях, тот знает, как не просто здесь жить и работать. Низкие температуры (до 60 градусов), скорости ветра,

Рожков Ю. П.

достигающие 50 м/сек., короткое лето, ограниченная навигация, отсутствие дорог и многое другое выдержали далеко не все.

За время его работы были открыты и разведаны ныне известные месторождения серы, рудного и россыпного золота, олова и т. д. Кроме базы Пенжинской ГРЭ в Первореченске обустроены базы всех разведочных партий и капитальная база в пос. Корф, со всей инфраструктурой. Конечно, не всё и не всегда складывалось, как хотелось бы. И всё же не каждый мог похвастать таким объемом проделанной работы в своей карьере. Там, наверху, нередко стараются не вспоминать былых заслуг. Не думаю, что это справедливо. Не каждому дано в таких условиях многие годы руководить геологическими исследованиями и обеспечивать всем необходимым своих работников. И вот с приходом нового руководства без каких-либо серьезных оснований, Рожкову Ю. П. предлагают освободить кресло начальника ГРЭ. «Или вы уходите сами, или я вас уволю» - вот так был поставлен вопрос (вспоминал Ю.П.). Такая категоричная форма, конечно, не устроила Рожкова, и он не стал писать заявление по собственному желанию. Согласиться на такое увольнение, значит признать себя виновным. А в чем вина? Её нет. Тогда «чукчи» стали её искать. Если очень захотеть, то и черная кошка найдется в темной комнате. В ход пошли подлые и грязные методы образца тридцатых годов. Обратились к прокуро-

ру «за помощью», причём написали отрицательную характеристику (вспоминал Ю. П.). Он, конечно, отказал в возбуждении каких-либо дел. Тогда призвали КГБ, чтобы те взяли его в разработку (вспоминал Ю.П.). Всё делалось для того, чтобы избавиться от Рожкова и не просто избавиться, а вывезти его с территории Камчатки. Предлагали спецрейс самолёта для вывоза его и семьи в г. Ростов-на-Дону. Вот такая травля была организована командой Лаштабега.

Ничто не «сломало» Ю. П. Рожкова. Он, конечно, освободил кресло начальника ГРЭ и ушел работать в геологический отдел, а выехать с Камчатки категорически отказался. Через год отношения с Лаштабегом все же изменились. Они стали не столь агрессивными и относительно умеренными. Неужели вся эта травля была затеяна только для того, чтобы расчистить кресло для нового начальника? Если так, то у авторов этой затеи большие нелады с нравственностью.

Я неоднократно разговаривал по телефону с Ю. П. Рожковым незадолго до его ухода из жизни. Он не перестал переживать за тот экстрим, который ему организовали. Вне всякого сомнения, что это повлияло на его здоровье.

По прошествии многих лет я нередко задаю себе вопрос: почему в то время никто из коллектива геологов (я не исключая и себя) не встал на защиту нашего начальника? Я уверен, что большая часть коллектива очень уважительно относились к Ю. П. Рожкову. Неужели мы тогда все струсили, побоялись за собственные судьбы при новом начальстве? Сейчас кажется, что это мы им позволили так травить нашего бывшего начальника. Многие из нас хорошо знали, что не было серьезных причин для его увольнения. Немного, очень немного нас оправдывает то, что мы были не в курсе постыдных методов выживания Ю. П. Рожкова с Камчатки, которой он посвятил многие годы жизни. Удивительно, что люди, пользующиеся такими мерзкими методами для достижения целей, прибыли с Колымо-Чукотских краев, мест средоточия зла в прошлые годы, где так много пострадало различного люда. Неужели «зараза» прошлых лет не искоренилась? Дабы окончательно утвердиться в Северо-Камчатской ГРЭ, параллельно со снятием её начальника новые «доктора» разыграли еще один «спектакль». По надуманному предлогу решили избавиться и от главного геолога

Леонида Леонидовича Ляшенко. Повод нашли быстро. В бассейне р. Кондырева уже несколько лет велась разведка россыпей золота. Рассмотрев материалы по разведке этого объекта, «корифеи» россыпных дел установили, будто отдельные участки в долине последней якобы переразведаны, т.е. сгущена разведочная сеть. В этом усмотрели «невероятное» нарушение и даже ущерб. Вопрос был достаточно спорным. Доводы главного геолога не были услышаны. Добровольно уйти (т.е. по собственному желанию) с поста за это псевдонарушение он отказался. Но желание освободить его кресло было столь велико, что в ход снова пошли подлые приёмы. Из геологического контроля г. Магадана вызвали эксперта, но он не усмотрел переразведку. В то же время под «нажимом» тех же людей (это выяснилось позже) старшего геолога этой партии Дворецкого Б. В. попросили написать «пасквиль» на главного геолога, будто он заставлял его нарушать разведочную сеть. Позднее он раскаялся в своем «гносном» поступке. Для большей убедительности подали документы в прокуратуру для возбуждения уголовного дела в связи с нанесенным ущербом из-за переразведки. Л. Ляшенко принёс прокурору методическое руководство по разведке россыпей (кстати, разработанное в Магадане), где чётко изложена разведочная сеть для различных типов россыпей. Прокурор, ознакомившись с материалами дела и инструкцией, посчитал, что не суще-

Ляшенко Л. Л.

ствует состава преступления и отказал в возбуждении уголовного дела. Но удила уже «закушены». Приказ об отстранении все-таки состоялся. Кресло главного геолога наконец освободилось и его занял В. П. Хворостов.

Л. Л. Ляшенко перевели старшим геологом в геологический отдел. Так сложилось, что в 1987 году кресло главного геолога вновь освободилось, и тогда генеральный директор предложил занять его снова Ляшенко. Такой оборот событий ну очень удивил геологическое сообщество Камчатки. И к

чему тогда были все «рокировки»? К чему, как говорят в Одессе, нам крутили это «кино»? Неужели в то время так не терпелось показать всем геологам на Камчатке, кто теперь здесь правит «балом»? Все это логическому разумению не поддавалось. Кто же надоумил Лаштабегу В. И. сменить гл. геолога СКГРЭ на молодого геолога, который за время работы на Камчатке видел две свиты и одну дайку, а затем продвинул его и в главные геологи Камчатки? Стоило ли затевать в такую сложную и очень неприглядную комбинацию? Всё-таки кто-то наущничал и жаль, что Виктор Иванович повёлся на это. Незамеченными такие промахи не остались. Не исключаю, что он сожалеет о своих некоторых необдуманных приказах. Я не виню в этой истории В. П. Хворостова. Этот энергичный, неглупый парень, с высоким амбициозным апломбом, наверняка, смог бы достичь более высоких карьерных вершин, но не так скоро. Опыт не приходит мгновенно. Он приобретается с годами. В. И. Лаштабег оказал ему «медвежью» услугу. Очень быстро возвысил, и именно это «погубило» молодое дарование. Хворостов, покинув геологическую стезю, попробовал себя в различных ипостасях. «Порулил» экономикой города Петропавловска-Камчатского. Но ведь и там нужен опыт, да ещё какой! Пытался организовать горнорудные компании. Но и здесь дело закончилось только составлением на бумаге планируемых структур предприятия. Его энергии можно только позавидовать. Каких только идей не было в его голове! А вот их реализация не состоялась. А почему? Вопрос не сложный. На мой взгляд – не соблюдена этапность. Чтобы стать квалифицированным главным геологом необходимо пройти и познать все виды геологической деятельности, и не на уровне геологических экскурсий или геологических походов. Кроме того, требуется определенный склад характера, исключающий высокомерие и снобистские наклонности.

В Северо-Камчатской экспедиции был прекрасный главный геолог, прошедший практически все этапы геологической деятельности, который за многие годы изучил большую территорию северной Камчатки. При его участии и руководстве открыты и разведаны большинство имеющихся сегодня месторождений полезных ископаемых на севере Камчатки. Предложение снова занять место главного геолога,

было принято, но с условием, что он доработает до окончания трудового договора. Как можно было продолжать работу после всех вышеупомянутых потрясений? Несмотря на просьбы Лаштабега остаться, в 1990 г. Л.Л. Ляшенко уехал в родной Краснодар, где около 10 лет успешно возглавлял геологический комитет Краснодарского края и немало сделал в деле его организации. Несомненно, в его успешной работе пригодился многолетний опыт, приобретённый на Камчатке. Звание «Заслуженный геолог России» он получил уже в Краснодаре, при этом учли его заслуги в открытии знаменитой платиновой россыпи. Жаль, что трудно оценить моральный и материальный ущерб от потери хорошего специалиста. А ведь его знания и опыт ещё долго могли служить геологии Камчатки. Вам так не кажется, Виктор Иванович Лаштабег?

Новая метла

Итак, кресло начальника Северо-Камчатской ГРЭ освободилось и на него водрузился новый хозяин В. И. Кисиль. Это был высокий, довольно молодой парень с напускным серьезным видом. С первых дней своей работы он постоянно «подогревал» тезис В. П. Маргулиса о том, что экспедиция больна. «Очень больна», повторял он при каждом удобном случае. На работников ГРЭ из других организаций Корфа стали посматривать с тревогой. Может и вправду геологов следует сторониться? Ведь никто не удосужился расшифровать диагноз болезни. Больны и баста.

На первом же собрании новый начальник пообещал серьезные преобразования. Коллектив с замиранием ожидал другие новшества. Уже с первых дней стало ясно, что к нам пришел руководитель совершенно другой формации. Его рабочий день начинался с чтения передовицы газеты «Правда». Именно оттуда он, по-видимому, черпал «лекарства», необходимые для лечения нас от неизвестной болезни. Сразу заметили, что он сторонник «чистого» стола. Действительно, на его столе не было ни единой бумажки, кроме газеты «Правды». Нас ожидал новый стиль руководства. Веяния перемен не заставили себя долго ждать. С подачи главного инженера В. П. Маргулиса было ре-

шено изменить структуру экспедиции. Во всех геолого-съёмочных партиях упразднились должности начальников партий. Партии превращались в отряды. Оказывается, это новшество уже давно претворено на Чукотке, где все партии переведены в ранг отрядов. Это было воспринято весьма негативно. «Чукчи» поняли, что это может стать «перебором», и дело до официального приказа не дошло. Не скрою, быстро нашлись те, кто поторопился «лизнуть» нового начальника. Так, на всякий случай. И этот «лиз» был понят. Ведь надо же как-то вживаться в новую среду.

Новый начальник был в постоянном поиске новых форм управления геологоразведочными работами. Ведь требовалось как-то поднять их эффективность. С подачи «главного врача» или его заместителя он решил объединить все геолого-съёмочные партии и поисковые отряды в одну группу. Самостоятельной оставалась лишь разведочная Аметистовая партия. Негоже современному руководителю общаться с многочисленными начальниками партий и отрядов. Пусть за их работу отвечает, прежде всего, начальник группы партий. Такой приказ был издан, и, судя по всему, от такого преобразования ожидался «большой» геолого-экономический эффект. Несмотря на протесты всех начальников партий и отрядов приказ остался в силе. Всем сказали коротко: «Так будет лучше».

Меня пригласили на «ковёр» и предложили возглавить эту группу партий. Скажу прямо, что у меня не лежала душа руководить этой группой. Это была организационно-снабженческая должность. Всегда хотелось «живого» дела. Начальники партий и отрядов не очень приветствовали ещё какое-то руководство над ними. Это было абсолютно излишней структурой. Время показало её никчемность и вскоре всё завершилось возвратом к традиционной схеме взаимоотношения начальника ГРЭ со своими партиями и отрядами. Механизм работы геолого-съёмочных партий и поисковых отрядов давно отлажен, проверен и существует много лет. Изменять здесь что-то нет особого смысла. Надо отметить, «чукотская» команда не очень приветствовала геолого-съёмочные работы. Они все были с разведочным уклоном. Это был их большой минус. В разговоре с ними чувствовалась нехватка знаний геолого-съёмочных дел. Иногда казалось, что они не

всегда задумывались о том, откуда берутся месторождения. Шло время. У нового начальника где-то всё время что-то свербило, чесалось (как говаривал наш бывший премьер В. С. Черномырдин). Всё-таки не хватает какой-то новизны в экспедиции. Тогда, видимо, подумалось, не ввести ли в ГРЭ должность освобождённого секретаря партийной организации? Партийная ячейка тогда была уже «солидной»- чуть более 10 человек. И он стал подыскивать кандидатуру из геологической среды. Долго шли переговоры с некоторыми работниками. Увы, на это, казалось бы, тёплое местечко желающих не оказалось, несмотря на заманчивый оклад. Представляете такого бездельника на шее ГРЭ? А ведь как славно можно было бы разделить ответственность за работы в экспедиции с партийным лидером. Иначе к чему эта должность? Олюторский райком с ликованием воспринял появление нового начальника, который ежедневно общается с главной партийной газетой и весьма созвучен с идеологической линией. В экспедицию зачастили райкомовские эмиссары различного уровня, желающие лично познакомиться со столь идейным руководителем.

Однажды кто-то из экспедиционной газеты «Разлом» обратился к Кисилю с просьбой написать заметку. Вашу газету «Разлом» следует переименовать в «Развал» - и отказался от написания заметки. Жаль, что к этому времени не стало той «зубастой» редколлегии. Не миновать бы ему хорошей отповеди. В свое время, попав на страницы нашей газеты, не один, даже высокопоставленный, начальник (в том числе министерский), долго чертыхались за свои откровения в нашей экспедиции. В недоумение приводили слова, как нового начальника, так и всей «чукотской» команды, о каком-то невероятном развале, который будто царил до их прихода. Может быть, действительно все партии и отряды несколько лет не выполняли свои геологические задания, а в Аметистовой ГРП не могут найти ни одного стоящего рудного тела?

Возможно люди на базе экспедиции (в пос. Корфе) ютятся в землянках и палатках? Всё это далеко не так. Геологические задания всегда выполнялись, а люди жили в комфортных домах, заложенных и построенных бывшим начальником Ю. П. Рожковым. Наверное, какие-то проблемы были в разведочной партии. Но они всегда были и

до нового начальника и при нём. До прихода к власти нового начальника Аметистовое месторождение рассматривалось как крупный золоторудный объект с запасами около 100 тонн. Не всё выглядело так мрачно, как это преподносили «чукчи». Считать всё это развалом мог только «слепой», либо тот, кому очень хотелось думать, будто это так на самом деле. Да, еще много требовалось сделать, особенно для круглогодичных разведочных партий, где бытовые условия были далеки от нормальных. Не секрет, что южные экспедиции обеспечивались лучше ввиду их близости к центральным складам и наличия в том регионе круглогодичных автомобильных дорог. Город не очень рвал «жилы» для ритмичной работы северных экспедиций. Надо отдать должное, с приходом «чукотских» людей этот крен несколько выправился. Особенно это прочувствовали в первый год. Для поддержания имиджа и организации контраста (как было и как станет) для Северо-Камчатской ГРЭ изыскивали средства для закупки большой партии балков для жилых и производственных помещений Аметистовой ГРП, а также некоторых механизмов. Из Хабаровска перегнали вертолет МИ-6, который очень оперативно на внешней подвеске забросил весь этот груз на базу партии. Это, конечно, улучшило, прежде всего, условия быта. Конечно, сразу у многих возник вопрос. Почему этого не сделали раньше? Как бы то ни было, жизнь в Аметистовой партии несколько улучшилась. Наверное, и южные разведочные партии кое-что получили? Не могли же министерские начальники не поддержать нового генерального директора, хотя бы на первых порах?

Некоторые особенности организации буровых и горных работ

В период моего руководства группой партий, в двух из них возникли угрозы срыва геологических заданий: в Кедровской ГСП, где начальником был Л. Баженов, и в Пенжинской ГСП, которой руководил Н. Евглевский. В первой из них проводились шурфовочные работы по оценке золотоносности рыхлых отложений. Почти все шурфы не добивались до плотика по разным причинам (водоприток, большие глубины и др.), а, следовательно, оценка золотоносности останется

не выполненной. В партии Евглевского проектом предусматривалось изучение рыхлых отложений в долине реки Пенжина с отбором проб на диатомовый и спорово-пыльцевой анализы. Изучение этих отложений было важно для их расчленения, определения возраста. Для этого заложили в проект буровые работы. У обеих партий был последний сезон. Спасти выполнение их геологических задач могла только мобильная буровая установка. Вся беда в том, что такая буровая установка колонкового бурения (УПБ-100ГТ на базе вездехода Газ-71) находилась в пос. Корф, примерно в 400 км от объектов работ. Вариант перегона её своим ходом невозможен, т. к. весенняя распутица была в разгаре. Вот тогда, словно на удачу, в Корф прибыла группа москвичей из института (ГИН), среди которых был мой хороший приятель Андрей Казимиров. Его группа уже несколько лет занималась вопросами тектоники на восточном побережье Камчатки. Я нередко помогал этой группе в их организационных делах и у нас давно сложились дружеские отношения, особенно с А. Казимировым. Это был энергичный, красивый парень и очень простой, в отличие от многих заносчивых москвичей. Несмотря на свою молодость уже защитил кандидатскую диссертацию и считался хорошим специалистом в академических кругах. Нечасто встретишь среди научных работников людей, умеющих управлять вездеходами, тракторами. Вот таким был А. Казимиров. Он не только мог управлять техникой, но и умел её ремонтировать. То есть был не просто «наездником». В тот год при встрече с ним в Корфе он посетовал мне, что получил долгожданный вездеход Газ-71, а вот доставить его на объект работ нечем. Работали они в труднодоступном месте, в районе бухт Наталии, Анастасии. Местные авиаторы отказались перебросить его вездеход. Я посоветовал ему связаться с Хабаровском, где базировались вертолеты Ми-6. Через день он сообщил мне, что они могут выполнить его работу при условии решения проблемы заправки топливом. Я посодействовал ему в этом и одновременно попросил его забросить нашу буровую установку. Вот так, волей случая появилась надежда выполнить геологические задачи в обеих партиях. Более того, именно благодаря этому рейсу буровая установка, доставленная в Кедровскую ГСП, эффективно отбуривала все потенциально золотоносные водотоки, после

чего значительно расширились перспективы нахождения там россыпей золота. Колонковое бурение, конечно, не столь представительно для поисков россыпей из-за малого диаметра, но, несмотря на это, оказалось достаточно эффективным. Впоследствии, уже Пенжинской ГРЭ здесь были разведаны многочисленные россыпи золота, которые эксплуатируются до сегодняшнего дня артелью «Камчатка». На сегодняшний день здесь добыты 4348 кг золота.

Этой же буровой установке предстояло решить и вторую геологическую задачу в долине р. Пенжины. Для этого необходимо было перегнать её к месту работ. Самым сложным оказалось переправить установку через реку Пенжина. К сведению читателей: это вторая по длине река на полуострове после р. Камчатка. Длина р. Пенжина – 840 км. Переправа через неё возможна только вплавь. Несомненно, что это большой риск. Тем более что было время максимального половодья.

К месту переправы прибыл начальник экспедиции, дабы лично убедиться в правильности проведения этой операции. Риск утопить буровую установку был велик. За рычагами вездехода был опытный Сергей Федосенков, а вот наверху вездехода с лопатами вместо вёсел стояли В. Светлов и В. Бобрусъ. Буквально сантиметры спасли буровую установку от потопления. Вода чудом не захлестнула задний борт вездехода. Ангелы там, наверху, услышали наши молитвы. В тот же день буровая стала на точку и приступила к бурению первой скважины. Колонковое бурение рыхлых отложений до 100 метров и более, дело не простое. Несмотря на это, все проектные скважины выполнили свою задачу. Это было сделано благодаря буровому мастеру В. П. Бобрусю. Это был его первый полевой сезон на Камчатке. Он буквально месяц назад прибыл из Ленинграда (ныне Санкт-Петербурга) по вызову Ю. В. Неверова. Вскоре он перебрался в Пенжинскую ГРЭ, где ещё несколько лет успешно руководил буровыми работами и даже поработал моим заместителем. Он немало сделал по разведке многих россыпей золота, а так же в строительстве новой базы Пенжинской ГРЭ, в с. Манилы. Грустно осознавать, что его не стало в 2010 году. Вечная ему память. Владимир Павлович Бобрусъ похоронен в селе Манилы.

Буровые работы в геологии считаются ювелирным делом. В методике поисков они нередко определяют перспективы того или иного месторождения полезных ископаемых. Если в разведочных партиях бурение обычный вид работ, то в региональных и поисковых исследованиях его применение, наверное, и сейчас остаётся ограниченным. Для этих исследований количество и качество полезного компонента определяется в штучных, бороздовых пробах, отобранных из поверхностных горных выработок (канав, расчисток, шурфов). А вот для оценки жил, зон и т. д. требуются буровые работы.

Те, кто занимался поисками полезных ископаемых, всегда мечтали (думаю, продолжают мечтать) о легких, мобильных буровых установках, способных оценить оруденение в жилах, зонах и других телах хотя бы до глубины 50-100 м. Эффективность работ при этом могла вырастикратно. Сейчас, оглядываясь назад, вспоминаются многие потенциально рудоносные зоны, жилы и т. д., встреченные в маршрутах, которые так хотелось «ковырнуть» поглубже!

Для постановки разведочных работ всегда требовались «ураганные» содержания полезного компонента, полученные с поверхности, точнее всё, что валялось под ногами. А вот, заглянуть чуть глубже не хватало технических средств. Представляю, сколько потенциально рудоносных объектов остались не изученными на Камчатке, да и в других регионах. Наши потомки когда-нибудь укорят нас в том, что мы пропустили много всего, что лежало совсем неглубоко от поверхности. Наверное, подумают о нашем низком техническом уровне.

Я хорошо знаком с горными работами. Многие знают какая это тяжелая трудоёмкая работа, к тому же небезопасная, когда выполняется с применением взрывчатых веществ (ВВ). Всем знакомо словосочетание «одноручное бурение шпуров». Это когда ломом и с помощью «ложки» долбится шпур для заполнения им ВВ. Всегда хотелось как-то механизировать этот процесс. Затронув тему горных работ, не могу не рассказать о некоторых экспериментах, проведённых мною в 70-х годах.

При проходке поверхностных горных выработок расход ВВ составляет около 1,5 кг на 1 м³ породы. Это немало. Основной объем ВВ приходится на 1 цикл, когда шпур под заряд готовится до мерзло-

ты. Глубина шнура до 1-1.2 м. Для большего эффекта желательно войти в мерзлоту хотя бы на 20-30 см. Трудозатраты при этом высокие. А вот если ВВ поместить в оболочку (кишку) диаметром 40-60 мм, растянуть её по длинной оси и затем произвести взрыв, то эффект его будет, почти таким же, как при шнуровом методе, но расход ВВ сократится на 50 и более %. В то же время трудозатраты сократятся на 80-90%. Все рыхлые отложения до мерзлого горизонта будут выброшены. По сути это кумулятивный взрыв направленного действия, при этом достигается высокая пробивная сила, взрыв становится более концентрированным. Вместе с тем продукт взрыва увеличивается в объеме. Это взрыв, не требующий подготовки шнуров.

Сегодня бесшпуровая методика взрыва могла бы эффективно использоваться при тушении пожаров. Когда-то, будучи на практике, мы отбились от огня, который угрожал складу ВМ. Там хранилось около 20 тонн ВВ. Рассыпая ВВ в виде узкой невысокой горки перед наступающим пламенем производили взрыв, после которого образовывалась минерализованная полоса шириной до 10-12 м. Таким образом, пожар удалось остановить буквально в сотне метров от склада. Эффективность взрыва можно увеличить, незначительно углубив (оболочку-кишку) на 20-30 см. Конечно, при этом трудозатраты увеличатся.

В свете тех лет не удалось подготовить соответствующую документацию для ведения горных работ бесшпуровым методом. А жаль. Ведь эффект был налицо.

Алма-Атинские курсы

В 1984 году мне предложили поехать на курсы повышения квалификации в г. Алма-Ату. Они проводились при политехническом институте. От Камчатки нас оказа-лось двое. Вторым был Владимир Сущенков из Центрально-Камчатской экспедиции. Курсы начались ранней осенью и были рассчитаны на 6 месяцев. Солидные курсы. Кроме группы геологов в одном потоке учились горняки, энергетики, механики. Общее число слушателей около 100 человек. Они были собраны с разных концов тогда еще большой страны (СССР).

Буквально в первый же день каждый из нас выступил с сообщением о своем регионе. Интересное выступление представили ребята из первого главка. Это уранщики. Тогда эта организация была абсолютно закрытой. Даже бухгалтерский баланс считался секретным. Нас впечатлили их высокие скорости на бурении, проходке подземных горных выработок. Они превышали средние скорости по стране в разы. Не зря при появлении крупных месторождений их разведку поручали первому главку. Любой простой на буровых у них рассматривался как «ЧП». Один из руководителей буровых работ А. Бегун рассказывал, что у него дома стоял «ревун», который будил его в любое время суток в случае аварии. Ответственность была высока, но и было за что так трудиться. Достойная заработная плата, гарантированная квартира в областном центре за 8 лет работы на участке и немало других социальных льгот. Среди дисциплин, которые нам преподавали, весьма интересными оказались деловые игры. Тогда они были новинкой. Учёба не была обременительной. Алма-Ата в те годы считалась вторым городом-садом. Первым считался г. Фрунзе (ныне Бишкек). Несомненно, он отвечал этому названию. Город утопал в зелени. Времени хватало и на развлечения. В Алма-Ате было, на что посмотреть и где провести время. Не каждый город в стране мог тогда похвастать таким оздоровительным комплексом. Он назывался «Арасан». Здесь имелись разнообразные бани (русская, турецкая, финская), сауна, бассейны. Все это на очень высоком уровне. По залам расхаживали ребята-массажисты с длинными пальцами на ногах, которыми они делали массаж. Но главными достопримечательностями являлись высокогорный каток «Медео» и горнолыжная база «Чимбулак». И всё это на фоне тьянь-шаньских елей.

Увидели и противоселевую плотину. Селевые потоки неоднократно разрушали часть города. Для его защиты решили воздвигнуть плотину, причём, весьма оригинальным способом. По обоим склонам в долине р. Алмаатинки заложили по 5 000 тонн взрывчатки. После первого взрыва образовалась плотина высотой 80 м. Аналогичный второй взрыв приподнял её ещё на 60 метров. Таким образом, путём направленных взрывов высоту плотины подняли до 140 м. Каким точным оказался расчёт!

После небольших каникул (с выездом по домам) нам организовали стажировку. Место её проведения каждый слушатель мог выбрать сам. Вот, было же время! Я долго не раздумывал и выбрал Армению. До этого я

уже бывал там. В одном из отпусков проехал с семьей на своей машине всё Закавказье, включая Армению. После моего увлечённого рассказа в группе ещё 4 человека пожелали ехать туда же. Кто-то из слушателей поехал посмотреть на бурение Кольской сверхглубокой скважины, а один полетел на Камчатку. «С вас надо брать деньги за жизнь на Камчатке» - вот так впечатлили его наши красоты.

Республики, отошедшие от большой страны, все по-своему хороши, но закавказские, пожалуй, наиболее красивые. Всю прелесть не описать. Это надо видеть. И я счастлив, что мне удалось все это повидать.

После новогодних празднеств мы договорились встретиться в Ереване. О нашем прибытии знали наши армянские коллеги и подготовили гостеприимную встречу. Прежде всего, поселили в лучшую гостиницу «Ани», каждого в отдельный номер. Закрепили за нами автомобиль «рафик» с шофером. Объяснили, как купить настоящий армянский коньяк, для чего сообщили секретный пароль. А вечером нас ждал прекрасный ужин в гостевом доме Ереванской экспедиции. Только вступительных тостов мы выслушали около двадцати. Там мы впервые по-настоящему ощутили кавказское гостеприимство. Оно было искренним и очень доброжелательным.

Не могу удержаться, не рассказав немного об Армении. Как отметил выше, я оказался в Армении во второй раз. Уже во время моего первого посещения проникся огромным уважением и даже восхищением к этой республике и её людям. Там я впервые узнал, армян

в мире 8 миллионов. Половина из них проживает на чужбине. 98 % территории Армении – горы, ледники и только 2 % пригодны для выращивания различных культур. Когда я увидел, как высаживают виноградную лозу, как вообще выращивают виноград, то понял, какой это тяжёлый труд. Цена такого винограда, судя по труду, обязана быть очень высокой. Представьте себе выбитые в скале (вручную) полки-террасы, на которые, опять же вручную, заносится земля, в которую и высаживается лоза. Я видел в долинах заборы толщиной до 1 метра, сложенные из камня. Это те камни, которые освободили участки земли под посадки виноградной лозы.

Маленькая республика всегда стремилась идти в ногу с большими городами и регионами. Их аэропорт «Звартноц» уже тогда был одним из лучших в Европе. Ереван, не имеющий права строить метро («большой брат» не всем разрешал), добился этого права. Красоту городу придавал розовый армянский туф. Из него построены все здания. Его картинной галерее завидуют многие музеи мира. Самым удивительным является то, что, где бы ни проживали армяне, даже в другом государстве, они обязательно (при возможности) отправляют подарки в столицу своей родины Ереван. Я видел картины (их более 40), отправленные армянином, проживающим в США, в дар Еревану. Каждая из них стоимостью до 1 миллиона и более долларов. Взамен попросил только табличку о том, что данные картины подарены именно им. И таких примеров немало. Как только появляется где-то сообщество армян, они стремятся открыть свою школу. Ну, как не любить и не уважать такой народ.

В нашей стране и за её пределами армяне славились как строители. Немало объектов они построили на севере, Дальнем Востоке. Село Аянка, то, что на севере Камчатки, многие годы считалось образцово-показательным благодаря армянским строителям. Уже в 60-е годы здесь было много построено благоустроенного жилья и объектов социального назначения. Редкие населенные пункты имели тогда водоснабжение. Во всей Корякии только в с. Аянка в то время можно было принять горячий душ. Именно в это село привозили корреспондентов, в том числе иностранных. Не обошли стороной армянские строители Первореченск (базу Пенжинской ГРЭ). Они построили

здесь в очень короткие сроки бетонный склад на 1500 тонн.

Поблизости от Еревана расположен Эчмиадзин – это центр всемирной армянской церкви. Здесь готовят священников для армянских приходов всего мира. При этой церкви музей с дарами армян со всего света. И этот музей весьма достойный. Он еще раз вызывает уважение к этому народу. Примечательно, что до сих пор время для сбора винограда определяет глава церкви католикос.

Я намеренно отвлёк внимание читателей рассказами об Армении и его народе. При возможности рекомендую посетить эту красивую страну.

Наше пребывание в Ереване завершилось составлением отчёта с анализом финансовой и производственной деятельности экспедиции. Её показатели действительно выглядели более чем удовлетворительно. Объём отчёта был невелик, и я предложил «приколоться» и перевести отчёт на армянский язык. Во всём Ереване пишущих машинок с армянским шрифтом оказались две. Одна в музее, а вторая в геологических фондах. Для страховки был, конечно, готов экземпляр и на русском языке.

На прощание с армянскими коллегами в одном из номеров нашей гостиницы мы накрыли ответную «поляну». Это был тёплый, трогательный и дружественный вечер. Несколько лет я получал различные поздравления по случаю праздников от армянских коллег. Тогда никому из нас не могло прийти в голову, что совсем скоро мы будем жить в разных странах.

Прибыв в Алма-Ату, мы сдали свой отчет на кафедру и замерли в ожидании реакции. Наш юмор оценили, но поинтересовались, нет ли в тексте какой-либо «крамолы». В то время нашим министерством управлял Израэльянц, человек армянского происхождения.

В процессе учебы мы сдали несколько экзаменов, много зачётов. Все это было волнительным, как в студенчестве. Немало пришлось попотеть над дипломным проектом. Особые хлопоты доставила демонстрационная графика. В те годы оргтехника только-только внедрялась и нам была не доступна.

Защита дипломов состоялась перед серьезной комиссией, под председательством министра геологии Казахстана.

Буровой станок от рудника «Советский»

Однажды, будучи на курсах повышения квалификации, я познакомился и даже сдружился с неким А. Пушкаревым. Он был постарше меня и много лет занимался горняцким делом. Впоследствии возглавил рудник «Советский», что на севере Красноярского края. Как то в разговоре я посетовал на отсутствие простых легких буровых станков для бурения шпуров при проходке канав. Через некоторое время после этого разговора он позвонил и предложил станок НКР-100, который по техническим характеристикам пригоден именно для бурения шпуров. Станок навесной и довольно легкий. В номенклатуре техники в Министерстве геологии он отсутствовал. Наверное, поэтому мы о нём не знали. Рудник «Советский» был в ведении Министерства цветной металлургии. Вот такой станок директор рудника отдал абсолютно бесплатно. Даже в те времена трудно было поверить такому подарку, а сейчас вряд ли бы его правильно поняли.... Но А. Пушкарев был настоящим производителем того старого, советского, «разлива». Ему просто хотелось оказать услугу тем, кто искал месторождения. Он так и сказал: «Буду рад, если станок послужит во благо при поисках месторождений полезных ископаемых». Это прозвучало несколько пафосно, но за этим чувствовалось государственное мышление. Я организовал себе командировку, согласовал её с руководством экспедиции и объединения. Добраться до Северо-Енисейска, где находился рудник не составило труда. Уже на второй день я был на месте.

Хочется немного рассказать о руднике «Советском». Он работал ещё с царских времен. Вблизи его сохранились старые пушки, которые когда-то извещали о добыче каждого пуда добытого золота. Конечно, посетил шахту. Главный инженер провел со мной экскурсию, как по шахте, по руднику, так и по золото извлекательной фабрике. Это было мое первое посещение шахты. В то время глубина её составляла 540 метров. Работали на 5-6 горизонтах. Нижняя граница месторождения не «оборчена», т.е. не установлена, поэтому продолжалось бурение из шахты на глубину. В шахте работало много самоходной техники шведского и немецкого производства. Золото содержалось

в кварцевых жилах и жильных зонах, залегающих субгоризонтально среди протерозойских сланцев. Золото свободное, высокой пробы. Руды с содержанием сульфидов до 5-7%. Удивила золото извлекающая фабрика (ЗИФ). Она перерабатывала 2500 тонн руды в сутки, а обслуживали её всего 4-5 человек. Вот такая была степень механизации. Посчастливилось подержать в руках конечный продукт – золото, конечно, под надзором охраны и фотокамер. Вся экскурсия была весьма познавательной и произвела большое впечатление.

Вблизи рудника (в 70 км) находилось месторождение «Олимпиада». Оно представляло собой перетёртые до глины протерозойские сланцы. Золото сосредоточено именно в глинистой части. Первичные руды оказались слабо золотосодержащими. В связи с высокой влажностью глин они усложняли обогащение, так как скатывались с транспортерной ленты. Приходилось смешивать их с рудами Советского месторождения. Местное население быстро углядело в этих глинах хороший строительный материал и приохотилось применять их для кирпичной кладки, в частности, печей. Но зоркое око надзорных ребят жестко пресекало попытку нецелевого использования золотосодержащих руд. Говорят, что часть печей пришлось развалить, а их обломки вернуть на рудный склад.

Пока я знакомился с рудником, на шахте демонтировали станок, подняли его на поверхность и упаковали в ящик. В комплекте вместе со станком упаковали пневмоударник М-48, штанги на 50 метров и другой инструмент. На следующий день ящик погрузили на автомобиль КАМАЗ, с которым я выехал в Красноярск. Впереди 640 км дороги. Я не переставал удивляться доброте и отзывчивости А. Пушкарева. Доставка этого груза, как и сам груз, были бесплатными. Я нередко спрашивал себя: а смог бы я вот так без всякой оплаты подарить станок и прогнать КАМАЗ более тысячи км по таежной дороге? Скажу откровенно: скорее всего, нет. Станок, конечно, не новый, но в хорошем техническом состоянии.

Дорога из Северо-Енисейска в Красноярск проходила по тайге. Таковую тайгу я никогда не видел. В кабине за рулем сидел местный сибиряк, который оказался прекрасным гидом. Он комментировал всё, что мелькало за окнами автомобиля. Мы видели заключённых,

которые валили лес, проезжали участки добычных работ. А где-то в глубине тайги (по словам водителя) работали шведские домостроительные мини комбинаты, выпускающие разборные коттеджи. И этим занимались люди из артели «Полюс», которым руководил знаменитый председатель артели Хазрет Меджидович Совмен, родом из аула Афилсил (Адыгея). Это имя знал весь Красноярский край и многие дальневосточники. Водитель сказал, что в крае есть два человека, которые могут всё – это первый секретарь и Х. Совмен, а затем, подумав, добавил, что Совмен может больше. Действительно, он немало сделал для края. Вот и дорогу, по которой мы ехали, построила артель. Не будь Совмена, дороги не было бы, сказал мой гид. Об этом легендарном человеке я слышал на Колыме, где он тоже занимался добычей россыпей золота.

Среди председателей артелей немало легендарных людей. На мой взгляд, это, как правило, «штучные» люди. К сожалению, я не был знаком с В. Тумановым, Х. Совменом и другими. Но я видел их дела и творения на Приполярном Урале, где работала артель «Печора» В. Туманова, видел участки работ Х. Совмена, О. Сычинского (артель «Камчатка»), И. Кобзева (артель «Чайбуха»). Кстати, с последним я пытался в годы перестройки организовать добычный участок на базе Пенжинской ГРЭ, будучи там начальником. Он даже побывал у нас в Первореченске, а я побывал на его базе в пос. Карамкен. Так случилось, что его больше заинтересовали россыпи платины на Левтырине и Ледяном. Это решение было, конечно, логичным. Камчатгеология оказалась не очень разворотливой организацией, и пока решала, как быть с россыпями, Иван Васильевич Кобзев взял кредит, закупил хорошую технику и быстро начал добычу платины. И в короткие сроки окупил все расходы. Всё это могли проделать наши «генералы» Но, увы! Что-то помешало....

Артели, кроме добычи полезных ископаемых, занимались разнообразными делами: строили дороги, жилые и производственные помещения и др. Работа в артелях всегда велась с запредельными нагрузками. Себестоимость добытого золота была в 5-6 раз ниже государственной добычи. Многому, очень многому, надо учиться государственным предприятиям у артелей, как в организации труда, так

и в методах добычи, строительства.

Моя поездка на рудник Советский завершилась в Красноярском аэропорту. Для отправки груза в Петропавловск-Камчатский потребовались кое-какие бумаги, гарантирующие оплату груза. У меня появилась пара свободных дней. Местные геологи, а среди них были выпускники моего университета, предложили посмотреть на Красноярские столбы, а заодно посетить зоопарк под открытым небом.

Красноярские «столбы», уникальное природное явление, находятся поблизости от города, на правом берегу Енисея. Их около 100 штук. Высота до 100 метров. Они сложены кембрийскими сиенитами, породами устойчивыми к выветриванию. Зрелище весьма впечатляющее. Именно на этих столбах тренировался отец советского альпинизма Виталий Абалаков, человек со сложной судьбой. В 1938 году был объявлен немецким «шпионом». После лагерей он воспитал целую плеяду альпинистов мирового уровня, изобрел много альпинистского снаряжения. Все столбы имеют названия, либо номерной знак.

Поблизости от этих столбов супружеская чета (кстати, оба геологи) организовали зоопарк под открытым небом. В просторных вольерах (их более трех десятков) жили птицы, звери, попавшие в беду, получившие ранения крыла, ноги, глаза и т. д. В одном вольере соседствовали волк и заяц, либо лиса и заяц и т. д. Враги на природе здесь выглядели трогательными друзьями. Несчастье сдружило их. Всё как у людей. Большое впечатление производили полярные совы. Они смотрелись как небольшой сугроб, который вдруг открывал неожиданно огромные глаза. Их взгляд был фантастическим! Интересно, что многие птицы и звери со всей округи постоянно навещают этот зоопарк, дабы справиться о здоровье своих сородичей, а заодно и подкормиться. Жаль, что весь зоопарк содержался только на личных сбережениях двух геологов.

Пользуясь случаем, хотелось познакомиться с геологической деятельностью ПГО «Красноярскгеология». Мои сокурсники организовали мне встречу с главным геологом ПГО Шерманом, Вот, имя и отчество позабыл. Мы обменялись информацией о геологической деятельности наших объединений. Как разительно отличались наши

объёмы и ассигнования! Тогда сибиряки бурили более 500 000 пог. м в год. Обеспечивали прирост по шести видам сырья. Объединение работало под три рудника. Общие ассигнования составляли 100 миллионов рублей в год. ПГО «Камчатгеология» на этом фоне выглядело крошечной организацией. На память о нашей встрече я подарил главному геологу образцы с Аметистового и Сергеевского месторождений.

Оформив все платежные документы, я сдал груз в аэропорту и благополучно вернулся на Камчатку. Вот так завершилась моя поездка, от которой получил несказанное удовольствие, познав много интересного.

ГЛАВА IV.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ПЕНЖИНСКОЙ ГРЭ

Возвращение в Первореченск

В декабре 1986 года Северо-Камчатская ГРЭ праздновала 40-летний юбилей. По сути это был юбилей Пенжинской ГРЭ, которая к этому времени неоднократно меняла свою вывеску. При этом коллектив её оставался прежним. С приходом «чукотских» людей в Первореченске снова возродили Пенжинскую ГРЭ, в которой аборигенов былой экспедиции осталось совсем немного.

С юбилейной датой совпали два приказа генерального директора. Один из них гласил о назначении главным геологом ПГО «Камчатгеология» В. П. Хворостова. Второй касался меня. Но если новый главный геолог объединения направлялся на юг Камчатки, то я в противоположную сторону – на север, т.е. в Первореченск. Ровно через 20 лет я возвращался туда, где начиналась моя геологическая деятельность. Правда, в новом качестве. Меня назначили начальником Пенжинской ГРЭ.

Юбилейное торжество и наши разносторонние отъезды отпраздновали шумно. Я уезжал в возрождённую экспедицию, которая за-

нималась сугубо поисками и разведкой россыпного золота. Дела её складывались не очень удачно. Главное - не выполнялся план прироста запасов и уже кое-где поговаривали о закрытии экспедиции. Нужны были новые россыпные объекты. Но, увы. Россыпи под ногами не валялись. Здесь не оказалось Яно-Колымского пояса россыпной золотоносности и Чай-Урьинской долины тоже. А в столице (в министерстве) ждали только положительных результатов. Бывший начальник ГРЭ Бинеев, судя по всему, надежд не оправдал. Мы с ним встречались пару раз. Блеска в его глазах я не увидел. По-моему, он сожалел, что прибыл на Камчатку и вскоре покинул её. Скамейка «запасных» начальников у «чукчей» закончилась. Думаю, что от безысходности снизошли до местных кадров. Я не был единственным (об этом я узнал позже), кому предлагали порулить экспедицией. Желающих поработать в самом «укромном» уголке Камчатки не оказалось. Моё согласие не было, конечно, вызвано стремлением к карьерному росту (доля начальника в этом районе совсем не завидная). Причина заключалась в том, что это был «мой» регион. Все мои геологические исследования связаны с этим районом. Я до сих пор помню все мало-мальски известные на этой территории рудопроявления и проявления полезных ископаемых. Мне хорошо известна геология региона, по которому мною в соавторстве с моими коллегами написано десяток отчётов геолого-съёмочной, поисковой и разведочной направленности. Я был в полной уверенности, что потенциал россыпной золотоносности района далеко не исчерпан.

Когда-то, будучи заочным аспирантом (1968-1972 г.г) я собирал материал по теме будущей диссертации, связанной с поисковыми признаками и критериями нахождения золото-серебряного оруденения в Пенжинском секторе Охотско-Чукотского вулканогенного пояса (ОЧВП). У меня накопился хороший диссертательный материал по этой теме. В 60-ые годы в пределах ОЧВП было открыто несколько золотосеребряных эпипермальных месторождений близповерхностного типа, так называемой, малосульфидной «юной» формации, в том числе Сергеевское, к которому автор имеет прямое отношение. Эта огромная структура (ОЧВП), вытянутая на 2500 км в северо-восточном направлении, стала объектом изучения многими производ-

ственными подразделениями и НИИ. Её северо-восточной оконечностью занимался СВКНИИ (г. Магадан). Геолого-тектоническими особенностями интересовался известный геолог В. Ф. Белый. В 1968 году я встречался с ним на территории листа Р-58-IV. Этот лист считался, в какой-то степени, ключевым для нашего сектора ОЧВП. Здесь наиболее полно представлен весь комплекс меловых вулкано-интрузивных пород, слагающих как саму структуру, так и её фундамент, с выступами древних (пермских) пород. В пределах этого листа в 1967 году было открыто Сергеевское золотосеребряное месторождение. Не все разделяли взгляды В. Ф. Белого о строении ОЧВП, особенно в части его продольного и поперечного строения. Это был теоретический спор. Существовало и более радикальное видение ОЧВП. Один мой коллега присутствовал на защите диссертации, где главным тезисом считалось отрицание самого существования вулканогенного пояса. Научным руководителем этой работы был известный академик (мы учились по его учебникам). После доклада диссертанта оппонент (известный геолог на Северо-востоке) буквально «разгромил» всю работу. И все же она была признана научной и актуальной. Всё решил академик. Он сказал несколько фраз: «Когда молодой человек несколько лет тому назад пришёл ко мне с бессистемно нарисованными линиями на белом листе бумаги, я его прогнал. Но он оказался настырным. Со временем линии приобрели геологический смысл, и я считаю, что сейчас перед вами стоит молодой кандидат геолого-минералогических наук». Вот так иногда становились учеными.

И всё же я уверен, что в те годы такая защита была аномалией в отличие от «лихих» 90-х, когда страна получила армию псевдо ученых. Учёные степени покупали «как колбасу в магазине». Тогда даже в маленькой Корякии появился свой академик. Многие из геологов в прошлые годы не часто могли видеть академика, лишь иногда на расстоянии, в аудиториях, слушая его лекции. А в 90-е годы их стало так много, что можно было не просто лицезреть или поручковаться, а даже похлопать по плечу. Это не как в стародавние (советские) времена, когда на старинной печатной машинке, нередко на кухне, десятилетиями писались кандидатские и докторские диссертации и, надо отметить, не всем удавалось защитить свои научные взгляды.

Строгая комиссия придирчиво отбирала самых достойных в научную среду. В смутные 90-е годы появилась когорта обеспеченных (прямо скажем, богатых) людей вдруг возжелавших заняться наукой. Они так увлеклись, что человека с кандидатской книжкой не воспринимали как ученого. По их понятиям он лишь кандидат в науку. Но хотелось большего, быть настоящим ученым. В это время слово «инженер» воспринималось как нарицательное, а фраза «как простой доктор геолого-минералогических наук» была, почти, унижительной. И все же простой доктор наук звучало солиднее. На волне тех лет родилось много псевдо ученых – докторов наук, не говоря о кандидатах, которых расплодилось не меряно. У наиболее обеспеченных особей открылись невероятные доселе «научные» идеи. Совсем неожиданно из геологической среды Камчатки «ворвался» в науку А.Козлов. Он экстерном стал кандидатом геолого-минералогических наук. Не мешкая, следом стал доктором технических наук. На этом не остановился и вскоре пополнил ряды действительных членов академии горных наук. Остается только сожалеть о том, что ОАО «Камчатгеология» недооценила в свое время большого ученого.

Мне помнится полёт из города в Палану, столицу корякии. В самолёте летела большая московская комиссия по приёму экзаменов (кандидатского минимума) у будущих ученых Корякского округа. Кроме того, они везли самые невероятные тематические идеи, в том числе: о влиянии угольной пыли на акватории окружающих Камчатку морей при завозе угля из других регионов России. И рассказывали об этом абсолютно серьёзно, считая разработку такой тематики весьма важной. Оплату таких тематических работ они, конечно, рассчитывали получить у администрации КАО. Поездка этой комиссии с выше-названными целями воспринималась тогда кощунственной. Это было самое тяжелое время для жителей корякии. Кто-то уже недоедал.

Во второй половине 80-х годов уже мало кого интересовала зональность Охотско-Чукотского вулканогенного пояса (ОЧВП), его фундамент и даже прогнозные оценки нахождения внутри его полезных ископаемых. Появились те, кому важны были балансовые запасы и блокировки рудных тел, россыпей благородных металлов.

Я несколько отвлёкся от рассказа о моём новом назначении.

Продолжая повествование об этом, хочу подчеркнуть, что не все правильно поняли моё решение вернуться в Первореченск. Но коллеги моего и старшего поколения приветствовали мой выбор и обещали «подставить плечо», когда возникнут сложности. Им, как и мне, хотелось показать и доказать перспективы, возможности севера Камчатки. Это сыграло немаловажную роль в моей дальнейшей работе.

Коллективу Пенжинской ГРЭ меня представил В. П. Маргулис, главный инженер ПГО. Не знаю почему, но мы с Валерием Петровичем сразу не понравились друг другу. Так мне показалось. Более того, сложилось впечатление, что он не очень приветствовал моё назначение. Но все решал Генеральный. Его приказы не обсуждались. Церемония представления была краткой. Многих из присутствующих я знал давно. В посёлке ещё проживали те, кто находился здесь со дня основания. Люди с «чукотского десанта» встретили меня настороженно. И это естественно. Для них я был чужаком. Но я прибыл в свой, можно сказать, родной посёлок. Он по-прежнему выглядел не комфортным – всё те же строения и уже весьма обветшалые.

пос. Первореченск

Акт передачи ГРЭ составили по фактическим данным. Они оказались, мягко скажем, «грустными». Не стану расшифровывать все позиции. Скажу кратко: все показатели были в глубокой «геосинклинали». Бывший главный бухгалтер давно уволился. Вся бухгалтерская

документация находилась в нескольких мешках из-под овса. Разбор их у нового главного бухгалтера А. Н. Спивак занял несколько дней. До сих пор не понимаю, почему бывший бухгалтер оставил таким странным образом всю документацию? Вот, если бы новый начальник Северо-Камчатской ГРЭ В. И. Кисиль принимал эту экспедицию, то, наверняка, поставил бы очень страшный медицинский диагноз. Уверен, он согласился бы со мной, что Северо-Камчатская ГРЭ на фоне Пенжинской экспедиции выглядела раем. Жаль, что во время передачи дел не оказалось бывшего начальника Бинеева. Я не сторонник критиковать бывшее руководство. Всякий руководитель «рулил» как мог. Но нельзя же так разбазаривать основные средства и не только. Более всего было жаль новый легковой УАЗ-469, отданный руководителям Елизовского ПМК только за то, что они когда-нибудь построят ЛЭП от Манил до Первореченска (конечно, за счёт средств ГРЭ). Причём, сделка свершилась практически по устной договорённости. Моя попытка вернуть авто не увенчалась успехом. Чувствовалось, что здесь не всё «чисто». Но, бог ему судья. С несколькими новыми балками, отданными также «немного пожить» порт-пункту с. Манил, всё обошлось. Несмотря на протесты докеров, они были обесточены и вывезены на базу ГРЭ. В посёлке были все те же проблемы. Жильё с печным отоплением, привозная вода, ограниченное электричество. Никаких новых строений. В центре посёлка пытались построить 2-х этажный засыпной дом. Но это был не совсем продуманный проект. Дом возвели до уровня первого этажа и стройку остановили. Наверное, разум возобладал.

Главный инженер (В. П. Маргулис) на следующий день после исполнения своей миссии отбыл в Петропавловск-Камчатский, а у меня началась, пожалуй, самая интересная часть моей деятельности на Камчатке.

Увидев то убожество, в котором продолжали жить первореченцы, я посчитал своей основной задачей улучшить жизнь и быт людей. Для этого было два варианта. Первый – строить добротное жильё со всей необходимой инфраструктурой, непосредственно в посёлке. Второй – перевести базу ГРЭ в село Манилы, это в 9 км от Первореченска. Здесь имелось всё необходимое для нормального бытия: аэропорт,

морпорт, школа, больница, электростанция, склады рыбкоопа, магазины и т. д. Но при этом я хорошо осознавал, что быстро построить в Первореченске нормальное жильё и всё необходимое для жизни не реально, поэтому твёрдо решил переводить базу ГРЭ в Манилы. Мои доводы были положительно восприняты В. И. Лаштабегом. Я получил от Виктора Ивановича поддержку в деле перевода и строительства новой базы, в чём ему весьма признателен.

Когда я доложил на техническом совете, а затем на общем собрании о планах перевода базы в Манилы, то увидел много скептически настроенных работников. Судя по всему, мне не сразу удалось убедить в реальности своего плана. Откровенно говоря, это раззадорило. Не будь того скепсиса со стороны многих, возможно, строительство пошло не так слаженно и не с тем азартом.

Как-то, будучи в районном центре я разговорился с Александром Суворовым. Он тогда возглавлял спортивный комитет при районной администрации. Попросил у него что-нибудь из спортивного инвентаря. Когда я зашел на склад, то увидел детский комплект хоккейного снаряжения. Суворова уговаривать не пришлось. Он без разговоров отписал весь комплект на поселок Первореченск. Я твердо решил возродить каток. Жители Первореченска поддержали эту идею и совсем скоро построили коробку, установили ворота, натянули герлянды. В моем кабинете собрались все школьники. Каждому захотелось получить хоккейную форму. Я решил немнолго «поторговаться» и сказал, что форму получают те, кто хорошо учится и не курит. О курении некоторых детей узнал совершенно случайно. Каково же было мое удивление, когда на этом собрании узнал, что некоторые школьники 3-4 класса имели уже некоторый стаж курильщика, а кое-кто успел неоднократно начать курить и столько же раз бросить. Игра в хоккей несколько оживила жизнь ребят в поселке. Нашему примеру последовали манильцы. Они также залили небольшой каток. Нам удалось с ними сыграть несколько матчей.

Я никогда не занимался строительством в больших объёмах. Поневоле пришлось вникнуть во все детали нового для меня дела. Наверное, сработали родительские гены. Мой отец более 40 лет проработал в строительном тресте г. Казани. Когда-то он мечтал, что я

тоже стану строителем. Выбранную мной профессию он не одобрил. Особенно ему не нравилась моя работа вдали от Родины. Как и многие северяне, я не мог часто бывать в Казани, о чём сейчас сожалею. После ухода из жизни отца осталось чувство невыполненного долга перед ним. За свою многолетнюю работу он оставил много «памятников» о себе в г. Казани в виде жилых зданий и различных сооружений. Сегодня, проходя мимо, они остро напоминают мне о моей вине перед ним. До сих пор не могу простить, что так мало сделал для него, так мало беседовал с отцом. Всё торопился куда-то. А вот не стало его и возникло множество вопросов, на которые уже никто не ответит. Я пишу об этом с единственным пожеланием не повторять моих ошибок, особенно тем, кто проживает на северах. Ловлю себя на мысли о том, что стал сентиментальным и начинаю учить жить. Наверное, старею.

Земля для микрорайона «Геолог»

Никогда не мог подумать, что с выделением земли под строительство микрорайона для геологов в селе Манилы возникнет столько проблем. Я впервые понял, какой это непростой вопрос.

Хозяева земли с. Манилы на словах, вроде, не против нашего строительства, но как только доходило до голосования в сельском совете, то голосов в нашу пользу постоянно не хватало. По своей неопытности я обратился за помощью к районным, партийным властям, которые так же не возражали против нашего пребывания в Манилах. Увы, официального документа на владение землей нам не выдавали. Решил, что у районных властей не достаточно авторитета, чтобы переубедить исполком сельского совета. Прибыл в областной центр (в то время мы были в составе Камчатской области). Они поддержали строительство нашего микрорайона и обещали посодействовать. Однако, несмотря на «добро» областных и районных властей вопрос земельного отвода оставался открытым. Я был в недоумении.

Прибыв в очередной раз в районный центр с. Каменское (50 км от с. Манилы), я обратился к председателю райисполкома Б. П. Левчуку с просьбой помочь решить вопрос с землей. Это был опытный и весьма

авторитетный человек в районе. Он, как и я, всю свою деятельность посвятил Корякии. После окончания Благовещенского сельскохозяйственного института шесть лет отработал главным экономистом в Корфском оленесовхозе, а затем многие годы возглавлял совхоз Таловский, был его директором. Совхоз считался одним из лучших в районе, а, возможно, и в округе. Его усилиями с. Таловка было образцово-показательным как по благоустройству, так и по производственным показателям. Наверное, многие жители Таловки помнят комплект аппаратуры купленной в бытность директора Б.П.Левчука для вокально-инструментального ансамбля. Для 1977 года это была «крутая» покупка не только для села, но и всего корякского округа. Думаю, что «высокие» начальники заметили в нём хорошего хозяйственника и выдвинули на роль руководителя района. В последующие годы (90-е) он организовал Корякское коммерческо-снабженческое объединение «Север Камчатки», которое помогало выживать Корякии в те сложные времена. В 1997 году он становится вице-губернатором КАО в команде В. Т. Броневиц.

Моё знакомство с Борисом Петровичем началось ещё в бытность его директором совхоза. Уже тогда сложились дружеские отношения. Это помогло мне решать многие большие и мелкие проблемы. В районном центре я не раз бывал на его планерках, где он профессионально объяснял строителям, механикам, коммунальщикам и др., как лучше и экономичнее выполнить те или иные работы, как правильно провести сантехнические работы или уложить теплоизоляцию. Не каждый председатель райисполкома мог вот так подробно, со знанием дела, объяснить, показать и, самое главное, проконтролировать исполнение. Будь таких людей побольше, Корякия могла выглядеть лучше. Это мое личное мнение, с которым, наверняка, согласятся многие жители Пенжинского района. В свою бытность председателем райисполкома Б.П.Левчук приказал центральную улицу села Каменское забетонировать, чем вызвал шквал критики многих жителей, посчитавших это излишеством. Лишь спустя некоторое время те же жители поняли, какое это удобство, особенно молодые мамы с детскими колясками.

Инициативу перевода экспедиции в с. Манилы Борис Петрович

поддержал. При этом предложил свой, весьма оригинальный, вариант – перевести базу ГРЭ в с. Каменское. В районном центре в то время числилось около 100 женщин-одинок. Для севера это не очень характерное явление. В своём большинстве они имели жильё, проживая в квартирах, либо в частных домах. Пенжинская экспедиция, продолжал он свою мысль, сугубо мужская и большая её часть – холостяцкая. Было бы неплохо «породнить» обе половины. В таком случае отпадет большой объём строительства жилья, а заодно решится демографический вопрос. Всё-таки государственный человек был Б. П. Левчук! Идея неплохая относительно жилья. А вот всё остальное не могло устроить. База в Каменском – это уход более чем на 50 км от аэропорта, морского порта, складов рыбкоопа и т. д. Всё-таки столицей Пенжинского района негласно тогда признавалось село Манилы. Именно там находились все вышеперечисленные структуры.

При встрече в Каменском я посетовал на затягивание вопроса выделения земли под строительство. Он объяснил причину моих неудач. Оказывается, я нарушил иерархию вертикали власти. Совсем выпустил из виду, что существует ещё одна ветвь, пожалуй, самая важная и главная – окружная. В этом была моя основная ошибка. В те годы первым секретарём окружного комитета партии был Сыченко А.Г. По сути, он был «хозяином» округа. Хватило 10 минутного разговора по телефону, где я обрисовал ситуацию с переводом базы ГРЭ в с. Манилы. Разговор закончился короткой фразой: «Завтра езжайте в Манилы и получите земельно-отводной акт». Я не совсем поверил в сказанное. Но, когда утром прибыл в Манилы, в сельском совете на столе лежал акт, разрешающий строительство микрорайона «Геолог» в северо-западной части села. Тогда меня очень впечатлило влияние партии на хозяйственную деятельность. Я так и не смог придумать слова благодарности А. Г. Сыченко. Мне не довелось лично пообщаться с этим человеком. Знаю, что он был большим организатором и сторонником многих строительных программ и немало сделал на территории Корякского округа. Многие жители, особенно в Палане, тепло вспоминают время его правления. Он оставил там добрую память о себе. Его каждый рабочий день начинался с обхода строительных объектов. Такой контроль был оправданным. Именно поэтому

объекты строились быстро и качественно.

После разговора с А. Г. Сыченко отношение к планам строительства круто изменилось. Для нас всюду включили «зеленый» свет. Скажу прямо, это воодушевило. В ближайшую навигацию мы получили несколько домостроений и кое-что из стройматериалов.

Не всё население посёлка приветствовало мои планы переезда в Манилы. Некоторых устраивала жизнь в Первореченске со старым сложившимся бытом. Нашлись и те, кто категорически был против переезда. Даже однажды выпустили агитационный листок с моим изображением с метлой в руках, гонящим всех в Манилы. И всё же большая часть приняла мой план, и, как могла, старалась урезонить пыл тех, кто требовал обустроить п. Первореченск. На подходе были «лихие» 90-е годы. Элементы демократии и вседозволенности уже проявлялись и в нашем районе. Всё громче заявляли о себе люди из категории: Я ХОЧУ, МНЕ НАДО, ДАЙТЕ.

«Строительство мечети»

То, о чём хочу поведать, произошло на фоне Нагорно-Карабахских событий. Они случились, как известно, в 1987 году и носили националистический характер. Однажды ко мне в кабинет явилась С. Свирида, работавшая начальником ОТиЗ (отдела труда и зарплаты), а попросту «трудовиком» (так их звали в народе). Она заявила, что вскоре приедет её брат на должность начальника радиостанции по предварительной договорённости с бывшим начальником экспедиции Бинеевым. В штатном расписании такой должности предусмотрено не было, поэтому я посоветовал не приезжать её брату. Со связью хорошо справлялся обычный техник связи. Мой ответ возмутил С. Свириду, и она пообещала пожаловаться верхнему начальству. Я не придавал особого значения её реплике. А напрасно.

Не прошло и нескольких дней, как в ГРЭ прибыла комиссия из районного центра в связи с жалобой С. Свириды о том, что я собираю деньги с рабочих экспедиции для строительства мечети в Петропавловске-Камчатском. В составе комиссии оказались представители советских и партийных органов власти. Не обошлось без «ребят»

из особого отдела. Меня пригласили для собеседования в сельский совет, где зачитали письмо и потребовали прокомментировать его. Конечно, я на некоторое время потерял дар речи. Большого бреда невозможно было придумать, но члены комиссии «сверлили» меня своим очами и требовали во всем сознаться. При этом предупредили, что чистосердечное признание облегчит мою дальнейшую судьбу. Судя по всему там, наверху, дали соответствующую «указивку» досконально разобраться в этом деле. Видать, не исключали возможность нахождения националистической организации на севере Камчатки, а моя, далеко нерусская, фамилия очень даже могла рассматриваться в качестве «зажигательной» в этой организации. В районе я был далеко не новичок. С моим именем, вроде, у всех контролирующих органов не было поводов подозревать в каких-то незаконных действиях. И всё же, из разговора я почувствовал, что вся моя жизнь кем-то разобрана до мелких косточек. В тот же день рассмотрели и пересчитали весь списочный состав ГРЭ. Установили, что работает более двух десятков национальностей. Я и подумать не мог, что в ГРЭ такой интернационал. Члены комиссии, конечно, поговорили с рабочими и ИТР. Все пытались установить факт незаконного сбора денег для возведения мечети. Никто из работников ГРЭ не подтвердил это абсурдное заявление. Комиссия составила акт с заключением о том, что жалоба не подтвердилась. Я посчитал, что инцидент исчерпан и занялся делами, которых в это время было особенно много.

Зря я так подумал. Не прошло и месяца, как нагрянула ещё одна комиссия из округа (КАО) по тому же вопросу. Судя по всему, автора письма не удовлетворил акт, составленный комиссией, и письмо отправилось к окружным властям. Действия этой комиссии прошли тот же путь. Как и в первом случае, в итоге составили акт о том, что никакого сбора денег для строительства мечети не производилось.

Я вздохнул свободно после очередных допросов, но, как выяснилось, напрасно расслабился. Через 1-1,5 месяца прибыла областная комиссия со всеми представителями власти. Я уже готовился к допросу с пристрастием. Скажу откровенно, приезд чиновников раздражал меня. Наверное, кому-то очень хотелось выслужиться и постараться обязательно найти какого-нибудь «врага». Они приезжали за сотни

километров и на полном серьёзе искали некую исламистскую организацию. Снова «перетрясли» список работников экспедиции, в том числе по национальностям. Составили очередной акт, в котором отдельно выделили мусульманские нации. Очень забавила последняя фраза акта о том, что лица мусульманского происхождения льготами в экспедиции не пользуются. После этого акта вопрос, вроде, закрылся.

Но С. Свирида упорно пыталась доказать обратное. Она потребовала собрать сход всего населения посёлка, где она докажет, что я организовал финансирование строительства богоугодного заведения. Сход жителей посёлка резко осудил эту бредовую жалобу и разговор постепенно перешёл на житейские темы. Многих интересовало, когда и как будем перебираться в Манилы. Люди устали от неустроенности, отсутствия нормальных условий жизни. Жалобщица посчитала себя оскорблённой на этом сходе и покинула его. Вскоре она уволилась по собственному желанию.

А ведь, будь это 30-е годы прошлого века, вряд ли потребовались бы многочисленные комиссии. Говорят, что вопрос определения вины тогда не требовал так много времени. Я мог без особых проволочек стать дешёвой рабочей силой для Колымского края, при этом без больших затрат на мою транспортировку.

Вспомнилось, как команда Лаштабега избавлялась от начальника СКГРЭ Ю. П. Рожкова и главного геолога Л. Л. Ляшенко путём таких же подложных писем. Об этом я уже писал. Похоже, не правда ли? Наверное, это их «фирменный» приём.

Манилы – «столица» Пенжинского района

Первые упоминания о Манилах датируются 1658 годом. Говорят, что первым здесь побывал русский землепроходец Иван Камчатой, который является одним из первооткрывателей Камчатки. Существует легенда, будто всё началось с одинокой юрты коряка Майнеле, что впоследствии трансформировалось в Манилы.

В 30-е годы прошлого века с. Манилы входило в состав колхоза им. Водопьянова, а позднее объединилось с колхозом им. Сталина. В те далёкие годы вдоль западного побережья Камчатки, вблизи с.

Манилы существовало несколько населённых пунктов, которые со временем исчезли. Большая часть их населения перебралась в Манилы. В мою бытность это был, пожалуй, самый большой населённый пункт в

районе. Если в 60-х годах здесь преобладали одноэтажные строения, то в последующие годы появились двухэтажные благоустроенные дома, и на фоне других северных посёлков село выглядело вполне цивилизованным. Здесь проживали около 1000 человек. Визитной карточкой с. Манилы является «каменная палатка». Это естественное сооружение-скала, венчающая вершину с отметкой 621 м. Она сложена палеоценовыми базальтами со столбчатой отдельностью и издали действительно напоминает палатку (см. фото).

Районным центром Пенжинского района являлось с. Каменское, но это только формально. По сути, вся инфраструктура, отвечающая статусу столицы района, располагалась в Манилах. Здесь находились постоянно действующий аэропорт, морской порт (работающий во время навигации), склады продовольственных и промышленных товаров, горюче-смазочных и строительных материалов для всего района, электростанция, подающая ток и для Каменского. В Каменском находились лишь властные структуры: райком, райисполком, райздрав и др. Словом, весь «рай» был именно там. По статусу это было наиболее благоустроенное село. Не знаю почему, но здесь не было никакого производства. Попытки построить коровник, птичник, открыть хоть какое-то предприятие, но всё оказалось безуспешным. Содержание села, его жизнеобеспечение осуществлялось из Манил – летом по р. Пенжине, а зимой тракторами и автомобилями (по зимнику). Все прихоти властей безоговорочно исполнялись при административно-командной системе. Но с развалом таковой появилось много проблем. Мало того, что из Манил не очень торопились

что-то отправить в Каменское, вскоре просто нечего стало направлять. Совхозной продукции едва хватало прокормить своих работников, а привозной и вовсе не стало. Жители района не очень уважительно относились к районным властям. Наверное, это естественная реакция. Она вдвойне была негативной из-за отсутствия в районном центре каких-либо производств. Передвижения народа внутри района осуществлялись, в основном, через с. Манилы, где базировалась местная малая авиация. Добраться в районный центр было всегда проблематично. Это раздражало народ. Как-то в доперестроечное время я баллотировался в депутаты областного совета. И на одной из встреч с избирателями заикнулся о возможности перевода районного центра в Манилы. «Приколотся», конечно. Но после этого для многих жителей Каменского я превратился во врага №1. Особенно рьяно восприняла мою «идею» номенклатурная часть. Выборы я с «треском» проиграл. Сразу оговорюсь, что депутатские полномочия требовались для пропаганды развития горнодобывающей промышленности. Позже для тех же целей мы с Ю. В. Неверовым стали депутатами Корякского округа. Это действительно помогло разъяснить жителям необходимость развития промышленности в округе. Большинство населения округа тогда с пониманием отнеслось к развитию горной промышленности. Наши разъяснения сыграли свою положительную роль. Необходимость развития горной промышленности в то время поддержали глава администрации КАО С. Г. Леушкин, а впоследствии и губернатор В. Т. Броневиц.

Из всех населённых пунктов района село Манилы отличалось наиболее выгодным расположением, находясь на берегу р. Пенжины, в близости от впадения её в Пенжинскую губу (см. фото). Это была единственная водная артерия, по которой доставлялись все жизнеобеспечива-

ющие грузы для всего района.

Село Манилы являлось центральной усадьбой совхоза, который был градообразующим предприятием. Основным занятием являлось оленеводство. Старожилы рассказывали о том, что в 50-е годы здесь процветал рыболовецкий колхоз с большим флотом малых сейнеров (МРС). Они добывали сельдь, и это приносило солидный доход. Со временем флот передали Магадану и рентабельный колхоз превратился в дотационный оленеводческий совхоз. Кто-то там, наверху посчитал, что так будет лучше. Кроме оленей в совхозе было хорошее молочное стадо коров, большой птичник. В 80-х годах производство яиц даже сдерживали, т.к. их не успевали реализовывать, и часть из них приходилось уничтожать. Это абсолютная правда, которую могут подтвердить старожилы.

Жители на местном подворье выращивали свиней, а некоторые занимались этим почти в промышленных масштабах. Когда местный фермер В. Анашкин производил забой свиней (их было более сотни голов), «голос Америки» вещал по радио, что он приступил к сдаче мяса государству. Американская радиостанция почему-то зорко следила за жизнью севера Камчатки и своевременно оповещала мир о появлении новых месторождений золота, о движении в начале лета «пьяного» парохода вдоль западного побережья и т. д. Возможно, именно поэтому в Манилах стоял небольшой пограничный отряд со всей полагающейся для этого атрибутикой.

Отряд осуществлял досмотр всех прилетающих пассажиров и охранял береговую зону Пенжинской губы. Заставу возглавлял капитан Николай Васильевич Чебану (см. фото). Зная о работе геологов в районе, он всякий раз при встрече акцентировал наше внимание на соблюдении бдительности в береговой зоне. Наверное, в этом была какая-то

необходимость. Мы не очень серьёзно и даже иронично относились к его службе, но при полётах над береговыми зонами внимательно их просматривали. Вскоре выяснилось, что его слова о бдительности не совсем беспочвенны. В районе бывшего посёлка Шестакова, это в северной части Пенжинской губы, наряд пограничников обнаружил на берегу гидрокостюм иностранного производства. находка насторожила не только пограничников.

Совершенно не объяснимым до сих пор остаётся исчезновение зимой проходчика Ю. Ковалева в районе мыса Валижген, где велись горные работы. В ту зиму два проходчика (один из них Ю. Ковалев) шли из своего лагеря на базу партии. В районе склада ВМ (это в прямой видимости от базы) они стали обходить его. Один пошёл справа, другой – слева. Один из них пришёл на базу, а второй – бесследно исчез. В тот же день начались поиски, которые оказались безрезультатными. Самым удивительным было то, что не нашли никаких следов, в том числе и лыж. Поисками Ю. Ковалева занимались около двух лет, в том числе и пограничники Манильской заставы. Выдвигались самые безумные идеи его пропажи. Рассматривался даже вариант захода в Пенжинскую губу подводной лодки и вывоз его в недружественную Америку. Без вести пропавшие на севере Камчатки явление не редкое. Но не всех искали так долго, как Ковалева. Фраза «списать человека проще пропавшей лошади» воспринималась тогда обыденно.

По просьбе начальника заставы мне и моим коллегам неоднократно приходилось читать лекции о природе, геологии и полезных ископаемых Камчатки для его пограничников. Это скрашивало их досуг.

Долгие годы колхозом, а затем совхозом руководили М. А. Новиков и П. Д. Гридин. При них появились добротное жильё и вся инфраструктура села. Это были настоящие хозяйственники, с большой буквы. Руководители совхоза уважительно относились к геологам. Нас объединяла работа в тундре, где мы занимались геологическими исследованиями, а олениводы пасли свои стада. Нередко взаимовыручка помогала каждому из нас выполнять свое дело.

Здесь же при совхозе работала солидная мастерская по пошиву меховой одежды. Шили кухлянки, торбаса, чижы (меховые носки) из

оленьих шкур. Многие изделия украшали бисером (см. фото). Постоянным заказчиком кукулей (меховых спальных мешков) была экспедиция. Никакие привозные спальные мешки не могли сравниться с кукулями. Все, кому довелось зимовать в партиях, с благодарностью вспоминали эти лёгкие и тёплые олени спальники.

Позднее местные умельцы научились шить довольно изящные меховые (из оленьего камуса) сапожки. Но, пожалуй, самыми известными меховыми изделиями считались шапки. Их форма, материал, украшения из бисера отличались от всех существующих на Камчатке. Это были малахаи сугубо пенжинских коряков. Когда-то во Дворце съездов, в Москве, именно в таком Пенжинском малахае танцевал корякский танец известный поэт В. Коянто.

Со временем в Манилах организовали комбинат бытового обслуживания. Это было достаточно современное предприятие. Первым его руководителем была Тяжелникова Любовь Ивановна, а впоследствии – В. Торгузова, А. Рейнгардт. Многие женщины с. Манилы, п. Первореченска и других сёл пользовались услугами комбината. Это

было хорошим подспорьем для жителей. Мастерницы шили легкую верхнюю одежду, ремонтировали и реставрировали её (см. фото). Закройщицы и швеи С. Рейнгардт, Л. Хохрина, Г. Лебедева и др. претворяли в

жизнь многие модные фантазии, а Нина Санковав шила лучшие брюки на всю округу. «Коронкой» считался пошив камусовых сапожек. Их научились шить качественно и красиво. Местные мастера перебрались под «крышу» КБО, где продолжили изготовление эксклюзивных меховых изделий с корякским орнаментом. Кроме того, в КБО была парикмахерская и фотосалон. Все услуги комбината были доступными для всех категорий граждан. Потом пришли «перестроечные» года, появился китайский ширпотреб и содержание КБО стало не выгодным.

До прихода геологов в с. Манилы вторым по численности предприятием, несомненно, считался рыбокооп. Именно эта организация обеспечивала весь район продуктовыми и промышленными товарами.

До конца 60-х годов контора рыбокоопа находилась в районном центре, а склады в пос. Усть-Пенжино, на мысе Контрольном. Это в 3 км от Первореченска. Усть-Пенжино в те годы выглядело совсем небольшим. Кроме складов здесь было несколько жилых домов, в том числе общежитие. А вот бывшие жители его говорили, что в 50-е годы здесь проживало около 300 человек. Когда-то здесь располагалась и контора рыбного завода, директором которого был некий Гамаюнов. В поселке была практически вся необходимая инфраструктура - поселковый совет, школа, клуб, больница, аптека, подсобное хозяйство (коровник, свинарник), парники для выращивания овощей, пекарня, колбасный цех. Связь осуществляли с помощью радиостанции. Поблизости находилось корякское стойбище. Это были береговые коряки, которые промышляли морского зверя.

Припоминаю наши походы из Первореченска в магазин Усть-Пенжино, где выбор продуктовых и промышленных товаров был всегда разнообразнее. Мы были частыми гостями в Усть-Пенжино, особенно в период «сухого закона» (он начинался, примерно, в марте и продолжался до начала июня, когда на рейд приходили корабли с материка). При появлении каких-либо торжеств здесь удавалось приобрести некоторую толику вино-водочного субстрата. Нам, тогда молодым специалистам, интересно было посмотреть на имеющиеся здесь круглые японские фанзы. Их было три. Удивляли огромные бивни ма-

монтов. Они служили оградой для местных огородов. Концы бивней втыкались в землю, подпирались рогулиной, а сверху набрасывалась рыболовецкая сеть. Вот так защищали огороды от собак. Судя по всему где-то вблизи было большое захоронение мамонтов. Позже, когда страну охватил бивневый «бум», территорию посёлка тщательно изрыли (в поисках бивней) до глубины сезонной оттайки (то есть до мерзлоты).

Населяли посёлок кроме работников рыбокооп, в основном, дочери и механизаторы. Среди них были отчаянные ребята. Один из них (некий Ершов) на тракторе прыгнул со 100-метрового обрыва в Пенжинскую губу. Говорили, что прыгнул на спор. Выжить не было никаких шансов. Спор, конечно, выиграл, но воспользоваться победными лаврами не смог. Все закончилось похоронами.

Вблизи посёлка, отработав свой ресурс, лежал катер «Разведчик». Это был тот самый катер, который привёз в конце 50-х годов материалы для строительства Первореченска. Символично, что когда строительство последнего завершилось, катер приливами пригнало к построенному поселку. Что-то было в этом мистическое. Здесь он и упокоился навсегда.

К началу 70-х годов все склады рыбокооп перевезли в с. Манилы. Для работников построили хорошее (по тем временам) жильё. Одна из улиц так и называлась – Кооперативная. Рыбкооп тогда возглавил А. И. Андрющенко. Это был умный, деловой специалист высокого класса. На мой взгляд, не всякий бы смог руководить такой организацией. Для этого надо иметь не только соответствующее образование, но и какие-то природные таланты. Ведь непросто вести учёт и

последующую продажу материальных ценностей, которые привозят на кораблях на рейд, где перегружают их на баржи, которые доставляют на берег в Манилы в условиях приливно-отливной

зоны. Это значит, что баржи могут подойти к Манилам с приливом в любое время суток, в том числе и ночью (всё зависит от графика приливов и отливов). Последующая выгрузка на берегу, доставка к складам на тракторах, автомобилях, их приёмка и складирование в помещениях – это была умопомрачительная работа, требующая больших физических сил, постоянного нервного напряжения. Коллектив рыбокооп был, в своей основе, женский (см. фото). Уверен, что мужчинам вряд ли удалось бы так чётко и правильно выполнить эту работу по приёмке и учёту товаров.

Морская навигация это только небольшая часть работы рыбокоопа. Не менее сложной считалось обеспечение товарами по реке Пенжина сёл района (Аянки, Слаутного, Таловки, Каменского, Оклана, Парени). Доставка в эти сёла осуществлялась только по большой воде, и очень важно было не упустить её. За летнюю навигацию не всё успевали отправить по воде. Многие грузы приходились на зимние перевозки (тракторами, автомобилями). Все, кто был свидетелем летней навигации, зимних перевозок, помнят какой это тяжёлый и опасный труд. И он выполнялся не только за деньги, но и по осознанию ответственности за людей. Зима строго спрашивала за готовность сёл к её испытаниям и транспортники хорошо это понимали. От их работы зависели тепло и сытость на селе.

Александр Георгиевич Рейнгардт вырос в многодетной семье поволжских немцев. В 30-е годы его семья была репрессирована и отправлена на Урал. После службы в вооружённых силах А. Рейнгардт оказался в Магаданской области, на Хасыне, откуда в 1959 году прибыл строить пос. Первореченск, новую базу Пенжинской ГРЭ. Будучи технически грамотным, взялся за электрическую часть строительства и котельную. Пригодились и знания дизелей, карбюраторных двигателей. Его универсальные познания в механико-электрических делах стали поводом для начальника Пенжинской ГРЭ Ю.П.Рожкова назначить его механиком. Более 10 лет в его ведении были электрические сети поселка и работа котельной. Для северов это самые важные жизнеобеспечивающие объекты и они работали без перебоев.

Так случилось, что в конце 60-х годов А.Г.Рейнгардт перевелся в Пенжинский рыбокооп заместителем председателя рыбокоопа по

транспорту. В рыбкоопе после завершения морской и речной навигаций был большой объем грузов необходимых для транспортировки в села района. Грузы доставлялись уже по зимнику автомобилями и тракторными колоннами.

На зимних грузоперевозках в районе редкий сезон обходился без аварий. Дорога по руслу реки Пенжина была комфортной для рейсовых колонн, но одновременно именно на этих участках случались провалы тракторов с грузом под лед. Человеческих жертв удавалось избегать. Трактористы научились «катапультироваться» из своих кабин, выбивая задние стекла. Однажды мне довелось стать свидетелем, когда к А.Рейнгардту обратились трактористы из соседнего совхоза с просьбой помочь достать утопленную технику. В это время он уже был признанным специалистом по подъему утопленной техники. Узнав о том, как все произошло, он попросил приготовить несколько пустых бочек, труб, несколько бревен и сотню метров троса.

А.Г.Рейнгардт

Вся операция по подъему прошла успешно. Александр Георгиевич обладал не только инженерным складом ума, но и особым природным техническим даром. Это помогало решать многие технические проблемы необычными приемами.

Под стать ему была жена Антонина Петровна. Она, как и муж, была рукастой женщиной, причем в полном смысле. Ее рукоделия в комбинате бытового обслуживания отличались высоким качеством. В ее теплице уже в июне вызревали восхитительные помидоры и огурцы. Им могли позавидовать многие, более южные регионы страны.

После развала рыбкоопа Александр Георгиевич ушел работать дизелистом на электростанцию. С его участием проходила большая реконструкция ДЭС. Ее начальник Владимир Шамотко признался как-то мне, что его жизнь стала спокойнее с приходом А.Рейнгардта.

Дизеля обслуживались с немецкой пунктуальностью и все регламенты по их эксплуатации выдерживались в соответствии с требованиями. Именно поэтому ДЭС работала ритмично и надёжно.

Тяжелая болезнь подкосила здоровье Александра Георгиевича. Он мучительно уходил из жизни. Вечная ему память.

Для меня до сих пор остаётся загадкой тот факт, что оленей пасли и нагуливали совхозные пастухи, а обязанности производить забой возлагались на рыбокооп. В итоге он рассчитывался с совхозом за поставленное мясо. Возможно, что в этом и имелся какой-то смысл. Но, кажется, что было бы логичнее заниматься забоем самому совхозу. Забой оленей в Пенжинском районе производился ежегодно в начале ноября. Бригады оленеводов по графику подгоняли к коралям (местам забоя) стада оленей. У оленей самая вкусная часть – это языки. Все, кто жил в наших краях, знают какой это деликатес. По сданным языкам определяли количество разделанных оленей. Во время забоя у коралей появлялись различные (по рангу) властные люди. Они вели «строгий учёт» оленьих языков. В розничную продажу они не поступали, а точнее не доходили. «Учётчики» реализовывали их вблизи коралей. Среди народа тогда ходила крылатая фраза: «нынче оленей снова пригнали без языков».

В Пенжинском районе долгое время существовала традиция – к 7 ноября все посёлки должны быть с олениной. За этим строго следили партийные органы. Хорошая, прямо скажем, традиция. Она никогда не нарушалась. В каждом совхозе (а их было четыре) забивалось 6-7 тысяч оленей. Район не мог употребить такое количество мяса, поэтому большой объём вывозился тракторами, самолётами за пределы района и даже области. Если мясо как-то реализовывалось, то шкуры и рога были головной болью рыбокоопа. Их собиралось огромное множество. Десятилетиями шли разговоры о глубокой переработке оленей. Жаль, но так и не нашлось тех, кто бы взялся за это дело всерьёз. Мне не верится, что переработка шкур абсолютно не рентабельное дело. Вблизи коралей (мест забоя оленей), как правило, строили склады для хранения этих шкур. Кое-что из них использовалось для изоляции, в том числе для утепления теплотрасс. Однако большая часть со временем сгнивала. Можете представить себе какие терри-

коны из рогов собирались у мест забоя оленей! Вспоминаю разговор по телефону, в котором председатель рыбокооп предлагал купить 2-3 сотни оленьих шкур по рублю за штуку. За ненадобностью я, естественно, отказывался. Через день он предлагает за полтинник, еще через день по 15 копеек, а затем умолял забрать бесплатно любое количество, только ради того, чтобы освободить склад от шкур. Я всегда вспоминаю этот эпизод с горечью. Какой же мы бесхозяйственный народ! Как-то в Палане нам (депутатам) продемонстрировали замшу, сделанную из нашего сырья. Это был товар высочайшего класса. Тогда мне показалось, что наконец-то дело по переработке шкур сдвинулось. Увы, все закончилось опытными образцами.

Большой объём мяса требовал условий его хранения. Во время разведки Сергеевского месторождения для этого приспособили одну из штолен. Это было разумное решение. Рыбкоопу предложили пройти штольню в Манилах для тех же целей. От этой идеи торговые работники отказались. Это было не дальновидно с их стороны. Со временем они построили холодильник, но его эксплуатация была не дешёвой.

До определенного времени рыбокооп процветал. В Манилах открывались новые магазины, среди них был даже книжный. Торговля шла бойко. Ассортименту продовольственных товаров могли бы позавидовать столичные магазины. Ма-

нилы переживали время, когда люди буквально «сметали» с прилавков ювелирные изделия, хрусталь, ковры и другие товары. Благосостояние в те годы позволяло. Опытный продавец Т. И. Могилевич (см. фото) никого не отпускала из магазина без покупок. А купить было что. Это время многие старожилы района считают периодом промелькнувшего «коммунизма».

Первые строительные объекты

Первым объектом строительства на новой базе в Манилах стало общежитие. Очень хотелось, прежде всего, создать хорошие условия для тех, кто работает непосредственно в поле, т.е. работникам буровых бригад. Их работе не позавидуешь. Не всякий выдерживал это испытание. Уверен, что немногие буровики (даже на северах) прошли через такие экстремальные условия.

Работа на севере Камчатки требовала много физических, моральных сил и высокого профессионализма. Те, кто запускал технику в условиях низких температур, хорошо представляют себе как это непросто, когда солярку сначала разогревают, а только потом заливают в механизмы. Сегодня людей, умеющих это делать, остались единицы. Жаль, но может наступить день, когда не останется тех, кто мог бы показать, как это делается. И кто же будет осваивать Север в будущем?

Для сведения читателей хочу проинформировать о том, что буровые бригады Пенжинской ГРЭ работали в верховьях р. Пенжины, вблизи метеостанции, которая зафиксировала абсолютный минимум температуры -72° . В Пенжинском районе количество дней с температурами ниже 50 градусов составляет 1,5-2 месяца. Именно поэтому хотелось, чтобы эти люди жили в тёплом общежитии с горячим и холодным водоснабжением, конечно, с тёплым туалетом - мечтой всех жителей района.

Строительство общежития шло быстро. Вспомнили даже советские субботники, в которых участвовали как ИТР, так и рабочие. Бывший прораб из «чукотской» команды оказался слабоватым и вскоре уехал. С большим трудом уговорил перейти работать в ГРЭ прораба из районного ПМК В. Черненко. Это был уже далеко немолодой, но очень энергичный прораб. Позже он признался мне, что перешёл в ГРЭ, считая, что здесь работать будет легче. Но узнав о планах нашего строительства, схватился за голову. И всё же, попав в нашу геологическую «обойму», буквально заразился нашими планами строительства и активно включился в их реализацию. Скажу без бахвальства, в экспедиции многие организационные и производственные вопросы решались более оперативно, чем в других организациях. Именно это

более всего понравилось В. Черненко. Я узнал от него многие строительные каноны, узнал о многих деталях и хитростях, которых нет в пособиях по строительству. Я бесконечно благодарен ему за эту школу и с большой теплотой вспоминаю нашу совместную работу. Надеюсь, что он в добром здравии проживает сейчас в Украине. Кстати, в армейскую бытность В. Черненко был солистом Черноморского флота. И когда он оказывался за единым столом с Л. Зубашенко (бывшим баянистом советской группы войск в Германии), все гости получали истинное наслаждение от игры на баяне и пения В. Черненко. Л. Зубашенко был ещё и талантливым поваром и пекарем, несколько лет он работал на Гореловском угольном карьере.

Самым сложным в строительстве оказались штукатурные работы. Специалистов по этой части практически отсутствовали. Выручил Александр Кайсин, помбур из буровой бригады. С большим трудом пришлось уговорить его сменить род занятий. Надавил на сознание о том, что общага нужна, прежде всего, холостым буровикам. Профессию штукатур освоил в лагере, куда попал во времена буйной молодости. К нему закрепили несколько учеников и подсобников. Именно благодаря бригаде А.Кайсина быстро заселили первый объект - общежитие.

Для меня строительство стало отдельной школой. И я рад, что её прошёл. Это было время, когда я работал по «25 часов» в сутки, при этом получал несказанное удовлетворение. Параллельно с общежитием заложили 12-ти квартирные дома, двухквартирные коттеджи, здание конторы. Все жильё строилось со всеми удобствами. Для улучшения теплоснабжения нашего микрорайона заказал в Ангарске модульную котельную КМТ-2,5. В этом мне очень помог главный энергетик ПГО «Камчатгеология» В. Запорожец. Именно он состыковал меня с заводом, производящим эти котельные. Тот же завод-изготовитель прислал своих монтажников и наладчиков, которые в короткие сроки (в течение месяца) смонтировали и запустили котельную. Кроме того, обучили персонал для её обслуживания и взяли котельную на гарантированное обслуживание. Она оказалась компактной, простой в установке и очень экономичной. В ней была предусмотрена механическая загрузка угля и шлакоудаление. Температуру в 100

градусов набирала в течение одного часа. В случае сбоев (в подаче угля и т.п.) включался «ревун». Это было весьма важной деталью. Но, пожалуй, самым главным её достоинством была установка «Циклон», которая полностью поглощала вредные выбросы. Дыма из трубы практически не было видно, и это первое время пугало. Казалось, что котлы потухли, а это в зимних условиях сродни катастрофе. Многие, кто проживал на северах, хорошо представляют себе последствия.

В зимнее время руководителям предприятий основную головную боль доставляли котельные. Не секрет, что кочегары не всегда добросовестно относились к своей работе, нередко котлы оставались безнадзорными. Залогом спокойной жизни руководителя считались хорошие, надежные кочегары. Многие домохозяйки могли безошибочно определить по температуре батарей в квартирах, кто сегодня на смене в котельной. Некоторые даже могли прикинуть, сколько кочегар принял на «грудь» и когда следует начинать бить тревогу. Главным индикатором удовлетворительного состояния в котельной был дым из её трубы.

Зимний период для многих руководителей предприятий всегда был испытанием. По закону подлости аварии и прочие «ЧП» свершались, как правило, в ночное время. Несмотря на то, что имелась дежурная аварийная команда первым в случае «ЧП» будили руководителя. Если в моём подъезде ночью хлопала входная дверь – 99 из 100% шли будить меня. Сон в зимние ночи всегда был чутким.

Я хорошо помню, когда в декабре из-за аварии на электростанции за 1,5 часа разморозили несколько многоквартирных домов, школу, интернат, детский сад и многое другое. Для ликвидации аварии трубы, электроды и др. возили самолётами и вертолётами из Петропавловска-Камчатского за 1500 км. Всё произошло при 40-градусном морозе, при скорости ветра около 40 м/сек. Эта авария дорого обошлась Манилам.

Самым желанным объектом в планах строительства был детский сад. В Манилах не было приличного детского сада. Когда-то его начали строить, но по каким-то причинам стройку «заморозили». Его железобетонный остов стоит до сих пор. На одном из первых собраний я пообещал, что для детей будет построен достойный детсад и даже

с бассейном. Меня обозвали фантазёром. После этого вопрос его строительства стал для меня принципиальным. Проект с бассейном не утвердили, но это не остановило меня. Из внутренних резервов нашли материалы и сделали пристройку к основному зданию. Там и планировалось оборудовать бассейн. Меня удивила тогда позиция некоторых районных чиновников. К строительству бассейна ещё не приступили, а чиновники уже предупредили меня о том, что не допустят его эксплуатацию. Они уверяли меня, что не удастся выполнить всех требований к таким сооружениям, как бассейн. Но стройка шла.

В то время я как-то оказался в составе делегации от ПГО «Камчатгеология» на завершении заявочной кампании в Мингео РФ. Оно проводилось ежегодно в г. Москве. Нас собралось несколько человек во главе с начальником отдела снабжения объединения С.А. Костицыным (см. фото). Это был опытный, я бы сказал, «матёрый» снабженец. Такими, обычно, не становятся, такими рождаются. Несомненно, Станислав Аркадьевич был снабженцем, как говорится, «от Бога». Ведь мало знать специфику этой работы. Обязательными качествами должны быть невероятная коммуникабельность и, если хотите, своеобразный «шарм» и, конечно, отменное здоровье. Всё это у С.А. Костицына присутствовало. Для него это была далеко не первая кампания. Это было видно уже с первого дня, когда мы «пристрелочно» обошли все отделы. Всюду его встречали, как старого знакомого.

Для нашей делегации в Москве заказали гостиницу «Россия», по тем временам, довольно «крутую». В составе делегации кроме С.А. Костицына и меня были главный инженер ПГО В. В. Кноль, начальник ПТО В. И. Судаков, зам. генерального директора В.И. Кисиль. Будучи в номере с Костицыным я увидел его записные книжки, которые на меня произвели сильное впечатление. В те годы ещё не было сотовых

телефонов, а визитные карточки только вводились, поэтому адреса, телефоны и другую информацию фиксировали в записных книжках. У меня тоже была такая книжка, но то, что я увидел, меня повергло в шок. Во-первых, их было много (около 10), во-вторых, все весьма внушительных размеров и, что самое впечатляющее, все заполнены мелким убористым почерком. Было такое ощущение, что там прописана минимум половина сотрудников всех существующих организаций в той большой стране (СССР). Самое удивительное, что очень многих из них он помнил по фамилиям, именам и отчеству. В ту поездку я реально осознал важность снабженческого дела в геологии. Все наши планы по поискам и разведке зависели от поставок техники, материалов, оборудования и др. В то время надо было иметь большое «искусство», чтобы обеспечивать геологию всем необходимым. Не всегда и не всё удавалось сделать по полной программе. На то были, наверное, разные причины. В любом случае однозначно то, что в доле запасов разведанных месторождений на Камчатке есть существенная часть С.А. Костицына и его отдела.

Для меня одним из самых главных пунктов в той заявочной кампании был комплект мебели для строящегося детского сада на 60 мест. В те годы получить какие-либо материалы, механизмы, оборудование и др. было делом не простым. Кое-где применили «ускорители». Без этого в снабженческих делах мало кто обходился в стране. Припоминаю, как решался вопрос по мебели для детского сада. Это была очень дефицитная позиция. Я долго «плакался» в соответствующем отделе о необходимости её для самого удалённого уголка страны. Ответственный (уже пожилой человек) за мебельные дела внял моим «слёзам» и пообещал сформировать вагон мебели из Риги, сделав соответствующую заметку в своей амбарной книге буквально огрызком карандаша. Меня это весьма расстроило. Я подумал, что маловато пролил «слёз». Каково же было мое удивление, когда первым пароходом пришёл весь необходимый комплект (на 60 мест) мебели. Как же я был благодарен тому деду и его карандашному огрызку!

Забегая вперёд, скажу, что детсад получился добротным. С помощью того же С. А. Костицына приобрёл югославскую кафельную плитку семи цветов для бассейна. В те времена это была большая удача.

Бассейн (а это сваренная ёмкость длиной около 10 м и шириной 4,5 м) к тому времени был почти готов. Осталось лишь обложить его той самой керамической плиткой.

Так случилось, что мне не удалось завершить строительство бассейна. Мне предложили работу, от которой я не смог отказаться. Я оставил пост начальника Пенжинской ГРЭ. Его занял А. П. Козлов. Я сожалею, что мой преемник не продолжил мои начинания. Идея строительства бассейна была «похоронена», а недостроенные двухэтажные дома разобраны. На это было горько смотреть. Грустно, что последний начальник Пенжинской ГРЭ так варварски обошёлся с тем, что могло принести пользу многим людям. В каждом деле, оглядываясь назад, желательно видеть созидание, а не руины. Жаль, что Пенжинская ГРЭ оказалась для А. Козлова лишь «трамплином» для достижения высот. А ведь не будь этого «трамплина» его биография могла сложиться совсем иначе.

«Лихие» 90-е годы внесли существенные коррективы в жизнь геологии. Нашу отрасль начали методично разрушать. Не все нашли свою «нишу». Искренне рад, что некоторым удалось вписаться в горнорудные компании, осуществляющие разведку и добычу на ранее открытых месторождениях Камчатки. Сегодня, когда геологическая служба продолжает переживать не лучшие времена, жизнь заставила искать разные пути применения своих способностей. Совсем не удивительным оказался выбор С. А. Костицына. Он не опустил руки и не стал посыпать голову «пеплом», а раскрыл в себе педагогические способности. Он начал преподавать в Камчатском филиале академии внешней торговли, в Дальневосточном университете, где читал лекции по менеджменту, экономике предприятий, логистике, оценке бизнеса. Уверен, его лекции были интересными, необычными и насыщенными многими фактами из жизни лектора. Преподавание не прошло как жизненный эпизод. Появились успешные ученики, следовательно, лекции оказались незряшными. Геологии остается только гордиться, что в нашей «обойме» спектр талантов многообразен. Сейчас Станислав Аркадьевич возглавляет в Петропавловске-Камчатском экспертно-оценочную фирму «Консалтинг сервис». Но из недавнего разговора с ним я понял, что он, конечно, «ностальгирует» по

прошлым геологическим временам.

Непосредственно снабженческими делами в Пенжинской ГРЭ занимался Виталий Роман. Он по опыту и рангу уступал С. А. Костицыну, но по «духу», азарту и многим другим качествам, присущим настоящему снабженцу, был вровень с последним. Снабжать производство в таком районе, как Пенжинский, где оперативно доставить что-то можно только авиацией, очень не просто. С первых дней моей работы в качестве начальника ГРЭ он сделал немало для ритмичной работы предприятия. Его успех в работе – это умение расположить к себе практически любого человека. Не всякий так умеет. Такому не научишь. Это от бога. В. Роман не остался на «обочине» во времена сурового лихолетья. Какое-то время он занимался обеспечением строительной фирмы в Петропавловске-Камчатском, а сегодня является генеральным директором торгового дома «Славянский». Я искренне рад его успехам и с теплотой вспоминаю о времени нашей совместной работы.

Золотоносные россыпи

В моей геологической судьбе россыпное золото появилось буквально с первых производственных практик. Их было четыре: две – на Полярном Урале и две – на Колыме. Конечно, по настоящему я познал золотоносные россыпи на Колыме, которая до настоящего времени является классическим регионом.

Колымские практики состоялись (1964-65 г.г.) в Берелехской экспедиции Северо-Восточного геологического управления. Экспедиция базировалась в пос. Нексикан. Ниже я, наверное, излишне подробно расскажу об этой экспедиции, её посёлке, и тому есть объяснение. Полевые сезоны, проведенные здесь, – это маленький, но очень важный и поучительный отрезок моей жизни. Для меня они стали знаковыми. Наверное, именно здесь были пересмотрены многие жизненные каноны, представления о чести, совести, и о том, как неожиданно и не предсказуемо может измениться судьба. Здесь довелось узнать о физических, моральных страданиях и пределах человеческих возможностей. Надеюсь, что эта информация будет интересна читателям, знакомым с северами, но в большей степени тем,

кто работал в геологии и занимался россыпной золотоносностью.

Хочется поведать читателю, что с 19 века до настоящего времени мир пережил семь золотых лихорадок. Они состоялись в разных частях земного шара. Не стану рассказывать о каждой из них, упомяну лишь о тех, которые состоялись на территории нашей страны. К таким относятся Сибирская (1830-1861 г.г.) и Колымская (1914-1931 г.г.). На фоне других, по объёму добытого золота, как Сибирская, так и Колымская являются ведущими. Только во время Сибирской лихорадки работало около 400 приисков, а добытое золото составило около 600 тонн. Не менее значимой оказалась и Колымская лихорадка.

Колыма всегда ассоциировалась с золотоносными россыпями, а Берелехская экспедиция является их родоначальницей. Именно отсюда началась главная золотоносная провинция Колымы. Здесь всё пропитано поисками, разведкой и разработкой россыпей. Практически каждый умеет держать в руках лоток. Всё население связано с горняцким делом. С этой экспедицией связаны самые крупные россыпи золота. Одна из них (Чай-Урьинская) являлась самой богатой в мире. Она дала 250 тонн золота. Мне посчастливилось видеть и работать с теми, кто разведал эту и многие другие россыпи. Это уникальные люди, познавшие все тяготы и трудности тех лет. Некоторые из них многие годы провели в лагерях, и совсем не по своей воле участвовали в разведке и добыче золота. Об этом сегодня много написано, но ничто несравнимо с живым общением. Большая часть из них неохотно рассказывали о своей лагерной жизни, и, тем не менее, даже маленькая толика рассказанной жизни тех времён достаточна, чтобы понять какие страшные муки пришлось пережить. От отчаяния некоторые пускались в бега. Я помню один из маршрутов, в котором встретил такого «беглеца». У перевала лежал его скелет. Рядом лежали резиновые чуни (калоши) с двумя дырками для завязок. Именно по ним стало ясно, что это был «зека». Я никогда не вёл дневников, о чём сейчас сожалею. В моей памяти до сих пор хранится много эпизодов, рассказанных теми, кто прошёл Колымские лагеря. Казалось бы, надо обнародовать их. Скажу откровенно, меня несколько страшит эта тематика. Я не уверен, что смогу найти нужные слова, описывая тех людей и то время.

В студенчестве на производственные практики старались выезжать как можно раньше. Для этого весеннюю сессию старались сдать досрочно. Преподаватели, как правило, шли навстречу. Уже в конце мая некоторым удавалось быть в полевых партиях. Возвращаться с полевых работ не торопились. Иногда задерживались до октября и даже ноября. Начальники партий выдавали письма о том, что из-за погоды не могли вывезти с полей. Письмам в университете не очень верили, но опоздания прощали. В конце мая я заставал еще шурфовку, участвовал в её документации, промывке. К шурфовочным работам на Колыме относились серьёзно. Все требования по проходке, промывке строго исполнялись. В отличие от Камчатки здесь работали звеньями. Это три человека, из которых двое на проходке, а третий на воротке. На Камчатке принято работать спарками, т.е. двумя проходчиками. Звенья и спарки обслуживались взрывниками. В одном из сезонов мне пришлось провести ревизию промывки шурфов, пройденных в 1940 году. Существующая схема расположения проходок позволила без труда найти все проходки и даже контрольную. Тогда посчастливилось познать учащенное биение сердца при обнаружении весовых содержаний золота в лотке. Прямо скажу, это завораживает, и появляется тот самый азарт (лихорадка), о которой так много написано.

Шурфовочные работы были «разбросаны» по территории и для оперативной их документации я передвигался на лошади. На одну из таких линий повадился медведь. Его так заинтересовала работа проходчиков, что он перестал бояться звуков взрывов, а однажды решил тоже включиться в процесс проходки. Рабочие наблюдали, как он выломал сушину из листовенницы и начал ею тыкать в устье не закрепленного шурфа. Устье было обледенелое, сушина проскользила и упала в шурф. Следом за ней в шурф рухнул медведь. Шурф – это вертикальная выработка, по сути, колодец размером 1х 1,25 метров в поперечнике. Выбраться из такого плена шансов не было. Когда я прибыл на документацию, два звена проходчиков были в трауре. Они сожалели, что не закрепили устье шурфа, тогда можно было избежать гибели медведя. Им было искренне жаль медведя.

Это произошло в конце полевого сезона. Геологические марш-

руты уже были, в основном, завершены. Все ИТР подчищали свои полевые книжки, планы участков. Геологи во главе с начальником партии В.Егоровым занимались геологической картой. Шла обычная камеральная обработка полевых материалов. В процессе составления геологической карты, главного продукта полевых исследований, возникли вопросы, требующие уточнения. Где-то не хватало фактического материала для подтверждения возраста пород, а где-то требовалось уточнить границы их распространения.

Для решения одного из таких вопросов в тот день ушёл в маршрут В.Больших. Это был геолог-практик. Таких геологов в то время на Колыме было немало. Несмотря на отсутствие официальных дипломов многие из них оказались успешными геологами-поисковиками и даже съёмщиками. В. Больших более всего удивил меня познаниями в палеонтологии и считался признанным специалистом по триасовой системе. Он буквально «сыпал» на латыни названиями окаменелых остатков этой системы. Как ему удалось выучить латынь без соответствующей подготовки для меня осталось загадкой.

При упоминании триасовой системы не могу не отметить встречу с главным специалистом Северо-Востока по триасу Ю. М. Бычковым. В тот полевой сезон он прибыл в нашу партию, и мне посчастливилось побывать с ним в маршруте и наблюдать, как работает знаменитый палеонтолог. Он удивил нас, когда собрал окаменелые остатки в местах, где мы только что прошли. Видимо, он обладал особым «нюхом». В этом маршруте мы нашли много окаменелых остатков, которые позволили охарактеризовать значительный кусок разреза. Пользуясь присутствием самого Ю. Бычкова, возраст пород (до яруса и свиты) определили здесь же, в полевых условиях. Для читателей хочу подчеркнуть важность находки фауны, флоры в разрезах пород. Они приравниваются, на взгляд стратиграфов, к находке полезного ископаемого.

В тот вечер геолог В. Больших вернулся с маршрута уже затемно усталым, но очень радостным. Он таки нашёл необходимую фауну, подтверждающую возраст доселе «немой» толщи пород. Кроме того, по дороге настрелял куропаток. Зайдя в камералку, снял с плеча малокалиберную винтовку и положил её на свое спальное место.

Спусковой крючок у винтовки оказался излишне «мягким», а в стволе был патрон. Раздался хлопок. Все поняли, что винтовка выстрелила. Лучше всех это понял я, так как пуля, пробив спальный мешок, вошла в мою шею. Моя рука опустилась как плеть. В камералке, где в это время было около десятка работников, повисла гнетущая тишина. Все взоры устремились на меня, и в этом взоре я увидел удивление, недоумение, ужас и сострадание. Кто-то начал раздевать меня, пытаюсь найти место ранения. Вход пули нашли быстро, а вот выход ее найти не удалось. Мой шок прошёл, и я осознал, что действительно ранен, но не смертельно. Ведь отклонись пуля на 2-3 мм в любую из сторон, итог мог быть совсем печальным и даже гробовым. Так сказал доктор.

Когда меня привезли в больницу пос. Нексикан, первым нас встретил милиционер, который настоятельно требовал назвать того, кто стрелял. Он был уверен, что кто-то специально решил избавиться от меня. В объяснительной я написал, что случайно упал на заряженную винтовку, и она выстрелила. Совсем не хотелось подставлять В. Больших. На этом разборки со мной у милиции закончились. В тот же день просветили рентгеновским аппаратом, установили место, где застряла пуля, а на следующий день местный хирург извлёк её и подарил на память, сказав при этом, что с меня бутылка. Пошутил, конечно. Никак не могу вспомнить фамилию и имя хирурга. Запомнил, что он был из Уфы, а на Колыме оказался совсем не по своей воле. В больнице пришлось провести несколько дней. Здесь насмотрелся на разные травмы. Больных почему-то было много, в основном, с приисков. Некоторых хирург собирал (как говорили местные, «лепил») по частям. Однажды пришлось держать на операционном столе травмированного рабочего с прииска «Большевик». Наверное, не было обезболивающих. Это заняло несколько минут, но их хватило для вывода о том, что я никогда бы не стал хирургом, хотя позднее приходилось вскрывать ножом нарывы и не раз удалять больные зубы рабочим.

В соседней палате лежали два дуэлянта. Их привезли с прииска, где они гусарским методом доказывали свою правоту. С их слов дуэль состоялась по всем правилам. Стрелялись из ружей 16 калибра. Судя по всему, каждый получил свою порцию заряда. Тот же хирург освободил их тела от дробы и строго наказал не появляться впредь

на его операционном столе. Режим в больнице был не очень строгим. Больных в любое время могли посетить друзья, родственники. С первого дня за мной стала интенсивно ухаживать одна из медсестёр. Вскоре выяснилось, что это жена В.Больших. Она кормила меня различными яствами домашнего приготовления. К моменту выписки я выглядел отдохнувшим и весьма упитанным.

В поле я не стал возвращаться, т. к. моя партия на днях полностью возвращалась с полей. Мне удалось побывать на защите полевых материалов. Это был полезный опыт. НТС вёл начальник экспедиции В. Е. Ниорадзе. В конце защиты он полушутя попросил у начальника партии В. Егорова рассказать как «стреляли» в студента, т. е. меня. Партия защитилась на четвёрку. После защиты был традиционный банкет. В последующие годы их было много. На них, как правило, долго продолжались дискуссии на геологические темы.

Лишь случайное стечение обстоятельств не позволило мне оказаться в Берелехской экспедиции после окончания университета. За два полевых сезона я полюбил этот суровый край. Улетая с последней преддипломной практики, был в полной уверенности, что вернусь в эту экспедицию на постоянную работу. Мой начальник партии А.И. Калинин гарантировал работу в будущей Тас-Кыстабытской партии. До самого последнего момента не было сомнений, что получу направление в Северо-Восточное управление.

Судьба распорядилась иначе. Именно в тот 1966 год в это управление не оказалось ни единого места для выпускников геологического факультета Казанского университета. Меня это, конечно, огорчило, но оказавшись на Камчатке, в Пенжинской ГРЭ, я не пожалел о нарушенных планах.

В разговорах колымские старожилы всегда упоминали об ураганных содержаниях золота на некоторых россыпях. Было чему удивляться. В отдельных пластах (и это не редкость) содержания составляли 4-5 кг на куб.м. А на одном из участков р. Ат-Юрях содержание золота достигало 40 кг на куб.м. Я не ошибся, именно 40 кг на м³. Общий объём добытого золота в Яно-Колымском поясе составляет 4 000 тонн. Надо заметить, что добыча не прекращается и сегодня.

По рассказам старшего поколения, во время войны всё взрослое

население было обязано заниматься промывкой золота и сдачей его в золото-приёмную кассу (ЗПК). Такова была ежемесячная повинность. Для этого выделялись отработанные участки на полигонах. Устанавливался план, выполнение которого считалось обязательным. Даже в таком регионе выполнить его было делом не простым. По воспоминаниям участника этих событий бухгалтера Пенжинской ГРЭ Цимбалюка в те времена ночью нередко воровали богатые пески, подготовленные к промывке. А их охраняли вооружённые солдаты. Были случаи, когда приходилось убегать с лотком песков, а сзади догонял солдат и бил прикладом по спине, требуя бросить лоток. Несмотря на боль, лоток не бросали, зная, что там лежит 10-15 граммов золота.

Говорят, что именно такие богатые пески оказались решающим аргументом в подписании договора с Америкой по поставке продовольствия, оборудования и техники во время войны. Тогда, в 1942 году, послу США Гарриману продемонстрировали колымское золото, которое стало гарантией всех поставок. В чьих-то воспоминаниях описан приезд на Колыму вице-президента США Уоллеса. Ему показали суточный съём золота на промывочном приборе. Это произвело сильное впечатление и окончательно убедило американцев в способности СССР платить за поставки. За золотом каждую осень в Магадан приходил американский крейсер.

Повествуя о колымских россыпях, не могу не рассказать о поселке Нексикан. Уж очень легендарным был этот посёлок. В 60-х годах в нём проживало около 4000 человек. Весной и осенью его население значительно возрастало за счет сезонных рабочих. В это время он напоминал муравейник. Немалую его часть составляли студенты со всех вузов и техникумов той большой страны. Сегодняшним студентам остаётся только позавидовать прошлым временам, когда каждый из нас мог (на выбор) пройти практику в любой части страны, а учебные заведения оплачивали проезд в оба конца и к тому же выдавали небольшие подъёмные. За работу в геологических партиях выплачивали заработную плату, и она была весомая. Случались и премии за полевой сезон. Выезд на полевые работы проходил обыденно, а вот возвращение с полей надо было видеть. Рабочий люд, получив деньги за полевой сезон, наслаждался цивилизацией. Хруст бумаж-

ных купюр в карманах позволял «оторваться» по полной программе. Эта была пёстрая публика, среди которой были весьма колоритные и фотогеничные ребята в полевых одеждах, напоминавшие джеклон-доновских золотоискателей.

Примерно в это же время заканчивался промысловый сезон у старателей. Это была особая каста. На прочих сезонников они посматривали свысока. Их «прикиды» выглядели более цивилизно. Местные таксисты круглосуточно возили старателей по трассе к коллегам из приисковых посёлков. В отличие от всех они гуляли на более широкую ногу.

Приезд полевиков и возвращение старателей с полигонов с нетерпением ждали все, в том числе и местные «куртизанки». Злые языки в посёлке считали, что именно они определяли время возвращения с полей. Как только в их окнах появлялись выстиранные занавески, начиналось массовое возвращение полевиков. Не будем ханжами. Не следует их осуждать. Ведь кто-то должен был обласкать, согреть истосковавшиеся по женщинам мужские тела? Бросить деньги «на пупок» и снова податься в поля – удел многих. И в этом не было никакого сожаленья. С каким счастливым и мечтательным выражением лица колымские «гусары» рассказывали о своих похождениях! Так было, скорее всего, на всех северах. У меня не хватит слов для передачи той атмосферы, в которой пребывал Нексикан в осенний период. Эмоции людей, вернувшихся после многомесячных работ вдали от цивилизации, захлёстывали через край. Впечатлила сцена у продовольственного магазина, где двое полевиков мыли свои болотные сапоги шампанским. Так они отмечали окончание сезона.

Полученной заработной платой рабочие распоряжались по-разному. Кто-то тратил на одежду, кто-то на приобретение бытовых предметов для предстоящей зимовки. Нередко покупались совсем ненужные товары. Большая часть тратилась на алкоголь и прекрасную половину. Совсем скоро (через 1-3 недели) пиршество заканчивалось. Много из только что купленного продавалось за бесценок. Видеть это без горечи было нельзя. До сих пор перед глазами стоит сцена унижения рабочего, который за стакан водки отдавал под залог новые часы. Местный буфетчик на автовокзале дядя Петя из-под

прилавка достал полное ведро часов. Смотри, говорил он, это часы, которые оставили под залог. До сих пор за ними никто не пришёл. Эта сцена произвела на меня сильное впечатление, и до сих пор помнится её неприятный осадок. Позже аналогичных сцен было много, в том числе и на Камчатке. Не у всех хватало собственной воли включить «тормоза».

Некоторые из рабочих многие годы не могли выбраться на «материк» к своим родственникам. Всякий раз, сидя в поле у костра, они клятвенно обещали после полевого сезона обязательно побывать на родине. Увы! Далеко не всем удавалось побороть тягу к спиртному. Это была главная болезнь многих рабочих (иногда ИТР) севера. В полевых партиях, отрядах всегда пытались помочь таким рабочим. Хороший пример запомнился в Берелехской экспедиции. Её руководство кардинально подошло к этому вопросу. Среди рабочих специальностей тогда особо ценились проходчики шурфов. Не секрет, что вся Колыма была разведана, в основном, шурфами. Проходчики были в особом «фаворе». Именно они делали основной прирост запасов золота. В конце шурфовочного сезона многих из них собирали в группы и вывозили на Родину в сопровождении ИТР экспедиции. Таким образом, доставляли к родным и близким вместе с их заработанным капиталом. Через некоторое время их возвращали в свои разведочные партии. Наверное, такая форма сохранения кадров была оправданной.

Припоминаю и свое участие в аналогичном мероприятии. В Верхне-Булунгинской партии у нас был рабочий по кличке «Микоян». К сожалению, его имя запомнил. Это был далеко не молодой, скорее пожилой человек. Он многие годы провёл в местных лагерях. Когда-то был хорошим проходчиком шурфов. С годами пришлось отказаться от горных работ. В партии работал пекарем. Говорили, что у многих пекарей в колымских партиях была кличка «Микоян». Наверное, это связано с тем, что в свое время Анастас Иванович Микоян возглавлял в стране комитет продовольствия. ИТР нашей партии ещё в поле решили непременно помочь нашему «Микояну» вылететь на материк. После полевых работ его привели в местный универмаг, и одели с головы до ног в новые одежды. Через несколько дней мне поручили проводить его в Магадан и посадить в самолёт, вылетающий

в Москву. Мы добрались с ним до аэропорта Берелех (это вблизи г. Сусумана), где переночевали, а на следующее утро вылетели в Магадан, откуда он вылетел в Москву. Заработную плату предварительно выслали родственникам в Подмоскowie. Его прощальные слезы до глубины души тронули меня. В них было всё: и боль за унижения в лагерях, и радость возвращения домой, и горечь прощания с Колымой. Я с удовольствием выполнил порученную мне миссию. Искренне радуюсь до сих пор, что помог человеку вернуться на Родину к родственникам, которых он не видел более двух десятков лет.

Россыпное золото Пенжинского района

Оно не является столь значительным и масштабным как колымские россыпи. Несмотря на это есть много общего, что объединяет оба региона. Идентичны условия работы, методика поисков и разведки россыпей. Как и на Колыме в Пенжинском районе суровая зима и вдобавок сильные ветра. Поисками и разведкой россыпей здесь занимались без конвоя, на добровольной основе. Это были уже 60-е годы. Но организаторами этих работ были люди из той же «обоймы» «Дальстроя».

Одним из них является Ю. П. Рожков, принявший Пенжинскую ГРЭ в 1959 году. Уже в начале 60-х годов вырисовалась Ушканьинская россыпь. Очевидцы рассказывали, как Ю. П. Рожков прибыл в Магадан к начальнику СВГУ И. Е. Драбкину с золотом в пробирке из Ушканьинской россыпи. Увидев пробирку, всемогущий Израиль Ефимович, который в те годы «ногами» открывал любые министерские двери в нашей столице, выдвинул ящик письменного стола, достал внушительный кожаный мешочек и высыпал содержимое. Это была горка на несколько килограммов самородного золота, среди которых были значки, блохи, клопы, жуки и более крупные самородки. Вот когда привезёшь такой мешок с золотом, сказал И. Е. Драбкин, тогда и получишь деньги на поиски и разведку. Такая постановка при решении вопроса о финансировании объектов в те годы была традиционной. Главным аргументом считалось «кусковое» золото. Это воспринималось самым весовым доказательством в необходимости разведки

с соответствующим финансированием. Рожкову Ю.П. в тот приезд больших денег не дали, но и без внимания этот объект не оставили.

Так началась россыпная эпопея севера Камчатки. Ассигнованиями на россыпное золото не баловали. Несмотря на это появлялись всё новые россыпи. Со временем на территории Пенжинского района выявили 7 россыпных золотоносных узлов. Среди них: Ушканьинско-Кондыревский, Понтонейский, Верхне-Пенжинский, Верхне-Окланский, Восточно-Тайгоносский, Валижгенский, Тылхойский. За пределами района выделен Таманваямский узел россыпной золотоносности. Наиболее разведанными являются первые два. В связи с этим именно в этих узлах сосредоточилась добыча, которая

продолжается до настоящего времени. Самыми богатыми являются россыпи в бассейнах рек Кондырева, Ушканьи и Горелая. Большинство россыпей золота связаны с современными аллювиальными отложениями пойм и террас, реже с делювиально-эллювиальными образованиями.

Форма залегания лентовидная, струйчатая. Мощности золотоносных песков от 0,2-0,4м до 2-3 м. Содержания до 5-6 грамм на м³, при этом отмечались и «ураганные» содержания до 42 грамм на м³. В бассейне реки Кондырева артелью «Камчатка» отмыт самородок весом 380 грамм.

Фото Золото с Ушканьинско - Кондыревского узла

В бытность моего руководства Пенжинской ГРЭ стояли достаточно серьёзные геологические задачи. Ежегодный план прироста запасов золота составлял 2-3 тонны. Кроме того, был план передачи месторождений в освоение. Вот такого плана не имела ни одна из экспедиций в ПГО «Камчатгеология». Скажу откровенно, выполнение этих планов было делом непростым.

В конце 60-х – начале 70-х годов на Северо-Востоке и Дальнем Востоке страны стали открываться золотосеребряные рудные месторождения, среди которых более всего повезло Карамкенскому. В 1974 году его посетил председатель совета министров СССР А. Н. Косыгин и приказал, как говорят очевидцы, на его основе построить образцово-показательный ГОК (горно-обогачительный комбинат). В тот год золотодобытчики Колымы получили большую материально-техническую поддержку от правительства в обмен на увеличение добычи валютного металла. Кстати, как свидетельствуют некоторые источники, американцы, а точнее ЦРУ, следили за передвижением А. Н. Косыгина. Добываемое золото в СССР сдерживало тогда мировые цены.

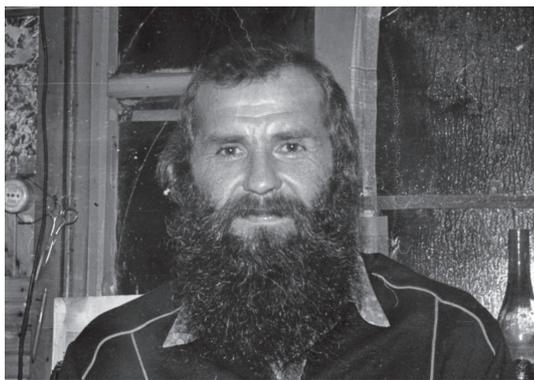
В 1978 году Карамкенский ГОК был принят в эксплуатацию. В 90-е годы месторождение показало доньшко. Всего за время его эксплуатации переработано 2 млн. т руды. Извлечено 34 т золота. Это был весомый вклад в валютные резервы страны. Магаданская область всегда отличалась своим горнопромышленным потенциалом в отличие от Камчатки. Власти Камчатской области многие годы упорно тормозили развитие горной промышленности, почивая на рыбе и морепродуктах. Это была удобная форма существования. Рыбу не надо кормить, пасти. При хороших уловах центр одаривал знаменами, орденами. В случае пролова всегда можно сослаться на природу. А вот руководству Магаданской области было сложнее. Колымчане рассказывают, что только разовое невыполнение планов прироста запасов и добычи золота стало причиной снятия с должности первого секретаря обкома С. А. Шайдурова.

Появление нового типа золоторудных месторождений несколько снизило интерес к россыпям. Кое-где сократились ассигнования этой отрасли. Кому-то показалось, что богатые золотосеребряные

объекты – более перспективное вложение средств. Наверное, это было не очень дальновидное решение.

В тоже время не исключая снижения интереса к россыпям из-за примитивного метода их поисков и разведки. Большая часть россыпей Колымы разведано шурфами. В 40-50 годы при наличии дешёвой рабочей силы это было оправданным. Попытки механизировать отдельные операции при проходке (механизация при подъёме породы) практически не повысили производительность. Со временем трудоёмкая и малопродуктивная шурфовка стала вытесняться буровыми станками. И хотя пробы из шурфов являются более достоверными, в силу их большего объёма, пробы из скважин в целом также надёжны, при этом значительно возрастает оперативность в поисках и разведке.

Пионером применения бурения при поисках и разведке россыпей считаются колымо-чукотские экспедиции. В Пенжинской ГРЭ первопроходцем на данном виде бурения следует считать Николая Киреева

Н.Киреев

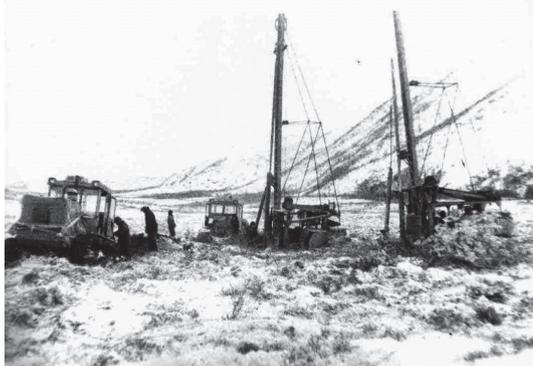
Разработанные на Магаданском заводе станки УКБ оказались простыми и неприхотливыми. Они получили широкое распространение. Разработанная система вахтового поселка позволяла относительно комфортно (на фоне шурфовочных) вести буровые работы.

Ударно-канатное бурение (УКБ) для поисков и разведки россыпей представляет собой комплекс, включающий в себя: вахтовый посёлок из балков, две буровые установки БУ-22УШ, электростанцию 60 квт, промывочный прибор, 2 бульдозера, вездеход типа ГТТ. Жилые балки, столовая, баня, электростанция и т. д. устанавливались на саях, что позволяло оперативно передвигаться к объектам работ.

До середины 90-х годов станки УКБ считались основными и до-

статочно производительными, эффективными при поисках и разведке россыпей.

Работы велись, в основном, в зимний период вахтовым методом. Вахтовый период длился 15 дней. Режим работы – 12 через 12. Это очень жёсткий режим и не все его выдерживали.

Буровые станки УКБ в работе

На каждом станке в смене работает бурильщик, помощник бурильщика, промывальщик, техник-геолог или геолог. Поднятая порода из скважины поступает на промывочный прибор, после чего техник определяет количество золота в мг, либо в граммах. В качестве стимула за скважины с золотом начислялись премиальные, и эта прибавка была существенной. Труду буровиков не позавидуешь. В условиях низких (до 60 градусов) температур на станках, открытых ветрам на все четыре стороны, не каждому дано выстоять. Одна из бригад вела буровые работы вблизи действующей метеостанции Верхнее Пенжино, где была зафиксирована температура -72 градуса.

Вылетая на вахту, бригада психологически настраивается на 15 дней работы. Я не случайно подчеркнул об их настрое. Припоминаю в связи с этим эпизод, когда требовалось подтянуть годовой план, как по выполнению метража, так и по приросту запасов золота. Не секрет, что конец года для многих предприятий был авральным. Выполнение плановых показателей считалось святым долгом. План любой ценой был как лозунг. Это было в сознании и ИТР, и рабочих. Многие, в том числе и рабочие, возвращаясь с полей, с гордостью говорили: мы план выполнили. Почему-то вспомнилась байка нашего рабочего, бывшего рыбака с тралового флота, о том, что капитан их парохода по разному рапортовал своему руководству о показателях работы судна. Если план выполнен, то докладывал: «я взял план», а при аварийных ситуациях: «мы трал утопили».

Не стану кривить душой – в первый год моей работы, конечно,

хотелось выполнить все плановые показатели. И год складывался неплохо. Совсем немного не хватало до плана прироста запасов золота. Именно этих недостающих килограммов ожидали в 4-й буровой бригаде. Не думаю, что мой приезд в бригаду вдохновил её работников. Они и без моих призывов работали с максимальной отдачей. Все знали, что необходимо выполнить геологическое задание, постараться пробурить как можно больше скважин, и желательно с золотом.

В декабре того года морозы особо лютовали. Фортуна не баловала нас. Вахтовое время истекло, я видел, как измотаны буровики. До нужного плана оставалось совсем чуть-чуть. По окончании вахтового времени я попросил буровиков отработать ещё сутки. Они согласились, но этого снова не хватило. Предложил дополнительно отработать вторые сутки. Все кивнули в знак согласия. Утром проснулся в надежде, что полувахта бурит. Увы, все буровики спали крепким сном. Они физически не могли встать на работу. Тогда впервые засомневался в целесообразности такой погони за планом. В тот же день мной был заказан вертолёт для вывоза вахты. Позже буровики объяснили мне о существовании психологического настроения на время вахты. Пересилить его очень трудно.

Режим работы на вахтах иногда нарушался непредвиденными ситуациями. Помнится просьба бурового мастера В. Бережного вызвать охотников из госпромхоза, дабы оградить от медведя, который повадился в вахтовый посёлок и доставлял немало хлопот. Его, конечно, привлекала еда. Он ежедневно являлся в столовую, которая размещалась в балке. Если медведь заходил через дверь, то выходил в окно с рамой на шее. А если влезал в окно, то выходил вместе с дверью, и в любом случае пообедавши, с полным животом. Районные охотники отмахнулись от нашей просьбы. Решили, что геологи сами справятся с непрошеным гостем. Действительно, буровой мастер оказался находчивым и упростил медведю его походы в столовую. Бадья с едой ему выносилась за околицу, то есть на окраину вахтового поселка. В итоге всем стало удобно.

Медведи нередко создавали подобные проблемы при геологических работах. Учитывая, что это мы вторгались в их жизнь и быт, я не был сторонником радикальных разборок с ними. Во время на-

ших многочисленных встреч всегда удавалось мирно расходиться. За всё время я не застрелил ни одного медведя, хотя поводов для этого было много. С первого года моего пребывания на Камчатке запомнилась информация об отравлении медвежатиной геологической партии где-то на юге Камчатки. Говорили, будто всю партию вывезли с поля. Это крепко засело в голове, и я никогда не рассматривал в поле медвежатину как мясной деликатес.

В моей памяти сохранилось много эпизодов, в том числе и трагических случаев, связанных с медведями. В одной из бригад охота на медведя закончилась гибелью буровика. В погоне за ним на вездеходе один выстрелил, а второй оказался на рубеже огня. И стрелявший, и убитый были друзьями со студенческих лет. Это был несчастный случай. Реального срока осуждения удалось избежать благодаря усилиям первого секретаря райкома. Всё обошлось условными сроками наказания.

В связи с упоминаниями о медведях не могу не рассказать об одном эпизоде, который наблюдал с одним из своих коллег. Мы спустились сплавом на резиновой лодке по реке Авьяваям. Была ночь, но полное небо звезд и полная луна позволяли хорошо ориентироваться на реке. Вблизи ее впадения в бухту Скрытая лежало толстое бревно. На бревне сидела (именно сидела) медвежья семья – соответственно мама, папа и их чадо. Они сидели к нам спиной и смотрели на огни поселка Корф. Расстояние до поселка 300–400 м. На фоне общей тишины выделялась работа дизельной станции. Мы с замиранием сердца несколько минут наблюдали за этой сценой и сделали все, чтобы не нарушить эту идиллию.

Эффективность буровых работ всегда зависит от наличия расходных материалов, запасных частей для агрегатов и механизмов. В этом смысле нам несказанно повезло с соседями. Совсем рядом, на границе с Магаданской областью, работала Северо-Эвенская ГРЭ, которая в больших объёмах вела горные и буровые работы на рудное и россыпное золото. Такое соседство для нас было большой удачей.

Будучи в Магадане, я познакомился с их начальником А. Воробьевым и главным геологом В. Карчавцом. У нас завязались хорошие, дружеские отношения. Снабжение их работ запасными частями,

трубами для станков и т. д. было на порядок лучше нашего. Их производственные склады буквально ломились от дефицитных запасных частей, узлов и агрегатов. О таких складах я мог только мечтать. При такой обеспеченности можно шутя вести производство. Однажды поинтересовался, как удастся организовать такое снабжение? Ведь город Магадан, откуда всё доставляется, не так близок, а морская навигация не намного длиннее нашей. Ответ поразил меня. Оказывается, они организуют зимнюю проводку пароходов с грузами ледоколом. Поблизости подыскали глубокую бухту, куда ледокол заводит пароход, оставляет его для разгрузки, а затем приходит обратно и тем же путем его выводит. Я искренне порадовался за соседей, а в ответ они пожаловались, что устали от круглогодичной навигации. Дело-то действительно хлопотное. Но одно хорошо, на складах есть всё для ритмичной работы. Нам бы их усталость!!!

Я с большой теплотой вспоминаю буровых мастеров В.Бережного, А.Сторчевого, В.Сарапионова, А.Сливчука, А.Мартынова, В.Бобруся, бурильщиков И.Камильянова, А.Плетнева, Г.Аметова, Н.Киреева, А.Сорочука, С.Рязанцева, А.Будылина, бульдозеристов И.Горбунова, В.Полющенкова, промывальщика В.Дерюгина и многих других. Общаясь с некоторыми в интернете, искренне радуюсь успехам бывших работников Пенжинской ГРЭ и огорчаюсь, когда приходят печальные вести.

Совсем недавно позвонил Ирик Камельянов (бывший бурильщик, техрук) и с гордостью сообщил, что назначен начальником нефтяного промысла и только что отправил первую баржу с сырой нефтью из Обской губы (это в Заполярье) в Голландию. Порадовался вместе с ним за его успехи. Наверное, это не очень тактично, но всё-таки озвучу его месячную заработную плату, которая составляет 300 тысяч рублей - фантастическая по российским меркам. Рад, что это хорошая гарантия благополучия его семьи. Думаю, что в его успехах немалую роль сыграла работа в Пенжинской ГРЭ, где хватало самого разнообразного экстрима. Наверное, это помогло ему легко вписаться в заполярные широты.

Обеспечением буровых бригад занималась рейсовая колонна по зимнику. В экспедиции еще со старых времен сохранились опытные

рейсовики Н.Кононов, В.Нагерняк, Н.Козицын. Они не только доставляли необходимые грузы и материалы в буровые бригады, но и помогали переезжать на новые объекты работ.

В год моего назначения начальником Пенжинской ГРЭ буровые работы велись в основном, в Ушканьинско-Кондыревском россыпном узле. Это был объект классических россыпей с богатыми песками и оптимальными торфами, высокими содержаниями, хорошей промывистостью песков, высокопробным золотом. В пределах узла шла добыча золота силами артели «Камчатка».

Геологическую службу в экспедиции возглавлял Генкин Павел Осипович. Это был уже далеко не молодой человек. Он прибыл в составе «чукотского» десанта. Среди своих (прибывших) пользовался непререкаемым авторитетом, являлся кандидатом геолого-минералогических наук. Немного удивило, что у него был заместитель главного геолога. Такая должность в ПГО «Камчатгеология» не практиковалась. Геологическая команда мне понравилась, хотя я не увидел нужного блеска в их глазах. Думаю, что они прибыли с Чукотки с намерением сразу раскрутить в наших краях новые золотоносные россыпи, показать, как их надо искать. Но этого не произошло. Оно и понятно. Всё, что «валялось» под ногами, было давно открыто и находилось в стадии разведки. А вот для нахождения новых объектов требовалось хорошее знание геологии района. Вот с этим были проблемы.

Сдаётся мне, что геологи, прибывшие с Чукотки, слабо представляли себе будущий район работ. Скорее всего, их заворожило слово Камчатка. Они, видимо, думали, что и на севере Камчатки есть какая-то толика той, экзотической, её части. Прибыв на место, многие разочаровались. Они попали в гораздо худшие климатические и бытовые условия, чем были у них на Чукотке. Тем же, кто оказался на юге Камчатки, повезло. После Чукотки они были словно в «Швейцарии». Юг Камчатки, конечно, более благодатный край.

Геологический персонал хорошо знаком с разведкой. Наши местные геологи и техники, наверное, кое-какие нюансы переняли у приезжих, прибывших из классических мест нахождения россыпей. Некоторое время я ожидал от них новых методик поисков россыпей,

неоднократно поднимал этот вопрос перед главным геологом. Но никаких конкретных действий не последовало. Наверное, сказывался солидный возраст главного геолога П. О. Генкина. Весь его производственный и научный запал, видимо, был истрачен на Чукотке.

Вся работа службы главного геолога ограничивалась отслеживанием передвижения буровых станков в бригадах. С базы экспедиции ежедневно давались указания бригадам, куда двигать буровые станки. За этим также зорко следила старший геолог геологического отдела объединения В. А. Лаштабег из Петропавловска-Камчатского. Скажу откровенно, такая опека раздражала. Неужели было не понятно, что, находясь в 1 500 км от места событий, сложно влиять на ход работ? Разведка выявленной россыпи дело не хитрое и не столь сложное. Гораздо труднее её найти. Геологи и техники на местах прекрасно знали методику разведки различных типов россыпей, хорошо были осведомлены о разведочной сети в зависимости от её параметров и не нуждались в многочисленных указаниях извне. Геологи В.Володяев, С.Спивак, Ю.Ивинтаксяв, А.Крутяков, А.Лепшин, Г.Климанов в это время уже были авторами нескольких отчетов по поисковым и разведочным работам, в том числе и с подсчетом запасов. Привнести эффективные методики поисков и прогнозирования россыпей у чукотских геологов не получалось. Я неоднократно пытался расшевелить службу главного геолога, предлагал провести анализ имеющихся материалов по геологии района, попробовать привлечь геоморфологические методы нахождения «ловушек» в долинах различного порядка. Всё оказалось тщетным. Главному геологу не хотелось заниматься этой рутинной работой. Наверное, сказывался солидный возраст Павла Осиповича. Судя по всему, его производственный и научный потенциалы истрачены на Чукотке. Возможно, его отвлекала юная «муза», которую он привёз с Чукотки. Представляется, что именно она оставила экспедицию без главного геолога в самый неподходящий момент, когда предстояла передача запасов объединению «Северовостокзолото» (СВЗ) Генкин покинул Камчатку, перебравшись в южные широты страны.

Так случилось, что на передачу запасов в г. Магадан пришлось вылететь мне. Запомнилась встреча с главным геологом (имени не

помню) СВЗ, весьма экспрессивным человеком с визгливым голосом. Он просмотрел наши материалы и, конечно, выразил недовольство по некоторым объектам. Эксплуатационники всегда хотели заполучить россыпи с высокими содержаниями и минимальными торфами. Их представители вели себя заносчиво. Было такое ощущение, что принимая наши запасы, они оказывали нам неоценимую услугу. Наверное, некоторые из них слабо представляли, какой ценой доставались запасы. Не очень заметной представляется доля геологического труда в передаваемых килограммах и тоннах золота. Геологи, несомненно, получают свою порцию «кайфа» при открытии россыпей, но все лавры конечного продукта достаются добывающим предприятиям. Представляется, что это не очень справедливо.

Непосредственная передача запасов произошла в пос. Карамкен. Запасы принимал главный геолог Карамкенского ГОКа Акиньшин (к сожалению, имя запямятовал). Он был полной противоположностью своему шефу. Спокойный, весьма учтивый и доброжелательный, с тихим голосом, он с первых минут общения вызвал к себе расположение и уважение. Судя по возрасту и разговорам о Колыме, многие годы отдал «Дальстрою». Именно таким запомнился Акиньшин.

Работники «Северовостокзолото», точнее его руководители, оказались не очень дальновидными. Они не прочувствовали грядущие перемены. Их диктат и разборчивость в приёмке объектов в эксплуатацию совсем скоро закончились. Времена изменились. Не стало планов передачи запасов. Надвигались рыночные отношения.

Артель «Камчатка»

Логическим завершением россыпей золота, разведанных геологами, является их добыча. Во времена той, большой страны её вели как государственные предприятия (прииски), так и артели старателей.

Старатели в представлении многих рассматриваются до сих пор как сообщество людей, оснащённых лопатой, киркой и промывочным лотком. Так действительно было, но очень давно. Уже много десятилетий старательские артели представляют собой предприятия с

мощной землеройной техникой и промывочными приборами. Они приносили и продолжают приносить солидную часть добываемого в стране валютного металла. Себестоимость старательского золота при этом всегда была в 3-4 раза ниже, чем при государственной добыче. Это обеспечивалось высокой производительностью труда, рачительным ведением своего хозяйства, высоким уровнем профессионализма, технологической и трудовой дисциплиной. Не всем удалось устроиться на работу в артель. Конкурс был большой, отбор жёсткий. Не все выдерживали испытательный срок и высокий ритм работы. Кроме сугубо добычных работ они занимались большим объемом строительства.

Среди многих, кто был причастен к поискам, разведке и добыче золота всегда были на слуху имена знаменитых, я бы сказал, легендарных председателей артелей. Многим золотодобытчикам хорошо известны артель «Печора» и ее председатель Вадим Туманов, Артель Хазрета Совмена «Полюс». К моему сожалению, мне не посчастливилось лично увидеть и пообщаться с этими корифеями россыпного дела, но я побывал в местах, где они работали, и видел плоды их труда. Будучи в командировке в Интинской ГРЭ (это на приполярном Урале), ездил по дорогам, построенным артелью «Печора». А в поездке на рудник «Советский» проехал по дороге от Северо-Енисейска до Красноярска (более 600 км), которую построила артель «Полюс».

Камчатка долгое время не привлекала внимание золотодобывающих предприятий. Лишь в 60-х годах на юге Камчатки открыли прииск «Каменистый», который просуществовал недолго, но при этом было добыто 4 тонны золота. Добычу вело объединение «Приморзолото». Мне довелось увидеть добываемое там золото у В. Карбивниченко. В те годы он считался в Камчатском геологическом управлении самым продвинутым россыпником. Это были уникальные образцы высокопробного золота. После закрытия прииска, почти два десятилетия, добыча россыпного золота на Камчатке не производилась. Поиски и разведка Ушканьинско-Кондыревских россыпей были в начальной стадии. Правда, было одно исключение.

В конце 60-х годов из «Приморзолото» в Пенжинский район была небольшая артель на ручей Смятый, это в районе мыса Астро-

номического. Здесь при геолого-съёмочных работах выявили россыпь с весьма крупным золотом, но с небольшими запасами. Артель за промывочный сезон намыла порядка 9 кг золота и посчитала запасы практически исчерпанными. Но не все члены артели согласились с таким заключением. Четверо из них на следующий год прибыли на эту россыпь с намерением продолжить добычу, но уже неофициально.

Как выяснилось позже, они намыли 4 кг золота и в конце лета решили завершить сезон. Они побоялись добираться до Петропавловска-Камчатского самолётом и решили отправиться морским путём. В те годы на рейде, а это совсем рядом от ручья Смятого, постоянно находились пароходы, доставляющие грузы для нужд Пенжинского района. Своих плавсредств у старателей не было и они обратились за помощью в Пенжинскую ГРЭ, к главному геологу, которому представились как геологи какого-то геологического института. Наш главный геолог заподозрил, что эти ребята не из геологической «обоймы» и «стукнул» куда следует. Браконьеров подвёл сленг, на котором говорили. Всё-таки он был не совсем геологическим. Особисты отреагировали оперативно. Всё закончилось задержанием и осуждением.

До конца 70-х годов в Пенжинском районе появились разведанные россыпи с запасами достаточно привлекательными, несмотря на их удалённость и дорогую транспортную составляющую. Вырисовались россыпные узлы, среди которых наиболее значительным оказался Ушканьинско-Кондыревский. Здесь общие запасы приближались к пяти тоннам. Где-то там, наверху, прикинули, что запасы стоящие, и для их освоения из «Приморзолота» направили артель с названием «Камчатка». Это случилось в ноябре 1980 года. Её председателем был назначен Орест Михайлович Сычинский.

Вот с этого времени началась и продолжается до сих пор добыча россыпного золота на севере Камчатки, в Пенжинском районе. Вся история артели «Камчатка» тесно связана с геологоразведочными экспедициями (Пенжинской и Северо-Камчатской) ПГО «Камчатгеология». Основной объём разведочных работ выполнила Пенжинская ГРЭ. Именно эта экспедиция готовила запасы для артели «Камчатка». Артель всегда старалась помочь в наших разведочных делах. И это

объяснимо. Они были заинтересованы в положительных результатах нашей работы. Мы, в свою очередь, не оставались в долгу. Вертолёты, обслуживающие наши буровые бригады, попутно забрасывали грузы на добычные участки.

Я не могу понять и объяснить, почему артель «Камчатка» так мало известна жителям полуострова, а её деятельность практически не освещается в прессе. Не думаю, что это справедливо. По сути, эта артель – первое и единственное масштабное горнодобывающее предприятие на Камчатке. Гораздо позже артели появились ЗАО «Корякгеолдобыча» и другие горнодобывающие компании. Более того, артель «Камчатка» работает почти 33 года. Я не уверен, что кому-то из ныне действующих компаний удастся так долго вести добычные работы. Например, хорошо известный Карамкенский ГОК проработал менее двух десятков лет.

За годы работы артель добыла 10 тонн золота, в среднем по 300 кг в год. Совсем неслабый показатель, если учесть, что десяток лет из этого времени пришёлся на лихие 90-е, когда прекратились плановые передачи запасов. В наиболее «фартовые» годы добыча в артели составляла более 700 кг в год, а численность достигала 300 человек. Не очень производительная техника (особенно, на фоне сегодняшней) переворачивала до 6 млн. кубов породы в год. В работе находилось до 7 участков, где работали 14 промывочных приборов. В 80-е годы артель обладала самым большим бульдозерным парком на Камчатке. Те, кто понимают названные цифры, наверняка согласятся со мной, что они впечатляют. В районный и областной бюджеты ежегодно поступали солидные налоговые платежи. Они были весьма ощутимыми в советские годы. Сегодня их размеры в местные бюджеты сократились. Центру не нравится, когда просители «жируют».

Вне всякого сомнения, все достижения артели связаны, прежде всего, с именем его руководителя, Ореста Михайловича Сычинского. Создать коллектив, умеющий решать такие задачи в условиях севера Камчатки не каждому по плечу.

Во второй половине 80-х годов на юге Камчатки стали поговаривать о возможности освоения Агинского золотосеребряного месторождения. Вся «зелёная» когорта Камчатки встала на дыбы. И всё же

разум начал возобладать. Учитывая, что это дело для Камчатки новое, решили добыть большую, как тогда её называли, технологическую пробу объёмом примерно 10 тысяч тонн руды и переработать её на Карамкенском ГОКе в Магаданской области. Это послужило толчком для начала горнодобывающей промышленности в этой части Камчатки.

Отбором и доставкой пробы занималась артель «Камчатка». Тогда её вывели из состава объединения «Приморзолото» и передали под флаг «Северовостокзолото». Доставка пробы к месту переработки оказалась делом не простым. Извлечённую пробу вначале везли в Мильково, где организовали перевалку, а уж затем в Петропавловск-Камчатский, где грузили на пароход. Удачно проведенная операция по добыче и вывозу руды, высокое содержание золота и его извлекаемость, серьёзно приблизили развитие и освоение южно-камчатских золоторудных месторождений.

Рассказ об артели будет неполным, если не отразить многие другие сферы её деятельности. В конце 80-х годов наш председатель райисполкома Б. П. Левчук задумал построить дорогу (это чуть более 50 км) между районным центром - селом Каменское и с. Манилы. Не все восприняли идею положительно. Некоторые даже привлекли «зелёных», дабы те определили объём вреда, который будет нанесен природе от такого строительства. Кто-то посчитал ничемными затраты на его строительство. Их устраивала зимняя дорога по льду, летняя – на лодках и баржах, а также постоянное авиационное сообщение. Билет на самолёт до районного центра стоил тогда 3 рубля – цена, доступная любому жителю. Вопреки этим мнениям решение о её возведении было принято. Б. П. Левчук, конечно, воспользовался услугами артели «Камчатка», имеющей опыт земляных работ и всю необходимую технику, находящуюся в непосредственной близости. Именно поэтому в короткие сроки была построена круглогодичная дорога. Прошло совсем немного времени после её завершения, как грянула перестройка и последующий развал страны. Обрушились все льготы и блага, а дорога осталась. Именно тогда многие поняли, каким мудрым и дальновидным оказалось решение нашего председателя.

Б. П. Левчук, как «хозяин» территории, старался максимально использовать потенциал артели, вовлекая её в различные строитель-

ные программы, направленные во благо жителей Пенжинского района. Надо признать, что руководство артели, понимая, что пенжинская земля является источником их дохода, охотно поддерживало возведение многих строительных объектов. В аэропорту села Каменское построили небольшую гостиницу, о которой долгие годы мечтали пассажиры. В селе Оклан спроектировали и построили административно-бытовой центр, включающий школу, детский сад.

Желание всегда что-то строить, видимо, является характерным для многих артелей. Наверное, этому есть объяснение. Ведь россыпь, после изъятия из неё золота, своё существование, как таковая, прекращает. Думаю, что геологам и старателям от этого становится немного грустно. Другое дело построенные здания, сооружения. Они остаются, как памятники, на долгие годы.

Мне как-то довелось побывать на Черноморском побережье, вблизи города Сочи. В далёкие годы, ещё в советские времена, некоторым артелям, работающим на северах, выдали земельные наделы. Не знаю, как распорядились этой землёй другие, но я стал свидетелем красивого оазиса, построенного артелью «Камчатка». На выделенной земле уже многие годы расположена база отдыха с жилым комплексом, бассейнами и прекрасным садом с растениями, которые не во всех ботанических садах встретишь. В строительство жилого комплекса, убранство комнат и других помещений вложено столько тепла и уюта! База служит для оздоровления работников артели и их семей. Гостями базы неоднократно были дети Корякии, причём проживание и питание оплачивала артель. База не приносит артели прибыли. Она всегда убыточна и содержится за счёт добытого золота на Камчатке.

Нельзя не отметить спонсорскую помощь артели во многих мероприятиях, которые проводились на Камчатке. Благодаря помощи, в том числе и артели «Камчатка», уже более 20-ти лет проводятся гонки на собачьих упряжках «Берингия». Артель одна из первых начала спонсировать этот праздник, который стал украшением Камчатки. Гонка 1991 года по маршруту Эссо-Марково занесена в мировую книгу рекордов Гиннеса, как самая протяжённая (1980 км). Тогда её победителем стал Павел Лазарев из Карагинского района. Гонки на

собачьих упряжках стали международным состязанием. Сотрудничество с организаторами «Берингии» у артели продолжается до сих пор. Её база является местом хранения оборудования и снаряжения этих гонок.

Спонсорская помощь не перестает оказываться даже тогда, когда добычные дела артели сегодня выглядят не совсем благополучно, если не сказать плохо. В посёлке Малки есть небольшая база отдыха артели. Она, как и многие другие сооружения, построена с большой любовью. На её основе уже несколько лет функционирует детская горнолыжная школа, для которой артелью построен подъёмник. Многие ребята из этой школы уже показывают хорошие результаты на спортивных соревнованиях. В планах О. Сычинского есть задумка построить трассу с современными подъемниками. Содержание горнолыжной школы также осуществляется за счёт средств артели.

Наверное, я увлёкся рассказами о спонсорских делах. Но всё-таки расскажу ещё об одном человеке, которого спонсирует О. М. Сычинский. Его фамилия Крошкин, а зовут Алексей. Уже несколько лет артель помогает ему участвовать в международных соревнованиях по японской борьбе. И он не подводит спонсора. Уже дважды стал чемпионом мира, побеждая японцев, основателей и родоначальников этого вида борьбы.

В период лихолетья страну «качнуло» в сторону религии. Постоянными прихожанами в церковь стали руководители страны. Непременным ритуалом окропления стало сопровождаться открытие, как небольших ларьков, так и торговых центров. Без служителей церкви не запускаются нефтепроводы и газопроводные магистрали. На территориях некоторых предприятий появились собственные храмы. В своём подворье состоятельные граждане возводят часовни для удобства общения с Богом. Складывается ощущение, что все погрязли в грехах и торопятся их отмолить. На федеральных магистралях появились большие кресты с надписью «СПАСИ и СОХРАНИ». Что это? Неужели сегодня нас может защитить только Создатель? В богоугодных заведениях увеличилось количество просителей. Просят даже те, у кого всё есть. Наверное, это от жадности. В храмах постоянно звучит слово «Дай». Видимо, всё сказанное выше стало закономерным явлением.

В последние годы появилось много негативной информации, рухнули главные нравственные устои, у многих потерялась вера в будущее. Власть денег затмила все общечеловеческие принципы. Народ оказался абсолютно незащищенным. Возможно, именно поэтому люди потянулись к Богу. Во многих регионах начали возрождать старые и возводить новые православные храмы и мусульманские мечети. Примечательно, что их строительство началось и в северных территориях, где в прошлые годы мало кто вспоминал Создателя. Контингент северных людей, в своей основе, не ведал страха перед божьим судом, его карой, не боялся ни чёрта, ни дьявола. Однако и их достали «крутые» перемены в стране. Жизнь на северах кардинально не изменилась, особенно в небольших населенных пунктах.

На таком, не очень благоприятном, фоне началось строительство первого православного храма Святой живоначальной Троицы в Петропавловске-Камчатском. Объявленный конкурс, в котором участвовало пять организаций, выиграла группа архитекторов артели «Камчатка» во главе с Олегом Лукомским. Эта группа постоянно работает в составе артели и участвует во всех проектных решениях, возводимых зданий и сооружений. При этом хочу подчеркнуть, что главным идеологом проектов является сам председатель артели. Надо признать, он обладает даром архитектора с изящным дизайнерским вкусом. Некоторые базы его участков радуют зрительный нерв и потому способствуют хорошему рабочему настрою. Фундамент здания храма и его цокольная часть выполнены силами артели. Церковь не оставила без внимания работу и пожертвования артели. Её руководителя О. М. Сычинского наградили орденом Святого преподобного Сергия Радонежского.

В 1991 году артель обзавелась пароходом «Карпаты». На мой взгляд, это было хорошим приобретением. Его технические возможности позволяли заходить на необорудованный берег в приливно-отливной зоне. Наличие аппарели (открывающиеся борта) и многотонной крановой стрелы добавили этому пароходу большие преимущества над остальными. Он сразу стал весьма востребованным и его приход всегда ожидается жителями Пенжинского района. Мы не раз использовали его для доставки грузов и техники.

Мои взаимоотношения с руководителем артели не всегда были безоблачными. Однажды случился конфликт, который на некоторое время ухудшил наши взаимоотношения. Не стану расшифровывать его суть, скажу лишь, что он носил сугубо производственный характер. Каждый из нас тогда по-своему отстаивал интересы своих предприятий. Наши эмоции захлёстывали через край. В таких случаях иногда становятся вечными врагами. Но страсти улеглись и я искренне рад, что этого не произошло. Мы не потеряли чувство уважения друг к другу.

С артелью «Камчатка» мы многие годы проработали бок о бок. Это было дружное сообщество. Наши работники за годы общения неплохо освоили старательское дело. Некоторые из них впоследствии оказались в горнодобывающих компаниях, где хорошо зарекомендовали себя. Пожалуй, самым ярким примером тому является Михаил Попович, который много времени занимался разведкой в Пенжинской ГРЭ, а затем волей судьбы оказался в артели «Камчатка». Здесь прошёл хорошую старательскую школу, познав практически все специальности. Думаю, что у О. Сычинского это был лучший ученик, которым можно действительно гордиться. Сегодня он руководит горнодобывающим предприятием на Колыме, где его имя широко известно среди золотодобытчиков. Ниже я более подробно расскажу читателю о М. М. Поповиче. Уверяю, что его путь в организации и добыче россыпей будет интересен многим.

В настоящее время в Пенжинском районе осталось совсем немного легкодобываемых россыпей. Не долгий день, когда их совсем не останется. Недавно мне довелось достаточно подробно ознакомиться с россыпной золотоносностью нашего главного валютного цеха страны – Колымы. На их картах невозможно рассмотреть гидросеть. Так густо закрашены россыпи золота. Россыпи, типа камчатских, уже давно отработаны, и сейчас эксплуатируются россыпи, в основном, глубокозалегающие (погребённые). Добыча некоторых ведётся шахтным способом. Уверен, что потенциал нахождения россыпного золота в Пенжинском районе далеко не раскрыт. Он связан в будущем с погребёнными залежами, значительно более богатыми по содержанию и запасам.

Артель «Чайбуха»

В начале 90-х годов в одной из командировок в Магадан я познакомился с председателем артели «Чайбуха» Иваном Васильевичем Кобзевым. Узнав, что я с Камчатки, он проявил живой интерес к моей личности и пригласил на свою базу в посёлок Карамкен. Я с удовольствием принял приглашение. Интерес к работе старателей у меня был уже много лет. С первых лет моего руководства Пенжинской ГРЭ зрела идея организации разработки наших россыпей. Идея зрела, а конкретных возможностей не было, и не потому, что это сложно воплотить в жизнь, а потому, что законодательство тогда не позволяло государственным геологическим предприятиям вести добычу полезных ископаемых. Наше участие в цепочке «поиски – разведка – добыча» ограничивалось лишь разведочными работами. Это было не очень справедливо по отношению к тем, кто вёл поиски и разведку месторождений, но не имел доступа к логическому завершению геологических исследований – добыче того, что с большим трудом находилось и разведывалось. Со временем эта несправедливость была устранена.

А пока я прибыл на базу артели «Чайбуха». Её хозяин И. В. Кобзев представил меня коллективу и провёл со мной небольшую экскурсию по базе. Это была уютная база со всей необходимой инфраструктурой. Гордостью многих артелей всегда являлись столовая, где работали классные повара, баня, сауна. Всё это присутствовало в лучшем виде и в хозяйстве артели «Чайбуха». Более того, на втором этаже здания конторы располагался хорошо оборудованный для тех времен зубной кабинет, где работал высококвалифицированный стоматолог. Мне предложили удостовериться в его квалификации, но пришлось отказаться из-за лимита времени. По тем временам это была совсем небольшая артель. Её объём добычи тогда составлял чуть более 60 кг в сезон, и из рассказа председателя больших перспектив наращивания добычи не просматривалось.

Хорошее впечатление произвёл коллектив инженерно-технических работников. Бросилось в глаза, что это доброжелательная и единая команда. У многих существует мнение, что председатели артелей

излишне строгие, требуют жёсткой дисциплины и беспрекословного повиновения подчинённых. В большинстве случаев, видимо, так оно и было. Не обходилось и без «самодуров». Поговаривали, что в некоторых артелях запрещали использовать в своей речи ненормативную лексику, которую употреблял руководитель артели. Следует признать, что работники, конечно, побаивались своего председателя и старались его лишний раз не гневить, тем более что от него многое зависит при распределении оплаты за добытый металл. Оплата труда в артели – это главный стимул, поддерживающий дисциплину труда. На рабочем столе И. В. Кобзева я заметил табличку с надписью «председатель Карамкенского райисполкома Кобзев И. В.». Оказалось, что он успел поработать и в этих структурах. Наверное, такой опыт помог ему в дальнейшей работе. Табличку эту он продемонстрировал с гордостью. Как и многие другие председатели артелей И. В. Кобзев вырос с самых низов, то есть прошёл все ступени старательского дела – работал на всех видах применяемой техники и механизмов, причём делал это классно. Именно из таких людей вырастают успешные руководители.

Мой визит на базу артели «Чайбуха» был не случаен. Хотелось взглянуть на Колымскую артель. Скажу откровенно, многим государственным предприятиям в то время следовало поучиться у старателей, особенно в деле организации и производительности труда. В целях снижения затрат они умудрялись находить наиболее рациональные пути решения во всей цепочке производства. Конечно, многое достигалось очень высоким профессионализмом и дисциплиной работников. Посредственных специалистов здесь не держали. Конкурс на работу в артели всегда был высоким. Уверен, что будь в нашей, той большой, стране такое отношение к производству, как в старательских артелях, страна бы выглядела более передовой.

Сам И. Кобзев и его люди с интересом расспрашивали меня о работе на Камчатке, о наших россыпных объектах. Я пригласил Ивана Васильевича посетить Камчатку и, в частности, Пенжинскую ГРЭ, тайно надеясь заинтересовать его артель нашими северными россыпями. Моё предложение было принято, и совсем скоро Иван Васильевич прибыл в наш укромный уголок, т.е. на базу Пенжинской ГРЭ.

Наше гостеприимство тоже было не менее тёплым. Рассмотрели россыпные объекты северной Камчатки, а также возможность совместной работы по добыче россыпного золота. Конечно, перспектива совместной работы не вдохновила Ивана Васильевича. Артели, как правило, не хотят сотрудничать с государственными предприятиями, где многое забюрокрачено. При рассмотрении вопроса работы вместе с экспедицией свою роль сыграла и артель «Камчатка», которая многие годы уже работала на севере Камчатки. Хотя места хватило бы всем. Иван Васильевич, видимо, из этических соображений решил не вступать в россыпные дела Пенжинского района. Наверное, встреча двух председателей артелей – И. Кобзева и О. Сычинского (председателя артели «Камчатка») где-то состоялась. И всё же визит И. Кобзева на Камчатку оказался для него весьма продуктивным. В это время в Олюторском (соседнем) районе были открыты в долинах рек Ледяной и Левтыринвяям россыпи платины, перспективы которых оценивались весьма высоко. Уже по первым поисковым, а впоследствии поисково-разведочным данным стало ясно, что Создатель подарил Корякии два уникальных объекта. Пожалуй, таких россыпей платины в нашей стране ещё не было. И. Кобзев осведомился об этих россыпях и очень заинтересовался этими объектами. Не знаю деталей его вхождения в добычные дела россыпей платины. Со своей стороны отмечу, что восхищён оперативностью, которую проявил И. Кобзев. За короткий срок он со своей артелью поучаствовал в геологоразведочных работах, куда вложил значительные средства. В 1993 году начался приток техники для освоения россыпей, и уже в первый год работы было добыто более 500 кг платины. В последующие годы добыча наращивалась более чем кратно. Как-то при встрече он рассказал мне свою эпопею перегона техники и её доставку на объект работ. Это был действительно сложный перегон на расстояние более 1500 км. Продолжался он около одного месяца. Более всего меня поразило то, что в начале «лихих» 90-х годов И. Кобзеву удалось найти кредит в 12 миллионов долларов, закупить американскую технику и доставить её в страну, стать основным оператором в добыче платины.

Меня до сих пор удивляет, как маленькая артель «Чайбуха» (даже крошечная на фоне многих других артелей Северо-Востока страны)

смогла взяться за освоение богатейших россыпей платины. И не просто взялась, а сделала это на достаточно высоком уровне. Возникает ещё один вопрос: почему такой кредит не смогли получить основные держатели лицензии? Надо признать расторопность и высокие организаторские способности руководителя артели «Чайбуха». Видимо ему удалось ещё на стадии геологоразведочных работ просчитать высокую экономическую выгоду от эксплуатации этих россыпей. К сведению читателей, по состоянию на 2013 год здесь добыто около 60 т платины. Добыча продолжается и в настоящее время.

«Засланный казачок»

В конце 80-х годов явление «гласности» охватило всю страну. За короткое время появилось множество сообществ, публикаций, телевизионных и радиопередач с информацией, которая так долго замалчивалась. Население стало узнавать о том, что ранее хранилось за семью печатями. Не всё преподносилось достоверно. Печатающая, показывающая и передающая «братия» соревновалась в подаче «жареного» материала. Не думаю, что это было для большинства из них абсолютно искренним желанием обозначить и раскрыть многие социальные несправедливости. Надо признать, что именно они более всего возмущали, да и сегодня продолжают возмущать народ.

На гребне «гласности» многие заработали политические очки и впоследствии оказались в новых структурах власти, но со старорежимным складом ума и характера. Вне сомнения, что в это время досталось чиновникам и начальникам различного ранга. Прямо скажем, и те и другие слегка поумерили свой пыл по улучшению своего благосостояния. Выплеснулись наружу многие неблагоприятные поступки и деяния больших и малых начальников.

В годы гласности и перестройки самые бурные события происходили, преимущественно, в больших городах. Мы там, в провинции, на северах, проживая в небольших посёлках, не очень были вовлечены в этот процесс, хотя и у нас кое-что происходило.

Другое дело в Петропавловске-Камчатском, где с появлением муниципального телевизионного канала (МТК) население города ожило. На второй план ушли семейные экономические невзгоды.

Город стал жить ожиданиями очередных разоблачений чиновников и других «жареных» событий. Популярность МТК было запредельной. Надо отдать должное его устроителям, что многое из рассказанного и показанного было полезным и, возможно, действенным. Руководителем этой программы был почти национальным героем с труднопроизносимым именем и фамилией – Айварс Лездиньш. Будучи в командировках в Петропавловске-Камчатском я был свидетелем того, как многие горожане спешили домой к телевизорам, дабы услышать и увидеть очередные разоблачительные эпизоды из жизни столицы Камчатки. Судя по всему, эти зрелища были весьма востребованы. Правда-матка, о которой так долго молчали, лилась сплошным потоком. На вершине этой волны возвышался Айварс. На улицах города он стал узнаваемым и не успевал отвечать на приветствия и рукопожатия поклонников. Словом, стал настоящей местной звездой.

А. Лездиньш на Камчатке появился в 1985 году. Работал социологом в Институте вулканологии ДВО АН СССР, на Камчатской судовой верфи им. В. И. Ленина. Позже стал независимым политическим комментатором на Камчатском телевидении, сотрудничал с московскими газетами и даже создал группу по сбору и анализу политической информации на Дальнем Востоке. В 1993-95 годах был депутатом Государственной Думы РФ первого созыва. Остаётся только удивляться широте и размаху деятельности человека, приехавшему с другого конца большой страны (из Латвии), собирающему политическую информацию. Неужели никто не поинтересовался результатом такого анализа?

Так случилось, что в какое-то время А. Лездиньш, с чьёй-то легкой руки, оказался в геологической «обойме». Это произошло во времена «чукотского» десанта. В ПГО «Камчатгеология» он был принят на должность «социолога». В те годы это была, оказывается, самая «нужная» должность в нашем объединении. Чукотские ребята любили вводить в штатное расписание самых «необходимых» работников. Говорят, что на Чукотке была должность геолога по соцсоревнованию. Согласитесь, крайне необходимая должность в нашей системе! Я не знаю, какие социологические исследования он проводил в экспедициях на юге Камчатки. А вот, в северной её части, в Пенжинской ГРЭ,

он занимался совсем не социологическими проблемами.

Однажды, возвращаясь из командировки, я встречаю Айварса у трапа вертолёта, улетающего в город. Оказывается, он прибыл в экспедицию инкогнито и посетил наши буровые бригады. О цели своей поездки он не смог мне внятно объяснить. Поначалу я не удивился такому скрытному приезду. Посчитал, что именно так собирают материал маститые социологи, но вскоре убедился в том, что поездка совсем не связана с его специальностью. Всего лишь спустя несколько дней раскрылась истинная цель его прилёта в экспедицию. Буровики сказали прямо: он собирал на Вас, то есть на меня, компромат. Не думаю, что это была инициатива генерального директора объединения «Камчатгеология» В. И. Лаштабега. Несмотря на всякие сложности, экспедиция выправила финансовые и производственные показатели. Выполнялся план прироста запасов золота. Появились объекты для передачи в освоение. Реально началось строительство новой базы экспедиции в с. Манилы. Неужели ребята из особого отдела решили ещё раз проверить меня на причастность к какой-то организации, которая якобы собирается строить мечеть в Петропавловске-Камчатском?

На одной из конференций я жёстко высказался о «засланном казачке». Он присутствовал в зале, и внешний вид выдал неприглядность совершённого им поступка. Я не услышал от него возражений, и этим было сказано всё. А. Лездиньш долгое время избегал общения со мной. Однако встреча всё же состоялась. Она произошла в салоне самолёта, летевшего в Москву. Его виноватый вид сказал сам за себя. Думаю, что он понял, каким постыдным орудием оказался у не очень порядочных людей. В это время он уже оставил пост социолога в ПГО «Камчатгеология». Говорят, что В. И. Лаштабег был инициатором его увольнения.

Этот эпизод лишний раз подчёркивает тезис о том, что политика дело грязное. Вроде совсем недавно человек ратовал за демократические принципы, справедливость, идеалы свободы. Но оказалось, что на деле он занимался своими исследованиями с помощью методов из далёких 30-х годов.

Первореченский анархо-синдикалист

Годы горбачёвской гласности и перестройки по всей стране происходили по-разному. Страна большая, неоднородная. Абсолютно не сопоставимыми в развитии оказались многие регионы. Не всем были доступны даже элементарные блага цивилизации – водопровод, электричество, газ. Именно поэтому и мышление народа оказалось на разном уровне. На волне гласности всех обуюла свобода. Желание самовыразиться захлестывало через край. Появилось много различных сообществ, иногда весьма экзотических.

Наш укромный уголок земли Камчатской не остался в стороне. Повторюсь о том, что людей с неординарным мышлением в Пенжинском районе, а конкретно в Первореченске (базе Пенжинской ГРЭ), всегда хватало. В посёлке тогда проживало 400-450 человек. Но именно здесь, а не в многотысячном городе Петропавловске-Камчатском возродилось, казалось бы, давно забытое анархо-синдикалистское движение. В 90-е годы оживилось, как оказалось, мировое анархо-синдикалистское движение, в том числе и в России. Первореченск не мог остаться на обочине такого события. У нас появилась своя секция этого движения, которую возглавил работник нашей экспедиции Юрий Василевский.

Напомню читателям, что во времена царской России таким движением руководил некий Бакунин. Это часть анархистского движения. Анархо-синдикализм (от греческого) – безвластие. Их платформа – отрицание государства и капитализма. Они выступали за социальную революцию.

Остаётся большой загадкой, почему Первореченск был выбран объектом для её реализации? Не думаю, что здесь была самая лучшая «почва» для этого. Однако факт появления организации оказался неоспоримым. Скоро стало ясно, что имеется и устав и программа организации. Несмотря на то, что членов общества оказалось всего несколько человек, они требовали официального к себе отношения. Меня ознакомили с уставом организации, согласно которому начальнику экспедиции предписывалось не издавать никаких приказов и распоряжений без согласования с мнением народа. Всё предлага-

лось решать на общих собраниях. В противном случае призывалось открыто саботировать все указания руководителя.

Лидер анархо-синдикалистского движения Ю. Василевский ничем особенным не выделялся. Он работал в буровой бригаде помощником бурильщика. Его нельзя было назвать общительным, коммуникабельным человеком. Скорее он выглядел скромным, тихим и даже замкнутым. По всему он не очень «тянул» на лидера. Разве что борода придавала некую важность. И в этом «тихом омуте», на фоне лихих перестроечных лет вдруг родился свой, можно сказать, первоначальный «Бакунин». Видать, надоело быть «винтиком» и захотелось реализоваться в какой-нибудь необычной форме. Ему удалось сплотить вокруг себя несколько человек. Но почему его заинтересовала именно бакунинская форма общества, для меня осталось загадкой. Наверное, его подхлестнуло лихолетье тех времён, и он решил, что наши 90-е годы – самое подходящее время для начала перемен. В своей программе, к сожалению, он ничего не смог прибавить к теории Бакунина. Думаю, что не хватило образовательной подготовки.

Ю. Василевский к тому времени учился в институте, на геологическом факультете (заочно). Я искренне приветствовал его учёбу и, более того, предлагал помощь при написании курсовых и других работ. Рассчитывал, что он станет геологом в нашей экспедиции. Однако, защитив диплом, он не захотел стать геологом, его устраивала работа помощника бурильщика. В своей бригаде он никаких лидерских качеств не проявил и считался не очень «рукастым» работником. Кто-то заметил, что мы ему в бригаде доверяем только кувалду.

Идеи анархо-синдикализма, конечно, не прижились у нас. Людей тогда интересовали совсем другие проблемы, связанные с нормальным жильём, бытом. На глазах рушилась страна, а вместе с ней наша отрасль – геология.

Как-то заглянул в интернет, где мелькнула фамилия Василевский, который сегодня активно борется за экологию Камчатки. Подумалось, а не наш ли это Ю.Василевский?

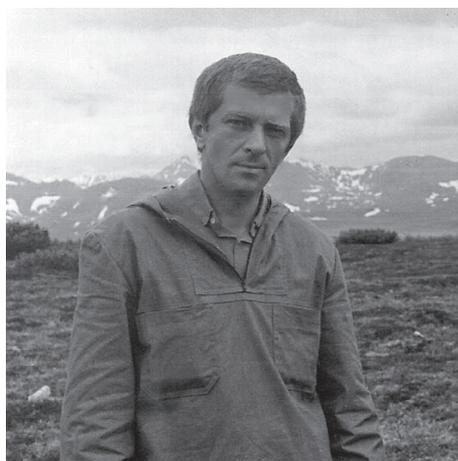
Дефицит кадров

После моего возвращения из Магадана, где происходила передача запасов, стал вопрос о главном геологе. Как уже упоминалось, ранее бывший главный геолог П. О. Генкин покинул Камчатку вместе со своей юной музой. В это время страна (тогда еще большая) увлечённо выбирала на общих собраниях руководителей всех рангов. Эйфория псевдодемократии захлестнула буквально все предприятия страны. Жаль, что на этой волне потеряли многих талантливых управленцев. В каком-то издании промелькнула заметка бывшей «железной леди» Англии М. Тэтчер, где она осудила «русский метод» выбора руководителей предприятий.

Сообразуясь с существующей тогда обстановкой, я собрал геологический персонал и предложил им выбрать главного геолога. Выбрали Вячеслава Володяева. Это была неплохая кандидатура. К тому времени у него имелся достаточный опыт в россыпном деле. К сожалению, он в марте 1989 года уволился по собственному желанию. Ему захотелось на себе проверить новые экономические условия. Он организовал ООО «Вектор-плюс», получил лицензию на отработку золотоносной россыпи реки Кичаваям и с большим упорством, вызывающим только уважение, занимается добычей на этом объекте до сих пор.

Пока мы раздумывали, кого выбрать на эту должность, из города прислали Вениамина Петровича Зайцева. К этому времени он уже много лет занимался золоторудными объектами. Начинал свою деятельность на Камчатке с разведки Сергеевского золотосеребряного месторождения, а впоследствии – Аметистового золоторудного месторождения. О золотоносных россыпях имел слабое представление. Но это не помешало ему относительно быстро разобраться с методикой их разведки. Коллектив геологов доброжелательно воспринял его, как главного геолога, и в какой-то степени помог разобраться с нюансами россыпного золота. Посетив несколько объектов, он познал, как выглядит ударно-канатное бурение, как ведётся опробование и промывка проб.

В это время Пенжинской экспедицией раскручивался Понтонейский узел россыпной золотоносности, где наращивался основной план прироста запасов. Здесь работала, пожалуй, одна из лучших буровых бригад, возглавляемая В. А. Бережным. Помнится, как однажды в бригаду прибыли первый секретарь Пенжинского райкома вместе с генеральным директором В. И. Лаштабегом для

В.Зайцева

вручения красного знамени. Секретарь «толкнул» пламенную речь. Через месяц секретарь позвонил в ГРЭ и справился о делах – так бывало нередко. Я ему и скажи, что ту же бригаду Министерство наградило Почётной грамотой за очередные заслуги. Реакция секретаря была мгновенной: «Вот что значит, во время поднять дух у бригады!». Это он о своей пламенной речи.

С приходом В. П. Зайцева работа геологической службы значительно улучшилась. Уровень составления отчётов у геологов экспедиции был не высок. Об этом не раз отмечалось в рецензиях. Зачастую спасало то, что рецензируемый объект либо находился в стадии разработки, либо вообще был отработан золотодобытчиками, и вносить какие-то исправления в отчёт не имело особого смысла. Согласитесь, никто в «Камчатгеологии» не мог привести такой аргументированный довод для того, чтобы не корректировать отчёт после его защиты. Уверен, что В. П. Зайцев, принимая ежедневные сводки из буровых бригад о пробах с золотом в миллиграммах и граммах, параметрах россыпи, в тот же день подсчитывал запасы и получал, как и я, несказанное удовлетворение. Скажу откровенно, такое ощущать удавалось не всем геологам Камчатки. На разведке россыпей не надо было месяцами ждать анализов по содержанию полезного компонента, как, например, на рудных объектах. Они осуществлялись прямо на буровой, у промывочного прибора. Когда входили в контур россыпи,

всю бригаду охватывала та самая «золотая лихорадка», о которой так много написано.

Высокая текучесть кадров выбивала из нормального ритма работы, не позволяла строить долгосрочные планы развития геолого-разведочных работ. Признаюсь, что любое увольнение из экспедиции воспринимал болезненно. Наверное, это характерно для всех руководителей. Всякий раз чувствовал свою вину за то, что не смог создать нормальные условия для работника. Причинами увольнения чаще всего были не столько трудные климатические условия, сколько отсутствие элементарных бытовых удобств (водопровода, канализации). Пожалуй, наиболее существенным недостатком считалось отсутствие в посёлке средней школы. Доставка детей в село Манилы (около 9 км) на вездеходе, на вахтовом автомобиле было большим неудобством. Случалось, что во время пурги водители сбивались с дороги. Приходилось организовывать поиски. Некоторые дети, общаясь сегодня со мной в интернете, с восхищением вспоминают эти поездки. Им тогда было невдомёк, что переживали их родители.

Увольнения работников я не мог осуждать, хотя некоторые из них оставили неприятный осадок. Таковым оказалось увольнение А. А. Смышляева. Его приём для выбора причины увольнения оказался неэтичным, я бы даже сказал, запрещённым. В один из первых дней моего пребывания на посту начальника ГРЭ его жена Татьяна уведомила меня о тяжёлой болезни мужа и попросила дать перевод в Петропавловск-Камчатский, где он сможет поправить свое здоровье. Было бы безнравственно после таких слов не отпустить человека с миром. Приехав вскоре в командировку в объединение, я понял, каким блефом оказались её слова. А. Смышляев в полном здравии служил диспетчером в одном из отделов «Камчатгеологии». С одной стороны я обрадовался его скорому «выздоровлению», а с другой почувствовал себя обманутым. Со временем я не стал сожалеть о потере псевдобольного. Выяснилось, что он был далёк от сугубо геологических дел и не представлял никакой ценности как специалист.

А. Смышляев прибыл на Камчатку в 1983 году. Совсем немного проработал в Пенжинской ГРЭ, затем диспетчером в ПГО «Камчатгеология». Для познания «посконной» соли камчатской геологии, конеч-

но, маловато. За время работы на Камчатке в его рюкзаке был лишь один эпизод полевой жизни и тот неудачный. В 1989 году А. Смышляев совсем ушёл из геологии, занялся журналистикой и даже стал писателем.

Его стремление перебраться в город – вполне объяснимо. Возможности реализовать себя там гораздо шире. Наверно, это было правильным решением. При встречах он, конечно, ностальгирует по северу Камчатки и постоянно объясняется ему в любви. Так происходит часто, когда люди уезжают в Петропавловск-Камчатский с побережья. Вне всяких сомнений, любить бывшие пенаты из города комфортнее.

Совсем недавно мне на глаза попалась книга А. Смышляева с оригинальным названием «Камчатка и ещё дальше...», где он рассказывает, как приживался на Камчатке. Не могу не высказаться по поводу некоторых размышлений автора. Книга издана в 2012 году, а события, описанные там, относятся к середине 80-х годов. Напоминаю читателю, что это было время, когда геологией Камчатки стали руководить люди из так называемого «чукотского десанта». Нашего генерального директора Р. А. Ремизова отстранили от работы, на смену ему пришёл В. И. Лаштабег, который ранее работал на Чукотке. Конечно, прибыл он со своей командой – это логично. Постов тогда лишились многие ключевые руководители – это тоже вполне объяснимо. А вот методы, которыми всё было сделано, весьма нелицеприятны. Совсем скоро В. И. Лаштабег начал осознавать свои ошибки и даже пытался вернуть некоторых, снятых им, руководителей.

И вот теперь, спустя много лет, А. Смышляев в своей книге пытается рассказать читателю, каким благом для камчатской геологии было явление «чукотского десанта». Остаётся только поражаться тому, как долго и как много желчи носил в себе бывший работник ПГО «Камчатгеология». Приведу лишь несколько тезисов из его книги о временах смены руководства: «А для камчатцев он (В. И. Лаштабег) явился как гроза, как карающий меч местных, неумелых, неразворотливых руководителей партий и экспедиций, как предвестник значительных перемен в методах и, главное, темпах геологоразведочных работ». Заметьте, какой пафосный и напыщенный слог у профессионального

писателя. Особенно удалось выражение – «карающий меч». Пожалуй, это самое «интеллектуальное» и «высокохудожественное» изречение автора в его творениях. Автор, по-моему, совсем не ведал, о чём писал. Он не мог не знать, что именно те «неумелые, неразворотливые» руководители к тому времени уже создали достаточно мощную минерально-сырьевую базы Камчатки. На основе этой базы сегодня работают многие горнодобывающие предприятия. А вот команда «чукотских людей» за 10 лет ничего не прибавила в минерально-сырьевую копилку. Как же человек, совсем немного пребывавший в геологической отрасли Камчатки, позволил себе вот так безрассудно судить о тех, кто нашёл, разведвал многочисленные месторождения и всю жизнь посвятили этому краю? Эти непозволительные высказывания можно расценить как вызов геологическому сообществу Камчатки.

Досталось в книге и рабочему классу. А. Смышляев пишет: «Мужички (работники его отряда) здесь старые, битые, боятся чахотку заработать, да и вообще привыкли к тому, что им за одно присутствие на севере платят большие денежки, за их геройство жизни здесь, поэтому не хотят работать.... Нет, с этим надо решительно бороться, завтра же проведу большой разговор. Боятся чахотки – пусть ищут места тёплые». Очень «дельный» совет. Цитирую далее: «Не зря мне Юра Офицеров (сокурсник по учебе в техникуме, инженер по технике безопасности ПГО «Камчатгеология») как-то говорил, что проходчиков в партии надо постоянно менять, нельзя долго держать одних и тех же, иначе они начинают искать лёгкие пути. И это так». Этот тезис для меня остался неразгаданным. Встаёт вопрос: кто же тогда разведвал все известные месторождения Камчатки? После таких злобных рассуждений о своих рабочих, остаётся только предполагать, каков был климат в его немногочисленном отряде. Очевидно, что А. Смышляев не пришёлся ко двору в своём отряде. Совсем не зря он сетует, что чувствует себя не в своей тарелке, а душа мается, не находя покоя в работе. Его постоянно мучает вопрос – приживётся ли он здесь?

Совсем скоро он всё-таки покинул Камчатку и отправился в любимую Сибирь. Но, как выяснилось, пока он покорял Камчатку, в Сибири произошли изменения: «Уже в январе-феврале 1985 года я начал задумываться: А чем же здесь лучше, чем было у меня на Кичиваяме

в Пенжинском партии? Та же самая бестолковщина, нехватка всего и вся, пьянь и ругань... И на меня напала тоска. Я остро захотел на Камчатку». Скорее всего, А.Смышляева в любимой Сибири никто не ждал.

Второе пришествие на Камчатку произошло без приглашения, добровольно. Оно мало отличалось от первого. Его стопы привели снова в Первореченск. Свою нишу в геологии А. Смышляев так и не нашёл. На севере Камчатки он совсем немного «постоял» около геологии. Именно постоял, так как поработать в сугубо геологических делах не смог. Этим и завершился его туристический экстрим в самом укромном уголке земли камчатской. Жаль, что много времени из своего короткого пребывания было потрачено им на нытье о плохом снабжении его отряда, бесцельном сидении и бестолковых ожиданиях, о недостаточном внимании к своей особе. Абсолютно уверен, что работая в 15-20 км от районного центра, куда его проходчики постоянно ходили на лыжах «погулять», многие производственные вопросы, при инициативе начальника отряда, могли элементарно разрешиться. На моей памяти это был единственный начальник отряда, который не смог организовать работу небольшого (5-7 человек) отряда. Более того, он бросил его на произвол судьбы в разгар зимы. Непредвиденной ситуации удалось избежать благодаря тому, что рабочие отряда были опытными зимовщиками. С некоторыми из них мне доводилось зимовать. Такие могли выжить даже на голой льдине. А у этого поступка, когда бросают отряд на произвол судьбы, конечно, есть свое название....

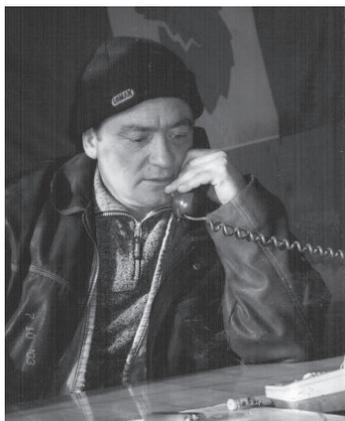
Ничего не удалось свершить в это время, как пишет А.Смышляев, на творческом поприще. Не увидела свет его повесть, которую всё это время он мучительно вынашивал.

Сегодня имя А. Смышляева на слуху у части населения Камчатки. Наверное, огорчу некоторых его поклонников тем, что у их кумира нет никаких заслуг в открытии месторождений на Камчатке. Налицо симптом «бронзовеющего» писателя, который перешёл границу вседозволенности в суждениях об истории камчатской геологии.

Желающих приехать на Камчатку любым путем всегда хватало. Некоторые не брезговали заведомо ложными намерениями устроиться на работу. Неприятный осадок оставил Николай Вешняков,

который так просился с «материка» на работу в Пенезинскую ГРЭ, а получив вызов, оказался в геологосъемочной экспедиции на юге Камчатки.

Председателем сельского совета в посёлке был некий Крайников. Вроде, крепкий мужик с молодой женой, с приличной заработной платой, но и он, как оказалось, долгое время добивался перевода куда-нибудь в другой посёлок. Вскоре убедил районное руководство, что на него отрицательно действуют приливы Пенжинской губы. Это оказалось «весомым» аргументом, и ему нашли более «тёплое» место. Этим приёмом воспользовался не только он. Влияние приливов ощущали все, кто хотел «слинять» из Пенжинского района. Конечно, никакого влияния приливы и отливы на здоровье населения не имели.

С отъездом Крайникова возникла проблема с председателем сельского совета. Посёлок не мог жить без власти советов. Ежедневно требовались разнообразные справки, свидетельства и т. д. Из района в нашу «резервацию» не торопились. Пришлось искать на месте. Мой выбор пал на водителя вездехода ГТТ Олега Васильевича Кошевого. Это был молодой энергичный парень, прошедший армейскую школу. Заметил, что он пользуется авторитетом среди рабочих и производит впечатление честного и порядочного человека. Через 2-3 дня уговорил его взяться за эту работу. Обещал всяческую поддержку. Жаль было терять классного вездеходчика, но сельскому совету нужен был глава. Забегая вперед, скажу, что мой выбор был удачным. Он неплохо справился с обязанностями председателя совета в Первореченске, а впоследствии возглавил сельский совет в селе Манилы, стал депутатом Корякского округа и всюду преуспел. Это был настоящий защитник интересов жителей и Первореченска, и села Манилы. Жаль, что 1 сентября 2006 года он трагически погиб на рейде, у острова Аппапэль. Вечная ему память. На фото Олег Кошевой.

Художник Бешенов

Во времена СССР коммунистическая партия не навязчиво, но в тоже время с определённым давлением, требовала от руководителей предприятий наглядной агитации. Она включала в себя лозунги и призывы к добросовестному труду, перевыполнению планов пятiletки, к прославлению партии и правительства. Даже призывали что-то сделать сверх нормы за «того парня». Накануне больших праздников (1 мая, 9 мая, 7 ноября) красочное оформление зданий считалось обязательным и тщательно контролировалось партийными органами. Всех, кто въезжал в Первореченск, встречал большой лозунг «Первореченск – посёлок трезвости». Так пытались бороться с главной болезнью северов.

Работы по оформлению были непростыми и затратными. Не всегда находились люди, умеющие это делать, поэтому многие организации содержали художников-оформителей. Пенжинской ГРЭ повезло – у нас работал Николай Бешенов,

«Последний борт»

выпускник Строгановского художественного училища. Кроме многочисленных лозунгов и плакатов он создал серию картин, отражающих жизнь и быт работников экспедиции, портреты буровиков. Сожалею, что не могу продемонстрировать их. Думаю, что многие из этих картин украшают стены бывших работников ГРЭ в разных частях страны. Посчастливилось и мне. В один из новогодних праздников художник подарил мне картину «Последний борт» (фото). Немного жаль, что свой талант Николай расходовал на наглядную агитацию, а ведь мог бы реализоваться в более высоких сферах.

Конечно, наглядная агитация играла, в какой-то мере, свою положительную роль. Многие люди действительно стремились работать лучше, сделать больше. В тоже время те, кто работал на сдельной оплате труда, не очень нуждались в агитации. Они постоянно стремились сделать больше, качественно, и главным стимулом для них была высокая заработная плата.

Сокращённый рабочий день

Я уже не раз отмечал, как сложна и трудна доля женщин на северах, особенно тех, кто растит там детей. По приезду в Первореченск в новом качестве, это особенно бросилось в глаза. В Корфе, откуда я прибыл, многих проблем, имеющих здесь, не было. Вопросы быта оказались самыми острыми. Скажу откровенно, очень хотелось как-то облегчить жизнь, прежде всего женщинам.

На одном из общих собраний я пообещал сократить рабочий день женщин на 2 часа, не ущемляя заработную плату. Я понимал, что это противозаконно, и меня могут серьезно наказать. Это был устный договор, в котором было одно «но». Сокращение рабочего дня не должно было влиять на ритмичную работу экспедиции. По сути, предлагалось работать интенсивнее, с большей отдачей. Наверное, это было правильным решением. Женщины стали больше внимания уделять детям, их подготовке к школе. Думаю, что это почувствовала и мужская половина семейства. Непросто накормить семью, когда для этого нужно растопить печь дровами и углём, нагреть дом, обстирать и т.д. Особенно сложно приходилось зимой. Хорошо помню, что в сильную пургу для отопления комнаты в доме требовалось 8-10 вёдер угля. А ведь его надо было добыть в угольнике, где он прочно скован морозом. А каково было женщинам, у кого мужа находились в поле или вообще не имели мужского плеча?

О дотации

А теперь позволю себе поговорить о дотационности Камчатки и конкретно Пенжинского района. В течение многих лет (и особенно в постперестроечные годы) постоянно подчеркивалась дотационность всей Камчатки и в том числе Корякского автономного округа (КАО). Из столицы всегда напоминали об ущербности нашего региона, об отсутствии здесь производства, которое бы пополняло бюджет. При этом совсем не упоминали об извлечённых биоресурсах, поставках оленьего мяса, добыче минерального сырья. Согласен, что их, наверное, не хватало для покрытия всех затрат, хотя с этим тезисом можно поспорить.

На мой взгляд, немаловажным для страны являлось даже само присутствие людей на территории Камчатки. Мы, вроде как сторожим наши восточные рубежи, (т.е. одновременно работаем сторожами). Наверное, это не подлежит какой-либо оценке. Я не хочу, да и не могу дать анализ экономической ситуации Камчатки, но попробую поспорить с теми, кто считал нас эдакими «захребетниками» на фоне страны.

Мои рассуждения касаются только северной части Камчатки, а точнее её Пенжинского района. Именно этот район я хочу защитить от постыдного названия. Для информации: здесь даже в самые лучшие годы проживало не более 6 000 человек. Производителями реального продукта считались четыре оленеводческих совхоза. Все они были дотационными. Надо признать, что значительная часть дотационных средств покрывалась продажей оленьего мяса, и это была весомая доля. Общее оленье стадо составляло около 100 000 голов. На шельфе, прилегающем к району, добывались биоресурсы. Объёмы их и стоимость добытой продукции не очень афишировали. Остается только догадываться, что она была не малой.

С 1980 года на территории района ведётся добыча россыпного золота (артель «Камчатка»). По состоянию на сегодня добыто более 10 тонн. Годовая добыча достигала более 700 кг, составляя в среднем 300 кг в год. Не так уж и мало для крошечного района. В некоторых источниках советских времен приводились данные о том, что на оплату продовольственных, промышленных и других товаров, поступающих из-за рубежа, уходило 200-250 тонн золота (в те годы Советский Союз добывал 400-450 тонн валютного металла). Исходя из приведённых цифр, небольшую часть года большая страна кормилась и за счёт золота, добытого в Пенжинском районе. Я хочу подчеркнуть, что это единственный район Камчатки, который поставлял не только биоресурсы, но добывал и продолжает добывать валютный металл уже более 33 лет.

Надеюсь, что со временем кто-то произведёт соответствующие расчёты и подтвердит мои предположения о том, что Пенжинский район в отличие от остальной Камчатки совсем не дотационный.

Чрезвычайные происшествия

Так случилось, что в первый год моего пребывания на посту начальника ГРЭ произошла серия пожаров, огнестрелов. А буквально перед моим вступлением в должность в одной из буровых бригад повар ударом ножа убил геолога. Мне пришлось объяснять родителям, прибывшим из Москвы, как такое могло случиться. Чрезвычайных происшествий одно время в ГРЭ накопилось так много, что меня однажды пригласили в районный центр, где надзирающие органы серьёзно предупредили о возможности возбуждения против меня уголовного дела. Сказали открытым текстом: «Еще одно ЧП и мы тебя закроем», то есть посадим в тюрьму. Я дал клятву, что прекращу поджоги и стрельбу. Пошутил, конечно. Я понял, что очень порчу статистику по ЧП в районе. Не знаю почему, но пожары прекратились. Большая часть ЧП происходили в круглогодичных партиях. Не у всех выдерживали нервы на длительных зимовках.

Оказаться закрытым, то есть быть посаженным, у меня была возможность не раз. И всякий раз Бог миловал. Сегодня, когда минуло много лет, уже можно рассказать об эпизоде со стрельбой в одной из моих партий. Наша зимовка проходила в бассейне реки Тылхой, где вели канавные и шурфовочные работы по оценке россыпной золотоносности. Раз в месяц, под закрытие нарядов, прилетал самолёт (у нас была зимняя площадка для самолетов АН-2) либо вертолёт с так называемым праздничным грузом – кое-какими продуктовыми изысками, среди которых самыми желанными были алкогольные напитки. После одного из таких рейсов состоялось традиционное застолье. Всё проходило, как обычно, штатно. На следующее утро все поправили свое здоровье (попросту, опохмелились). Погода стояла солнечная, безветренная, было не очень холодно, не ниже 40 градусов. Ничто не предвещало ЧП. Я встал на лыжи и решил присмотреть место новой базы для летних геолого-съёмочных работ. Она предполагалась примерно в 15 км от места зимовки. Возвращаясь обратно, ещё издали почувствовал что-то неладное на базе. Вскоре стало ясно, что у нас большая проблема. Завхоз-радист без всяких причин выстрелил в себя из мелкокалиберной винтовки, не подпуская к себе

никого и не давал осмотреть рану. Пришлось применить силу. В районе живота оказались две раны. По их расположению стало ясно, что наш стрелок оттянул шкуру на животе и прострелил её. На вопрос, зачем он это сделал, последовал ответ, что хотел лично убедиться, правда ли, что солдатам на войне было больно от полученных ранений. Зимовщики просили моего разрешения разобраться с ним. Наш псевдо фронтовик понял, что это будет гораздо больнее, чем пулевое ранение, поэтому предупредил, что если мы его поколотим, то будем долго объяснять следователю, как пытались лишить его жизни. Такой оборот событий охладил пыл желающих его проучить. Все понимали, что нормальная зимовка закончилась. В ближайшее время прибудет соответствующая комиссия со всеми полномочиями. Я реально ощутил возможность познакомиться с казённым домом. Лишь чудом удалось избежать огласки этого инцидента, который мог кардинально изменить мою биографию. После долгих уговоров «стрелок» согласился уволиться по собственному желанию. Его рана оказалась пустяковой и через пару дней затянулась. Это был единственный новичок среди всех зимовщиков.

Отношение к оружию, особенно у кадровых рабочих, было строгим, тем более на зимовках. На моих глазах разбили не одно ружье или карабин только за то, что кто-то пытался взяться за оружие. От таких работников старались избавляться. В моей геологической жизни во всех партиях и отрядах были надёжные рабочие и ИТР. Я благодарен судьбе, что именно такие работники сопровождали меня многие годы.

Радиоактивное облако

Для многих северян выражение «июнь ещё не лето, июль уже не лето» воспринимается, как данность, обычное рядовое явление. Абсолютно уместна эта фраза для Пенжинского района Камчатки. В первой половине июня здесь во многих местах ещё лежит снег, а в конце июля можно наблюдать снегопад в районе Ичигемского хребта. И всё-таки лето присутствует даже на севере Корякии. Оно короткое. С наступлением тепла всё живое растёт быстро и, я бы сказал, бурно. Буквально за несколько дней тундра приобретает зелёную окраску.

Этому способствует практически круглосуточное солнце. Хочу отметить, что нигде нет таких глубоких и насыщенных зеленых тонов, как в Корякии, даже в самых южных широтах зелень не такая яркая.

Наш микрорайон «Геолог» был расположен на окраине села Манилы, в его северо-западной части. Примерно в 150 метрах от наших домов начинался небольшой флористический заповедник. Действительно, здесь на небольшой площади (500x500 м) сконцентрировалась почти вся существующая флора Корякии. Разнообразные цветы росли как среди кочек, так и среди коренных выходов неогеновых базальтов с шаровой и подушечной отдельностями. В последнем случае они напоминали рокарий. И хотя говорят, что северные цветы не пахнут, в воздухе все же витал коктейль из разноцветья.

История, о которой я собираюсь рассказать, произошла в самый разгар нашего короткого лета, где-то на перепутье июня и июля. Это был один из редких дней, когда ласковое солнце, прозрачный тёплый воздух, щебетанье птиц, отсутствие комаров – всё слилось воедино. Во всех домах были распахнуты окна, что было весьма нехарактерным для села Манилы. Народ находился в умиротворенном состоянии. Кто-то сказал, что такие дни надо объявлять выходными, и я с ним тогда был согласен. И вот на фоне этого благоденствия у меня в кабинете раздаётся телефонный звонок. Звонят явно по межгороду. В те времена телефонные звонки по межгороду были своеобразными. Не сразу разобрался, кто говорит. Наконец стало ясно, что это главный геолог тематической экспедиции М. М. Лебедев. Дикция Михаила Михайловича была далеко не «левитановская», а если учесть, что он говорил тихим и, как показалось, заговорщицким голосом, то долго не мог понять, о чём идет речь. А вот, когда разобрал его слова, то впервые почувствовал, как приподнялись остатки моих волос на голове. Он сообщил о том, что со стороны Билибинской атомной станции на нас движется радиоактивное облако. Сказал и положил трубку. Надо понимать, что на АЭС произошел выброс. Связь с городом в те времена была хуже отвратительной, и переспросить о деталях я не смог.

М. М. Лебедев не мог вот так просто «приколоться». За все время моего знакомства я видел его улыбающимся два раза. Он всегда

выглядел серьезным, задумчивым, грустным человеком с тихим голосом. Такие обычно не шуткуют. Полученная информация тут же вывела меня из томного настроения и перевела в состояние, близкое к шоковому. Сразу возник вопрос: «Что делать? Позвонить в Билибино?». Вряд ли я получу оттуда достоверный ответ. Все помнят о том, как долго не признавались о взрыве на Чернобыльской АЭС. Что мог дать звонок в Билибино? Ведь облако уже в пути. Надо что-то предпринять. Первое, что пришло в голову – это закрыть окно. Никогда в голове не было так тесно от крутящихся мыслей. Но ни одна из них не давала ответа на вопрос: «Что делать? Как быть?». Вспомнил, что Билибинская АЭС действительно находится по розе ветров по отношению к селу Манилы. Припомнились слова нового начальника Северо-Камчатской ГРЭ В. И. Кисиля (он совсем недавно прибыл из тех краёв) о том, что АЭС время от времени «попыхивает», т.е. происходят небольшие радиоактивные выбросы. Вспомнились слухи и легенды о родившихся оленях-мутантах с двумя головами и пятью ногами в стадах совхозов Аянки и Слаутного, которые расположены много ближе к АЭС, чем Манилы.

Вспомнились и радиоактивные аномалии, зафиксированные при радиометрических исследованиях во время геолого-съёмочных работ. Тогда эти точечные аномалии связывались с ягелем. Он хороший сорбент для радиоактивных элементов. Всё это, вместе взятое, крутилось в голове, и движение облака в нашу сторону представлялось очень даже правдоподобным. Довести информацию до властей не решился, побоялся паники. А вдруг облако уже на подходе и только я знаю об этом? И как же быть? Очень хотелось замерить радиоактивный фон, но в экспедиции не было радиометров.

Для начала позвонил в районный центр, в отдел гражданской обороны и между делом поинтересовался, нет ли у них дозиметров. Там, конечно, их не оказалось. Позвонил директорам совхозов сёл Аянки и Слаутного. Они первыми должны встретить облако. Директора и жители этих сёл также пребывали в блаженном состоянии. Всюду была прекрасная погода.

А я продолжаю сидеть в кабинете со своей страшной информацией, и моё состояние приближается к паническому. Хотелось крикнуть,

что к нам приближается страшная беда и всем необходимо укрыться. Странно и то, что нет никакой другой информации о поведении этого облака. Неужели Чернобыльские события ничему не научили, задал я себе вопрос? И тут же отвечал самому себе: наши власти запросто могут наступать на одни и те же грабли не один раз. Следовательно, в данной ситуации надо полагаться только на себя. Срочно нужен дозиметр или радиометр.

Звоню на базу Северо-Камчатской ГРЭ, моему бывшему старшему геологу Б. Н. Вишневецкому которому тоже не раскрываю свою «тайну», а прошу первой оказией отправить мне два радиометра. Он отреагировал оперативно, без лишних вопросов. Через 2-3 часа мне позвонил диспетчер аэропорта Манилы и сказал, что через несколько минут садится самолёт АН-2, где для меня есть 2 места. Это было большим везением. Пилоты уважительно относились к геологам и нередко выручали нас. Получив радиометры, я замерил фон. Он составил 10-12 мкр/час. Это был нормальный фон. Немного успокоился.

День был почти безветренным. Следовательно, облако движется медленно, рассуждал я про себя, да и расстояние от Билибино не малое (более 600 км). Принял решение вести постоянное наблюдение по территории с. Манилы. Пригласил геолога, техника и поручил вести круглосуточное наблюдение. Они не очень поняли зачем, но приказ выполнили. Более суток велись замеры. Радиоактивный фон оставался нормальным. На вторые сутки замеры прекратили. Осталось не выясненным, куда делось облако? Возможно, его ветрами снесло восточнее, в бассейн Тихоокеанского побережья.

В суете той работы я так и не выяснил у Михаила Михайловича, откуда поступила информация о радиоактивном облаке. До сих пор не могу ответить самому себе: «А если бы всё развивалось по самому худшему сценарию? Что тогда?».

С повышенным радиационным фоном я впервые столкнулся в 1962 году на Полярном Урале, где проходил практику. В те годы на полигоне острова Новая Земля проводились испытания атомных бомб, и мы нередко фиксировали в маршрутах своими радиометрами повышенный, а иногда и высокий радиоактивный фон, особенно, когда дули северные ветра. Об этих испытаниях нам поведали солдаты, с

которыми мы осенью возвращались с полей на поезде Воркута-Москва. Многие из этих ребят успели хватануть приличные дозы радиации.

Вблизи от нашего района работ находились несколько аномальных участков с урансодержащими минералами. Говорили, что в горных выработках там получали большие дозы облучения. Всё-таки удивительный у нас народ! Проходчики понимали, что это опасная работа. Многим казалось, что самое плохое их обязательно минует. Удивляла и позиция тех, кто направлял их на эти работы. План и решение геологических задач любой ценой был главным тезисом в стране. И судя по последствиям, цена была высокой.

У меня на памяти есть другой пример головотяпства, когда в Аметистой партии, проводившей разведку одноименного месторождения, в геофизическом отряде, работающим с радиоактивными источниками, распылили на базе партии 120 мг радиоактивного тулия. О факте аварии никто не подозревал несколько дней. О нём узнали случайно при гамма-профилировании горных выработок. Радиометр зашкаливал на всех диапазонах. Посчитали тогда, что он вышел из строя и его отправили на базу Северо-Камчатской ГРЭ, в пос. Корф для ремонта инженеру по массовым поискам А. С. Амелину. Он то и установил, что радиометр облучен. После этого стало ясно, что база Аметистой ГРП местами имеет аномально высокую радиацию. Это доставило немало хлопот. Потребовалась дезактивация территории базы. Два техника-геофизика получили большие дозы облучения и некоторое время находились на лечении. Дезактивация понадобилась и для лаборатории, куда привезли облученный радиометр. Всё обошлось малой кровью. «Повезло» с радиоактивным источником. Его период полураспада составляет чуть более 120 дней.

Навигация на Пенжине

Каждый год с приходом весны весь Пенжинский район оживал после долгой зимы. В Первореченске по этому поводу был свой критерий. «Как растаяли помойки – значит, к нам пришла весна». Эта первореченская застольная песня чётко отражала её приход. Ещё

более доказательным считался специфический аромат, стоявший над поселком. Население постепенно выходило из зимней спячки. В это время много солнца, и оно не заходит круглые сутки. Начинается самая активная фаза года. Уверяю, что такого прозрачного воздуха нет ни в одном из районов Камчатки. Даже в соседнем Олюторском районе воздух не такой прозрачный. Зима завершается пургой 9-10 мая и это многолетняя традиция. Столь же традиционно следуют гусиная охота, лов корюшки, заготовка дров на пляже Пенжинской губы и проводы в поля.

Но самое главное в это время – ожидание пароходов с продовольственными и другими товарами. Система в те годы работала четко. 1-2 июня первые пароходы стояли на рейде, это в 17 км от посёлка, вблизи острова Аппапэль. Именно там находились две ямы для постановки пароходов-пятитысячников. Такой класс судов многие годы доставлял все грузы для нашего района. «Вражий» голос (р/ст «Голос Америки») не забывал о своих обязанностях и непременно объявлял по радио, что навигация в бассейне Охотского моря началась. Они же торжественно уведомляли о приходе «пьяного» парохода. Он приходил всегда первым. Опустевшие склады рыбокооп быстро заполнялись товарами. Объём завозимых грузов приближался к 100 000 тонн. Переработать его в условиях приливно-отливной зоны не так просто. Напоминаю читателю, что по высоте приливов Пенжинская губа является второй в мире, их высота составляет 14 метров (более высокие – до 18,6 м наблюдаются только в заливе Фанди, что на севере Канады). Это явление поражает всех, кто впервые приезжал в наши края. Пенжинцы где-то внутри гордились этим явлением, хотя оно доставляло много неудобств и даже иногда приводило к трагическим исходам. В тоже время по приливу со стороны открытого моря можно быстро добраться до Первореченска и Манил.

Наверное, следует упомянуть о том, что 16 марта 1957 года было издано постановление ЦК КПСС и Совмина СССР № 300 (за подписью Н. С. Хрущева и Н. В. Булганина) «О развитии экономики и культуры народностей Севера». Благодаря Постановлению именно с этого года начался, так называемый, «северный завоз». На Камчатское морское пароходство ложилась обязанность обеспечить рейдовую выгрузку

народнохозяйственных грузов с судов в северо-западных пунктах корякского национального округа: Тигиль, Палана, Манилы.

Львиную долю груза с рейда до берега (до портопункта Манилы) доставляли плоскодонные пароходы (сухогрузы) водоизмещением 150-170 т (6-7 единиц) и небольшой танкер с наливными плашкоутами. Все плавсредства принадлежали портовому флоту, который базировался в Петропавловске-Камчатском. Схема завоза грузов в Пенжинский район успешно функционировала до перестроечных времен. Её называли экспедиционным завозом. Это была хорошо отлаженная система доставки грузов. Пароходы, приняв груз на рейде, по приливу доходили до портопункта и ожидали полного отлива. После чего пароход оказывался на грунте. К нему подавали грузовые тележки, на которые порталными кранами выгружали товар. С приливом пароход снова уходил на рейд за очередным грузом.

На период навигации судоводители получали график приливов и отливов. Каждый следующий прилив происходил на 40 минут позже предыдущего. В связи с этим работа судов не всегда проходила в светлое время суток. Экипажи пароходов были укомплектованы специалистами, которые совмещали доставку грузов и выгрузку его на берегу. Такой симбиоз практиковался только на Камчатке.

Кроме описанных пароходов на рейд ходили небольшие самоходные баржи грузоподъёмностью до 20 т. В районе их было свыше 30-ти. В основном они принадлежали совхозам, рыбокоопу. Их походы на рейд были опасными. Нередко случались шторма, и не всем удавалось благополучно добраться до берега.

Услугами пароходов Камчатского портфлота многие годы пользовалась и Пенжинская ГРЭ, несмотря на то, что «Камчатгеология» имела свой флот и даже своего морского регистра. В двух северных экспедициях были свои буксиры и плашкоуты. Это позволяло ходить на рейд и самостоятельно получать свои прибывшие грузы и доставлять их на берег. Это было большим подспорьем в нашей деятельности.

Почти каждый год на рейд приходил наш геологический пароход «Академик Карпинский». Небольшой пароход водоизмещением 300 тонн привозил нам снаряжение и оборудование, которые с рейда до-

ставляли своим буксиром «Бриз». Переход до рейда был непростым. Он проводился в приливно-отливной зоне и нередко происходил в ночное время. Это зависело от времени прилива, отлива. Охотское время редко бывает спокойным. Частые шторма делали походы на рейд небезопасными.

В одной из навигаций «Карпинский» штормовал около трёх суток вместе с буксиром «Бриз» и плашкоутом. Кто побывал на буксирах такого типа («ванька-встанька») во время длительного шторма, тот представляет качку «голова-ноги» и помнит то ведро, куда вывернуло всё то, что ты съел сегодня и много дней назад. Качка оказалась не единственным испытанием тогда. Через сутки после начала шторма оборвало конец буксирного троса, и носовая часть нашего катера начала методично бить в борт парохода «Карпинский». В борту кое-где появились трещины, а вскоре и пробоины. Обстановка складывалась совсем нерадостная. Плашкоут с частью груза оторвался и уплыл в неизвестном направлении. Капитан уже готовился подать сигнал «SOS». Рейд, как назло, был пуст, ни одного парохода. Забортная вода угрожающе продолжала поступать в трюм сквозь пробитый борт. Нам осталось только молиться. Возможно, это помогло. Там наверху, видимо, нас услышали и решили, что мы в достаточной мере заплатили за все наши грехи. Шторм прекратился также неожиданно, как и начался. Наши потери оказались весомыми. Пароход получил серьезные пробоины. Ему требовался ремонт. Почти все электроды и металл, привезённые для нужд экспедиции, были истрачены на латание дыр. Спустя несколько дней нашли оторванный плашкоут. На его палубе не досчитались некоторых грузов. Это был последний рейс парохода «Карпинский» на Пенжинское побережье.

Присутствие портового пункта вносило разнообразие в жизни части населения села Манилы. Многолетняя дружба моряков и докеров нередко переходила в более тесные взаимоотношения с местным населением, поэтому часть манильских женщин ежегодно с трепетом ожидали прихода пароходов и буквально рыдали при расставании осенью, после закрытия навигации. Работники портового флота заметно «разбавили» кровь местного населения.

Много лет организацией экспедиционного завоза занимался

Олег Гаврилович Таволжанский. Впоследствии он возглавил портовый флот, а вскоре стал заместителем генерального директора морского торгового порта Петропавловска-Камчатского. Это был грамотный специалист своего дела. Никто на Камчатке так хорошо не знал все тонкости и нюансы работы в приливно-отливной зоне Пенжинского района и на западном побережье Камчатки. Его имя до сих пор известно многим жителям Корякии.

Судьба свела меня с этим человеком на многие годы, и я рад, что мы до настоящего времени поддерживаем дружеские отношения.

Сейчас не могу вспомнить необходимость моей поездки на рейд, но так случилось, что пришлось побывать на одном из пароходов, который выгружался на рейде. Пользуясь случаем, решил посмотреть, как выглядит этот процесс. Спустился в трюм, где шла выгрузка продовольственных товаров и алкоголя. Посреди трюма стояли 8-ми литровые чайники с различными сортами вин. Мне тут же предложили продегустировать их. Рядом лежала груда горлышек от бутылок, причём с пробками. Как выяснилось, это результат «боя», конечно, искусственно созданного. Оказывается, на выгрузке существовал разрешённый процент «боя», и его процент старались не нарушать. Отчитывались за этот «бой» горлышками бутылок с пробками. Грех было не воспользоваться дармовой выпивкой. Здесь же продемонстрировали, как происходит тот самый «бой». Поделились опытные докеры и некоторыми секретами извлечения спирта из запломбированных бочек. Вряд ли в какой стране могли догадаться, как это возможно. Спирт на север доставляли в 200-литровых бочках. Их горловины закручивались чугунными пробками с квадратными углублениями под торцевой ключ. Чтобы отлить из бочки спирт углубление пробки заполняли мылом, затем ставили вертикально стальную иглу, которая после резкого удара «балдушкой» (маленькой кувалдой) пробивала чугунную пробку и оказывалась внутри бочки. После этого бочку оборачивали тросом, вставляли ломик, скручивали тросом, создавая давление в бочке. Сквозь отверстие сцеживалось нужное количество спирта, а затем легким движением пальца отверстие замазывалось тем же мылом. Верилось с трудом, что иголка пробивает чугунную пробку. Для убедительности мне предложили прибыть на

следующий день, когда начнут выгружать бочки. Самый пожилой из докеров подтвердил, что это вполне реальный метод, только весь его секрет в чёткости исполнения удара.

С рейда я возвращался на маленькой барже «Колхозница». Нас загрузили с лихвой, даже верхняя палуба была забита тюками, как позже выяснилось, с шубами и коврами. Как назло, начался шторм. Рулевой на штурвале был не очень адекватен, и почти каждая волна что-то смывала с палубы. Не менее адекватным был и председатель рыбокоопа, который всё время твердил: «Все спишем». Наверное, действительно что-то списывали на счёт «Нептуна», но и не только...

Не менее сложной частью навигации была доставка грузов в посёлки района: Каменское, Слаутное, Аянку, Таловку, Парень. Всё усложнялось тем, что уровень в реках быстро падал и становился невозможным даже для прохождения маломерных барж типа «Колхозница». Здесь требовалось хорошее знание фарватера рек. Не все обладали достаточным опытом вождения таких барж. Их водителями были, в основном, трактористы из рейсовых колонн. Главная проблема на реке – не сесть на мель. Некоторые умудрялись просидеть на мели всю навигацию. По большой воде удавалось забросить совсем малую толику груза. Из всех поселков более всего повезло районному центру Каменскому. Вода позволяла возить сюда грузы баржами до самого конца навигации. Большой объём грузов оставался на зимний период. Зимние грузоперевозки не только в Пенжинском районе, но и по всему северу, – особый и очень важный вид работ. В основном от них зависит благополучие жителей в период долгой зимы. В последующих воспоминаниях постараюсь описать, как это происходило.

С приходом пароходов в магазинах посёлков начиналась бойкая торговля. На северах редко кто покупал товар по 1-2 кг. Всё приобреталось ящиками, коробками, мешками. Так было удобно всем. Подполья в домах забивались до отказа. На складах не хватало тёплых зданий, и потому все мерзнущие товары старались максимально распродать до прихода холодов. Особенно это касалось вин, поэтому крепкие напитки (водку, коньяки) летом старались не продавать. Народ не роптал, с пониманием относился к такому порядку. Обилие вин вполне удовлетворяло потребности. Наши дружественные

страны Болгария, Румыния, Венгрия и другие щедро делились с нами своей продукцией, в том числе и алкогольной. Мы были хорошим рынком для китайских товарищей. Красочные консервные банки с маркой «Великая стена» пользовались большим спросом. Страна в те годы с уважением относилась к Северам. И если с благоустройством людей были проблемы, то со снабжением продовольственными товарами никаких. Все страны СЭВ (Совета экономической взаимопомощи) боролись за право доставить северянам свою продукцию. И это был хороший, качественный товар с красивой этикеткой и добротной упаковкой.

Нашим поселковым магазинам могли позавидовать гастрономы крупных городов страны. На полках красовались десятки консервированных овощей, фруктов, большое количество мясных изделий, сыров, десятки сортов конфет лучших столичных фабрик. Наверное, наши магазины, особенно, в летнее время, могли сравниться со знаменитым Елисеевским гастрономом в Москве. Судя по всему, это был тот самый период коммунизма, о котором так много говорили. Оказывается, мы его просто не заметили. Это стало ясно в «лихие» 90-е годы, когда на полках можно было видеть только пыль. Тогда и вспоминали о прошедшем изобилии.

Наши союзники (по СЭВ) заливали нас своими многообразными винами, а родные производители старались не отставать и снабжали главным российским продуктом – водкой. Они хорошо знали, что именно этот продукт наиболее важен в условиях морозной зимы. Ежегодно объём поставляемой алкогольной продукции увеличивался на 20-30 %. Несмотря на это, уже 1 марта он становился дефицитом и приобретал статус «валюты». Доступ к ней имел очень ограниченный круг людей. За эту «валюту» в то время можно было решить самые важные проблемы.

Наиболее ярые потребители алкоголя после 1 марта плавно переходили на возлияние парфюмерной продукции. Торговые люди её тоже завозили с запасом. Я уже где-то перечислял перечень особо востребованных сортов парфюма. В первую очередь скупался тройной одеколон. В народе его называли «коньяк с резьбой». Позже «уходили» огуречный лосьон, затем одеколоны «танцуй мадам»

(«Кармен»), «За мир и дружбу», жидкости «Резоль», «Лесная вода». Всё завершилось знаменитыми духами «Красная Москва», кстати, весьма дорогими. Употребление «шкаликов-моргаликов» (так назывались все эти напитки) технически было делом хлопотным. Не у всех хватало терпения вытряхивать духи, одеколон из узких горлышек. Кто-то употреблял без соответствующей обработки, то есть запивал обычной водой. Это были те, у кого «трубы горели». А вот, «гурманы» терпеливо доводили «шкалики-моргалики» до стадии высококачественного продукта. Они избавлялись от эфирных масел с помощью шурфовочного ломика (он короче обычного), по которому спускали «парфюм». На морозе эфирные масла оседали на ломике, а чистый спирт стекал в кастрюлю. В связи с распитиями парфюмерии помнится случай, когда я распекал одного из рабочих за употребление тройного одеколona. В ответ он с пеной у рта доказывал, что его тройной одеколон питьевой, так было написано на этикетке. Даже у рядом стоящих его товарищей пооткрывались рты от такой явной лжи.

Полевые сезонные и круглогодичные партии были далеко от магазинов, поэтому здесь широко практиковалась бражка. Не стану перечислять из чего её можно производить. Отмечу лишь то, что может ускорить её готовность. Если на 30-40 литров браги добавить половину патрона аммонита 6ЖВ (это 100 граммов), то процесс брожения значительно ускоряется, а если в партии есть стиральная машина, то время изготовления браги кратно уменьшается. Скажу откровенно, в партиях, которыми я руководил, брагу никогда не ставили. Кто-то засомневается, но это действительно так. Все торжества планировались заранее и отмечались сертифицированными напитками.

За многие годы, так называемого северного завоза, на территорию нашего района привезли огромное количество продукции в стеклянной таре. Трудно, даже примерно определить, сколько её завезено. Самое примечательное, что банки и бутылки никто никуда не вывозил. В тоже время они практически исчезли с поверхности земли. Представляете, сколько её находится там, в культурном слое. Когда-нибудь, через много-много лет археологи, наверняка, озадачатся проблемой нахождения этого культурного слоя. Они, наверняка, увидят зональное строение этого слоя, подметят чередование бутылок

из-под вина (выпитого летом) и более крепких напитков (выпитых зимой), и даже смогут определить количество лет этому слою. Конечно, без труда определяют количество людей, проживавших в посёлке, и даже прикинут объём выпитого. В итоге они, скорее всего, будут шокированы.

Объём завезённой продукции в стеклянной таре на территорию Камчатки, очень большой. Кто-то пытался посчитать количество необходимых пароходов для её завоза. Нашлись и те, кто заговорил о возможности изготавливать на месте стеклянную тару, в надежде паковать в нее местную продукцию. Хорошая была идея. Вспомнили о геологах. Дали задание найти соответствующее сырье. Его оказалось много. Это перлиты. Из них изготовили опытную партию бутылок. Они оказались весьма хорошего качества. Но до серийного производства дело не дошло. Кто-то упорно не хотел развивать промышленность на Камчатке.

Новая база Пенжинской ГРЭ

К концу 80-х годов база экспедиции практически перебралась в с. Манилы. В её северо-западной части вырос микрорайон с 2-х этажными домами, коттеджами, зданиями общежития, конторы. Жилые дома, контора, общежитие были выкрашены в более яркие цвета, и наш микрорайон заметно выделялся на фоне других строений села. Организованное уличное освещение, несомненно, улучшило настроение людей. Все строения были с коммунальными удобствами. Наконец-то сбылась мечта многих первореченцев о центральном отоплении, водопроводе, постоянном электричестве и, конечно, тёплом туалете. Отпала необходимость топить печь углем. Каждый в любое время мог принять ванну. Жизнь работников экспедиции качественно изменилась. Бросилось в глаза, как поменялся облик наших женщин. Более цивилизованные условия проживания изменили стиль одежды. На них появились яркие модные наряды. Сказалось близость магазинов и складов рыбкоопа, где выбор товара был более широким, чем в Первореченске. Совсем иначе стали выглядеть наши дети. Отпала необходимость ехать в школу на вездеходе или автобу-

се. Они перестали пахнуть соляжкой. Решилась одна из самых важных для родителей проблем.

Скажу кратко и откровенно. Переезд в с.Манилы снял массу проблем. Наши работники обрели здесь новых друзей и быстро вписались в ритм жизни села. Развита тогда инфраструктура в Манилах стала большим благом для наших работников. Я искренне радовался этим переменам и радовался вдвойне, где-то тайно гордясь, что мне удалось это сделать. На окраине села выделили землю, где построили, прежде всего, материально-технический склад, в том числе склад ГСМ (горюче-смазочных материалов). Приступили к строительству тёплых гаражей. Даже закоренелые противники признали, что переезд действительно является благом. Существенным выигрышем стала близость аэропорта. Наши вылеты на вахты вертолётами стали более предсказуемыми, оперативными и даже экономичными (исключались лишний подлёт и взлёт-посадки).

Наши буровые бригады № 1 и № 4 работали в местах произрастания лиственницы. Им было поручено доставить десятка два деревьев. Наш почин оказался неудачным. Все высаженные деревья не прижились. По-видимому, не соблюли каких-то нюансов при их посадке.

Большой сельский Дом культуры в Манилах всегда служил местом сбора жителей села. Он был построен в конце 60-х годов, задолго до появления двухэтажных домов и на фоне низкорослых строений особенно выделялся. Для Манил того периода он выглядел солидно. Просторные зал и холл вмещали всех жителей, а спортивный зал такого масштаба был единственным в районе. Здесь в советские времена кипела культмассовая работа. Работали многочисленные кружки, а в спортзале допоздна играли в волейбол, баскетбол. На высоте была художественная самодеятельность. Нередко приезжали артисты различных филармоний страны. Особенно здесь радовались национальному ансамблю «Мэнго». Его солистами были некоторые жители с Манилы и Пенжинского района.

Примечательно, что в 1969 году в селе Манилы побывал ныне известный актёр и режиссёр Никита Михалков. Оказывается, он служил после окончания института матросом на одном из кораблей в г. Петропавловске-Камчатском. Для знакомства с тундрой директор

совхоза Павел Дмитриевич Гридин свозил Н. С. Михалкова в тундру к оленеводам. Позже, в 1972-73 г.г., после окончания института он служил матросом на одном из кораблей Тихоокеанского флота. Кто бы мог подумать, что его песня в фильме «Я шагаю по Москве» станет такой пророческой в той части, где он поёт, что «пройдёт солёный Тихий океан и тундру, и тайгу».

В 1972 году через село Манилы прошёл небольшой отряд пограничников, который двигался из колымо-чукотских краёв по маршруту Г. И. Чубарова – организатора советской власти на Камчатке. Здесь пограничники провели товарищеский матч в волейбол со сборной с. Манилы.

В годы перестройки работники Дома культуры изо всех сил старались удержать всё то, что было наработано годами. Однако разрухи избежать не удалось. Какое-то время здесь художественным руководителем работала бывшая солистка знаменитого Уральского хора Раиса Дмитриевна Захарова со своим мужем (баянистом) Захаровым Николаем Николаевичем. Скажу откровенно, выступления этой четы на концертах были очень впечатляющими. Годы «дикого капитализма» заставили покинуть этих талантливых людей наши края.

Первореченское «гестапо»

Мужская часть коллектива экспедиции всё чаще стала поговаривать о возможности строительства сауны, парной. Я и сам давно подумывал об этом. Для севера хорошая баня с парной очень даже нужное сооружение. Нашлись те, кто был согласен построить на общественных началах, то есть в свободное от работы время. И это было вполне реально. Материалов хватало. Место вблизи котельной было самым подходящим. Баня с парной в каждой партии считалась самым важным объектом. Проекты парных всегда горячо обсуждались, и у каждой партии был свой вариант. В полевых партиях баню ставили у омута. Многие полевые геологи помнят тот контраст после парной, пушистого снега, ныряния в прорубь, когда «миллионы иголок», пронизывают твое тело. Телевидение в Пенжинском районе появилось позднее чем в других районах Камчатки. До этого все новости Кам-

чатки, района, а также и мировые, обсуждались в бане. Именно здесь шло взаимное обогащение информацией. Здесь же иногда решались производственные вопросы, почти как в римских банях.

Я побывал во многих парных в партиях и отрядах, у соседей-старателей, у моряков и пограничников, но ни одна из них не могла сравниться с частной парной, построенной ещё в «рожковские времена» (60-70 годы). Всякий раз, когда речь заходит о банях, саунах вспоминается банька, которую в народе прозвали первореченским «гестапо». Это была небольшая частная баня. Её владельцами считались Г. Никифоров, В. Светлов, В. Полунин и В. Семёнов. Они смастерили баню из местного плавника и допускали в неё очень ограниченный круг лиц. Она и вправду вмещала не более 4 человек. Не каждый мог удостоиться права быть приглашённым в эту баню. При этом существовало строгое правило. После входа двери закрывались до завершения парного процесса. Хозяева были ассами по парному делу и считались самыми стойкими по температурному режиму. Мало, кто мог состязаться с ними.

Однажды зимой я прилетел со своей базы партии на вертолёт в Первореченск и был приглашён в эту баню. О том, что это «крутая» баня я знал давно. В тот же день неведомо откуда в посёлок прилетел В. Берёзкин - наш «маршал» авиации (он ведал всеми авиаперевозками в экспедиции), который тоже был не прочь побаниться. Ему хозяева, конечно, не отказали. Уж, очень легендарным был этот человек. Я не считал себя «крутым» парильщиком, но и слабаком меня не назовёшь. Когда за нами захлопнулась дверь, и выход закрылся до окончания процедуры, я понял, почему баню называли «гестапо». Хозяева не пожалели сухого стланика и нагнали очень высокую температуру. В. Светлов и Г. Никифоров взяли на себя роль банщиков и предложили нам с В. Берёзкиным расположиться на двух полках. Отступить некуда, и я взобрался на одну из них. А вот В. Березкин, несмотря на долгие уговоры, категорически отказался забраться на полку. Более того, он не успел до конца раздеться, лёг на пол, где провёл весь процесс парения с причитаниями «мать моя родная» (это была его любимая присказка). Когда В. Светлов несколько раз махнул над мной веником, я понял, что действительно могу признаться во всём:

рассказать «где отряд, кто командир, сколько у нас пулемётов и т.д.». Мне не довелось познать как там, в гестапо, было по настоящему, но полученные ощущения в этой бане оказались запредельными. Я стоически вынес почти часовую экзекуцию, определив у себя новую грань выживаемости. Страдание «маршала» авиации, я уверен, были не менее впечатляющими. Он так и пролежал на полу полураздетым. Выход из бани на 50- градусный мороз быстро сбалансировал нашу температуру. Последующее возлияние водочного субстрата вызвало приятную истому и соответствующий «кайф». Такой контраст тепла, мороза и внутреннего подогрева знаком многим северянам.

В этот вечер, как всегда, не преминули вспомнить про пиво. В очередной раз позавидовали тем, кто мог запросто употребить этот пенный напиток в любое время и особенно после бани. Кто-то однажды рассказал, что где-то изобрели порошковое пиво. Зачерпываешь из речки кружку воды, высыпаешь туда порошок, разболтал и готов напиток. Тогда так хотелось верить в эту фантазию.

Мысль о подобном пиве реализовали в Прибалтике. Правда, это было не порошковое. Как-то, будучи в отпуске, в одном из магазинов в Риге или Таллинне я увидел банки с полуфабрикатом пива местного изготовления под названием «Мальтоза». Посчитал это большой удачей. Купил 4 банки (по 0,7 литра). Согласно инструкции из каждой банки получалось 6 литров пива. 24 литра пива могли стать хорошим подарком для коллег по возвращению из отпуска. Тогда это был самый ценный груз в моем багаже по пути на Камчатку. Не знаю, откуда пришла информация, но посёлок ждал моего приезда. Груз прибыл целёхоньким. Консилиум решил, что для начала изготовим 12 литров, то есть, используем 2 банки. Согласно технологии 2 банки концентрата залили 12 литрами воды, добавили 10-15 граммов дрожжей (как предписывала инструкция) и оставили созревать на 12 часов. Ожидание было томительным. Результат разочаровал всех. Полученная смесь совсем не напоминала пиво. Решили, что мы не совсем точно выполнили технологию. Подготовили вторую партию в строгом соответствии с инструкцией. Вес дрожжей определили на аналитических весах, набрались терпения и выдержали очередные 12 часов. Итог оказался огорчительным. Прибалтийский рецепт не оправдал надежд.

Пожалуй, лучше Е. Евтушенко про пиво на северах никто не рассказал. Я имею в виду его поэму «Северные надбавки». Он так смачно говорил о северной тоске по пиву – с кружечкой и с воблочкой...

*Ссорит нас водка, братцы,
Пиво сближает людей...*

И ведь как точно сказано!

Коль все были в сборе, пришлось «усугубить» традиционные напитки. Наши разговоры о доступности к пиву материализовались только через пару десятков лет. И когда это случилось, пиво перестало быть чем-то особенным.

Геологи из местного населения

Присутствие геологии в Корякском округе повлияло на выбор профессии некоторых коренных жителей. Часть молодых ребят были обучены в наших буровых бригадах и успешно работали помощниками бурильщика, трактористами, бульдозеристами. Этим ребятам не требовалась адаптация к полевым условиям, они легко переносили низкие температуры. К сожалению, их оказалось не так много. Наряду с местными жителями, занятыми на рабочих должностях, появились и те, кто закончили техникумы и даже институты.

В год моего прибытия на Камчатку (1966 г.) в Пенжинской ГРЭ уже работал один из них. Это был Гена Никифоров. Он работал старшим техником-геологом и несколько лет вёл самостоятельные маршруты. По разговорам среди геологов он считался толковым работником, хорошим полевиком, надёжным товарищем, классным хоккеистом. Мне довелось с ним играть в одной хоккейной команде («Радикулит»), где я около 10 лет защищал ворота. Грустно осознавать, что сейчас его нет с нами. Он погиб, спасая свою собаку, которая находилась в бардачке моторной лодки, перевернувшейся в Охотском море.

Наверное, многие ветераны-геологи помнят Сергея Ивановича Хуникива, работавшего в 70-80-х годах на севере Камчатки. Это один из тех редких людей, кому со времени своего рождения было предначертано «сверху» стать геологом. Дело в том, что он родился

Слева направо: А. Д. Смаровоз, А.В.Кравцев, Н.Макаренко, Н. и Г. Никифоровы

в корякском табунае, в яранге, на террасе реки Куйвиваям. Совсем рядом в 70-х годах проводилась разведка Айнаветкинско-го оловорудного месторождения, на котором он провёл свой первый полевой сезон после окончания Магаданского геологоразведочного техникума. Согласитесь,

не многим удалось родиться на месте своей будущей работы. Более того, его корякское имя – Вуквин, что в переводе означает «камень». Во всём этом есть что-то мистическое. После третьего класса летом он побывал в геологическом походе, в полевой партии Пенжинской ГРЭ, руководимой М. Н. Руфановым. Здесь впервые и познакомился с работой и жизнью геологов. Будучи девятиклассником уже работал летом в партии Л. А. Анкудинова геолрабочим. В будущем выбор профессии был предопределен. Большую часть своей геологической деятельности Сергей проработал в моих партиях, неоднократно зимовал. Никто не мог так грамотно, рационально организовывать шлиховую съёмку, металлотрическое опробование, проводить минералогический анализ. Не было ему равных и в деле организации полевых баз, лагерей. Тундра для него была родной стихией. Уверен, что многие студенты из разных уголков страны получили хороший опыт полевых работ в его отряде. Не могу не отметить его прекрасное пение. Он обладал необычным, мягким тембром голоса. После 11 лет работы в геологии в его семье произошли трагические события, он ушел из геологии и сегодня работает в одном из сёл Пенжинского района, пройдя путь от рядового пастуха в оленеводческой бригаде до главного зоотехника в совхозе. Я до сих пор храню тёплые воспоминания о Сергее Хуникиве. Он был из тех, кто мало говорил и много делал. Пусть напыщенно прозвучит, но именно с ним можно отправиться в любую разведку.

*Тылхойская партия, 1977 г строим базу.. Слева направо:
Геннадий Кондрашов, Сергей Хуникив, студент, Юрий Воеводин,
студент, студент, студент, Владимир Алексеев.*

Когда я принял Пенжинскую экспедицию, в её рядах уже несколько лет работал Юрий Иванович Ивинтаксяв. Он появился в ГРЭ после окончания Дальневосточного института, и в год моего прибытия слыл опытным геологом на поисках и разведке россыпей золота. К этому времени уже был соавтором нескольких отчётов по поискам и разведке россыпей. Его выбор места работы был вполне закономерен. Манилы – это его родное село. В детстве каждое лето проводил в районе Шестаковских островов, где находилось родовое место рыбалки. Учился более чем хорошо, за что неоднократно поощрялся путёвками в знаменитый пионерский лагерь «Артек» и всякий раз убегал в тундру, дабы его туда не отправили. Черноморскому побережью предпочитал Охотское море, моторную лодку, охоту и рыбалку. Согласитесь, редкий случай! В годы развала совхоза решил попробовать спасти хотя бы частное оленеводство. Занялся организацией оленеводческих хозяйств, но поднять их было уже невозможно. Ничего не удалось сделать и через Ассоциацию народов севера. Вскоре он возглавил комитет по природным ресурсам в администрации Корякского АО.

Во второй половине 80-х годов после окончания Томского политехнического института в Пенжинскую ГРЭ прибыл Роман Чечулин. Он был родом из Карагинского района Камчатки. К сожалению, совсем немного проработал в нашей экспедиции. Ему не очень хотелось заниматься россыпным золотом. Он мечтал устроиться в Аметистовую партию, которая занималась разведкой одноименного золотосеребряного месторождения. Я пообещал ему со временем помочь в этом и через некоторое время дого-

ворился с главным геологом Северо-Камчатской ГРЭ о его переводе. Скажу откровенно, не хотелось терять толкового геолога. А он был именно таким. За короткое время пребывания стал ответственным исполнителем солидного отчёта по поискам и разведке россыпей с подсчётом запасов в бассейне р. Кечичмы. После моих переговоров с главным геологом он был принят геологом в Аметистовую ГРП.

В 1985 году после окончания Иркутского политехнического института в Северо-Камчатскую ГРЭ прибыла Галина Баранникова. (фото) Она была родом из Паланы. Несколько лет Галина участвовала в геологосъёмочных и поисковых работах в районе полуострова Тайгонос, занималась минералогическим анализом шлихов в Ветрова-ямском отряде. Всюду проявила себя зрелым специалистом. Со временем её пригласили в районный комитет по охране окружающей среды. Её муж Олег Крылов занимался буровыми работами в геологосъёмочных и разведочных партиях, в том числе на Аметистовом золотосеребряном месторождении. В настоящее время он с сыном работает на добыче россыпного золота на Колыме. Галина Баранникова ушла из жизни в 1991 году после тяжёлой болезни.

Собаки – наши друзья

Геологическую партию, отряд, как и оленеводов в тундре, трудно представить без собак. Собаки на севере неперенное явление. Геология без собак была бы не столь полноценной и романтической. Наблюдая за собачьей жизнью, я заметил, какими разными характерами и особенностями обладают эти умные лохматые существа. Наверное, мои наблюдения будут интересны не только тем, кто работал в полевых партиях и отрядах, но и другим читателям. В геологии самая интересная собачья жизнь была у тех, кто оказался в геолого-съёмочных отрядах (так мне кажется), кто постоянно был в маршрутах. Именно эти собаки насмотрелись на окружающие красоты природы, сопровождая маршрутные пары, не забывая при этом общаться с животным миром, гоняя зайцев, куропаток, уток и прочую дичь. Среди прочей дичи нередко встречались и опасные хищники (медведи). Немало собак сохранили жизни геологов, некоторые из них положили свои жизни, защищая своих хозяев. Только при наличии в маршрутах собаки можно было без особой опаски проходить по густым зарослям кустарников. Вряд ли найдутся геологи, работавшие на Камчатке и не встретившие в маршруте медведя. Уверен, что многим запомнились маршруты на побережьях, где долины рек, ручьёв узкие и глубоко врезанные с вертикальными стенками. При встрече с медведями на таких участках вспоминаешь всех святых, а кое-кто менял штаны. Не просто разойтись на узких тропах, где за каждым поворотом могла состояться «долгожданная» встреча. И только собака могла предупредить, либо предотвратить её.

Продолжая разговор о маршрутных собаках, хочется отметить смекалку некоторых из них. Многие согласятся со мной, что самая приятная часть маршрута – это чаёвка (время обеда). Собакам тоже нравилось это время. Они, конечно, получали свою пайку от хозяина, но нередко умудрялись пообедать и у соседней маршрутной пары. Для этого нужно особое чутьё, которым обладали только «продвинутые» собаки.

Собаки буровиков и горняков ходить в маршруты не любят. Их рабочее место – вблизи горной выработки, либо буровой. Свой га-

рантированный обед они получают, как правило, в одно и то же время. Они ленивы и не очень любят гоняться за зверем. Надо отметить, питание у этих собак обычно более калорийное и разнообразное. Хозяева баловали их всякими кондитерскими изысками. Некоторые из них отрабатывали эти изыски тем, что носили в зубах бороздовые пробы с горных выработок в лагерь и делали это с важным видом, осознавая значимость выполняемой работы.

Как-то я взял с собой в многодневный маршрут собаку из горного отряда. Она согласилась пойти со мной в маршрут, наверняка из интереса, проверить каково там, в маршрутах. Как любая собака в маршруте она получала свою долю в обеденную трапезу, но надо было видеть её в конце маршрута. Понурая, с высунутым языком, она производила жалкое зрелище. Несколько переправ через реку и ручьи, хождение по крупным курумникам, непролазным кустам измотали её окончательно. Её взгляд проклинал то любопытство, которое она ранее испытывала в отношении маршрутов. Однажды она взобралась на останец и, задрав морду, долго выла. После возвращения из многодневного маршрута в горный отряд собака долгое время не отлучалась от своей палатки, а на приглашение сходить в маршрут, пряталась под нары. Её хозяин долго недоумевал по поводу поведения своей собаки и выпрашивал у меня: что же я сделал с ней в маршрутах?

Воспоминаний о собаках так же много, как и о медведях. Эти умные лохматые существа сопровождали все этапы геологической деятельности. Многие ранее безымянные водотоки названы именами собак. Сейчас мне хочется немного рассказать читателю о нартовых собаках, тех, кто верой и правдой служили в первые годы освоения северов. По сути, они были первопроходцами. В середине 60-х годов, когда я прибыл на Камчатку, нартовых собак осталось совсем мало, в каждом селе не более 3-4 нарт и лишь в отдельных из них (Парень, Оклан) около десятка. Среди собак нартовые – особая каста. Это были настоящие трудяги, работающие на одну цель. Собачья упряжка – это команда. Горе той собаке, которая оказалась на пути нартовых. Участь её предрешена. Через Первореченск нередко проезжала упряжка собак Егора Ермачкова (это заготовитель пушнины от госпромхоза).

Однажды в поле зрения его собак оказался поросёнок, случайно выбежавший вслед за хозяйкой из дома. Поросёнок, увидев опасность, побежал обратно в дом. Спасительная дверь была близка, но и свора собак была уже в прыжке. В тот самый момент тело поросёнка закрыла хозяйка. Её смелость сохранила ему жизнь. Поросёнок уцелел, но одежда хозяйки восстановлению не подлежала.

Собачья упряжка Ермачкова считалась в округе лучшей. Он был большим любителем горячительных напитков, и нередко оставалось только удивляться, как он мог в столь неадекватном состоянии отправляться в дальнюю дорогу. Собаки всегда выручали его. Всякий раз они чётко доставляли к месту проживания, то есть к дому, в Манилах. Долгое время судьба была снисходительной, но однажды его нарты пришли домой пустыми....

В начале 70-х годов мне довелось оказаться на юбилее Антонины Петровны Бекшаевой-Рейнгардт в с. Манилы. Бекшаевы на Камчатке появились в 30-х годах в период голода на Волге. У Петра Бекшаева и Евдокии Георгиевны было 10 детей, из них 9 девочек и один сын Александр, с которым мне довелось работать в первый полевой сезон на Камчатке. На юбилей собрались многочисленные родственники, в том числе 4 сестры. Одна из них, Валентина Петровна Бекшаева-Вишневская, прибыла с юга Камчатки. Именно о ней мне хочется рассказать.

С 1939 по 1962 годы она проживала в посёлке Усть-Пенжино. Посёлок долгие годы служил морскими воротами. Именно через эти ворота шло освоение севера Камчатки. В посёлке была достаточно нормальная (по тем временам) инфраструктура, но отсутствовала средняя школа. Дети с 5-го по 10-й класс учились в районном центре Каменское и жили в интернате. Это около 65 км вверх по р. Пенжине. Дети в летние каникулы добирались домой лодками и катером, а зимой на собачьих упряжках. В каждой нарте из 10 собак умещалось три человека. Количество упряжек – 6-7. За световое время успевали пройти только половину пути (то есть примерно 30 км). На ночёвку останавливались в районе трёх юрт, где каюры кормили их, а затем обкладывали оленьими шкурами и укладывали спать. Мороз в декабре в тех районах был всегда около 50 градусов. Сидеть на нартах в

такой мороз не очень уютно, поэтому большую часть пути дети бежали за нартами. Наверное, читателю трудно представить себе, каково бежать за собачьими упряжками, да ещё в такой мороз. Вряд ли в это можно поверить, но в действительности так и было.

Вот и её муж, который на Камчатку приехал с Украины, многие годы не верил в такое и прибыл на юбилей, чтобы заодно посмотреть, где жена провела своё детство. Валентина Петровна несколько лет проработала в бухгалтерии Пенжинской ГРЭ (с 1959 по 1962 годы), а позже бухгалтером в Таловке, Ачайваяме, Тигиле. Закончила свою трудовую деятельность на птицефабрике в посёлке Пионерский, где она здравствует до сих пор. Прошло уже много лет, но чувство холода от тех морозов (вспоминает В. П.) до сих пор не проходит.

В те далекие годы многие товары, доставленные морским путём в Усть-Пенжино, развозились по другим населённым пунктам на собачьих нартах.

Взаимоотношения с другими предприятиями и властями

Наш переезд в село Манилы оценили как местные власти, так и предприятия. Наличие имеющейся техники (автомобильной, крановой, бульдозерной, буровой) оказалось хорошей страховкой для всех предприятий села. Взаимовыручка всегда помогала успешно хозяйствовать. Надо признать без бахвальства, что геология снабжалась и обеспечивалась, на фоне других отраслей, лучше. Некоторые считали наши материальные ресурсы столь высокими, что беззастенчиво пользовались ими, как своими. Я имею в виду некоторые контролирующие органы района. До моего прихода в экспедицию работники милиции могли запросто заехать на наш склад ГСМ и заправить, конечно, бесплатно свою технику. Геология помогала многим другим организациям (школам, больницам и т. д.) и делилась своими материальными ресурсами. ГСМ на северах всегда считались особо востребованным товаром, можно сказать, «валютным». Мой запрет свободно пользоваться нашим складом ГСМ, был воспринят милицейскими органами очень негативно. Было несколько попыток «попрессовать»

(прессинг был существенным) меня, но они не возымели ожидаемого эффекта. Из района в с. Манилы прислали работника из ОБХСС, который долго искал факты присвоения мной каких-либо материальных ценностей. Вернувшись в районный центр, он, видимо, доложил, что честно пытался меня в чём-то уличить, но из этого ничего не получилось. Вскоре всем стало ясно, что «халява» закончилась, а борьба со мной бесполезна. Правда, состоялась ещё одна попытка заставить меня быть покладистым.

Однажды в селе появился свой инспектор государственного пожарного надзора. Это был юный лейтенант, который прибыл к нам практически со студенческой скамьи. В его памяти ещё были свежи все требования к поднадзорным ему объектам промышленного и социального назначения. Он рьяно взялся наводить порядок во всех сферах своего влияния и делал это согласно требованиям положений и инструкций. В первый же месяц своей деятельности он обошёл свою вотчину в с. Манилы и выдал целую пачку предписаний о закрытии, почти всех предприятий, в том числе магазинов, пекарни и даже бани. Часть из них были опечатаны. Все объекты, по большому счёту, действительно не отвечали соответствующим требованиям. Многие руководители серьезно озаботились таким разворотом событий и обратились к партийным и советским органам с просьбой осадить ретивого служаку. Его пригласили в районный центр «на ковёр» и обработали соответствующим образом. Совсем скоро он стал типичным инспектором государственного пожарного надзора, который на определённых условиях мог закрыть глаза на кое-какие нарушения.

Войдя во «вкус», он однажды пришёл ко мне в кабинет и долго рисовал картину о возможных нарушениях во вверенной мне экспедиции, намекая при этом на возможность решить кое-что без протокола. Я долго ждал итоговой части речи. И, конечно, дождался. Его «закрытые» глаза на псевдо нарушения стоили 2 тонны бензина. Крупных нарушений в ГРЭ к этому времени не было. Лейтенанту не повезло. В то время у меня рабочий день складывался скверно. Под это настроение я обрисовал ему его будущую карьеру, пообещав подготовить соответствующее письмо его областному начальству с подробным изложением его методов работы. После такого общения

он некоторое время старался не встречаться со мной в селе. Вскоре выяснилось, что это работники милиции решили вот таким способом, – бросив «под танк» молодого лейтенанта, получить в экспедиции «дармовой» бензин. Мои слова о письме областному начальству глубоко запали в его памяти. Он не на шутку воспринял угрозы. Как-то из райцентра раздался звонок заместителя начальника РОВД, который попросил простить лейтенанта. Намерений «заложить» его высокому начальству, конечно, у меня не было. Со временем я подружился с лейтенантом. В селе трудно жить со злобой.

«Дикий капитализм» в Манилах

В больших городах набирал обороты «дикий капитализм». В наши края он пришёл с опозданием, но явился. Вместе с ним появилось новое словосочетание «рыночные отношения». В связи с этим во взаимоотношениях местных предприятий постепенно начали стираться старые приятельские, дружеские отношения. Помнится, как я однажды обратился в соседнюю организацию с просьбой дать на 2-3 часа автокран. Свой был занят. Хозяин крана объявил очень высокую цену за его использование, объясняя её новыми рыночными условиями. Раньше такая услуга не считалась платной. Она являлась бесплатной помощью, выручкой. Выхода не было, пришлось оплатить за аренду крана. Но не прошло и пары дней, как соседу срочно потребовался бульдозер. Когда я ему объявил цену за 1 час эксплуатации бульдозера, он чуть «из штанов не выпрыгнул». Конечно, я намеренно круто завысил цену, приколотся. Поначалу многие руководители решили попробовать заработать на своих услугах, но очень скоро поняли, что в этих условиях не смогут выполнять свои производственные задачи в небольших населённых пунктах, куда доставка многих материалов и техники ограничена.

Пожалуй, самым сложным в этот период для властей районов и посёлков было обеспечение ГСМ и прежде всего дизельным топливом. Именно оно обеспечивало выживание населённых пунктов, особенно в тех районах, где короткая (2-3 месяца) навигация. В прошлые годы эту позицию жестко держали на контроле партийные и

советские органы и если случались форс-мажорные обстоятельства, то не скупились и подключали даже ледокольную технику. С приходом рыночных времён властям с трудом удавалось оплатить и даже доставить на рейд ГСМ, а вот для его выгрузки с танкеров почему-то не было средств. Капитаны танкеров требовали немедленную оплату, причём наличными. В противном случае грозились поднять якоря и уйти в те районы, где гарантировалась оплата. Я хорошо помню, как в одну из навигаций всем районом собирали «наличку» для оплаты за выгрузку ГСМ. Не собери тогда требуемых денег, капитан танкера без всяких угрызений совести поднял бы якоря и ушёл с рейда. Он не хотел понимать, что до закрытия навигации остались считанные дни и целый район окажется в катастрофическом положении. Наверное, именно в это время наступил тот самый момент, когда в сознании людей начали исчезать понятия о совести, морали, нравственности. Многие тогда по собственной воле избавились от совести и многих других принципов. Балом правили рубль и доллар. Это было беспощадное время.

Во всех организациях многие месяцы не выплачивалась заработная плата. Исправно выдавалась только пенсия, поэтому неожиданно для всех самыми «богатыми» в селе оказались пенсионеры. В день выдачи пенсий (у почты) рядом со стариками толпились молодые ребята. Стыдно и горько было видеть, как некоторые молодые ребята отнимали у своих бабушек и дедушек их пенсии. Помнится, один дед построил землянку вблизи села и перебрался туда жить. Своё затворничество объяснил невозможностью жить со своими родственниками, которые постоянно отнимали пенсию. Я не раз посещал его землянку по выходным дням. Она напоминала мне наше геологическое зимовье. Те же дощатые нары, стол, кукуль (меховой спальный мешок), печка (жестянка) и старая (1-го выпуска) «Спидола». Моему приходу этот старый коряк был рад. Мы вместе чаевали, и, всякий раз уходя, я едва сдерживал слезы. Как ожесточились люди!

В Манилах был интернат, где жили преимущественно дети оленеводов, в том числе и сироты. Не могу сказать, что о них плохо заботились. Они, конечно, не голодали, были одеты, обуты, но в их глазах стояла постоянная тоска по родительской заботе, ласке, любви. Наря-

ду с ними некоторые дети при живых родителях могли позавидовать даже сиротам. Из-за пьянства родителей они нерегулярно питались и плохо одевались. Многие жители подкармливали их. С приходом разрухи такие дети радовались даже куску хлеба.

Отношения с организациями вне Пенжинского района, стали сугубо рыночными. Более того, они приняли жёсткие формы. Любые сделки с ними свёршались в лучшем случае при 50% предоплате. Особо в то время ценилась оплата за наличный расчёт. При оплате «налом», как правило, предоставлялась солидная скидка. В стране принципиально изменилась ситуация. Если ранее у предприятий были деньги, но не было товаров, материалов и др., то сейчас предлагались любые материальные ценности, но у предприятий не стало денег.

В Петропавловске-Камчатском появилась масса фирм, готовых поставить любые товары, технику и многое другое в самые короткие сроки и в любую точку Камчатки. Примечательно, что в этих фирмах работали преимущественно молодые ребята. Я бы крепко подумал, прежде чем взяться за те операции, которые они свёршали в то время. Наверное, выросло новое поколение рискованных людей. Они действительно рисковали многим. Не все из них «пили шампанское», не все знали «прикуп» и не все «оказались в Сочи». Многим крупно не повезло. Не все звенья в цепи договоров чётко срабатывали. Отсюда, не все поставки соблюдались, некоторые не смогли своевременно отчитаться перед поставщиками и инвесторами. И это наказывалось по законам «дикого капитализма». Кого-то «ставили на счётчик», а некоторым за свои просчёты пришлось отвечать жизнями. Кто-то вынужден был сам «вознестись на небеса», а кому-то «помогли» туда отправиться. И таких эпизодов в Петропавловске-Камчатском было тогда немало. Повезло единицам.

Те, кому фортуна улыбнулась, в очень короткие сроки сколотили серьёзные капиталы. Таких почему-то стали называть «новыми русскими». Некоторые из них решили выделиться среди обнищавшего народа и переоделись в малиновые пиджаки. Наличие последнего свидетельствовало о «крутом» статусе. Наиболее продвинутые среди них нанимали телохранителей. Охранять тела было от чего. Желая-

щих посягнуть на нажитое «непосильным» трудом в то время хватало. Господа «помельче» для личной обороны обзавелись газовыми пистолетами. Наряду с малиновыми пиджаками в моду вошли золотые цепочки на шее. Их толщина отражала достаток их хозяев. Те, кто особо провинился перед «Создателем» носили цепочки с золотым крестом. Их вес, видимо, соизмерялся с объемом «грехопадения». Обращение к богу тоже стало модным. Кое-где паства заметно выросла. Некоторые провели забытые в молодости обряды, заметно увеличив кассы церковных храмов. Служители церкви старались не отставать от новых веяний. За оградами церквей появились мерседесы. Если раньше Господа поминали чаще в момент, когда что-то не получалось по работе (к примеру, случайно стукнул молотком по пальцу), то теперь старались не гневить, особенно по пустякам. Для этого появился термин «блин», ставший весьма популярным в народе.

Это было время, когда и в городах стало несладко. Мои друзья, проживающие в Москве, выжили только благодаря своему подсобному хозяйству. В самой столице нередко раздавались из лоджий и балконов многоэтажных домов петушиные крики, то есть некоторые москвичи держали кур, и я живой свидетель этому. Один из наших бывших геологов Северо-Камчатской ГРЭ торговал в Москве (с лотка) мороженым. Замечу, это был классный геолог. Власти на местах мало, что могли сделать, а средства массовой информации упорно твердили, что рынок вот-вот всё расставит и совсем скоро все будем в «шоколаде». Я не хочу драматизировать события тех времен, но они действительно оказались непростыми. Не берусь судить о количестве сломанных судеб, разбитых семьях, искалеченных детях, о потерянных специалистах. Скажу лишь одно – таковых было много.

Я уже отмечал выше, что более всех в первые годы «дикого капитализма» пострадали севера, а конкретно небольшие сёла и посёлки. Думаю, что в этом развале немалую роль сыграл Егор Тимурович Гайдар. Сказанная им где-то фраза: «Севера нам не нужны, а золото купим на лондонской бирже», стала началом «гибели» северов. После этих слов практически прекратилось материально-техническое обеспечение северных районов. Тогда же массово покинули севера многие специалисты предприятий. Уехали те самые, кого сегодня вся-

чески пытаются заманить обратно. Какими недалёковидными оказались наши правители в то время!

Олени – это не только мясо

Мне довелось собственными глазами наблюдать, как рушились некогда благополучные предприятия. Основные предприятия Корякского округа – оленеводческие хозяйства – перестали получать дотации. Себестоимость оленины без государственной поддержки оказалась очень высокой. Вывоз её за пределы района, области стал невозможен. Некогда тучные табуны оленей стали распадаться на мелкие частные хозяйства. Директора совхозов искали пути выживания своих хозяйств. И вот на таком фоне весьма востребованными вдруг оказались олени панты. Где-то за пределами страны, какие-то люди, увидев нашу «беду», решили «поддержать» наших оленеводов, предложив сккупить олени панты. Благо к этому времени оленей ещё хватало.

Я не берусь судить о выгоде торговли пантами. Наверное, в то время это был жест отчаяния руководителей совхозов. Как-то надо было выживать. За ними стояли коллективы с их семьями, детьми. Вскоре выяснилось, что покупателями пантов выступают наши дальневосточные соседи – китайцы. Дело оказалось не столь сложным и казалось достаточно прибыльным. Привлекала и валюта за товар. Со временем стало ясно, что панты оленей можно продать значительно дороже, но для этого их необходимо высушить при определенных условиях. Своей технологии сушки не оказалось. «Железный» занавес к этому времени уже слегка «приподнялся» и выяснилось, что нужный агрегат имеется за «бугром».

Манильским совхозом в те годы руководил В. Логвин. Он не так давно появился в наших краях. Деловой, общительный, он быстро вписался в среду пенжинцев. В оленеводстве не новичок и идею заготовки пантов воспринял, как и другие директора, положительно. По каким-то неведомым каналам договорился аж с американской фирмой, находящейся на Аляске, о покупке сушильного агрегата с программным управлением. Оплату запросили, конечно, в твёрдой

валюте. Хорошо, что к этому времени манильские олени кое-какую валюту «заработали». Дорогой агрегат прибыл с навигацией, а вот за шеф-монтажником пришлось отправить персональный самолет из села Манилы в посёлок Гижига. Это в Магаданскую область, куда американский специалист прибыл из Аляски. Для выполнения рейса снарядили АН-2, командиром которого был Георгий Константинович Трофименков (см. фото). Это был опытный пилот, который на своём самолёте мог взлететь и сесть на любую площадку, словом имел все допуски для полётов и подбора площадок.

Самолёт в Гижигу прибыл во время. Это был практически стыковочный рейс. Из Анкориджа до Гижиги американский специалист Фред прибыл на относительно современном самолёте. Как рассказывал второй пилот, Фред несколько раз обошёл самолёт АН-2 вокруг, зачем-то поковырял крыло ногтём, показал пальцем на мотор, пытаясь объяснить, что одномоторный – это опасно. Судя по всему, он не на шутку был встревожен. Он ещё не знал, что его ждёт в полете. Но, вот появляется командир со всеми необходими бумагами, разрешающими вылет. Он, как всегда, энергичен (не зря его кличка «Живчик») и ему абсолютно всё равно кого и куда

везти. Правда, следует признать, что людей из далёкой Америки ему не приходилось «катать». Командир сказал, что время поджимает, нужно срочно вылетать, согласно плану, подтолкнул Фреда в салон самолета, залез в кабину, сказал традиционное «от винта» и взмыл по направлению к селу Манилы.

Полёт проходил нормально, пока Г. Трофименков в воздухе не получил от диспетчера аэропорта Манил Владимира Емельянова просьбу директора совхоза В. Логвина (заказчика рейса) поискать по ходу полёта плашкоут, который во время шторма на рейде оторва-

ло от парохода. Такое нередко случалось. Всё было по пути, летели вдоль береговой зоны. В какое-то время командир АН-2 решил показать американскому пассажиру, что умеют делать в воздухе наши пилоты и стал «писать» рельеф, рассматривая многочисленные заливчики и бухточки с целью поиска плашкоута. Они, конечно, нашли пропажу и отметили её на карте. Но оба пилота в кабине не представляли, что творится в салоне самолёта. Когда он приземлился в аэропорту с. Манилы и открыли дверцу, то встречающий этот рейс заказчик увидел на полу самолёта человека в широкополой шляпе с абсолютно зелёным лицом. Рядом с ним лежало то, что он ел в тот день, а возможно и более ранняя пища. Самолёт встречали не только заказчик, но и многие жители села Манилы. Событие неординарное. Это был первый американец, ступивший на манильскую землю. Многих разочаровал его вид. Не таким представляли американцев. Они не знали, что «Живчик» по дороге показал свое лётное мастерство. Слегка очнувшись, Фред сказал, что обратно на этом самолёте он не полетит, даже если предложат несколько миллионов американских денег. Не поможет и дуло пистолета.

Дабы не ударить лицом в грязь перед иностранным гостем директор совхоза на время командировки предоставил ему свою квартиру. Сам с семьей перебрался к кому-то на постой. Для поездки на работу предоставил Фреду служебный джип (УАЗик). Монтажными работами сушильной печи занимались местные механики под досмотром Фреда. Его командировочные расходы составляли 500 долларов в сутки, поэтому сборка шла в авральном режиме. Его присутствие на монтаже ограничивалось 15-20 минутами в день. Для нас показалась совсем необычным такая высокая стоимость его труда. Думаю, что наши механики поняли, как дёшево выглядит их труд на фоне американского. Фред выполнил свою работу чётко в срок. Совхоз получил сушильную печь, где кроме пантов, можно было сушить мясо, рыбу и другую продукцию. В Корякском округе (КАО) такой механизм с программным управлением был единственным. Я не могу судить об эффективности его работы, но то, что он выдавал продукт в соответствии с заложенной программой, нас впечатлил. Для вывоза американца пришлось вызвать более комфортабельный самолет АН-28. На

АН-2 лететь он категорически отказался. Провожали его всем селом. Уверен, полёт в с. Манилы ему запомнился надолго.

Соседние хозяйства тоже не «дремали». И они, как могли, боролись за выживаемость. Олюторский госпромхоз, к примеру, попробовал специализироваться на поставке оленьих пенисов для китайских товарищей и для начала даже отправил несколько бочек нашего «сырья». Китайцы у себя на родине, говорят, производили из них очень эффективное лекарство от потенции. Дело оказалось прибыльным, но возникли сложности с поставками сырья. Оленеводы серьёзно озаботились резким сокращением оленьих производителей, без которых рост поголовья оленей существенно замедлился. В связи с этим бизнес закончился, едва начавшись. Мысль что-то извлекать из оленей, кроме мяса, не давала покоя «госпромхозовцам». Они начали изготавливать коврики из оленьих шкур, благо их было много. Одно время этой продукцией заинтересовались японцы, которым отправили опытную партию. Товар не выдержал испытания в стране восходящего солнца. Японцев не устраивал специфический запах, исходящий от ковриков. Это была местная выделка, придуманная далёкими предками северных народов. В основе раствора для выделки использовалась моча. Конечно, требовалась современная технология выделки оленьих шкур, на которую средства до сих пор никто не хочет вложить.

Конец правления Лаштабега

Пока мы у себя на периферии не спешно и не торопко вели свою жизнь, радовались своему переезду из Первореченска в Манилы там, в областной столице, зрели перемены. Руководители близлежащих к городу экспедиций были в оппозиции к действующему руководству ПГО «Камчатгеология». Предпринятые В.И. Лаштабегом кое-какие «рокировки» с кадрами, наверное, оказались не достаточными. Они требовали принципиальной смены развития Камчатской геологии. Именно в это же время в министерских коридорах, стали поговаривать об очередной реорганизации. Наверху любили время от времени что-то реорганизовывать. Было ощущение того, что там

сидели специальные люди, которые постоянно думали о том, как бы еще что -нибудь преобразовать. За непродолжительное время неоднократно изменялась аббревиатура производственных единиц (управление, ПГО, горно-геологические предприятия и др.) Видимо, кому-то «наверху» казалось, что от этих изменений появятся новые месторождения, повысится производительность труда и др. Ничего этого не происходило. Все шло обычным чередом. Изменялись лишь титульные листы, формы отчетности, вывески над зданиями контор. Не берусь судить о стоимости таких преобразований, но думаю, что они обходились не дешево. А главное от этих изменений не было никакого эффекта.

Совсем скоро выяснилось, что в регионах следует создать геологические комитеты. Сообразуясь с новыми демократическими веяниями в ПГО «Камчатгеология» назначили конференцию трудящихся, которая должна избрать руководителя комитета. На эту должность претендовал В.И Лаштабег. Неожиданно для всех появилась альтернативная кандидатура в лице Михаила Григорьевича Патоки. За него и отдали большинство голосов. Позже выяснилось, что результат был предсказуемым. Оказывается, чуть ранее оппозиционная группа готовила референдум о вотуме недоверия руководству ПГО «Камчатгеология». Ее итоги не обнародовали, но они отразили те же результаты, что и при выборе председателя геолкома. Вот так, тихо, без особой суеты, без фанфар закончилась эпоха Лаштабегов. В короткое время незаметно «растворились» все члены его команды. На одном из зданий по улице 50 лет Октября еще некоторое время провисела вывеска личного магазина бывшего заместителя генерального директора ПГО «Камчатгеология» В.И.Кисля.

*Волна Чукотская пропала,
Как будто их и не бывало.
Остался нам (на память вроде)
Лишь магазинчик «У Володи»*

Точнее нашего поэта И.Д.Петренко и не скажешь.

ГЛАВА V. ГОРНОРУДНАЯ КОМПАНИЯ «КОРЯКИЯ»

Новая работа

Незадолго до конференции по избранию председателя геолкома на Камчатке появился Леонид Алексеевич Савостин. Это было в феврале 1992 года. Его представили как весьма состоятельного и успешного бизнесмена. Он не производил впечатление тех «новых» русских, которые в то время блистали своими яркими одеждами, выглядел совсем обыденным, в более чем скромных одеждах. В то же время был весьма состоятельным человеком, у которого имелся офис в Америке, собственный пароход, оснащенный современной геофизической аппаратурой, способной проводить сейсмические съемки, морские геофизические работы на нефть и газ. После окончания Ленинградского университета увлекся теорией литосферных плит и со временем стал специалистом в области геологии и палеогеодинамики перемещения литосферных плит. Совместно с академиком Л.П.Зоненшайном создал серию карт глобальных геодинамических реконструкций. В 1981 году защитил докторскую диссертацию, стал профессором, членом Российской академии наук. Участвовал во многих океанических экспедициях, автор более 50 научных работ. С 1992 года директор института океанологии. Основал в Москве лабораторию региональной геодинамики, став ее генеральным директором. Вот с таким послужным списком и научным потенциалом Л.А.Савостин и появился на Камчатке.

Поводом для приезда послужили золоторудные объекты Камчатки, о которых стали поговаривать как в стране, так и за рубежом. Именно его приезд круто изменил судьбу нескольких руководителей экспедиций, в том числе и мою.

В год своего приезда он организовал горнорудную компанию «Корякия». Зарегистрировал ее в окружном центре – Палане. Компания получила четыре лицензии: на отработку золотосеребряного Аметистового месторождения, Гореловского угольного месторождения и две лицензии на отработку россыпного золота в долинах ручьев Гриф и Нежданный. Президент вновь образованной компании Савостин Л.А. по совету бывшего генерального директора ПГО «Камчатгеология» Лаштабега В.И. генеральным директором компании назначил Неверова Юрия Викторовича. Исполнительным директорам Савостин предложил самим выбрать направления работ. Мой «факультет» определился сразу – это организация добычи угля и россыпного золота. Все объекты находились в пределах Пенжинского района, который был мне хорошо знаком. Вениамин Петрович Зайцев взялся за геологическую работу в компании, а Валерий Темирбулатович Вильданов выбрал себе самое «экзотическое» направление – внешние экономические связи. Наверное, он посчитал, что эти связи вот, вот потребуются и экономика нашей компании начнет процветать. Но этого не случилось. Нас просили, прежде всего, самим научиться зарабатывать. Совсем скоро он выпал из нашей «обоймы», попал в автомобильную аварию и был вынужден уволиться. Главным бухгалтером была принята Галина Александровна Филатова - Логинова. Чуть позже в компанию влился Владимир Иванович Судаков. На него возлагались обязанности снабжения. Ритм работы в компании его не устроил и он сменил род занятий. Его место занял Савицкий Владимир Станиславович. С его приходом в компанию, дела по снабжению заметно улучшились. В организации добычи угля на Гореловском месторождении есть существенная доля и его труда.

Моему переходу на новую работу предшествовала передача дел новому начальнику Пенжинской ГРЭ, присланному из ПГО «Камчатгеология» Козлову Андрею Петровичу. Передача дел не заняла много времени. Мой преемник, присланный из города Андрей Петрович Козлов, наверное, был удивлен удовлетворительными производственными и экономическими показателями экспедиции. Они были действительно не плохими. Все физические объемы выполнялись, а главное выполнялся план прироста запасов. Пожалуй, самым глав-

ным считалась вновь построенная база экспедиции с нормальными бытовыми условиями. Хорошее впечатление у нового начальника экспедиции произвели товаро-материальные запасы на складах. «Такого обилия материалов я не видел даже на городских складах» - признался А.П.Козлов. Действительно я накопил много материалов, т.к. планировал разворот буровых работ по поискам и разведке новых россыпных объектов и более того планировал приступить к эксплуатации некоторых уже разведанных нами россыпей. На складах действительно было, как говорили в Одессе, «многих вещей, которые отсутствовали в других городах».

Забегая вперед, скажу, что я бы трижды подумал, прежде чем оставить экспедицию новому преемнику взамен новому делу. Совсем скоро стало ясно, что к руководству Пенжинской ГРЭ пришел прагматичный, с новыми принципами человек. Спустя совсем немного времени ему более всего подошло бы название «Ликвидатор». Оно более всего отвечало всем его последующим действиям. Все созданное в короткое время было разрушено на глазах, материально-технические накопления разбазарены и все это ради «входного» билета в организацию с названием «Корякгеолдобыча» (КГД). Взамен такой разрухи получено место в совете директоров КГД. Не прошло и года, как Пенжинская ГРЭ, а вскоре и Северо-Камчатская ГРЭ были брошены как ненужные вещи. Со слов генерального директора ПГО «Камчатгеология» обе экспедиции планировали объединить, чего фактически не произошло.

В это время раскручивались работы по добыче россыпной платины на Ледяном и Левтыринваяме. Обе россыпи были подарком от «Создателя». Мощные пласты с высокими содержаниями платины позволили уже в первые годы добывать по несколько тонн за промысловый сезон. Разум от получаемых сверхприбылей стал не управляемым.

Первые иностранные инвесторы на Камчатке

В начале 90-х годов наверху решили, что настала пора показать всему миру, какими запасами золота мы обладаем. До этого они считались до 5 тонн для служебного пользования, до 20 тонн секретными, а свыше 20 тонн совершенно секретными. Не все геологи могли пользоваться геологическими отчетами, где прописаны запасы золота свыше 20 тонн. Для этого требовалась соответствующая форма допуска, которую имели далеко не все. И вот, наступили времена, когда стали доступными для всех материалы даже с совершенно секретными запасами. Раньше только за одно упоминание о таких объектах можно было «схлопотать» выговор, а за разглашение лишиться допуска к работе в геологии. В связи со снятием «табу» в Россию потянулись те, кому давно хотелось воочию убедиться в богатствах наших недр. Последними особенно заинтересовались австралийские и канадские горнорудные компании. Более всего их интересовали золоторудные месторождения. Они, конечно, были известны зарубежным специалистам, но сейчас могли подержать в руках конкретные данные по разведке и могли лицезреть наши совершенно секретные блокировки. Пожалуй, самым интересным объектом в то время для них считалось Аметистовое золотосеребряное месторождение. Обладателем лицензии на этот объект была наша горнорудная компания «Корякия». Делегации различных иностранных компаний мы не успевали принимать. Всякий раз, рассматривая материалы по Аметистовому месторождению они цокали языками, выражая, таким образом, удовлетворение этим объектом. Но познав наши законодательные акты, приходили в уныние. Наши законы тогда не гарантировали сохранность их капиталов. Они, конечно, боялись потерять свои вложения. Нашим чиновникам тогда очень хотелось заполучить их инвестиции, но на российских условиях, а это совсем не устраивало инвесторов. Наши чиновники всех уровней старались извлечь сиюминутную материальную выгоду из общения с представителями зарубежных фирм. Некоторые (и я тому свидетель) начинали разговор с ними с просьбы сразу внести кое-какую оплату в счет предстоящих работ и, конечно, в твердой валюте. Это шокировало зарубежных специалистов и

отталкивало от дальнейших контактов. В составе делегаций, как правило, были узкие специалисты, (геологи, горняки, строители, энергетика, экономисты) конечно все высокого класса. Общение с ними осуществлялось через переводчиков. Поначалу они вели себя настороженно, но со временем мы стали ближе и даже с некоторыми сдружились. Наверное, сказались наши близкие профессии. Для закрепления наших дружественных отношений мы, как это положено по нашей традиции, накрывали «полян».

Приняв «на грудь» некоторую толику «субстрата», нам уже не требовался переводчик. Снималась и настороженность наших зарубежных гостей. Наш национальный напиток был для этого хорошим средством. За меню отвечали наши женщины. Их кулинарные изыски восхитили наших зарубежных коллег. Кроме «хлеба» им хотелось и зрелищ. Зная о красотах Камчатки, они как-то заказали вертолет. Я с большим удовольствием разработал маршрут по самым живописным частям Камчатки. Когда еще вот так, за чужой счет я мог полюбоваться нашими вулканами, горячей рекой Ходуткой, вытекающей прямо из-под вулкана и др. Если «под шафе» не требовался переводчик, то при адекватном состоянии он все-таки был нужен. Мой английский был «никакой», знал лишь пару слов. Наши гости тоже пытались что-то говорить по-русски. Не знаю почему, но прежде всего им удалось выучить несколько слов из не нормативной лексики, короче из нашего мата. Один из наших работников обучил их двум словам. Он посчитал, что их будет достаточно на первом этапе общения. Оба слова были емкие и многое объясняли. Первое - «пиз...ец», что в переводе означает «плохо» или очень плохо (в зависимости от интонации произношения). Второе - «за...сь» - что означает «хорошо» или очень хорошо в зависимости от той же интонации. Этого хватало для определения состояния их рабочих дел и настроения. И все-таки им не хватало русского куража при произношении этих слов. Мало, кто обратит внимание даже в толпе (и это проверено) на произнесенный мат русским человеком. Другое дело иностранец и это тоже проверено. Мат, произнесенный им, к тому же с акцентом, с отсутствующим взглядом обращал внимание окружающих людей и, как правило, вызывал либо удивление, либо осуждающие взгляды.

В первый же год желающих взяться за освоение Аметистового месторождения было несколько. Одна из зарубежных компаний взялась так рьяно, что за короткое время пароходом доставила значительный объем грузов, в том числе модульные строения для будущего поселка на месторождении. В районном центре села Тиличики они арендовали большой склад. Вскоре кое-какие строения были доставлены непосредственно на месторождение и даже произведена их сборка. Мы радовались такой оперативности и думали, что вот-вот начнутся серьезные работы по вовлечению в эксплуатацию первого золоторудного объекта на Камчатке. Увы, на этом все закончилось. Создалось впечатление, что наши зарубежные коллеги на нашем месторождении «постирали» свои финансовые ресурсы.

Строительство вахтового посёлка

Освоение Гореловского месторождения угля шло гораздо успешнее. Параллельно с проектными работами, которые вел Южно-Сахалинский институт, уже в 1992 году начался завоз грузов для строительства вахтового поселка. По моей просьбе институт довольно быстро сделал горную часть. Сегодня трудно поверить тому, что во время зарождающегося капитализма в стране кто-то начал строить новое предприятие не имея практически никаких материальных, технических средств, да и финансовых тоже. В это время даже во многих крупных городах на полках магазинов отсутствовали элементарные товары первой необходимости. Многие, наверное, помнят, что на наших окраинах полки складов и магазинов были абсолютно пустыми. Это было время начала 90-х годов, когда гвоздя негде было купить. Страна переживала разруху в полном смысле этого слова. Вот, на таком фоне мы начали строить угольный карьер «Гореловский». За этим поступком по большому счету не стояли какие-то люди, стремящиеся быстро поднять производство и начать получать прибыли и сверхприбыли. Добыча угля на карьере изначально не предполагала высокую рентабельность. В те годы традиционные поставки угля из других регионов страны не гарантировались, поэтому добыча своего, местного угля стала принципиально важной. Местные власти с одной сто-

роны приветствовали начало разработки угольного месторождения, а с другой совсем не хотели терять получение из центра трансфертов на покупку завозного угля. Но разум возобладал. Все-таки свой уголь – это гарантия теплой зимы в населенных пунктах севера Камчатки.

Весть о строительстве карьера быстро распространилась по всему району. Все понимали важность этой стройки, где будут рабочие места для населения. Поддержали и руководители местных предприятий, которые практически прекратили свое существование. Многие оказались без работы. На строительстве карьера тоже не гарантировалась заработная плата. Ее нужно было заработать. И все же желающих поработать на первых порах без оплаты нашлось немало. Люди поверили в работу будущего предприятия. Бывшие механизаторы, буровики, словом, все из геологической обоймы буквально заразились идеей строительства карьера. Я ранее никогда не видел такого порыва, энтузиазма в работе. Совсем скоро в селе Манилы нашлись кое-какие строительные материалы, которые приобрели по остаточной цене. Вскоре организовалась строительная бригада. Но не было техники, способной доставить материалы с берега до места строительства вахтового поселка. Видимо, я все-таки везучий человек. Найти «живую» технику, которую мог кто-то запросто отдать даже в аренду в нашем районе, всегда было не просто. И все-таки нашелся один руководитель, который пришел ко мне и предложил свой буль-

А. Саломин

дозер, причем не какой-то старенький, а самый что ни на есть новейший Т-130. Он получил его совсем недавно и еще нигде не работал, как говорили у нас «на нем муха не сидела». От такого предложения я на некоторое время потерял дар речи и попросил хозяйина бульдозера Анатолия Соломина (начальника лесоучастка) «ущипнуть» меня, дабы привести себя в адекватное состояние. Именно тогда стало ясно, что строительство вахтового поселка вполне реально. С появлением

бульдозера закипела работа по доставке материалов с берега до места вахтового поселка. Анатолий Соломин для работы на бульдозере отправил своего механизатора. Лучшего бульдозериста, чем Николай Петрович Жестков и не пожелаешь. Это был действительно классный специалист. Он появился в наших краях в начале 60-х годов в составе докеров от портофлота Петропавловска-Камчатского. С тех пор многие годы работал на лесоучастке, занимаясь отгрузкой угля для сел Пенжинского района. Таких добросовестных и надежных работников в районе не так много. Дорога от берега до будущего вахтового поселка хотя и короткая (около 3км) но достаточно сложная. Грузы формировались в пакеты, которые везли на «удавке». Благодаря опыту Н.П.Жесткова потери при транспортировке были минимальными. Узнав о наших сложностях при перевозке грузов, Анатолий Соломин предложил нам двухосную тележку (и снова бескорыстно), которая, конечно, существенно улучшит и ускорит доставку грузов. Признаюсь, его добрый жест так растрогал меня, что комок в горле застрял. На севере нередко оказывали помощь друг другу внутри населенных пунктов. А вот, так отдать технику в тундру, за многие километры не все могли решиться. С появлением тележки стал вопрос ее доставки на место работ. Пришли на выручку дружеские связи с вертолетчиками. В это время в районе работал экипаж Владимира Квасова. Когда-то мы с ним налетали не одну сотню часов как на АН-2, так и на МИ-8. Его не пришлось долго уговаривать. Буквально на следующий день он взял на внешнюю подвеску тележку и мы полетели к устью реки Горелой. Уже в полете В.Квасов пояснил мне, что тележка весит гораздо больше заявленного веса, в связи с этим топлива может не хватить. Так оно и получилось. Тележку пришлось оставить на прибойной (заливаемой приливом) полосе. В Пенжинской губе в это время начался штормовой ветер. Не было никаких гарантий, что тележка уцелеет после прилива и штормового ветра. Ее либо унесет, либо замочет. Ночь была бессонной. Утром погода позволила вылететь и вместе со мной весь экипаж с тревогой всматривались в прибрежную полосу. Все радостно вздохнули, увидев тележку совершенно невредимой. С наличием тележки наши грузоперевозки ускорились кратно. Строительная бригада была обеспечена материалами и приступила к мон-

тажу первого здания.

Но предстояли еще совсем непредвиденные «бои» связанные с оформлением различных согласований с властями. Они не возражали против собственной добычи угля, осознавая ее необходимость, и в тоже время исподволь тормозили процесс. Не стали поступать из центра трансферты для закупки угля из других регионов и это не давало покоя местным властям. Свою долю «крови» попили «зеленые». Они так старались затормозить строительство карьера, будто работали на сдельно-премиальной оплате труда. Придумывали самые невероятные доводы о вреде будущего карьера. Приводилось даже количество возможных потерь местной фауны от уничтожения нескольких брусничных кустов. В это время Корякский автономный округ представлял собой самостоятельный регион и все вопросы решались без оглядки на областные власти. В связи с этим мы вышли из-под опеки областных «зеленых». Но оставались свои, не менее зубастые экологи. Свое жесткое заявление о необходимости угольного карьера сказал глава администрации Леушкин Сергей Геннадиевич. После этого прессинг «зеленых» ослаб, но борьба за запрет строительства карьера оставалась.

«Зеленое движение»

В начале 90-х годов страну охватило «зеленое движение». Оно приобрело масштабные размеры. Практически все предприятия оказались в числе нарушителей экологических норм по отношению к природе и подлежали, по мнению экологов, немедленному закрытию. Заметьте, все это происходило на фоне закрывающихся государственных предприятий. Многие оказались без работы. Притязания экологов нельзя назвать беспочвенными. Нарушений оказалось действительно много и кардинально решить их немедленно, было невозможно. Когда строились многие предприятия слово «экология» не было знакомым большинству населения. Пропаганда «зеленых» оказалась массовой. Неведомо откуда на Камчатку, как на мед слетелись жаждущие поохранять ее природу и, главное не допустить развития горной промышленности. Со всего света прибыли советники, экс-

перты самых различных направлений. Они привезли с собой современную компьютерную и множительную технику, обустроили свои офисы и очень старались окупить все расходы заграничных хозяев, а те, в свою очередь, не скупилась. Исполнители тоже изо всех сил старались оправдать их надежды. Не брезговали подлогами, фальсификациями. Одним из методов борьбы с развитием горной промышленности на Камчатке стала организация национальных парков в местах расположения месторождений полезных ископаемых, причем всячески пытались придать им статус международно - значимых и особо охраняемых. Иностранным экспертам и «учителям» так не хотелось, чтобы наша страна была богатой! Очень не хотелось улучшения ее благосостояния за счет наших минеральных богатств, которые стояли у некоторых иностранных «акул», как кость в горле и очень хотелось эту кость проглотить, прибрать к рукам. Не хочу расстраивать наших «доброжелателей», но у нас все будет хорошо. Так хочется думать. Проведенная компания по «спасению» Камчатки оказала определенное действие на ее население. Некоторые действительно серьезно озаботились грядущими экологическими «катастрофами». Но со временем здравая часть ее осознала и распознала истинные намерения тех, кто так печется о Камчатке. Вне всякого сомнения, время для такой масштабной борьбы за охрану окружающей среды было выбрано с ювелирной точностью. Согласитесь, начать такую компанию именно в период экономического спада совсем не случайно. Она не началась в период относительной стабильности, когда возможностей для наведения порядка в деле охраны природы было гораздо больше. Со временем это начала осознавать общественность полуострова. Кто-то из моих коллег в то время прочитал письмо, присланное на имя губернатора Камчатки от индонезийских пионеров, умоляющих не допустить добычи золота и не загубить уникальную природу полуострова. Вряд ли кто из этих пионеров представлял, где находится та самая Камчатка, о которой они так заботятся. Кому-то очень не хотелось появления на мировой арене нового золотодобывающего региона. Я не сторонник любой ценой пользоваться дарами недр, но весь цивилизованный мир пользуется своими минерально-сырьевыми ресурсами, стараясь при этом минимизировать влия-

ние антропогенных нагрузок. И это нормальное явление. Более того, любое государство обязано знать какими ресурсами и в каком количестве оно обладает. И это тоже не должно вызывать возражений. До сих пор помню, каких усилий потребовалось провести поисковые работы Пенжинской ГРЭ в бассейне реки Тылхой, где предполагались буровые работы в зимних условиях, когда глубина снежного покрова составляла более 3 метров, то есть почвенный слой никак не затрагивался. Комиссия, выдающая разрешение на эти работы собиралась дважды у губернатора Бирюкова Владимира Афанасьевича и приводила бредовые доводы для отказа в выдаче его. Члены комиссии, а их было около двух десятков, были далеки от предмета слушаний и несли несусветную чушь в своих запретительных доводах. Договорились до того, что директор института экологии и природопользования Моисеев Роберт Савельевич в своем выступлении убеждал губернатора в том, что если начнутся буровые работы в бассейне реки Тылхой, то непоправимый ущерб понесут коряки. Конечно, губернатор возразил против таких работ, но узнав, что до этого села не менее 60 км, дал добро на буровые работы. Кстати, в этом селе тогда проживали 3 семьи с общей численностью не более 10-15 человек.

В те годы в бассейне реки Горелой Пенжинская ГРЭ вела поисковые и разведочные работы на россыпное золото. Здесь же происходила его добыча силами артели «Камчатка». Прибывшая инспектор лесной охраны на кочковатой тундре, насчитала 4 этажа леса, приняв его за несметное богатство этой территории. Каждый квадратный метр такой тундры она оценила в большую сумму, а умножив ее на 4 «этажа» размер штрафа за причиненный ущерб вырос до фантастических значений. По нашим прикидкам каждая кочка тянула на несколько сот граммов химически чистого золота. Рядом с этим кочкарником проходила граница полигона старателей. В борту полигона визуально просматривалась небольшая, но отчетливая струйка золота. Это было то самое золото, за которое многие годы (даже в самые лучшие) покупались продовольственные и другие товары для всей страны. Увидев «живое» золото, инспекторша несколько снизила свой пыл по нанесению ущерба. Кочкарник уже не представлялся таким важным в природной среде.

Хочется высказаться о тех, кто работал в «зеленом движении». Камчатка регион небольшой и многие здесь как на ладони. Не редко во главе этого движения оказались люди совсем не безупречные по отношению к окружающей природе, а некоторые были вообще во враждебных отношениях с той самой природой и ее обитателями. Некоторые из них не держали в руках ничего тяжелее компьютерной мышки. Они слабо представляют, как выглядит производство, как образуется конечный продукт. Не исключено, что по их представлениям гамбургеры, чизбургеры, роллы и др. произрастают на березах. Именно такие особи от гомо сапиенс оказались в «обойме» защитников природы Камчатки, рьяно исполняя заказ зарубежных «охранителей» природы Камчатки. Немного обидно за наших бывших коллег, перекрасившихся в «зеленый» цвет. Уж они-то должны были представлять значения минеральных ресурсов для страны и выносить оптимальные решения для производства поисковых и разведочных работ. Увы, но и они, изменив цвет мундира, тупо следовали указаниям своих «кормильцев».

В годы, когда процветали безработица, многомесячные долги на предприятиях, ребята из экологического ведомства в своих креслах на фоне нищающего населения, «жировали». Своевременная и высокая заработная плата, отсутствие какой-либо ответственности за выполняемую работу, позволяли жить беззаботно, особо не вникая в проблемы страны. Выставляемые штрафные санкции частично пополняли их фонды, дополнительно стимулируя их заработную плату. И они старались по максимуму выжать из каждого предприятия. На такую работу появилась очередь, желающих лично оградить Камчатку от освоения ее минеральных ресурсов. За очень короткое время аппарат комитета по экологии и охране окружающей среды увеличился от нескольких сотрудников до 120 человек.

Отношение людей к охране природы разное. Большинство, конечно, считают, что надо бережно относиться к ней. Но есть и те, кто готов довести эту охрану до абсурда. Многие жители, проживающие на полуострове, так и не увидели самые охраняемые красоты, в том числе и долины гейзеров - жемчужину Камчатки. В погоне за «бережливостью» и тщательной охраной до конца 80-х годов ее лицезрели

ограниченный круг людей. К сведению читателей, действия гейзеров не постоянны. Со временем они затухают. Уверен, что со времен Устиновой Т.И. часть гейзеров прекратила свое существование и их красоты уже никто никогда не увидит. Вряд ли первооткрывательница этой долины Устинова Татьяна Ивановна считала правильным так скрывать ее от народа. Я тоже один из тех, кто много лет прожил на Камчатке и все время мечтал увидеть долину гейзеров. Лишь по случайному стечению обстоятельств мне удалось побывать там. В 1989 году на Камчатку прибыл, популярный в те годы, публицист Нуйкин А.А. Для него власти решили организовать полет в долину гейзеров на вертолете. Поручили это сделать начальнику нефтеразведочной экспедиции Торшкоеву Магомету Ахметовичу. С его базы экспедиции (пос. Коряки) и планировалась эта экскурсия. Благодаря моему коллеге (Торшкоеву М.А.) в вертолете нашлось одно место для меня. Наш гость, осмотрев долину гейзеров, сказал фразу, из-за которой я поругался с ним. Он сказал следующее: «посмотрел долину гейзеров и окончательно убедился в том, что она уникальна, ее надо беречь и постараться никого сюда не привозить». Работники заповедника, видимо, приняли это как руководство к действию. Лишь спустя некоторое время стали появляться редкие вертолетные экскурсии.

Депутатство

Я никогда не рвался в структуры власти. Но так случилось, что в 1990 году пришлось побороться за депутатский мандат в Корякский окружной совет. Дело в том, что «зеленое движение» и у нас, на севере стало упорно сопротивляться развитию не только горнорудной промышленности, но поисковым и разведочным работам. Во время избирательной компании мы впервые провели почти во всех населенных пунктах Корякского округа разъяснительную работу. Многие жители впервые узнали от нас о минерально-сырьевом потенциале региона и в своем большинстве поддержали начало его освоения. Опираясь на их мнение наш депутатский корпус впоследствии дал добро на разработку месторождений полезных ископаемых. Именно это ставилось целью при решении бороться за депутатский мандат.

Помню, как геологи юга Камчатки завидовали решению Корякского автономного округа открыть дорогу освоению месторождений. Конечно, главную роль в этом сыграл глава администрации С.Г.Леушкин – уроженец севера Камчатки. Он увидел в разработке месторождений экономическую выгоду и возможность существенно пополнить местные бюджеты. На мой взгляд, большую роль в этом видении сыграл и Юрий Викторович Неверов, который также стал депутатом Корякского округа. Случилось так, что глава администрации Леушкин С.Г. сдружился с Ю.В.Неверовым. Последний стал практически его советником. И тому были веские причины. Имея большой жизненный и производственный опыт, Юрий Викторович, слыл не ординарным человеком. Он хорошо разбирался в экономических вопросах и нередко находил оригинальные (не стандартные) решения во многих ситуациях. Никто не мог так правильно составить деловую бумагу, никто не мог так четко сформулировать задачу. Не суетливый, неспешный, рассудительный и мудрый, он мог четко обозначить основные тезисы при обсуждении производственных вопросов. Его искрометный юмор обезоруживал многих собеседников. Совсем не зря глава администрации именно его отправлял в Москву для решения самых сложных хозяйственных проблем. Наверное, именно за все эти качества С.Г.Леушкин уважительно называл его «Дедом». До сих пор

Ю.В. Неверов

помню его слова: «Я всегда буду спать спокойно». Это я о том, что он был честным, бескорыстным и благородным человеком. Я у него многому научился и очень жаль, что 17 февраля 2009 года его не стало.

Два года моего депутатства не стали пустым времяпровождением. Это была в какой-то мере школа, в которой кроме знакомства со многими законодательными актами, узнал о многих проблемах местного населения, о которых и не подозревал, хотя и прожил рядом многие годы и конечно, увидел, как велик разрыв в благосостоянии между севером и югом

Камчатки. Узнал и о том, что многие годы Корякский округ недополучал выделенные центром материальные ценности. Лишь 10% от причитающихся округу ценностей доходили до округа, остальные оседали в городе. Многие, что возвели в городе построено в ущерб развитию Корякского округа. Именно поэтому на одной из сессий депутаты проголосовали за отделение округа от области.

Начало вскрышных работ на карьере

Как ни странно, но власти на местах оказались главными противниками начала разработки угольного месторождения. В открытых разговорах все они приветствовали и ратовали за добычу местного угля, а за кулисами всячески тормозили, волокитили начало работ. Были случаи саботажа доставки местного угля, агитации работников котельных (кочегаров) не использовать местный уголь. Причины такого поведения были тогда непонятны. Только позже стало ясно, что привозной уголь приносил кое-какие «левые» доходы. Основной претензией к местному углю власти считали его низкое качество. Но пробные сжигания показали его высокую калорийность и пригодность для местных котельных. Кроме того, бюджет стал получать отчисления за добытый уголь.

Добыча угля это только пол-дела. Его нужно доставить до потребителя. Реально эту работу могли выполнить моряки портофлота. Они имели хороший опыт работы в приливно-отливной зоне Пенжинской губы. Не сразу согласились на это моряки и докеры. На акваторию, примыкающую к карьере, не было морских карт глубин. Берег оказался совершенно не изученным. И все же среди моряков не перевелись романтики. Первопроходцем стал экипаж парохода СПА-010 во главе с капитаном Лукьяненко Иваном Ивановичем и стармехом Пестуновым Валерием Петровичем. Это был, пожалуй, самый опытный экипаж портофлота. Именно он доставил основные грузы на карьер и самое главное, проложил пути подхода к береговой зоне, где было много подводных скал. Для судоводителей это были рискованные рейсы. Шансы получить пробоину и отправиться к «Нептуну» были весьма высоки, и потому на первые рейсы мне пришлось давать письменную

гарантию, что наше производство возместит все понесенные убытки в случае возникновения форс-мажорных обстоятельств. Вот на таких условиях совершались первые рейсы с углем. Со временем к работе подключились и другие пароходы. Начальник портофлота Олег Гаврилович Таволжанский хорошо осознал рисковость рейсов и несмотря на это дал «добро» на постоянную работу всем экипажам. Риск оправдывался тем, что появился большой объем работы.

*Начальник портофлота О.Г.Таволжанский
у места выгрузки угля в селе Манилы.*

Вахтовый посёлок на Гореловском угольном разрезе.

Маркшейдер С.Булгаков, главный механик М. И. Камаев, директор ЗАО «Терминал» О.Г. Таволжанский, генеральный директор ЗАО «Корякуголь» Ш.Ш Гимадеев, зам директора по снабжению В.С. Савицкий

Бульдозер Т-500.

Горный мастер В.В. Милуков В. В., Ш. Ш. Гимадеев, главный механик М.И.Камаев.

В 1993 году мы получили серьезную землеройную технику, погрузчик, самосвалы и др. К этому времени построили вахтовый поселок со всей инфраструктурой. Сформировался хороший коллектив профессионалов, который с большим энтузиазмом трудился на карьере. И для этого был стимул. Заработная плата у работников была весомой, немногим более чем в соседних горнорудных компаниях. Коллектив работников карьера был сугубо мужским. Так договорились изначально. В связи с этим однажды меня встретили женщины в селе (жены работников карьера) и на полном серьезе спросили: правда ли, что я, бывая в командировке, из города привожу резиновую куклу для мужиков? Оказалось, что некоторые работники карьера объясняли своим женам в письмах о привозе им интимного товара. Конечно, это была шутка, но озабоченность на лицах жен была не шуточная.

Геологический разрез на карьере в горно-техническом отношении был сложным. Вскрыша до пласта составила около 15 метров. От карьера до берега и до вахтового поселка сделали добротные дороги. В одной связке с нами работали моряки и докеры. Наше общее дело спланивало нас. В случае появления технических неполадок к их устранению подключались все. Капитаны пароходов приспособились к нашему необорудованному берегу. Подходы к нему были действительно сложными. Им приходилось варьировать среди многочисленных скальных выходов и любой неосторожный маневр мог

На фото пароход загруженный углем на осохшей поверхности Пенжинской губы.

привести к аварийной ситуации. Наиболее опасные участки они оградили буями, а на склоне установили створы для ориентации при подходе к берегу. Все усложнялось тем, что подходить приходилось с приливом, затем «осыхать» для погрузки и уходить с углем так же с приливом. Для судоводи-

телей работа в приливно-отливной зоне достаточно сложная, если учесть, что время приливов и отливов ежедневно меняется и зачастую приходится работать в ночных условиях.

По той же причине усложняется работа по подготовке на берегу угля и его погрузка. Все гораздо сложнее, когда море штормит. Успех погрузо-разгрузочных работ зависит от четкости и слаженности всех звеньев общей цепи. Все понимали, что оплату мы получим только за поставленный уголь потребителю, поэтому в период навигации старались добыть и вывезти как можно больше угля.

В 1994 году установили первый солидный план добычи. Я пообещал коллективу, если выплнят его, то доставлю на карьер самый большой цветной телевизор, какой только есть на Камчатке. В это время на карьере уже имелась телевизионная тарелка. Но телевизор был поростенький, черно-белый. План был выполнен и я сдержал слово. По случаю выполнения состоялся банкет.

Мне кажется, в тот год все были особенно счастливы. Карьер начал устойчиво работать. Отладились многие производственные и бытовые вопросы. Работа на карьере для работников не была чем-то новым. Правда, некоторым механизаторам пришлось осваивать новую технику – бульдозера Т-500, эксковаторы, погрузчик. Многие из них получили здесь хороший производственный и жизненный опыт. Бульдозера Т-500 – это высокопроизводительные машины, разработанные на Чебоксарском заводе. Они весили 56 тонн. Их доставка с материка была не простой. Большие сложности возникли при доставке их с Петропавловска-Камчатского до карьера. В пароходстве к этому времени остался лишь один пароход со стрелой 40 тонн. Пришлось частично демонтировать бульдозер. Сняли отвал весом 8 тонн, рыхлитель – 4 тонны. Выгрузка бульдозеров на берег с плоскодонных пароходов чуть не закончилась трагедией. При снятии отвала заклинило аппарателю судна. Начался прилив с накатом. Только в последнюю минуту удалось закрыть аппарателю и спасти судно.

Обучение работе на Т-500, экскаваторе проводил главный механик М.И.Камаев. Думаю, что многие молодые ребята до сих пор благодарны ему за учебу. Он много сделал для того, чтобы техника на карьере работала бесперебойно. К сожалению, в 2010 году он ушел

из жизни. Вечная ему память.

На моей памяти нет ни одного геолога, который был так влюблен в технику. Таким человеком является Сергей Витальевич Спивак. Бывший геолог, главный геолог после развала Пенжинской ГРЭ попросился работать на карьер и был принят начальником участка. Именно под его руководством началась вскрыша угольного пласта. О его тяге к механизмам я знал еще по совместной работе в экспедиции. Здесь, на карьере у него появился простор в общении с техникой. Он с удовольствием управлял самосвалом, трактором, вездеходом. Мог работать на погрузчике, тяжелом бульдозере и экскаваторе. Причем, он умел не только дергать рычаги, (то есть не был, как говорят, «наездником») но при надобности мог отремонтировать любой из механизмов. Замечу, что делал все это С.Спивак с удовольствием. Иначе, как природным даром это не назовешь. Со временем он стал хорошим организатором производства.

С. Спивак

Перед отъездом на материк я передал ему управление ЗАО «Корякуголь».

С большим уважением вспоминаю Анатолия Павловича Плетнева. На карьере он отвечал за энергетическое хозяйство. Построенные под его руководством котельная, электростанция и все электрическое хозяйство были образцовыми. К нам нередко приезжали различные комиссии, и всякий раз отмечали чистоту и порядок, особенно на энергетических объектах. Они этот порядок считали показушным, то есть специально подготовленным для комиссии. На самом деле порядок в этом хозяйстве навсегда определил Плетнев А.П.

Не могу не упомянуть нашего повара. В геологии считается, что половина успеха в партиях и отрядах принадлежит повару. И я с этим полностью согласен. Вот и в нашем случае успех ЗАО «Корякуголь» наполовину принадлежал Леониду Зубашенко. Для того, чтобы так вкусно и с фантазией кормить, конечно, требуется талант. Выпекаемый им хлеб, батоны, булочки и многие другие кондитерские изделия помнятся до сих пор. Кроме обладателя кулинарного таланта, Л.Зубашенко был прекрасным баянистом и мог сходу подобрать любую мелодию. Не зря он был ведущим баянистом в военном ансамбле группы войск в Германии. В селе Манилы, где он жил, на празднества всегда брал два баяна. Часто меха одного не выдерживали. Вот такой был темперамент. И об этом до сих пор помнят жители села Манилы.

Угольная шахта

Около 10 лет со мной в партиях проработал Борис Николаевич Вишневецкий. Начинал рядовым геологом, затем старшим геологом, а впоследствии стал главным геологом экспедиции. Он был родом из Донбасса, а точнее из Макеевки. В разговорах с ним постоянно возникала тема об угле, шахте. Судя по всему, ему довелось какое-то время поработать в шахте. Не знаю почему, но уже тогда захотелось спуститься в шахту и посмотреть, как она обустроена, как выглядит лава, как комбайн рубит уголь, прокатиться на «козе», познать воочию труд шахтеров. Мое любопытство материализовалось в одном из моих отпусков. Где-то на юге я познакомился с директором одной из шахт Донбасса. У геолога и шахтера нашлось много тем для разговора и когда мы перешли на «ты» я поинтересовался нельзя ли побывать на его шахте. «Легко» ответил он. Будешь возвращаться с моря – «заруливай» и дал адрес. Это была одна из самых глубоких шахт тогдашнего Донбасса. Ее глубина 1200 метров. Температура на забое + 38 градусов, средняя выемочная мощность пласта 0,7 метра. Длина лавы 700 метров. Вот в такой щели я провел рабочую смену с геологом. Нам предстояло задокументировать вертикальный разрез угольного пласта через каждые 10 метров лавы. На каждом отрезке надо зачистить лопатой разрез, замерить и зарисовать угольный пласт. Задача

не из легких. Между разрезом и нами постоянно двигалась транспортная лента, груженная высококачественным углем, поступающим от работы комбайна. Я в основном занимался зачисткой, а моя геологиня Алина замеряла и рисовала угольный пласт. И как все операции до этого она делала одна? Не могу не поделиться своими ощущениями пребывания в лаве. Скажу откровенно, некоторое время меня не покидал страх. Вся работа выполнялась в полулежачем состоянии. Только там я понял о своем некотором преимуществе невысокого роста. А каково шахтерам, габариты которых почти в полтора раза больше моих? Кровлю пласта держат домкраты, их вес 90 кг. Они постоянно щелкают из-за давления кровли. Чувство страха возрастает на участках не закрепленных. Любой вывал на таких участках и - «кирдык». Со временем с обстановкой обвыкся. Мимо нас проползли какие-то люди. Это взрывники, пояснила геологиня. Когда услышишь взрывы, старайся дышать сквозь тряпку. Это добавило адреналина. Вскоре действительно послышались глухие взрывы. Вентиляция работала в нашу сторону и все газы от работы аммонита 6ЖВ мы пропустили через свои легкие. Мы успешно завершили документацию лавы и вместе со сменой шахтеров поднялись на поверхность. Посещение угольной шахты оставило глубокое впечатление. Только здесь я понял, как тяжела, опасна работа шахтера и как низко оплачивается этот труд. Позже, когда шахтеры стучали касками по брусчатке в Москве, требуя повышения заработной платы, я понимал их и был солидарен с ними.

Добыча угля шахтным способом всегда является опасным производством. Катастрофы на шахтах не такое уж редкое явление. После моего пребывания на шахте я стал с большей тревогой воспринимать сообщения об авариях. Теперь они ассоциируются с тревогой о геологе, с которой провел когда-то рабочую смену в забое. Помню ее рассказы об углях Донбасса. От нее узнал о знаменитом геологе Леониде Ивановиче Лутугине, именем которого назван одноименный город, о его знаменитой карте, составленной на весь донбасский угольный бассейн. До сих пор помнится красивая блондинка с чумазым от угольной пыли лицом в шахтерской каске с «коногонкой», с самоспасателем на груди, так диссонирующая с окружающим шахтным

оборудованием. Позже узнал, что она освоила смежную профессию маркшейдера, тем самым еще плотнее связала свою судьбу с шахтой. Среди многих профессий шахтеры - особая каста. Трудно объяснить обывателю как можно любить более чем пыльную, опасную работу, где практически гарантирован силикоз, когда в любую смену можешь оказаться в завале, либо вообще отправиться к «верхним людям». И все же, вопреки всему они говорят: моряки любят море, пилоты небо, а мы скучаем по шахте даже во время отпуска. Мы не представляем себя вне шахты.

Задержка оплаты - главный тормоз развития угледобычи

Старые поставщики угля для Корякского автономного округа (КАО) все еще не могли смириться с тем, что довольно большой объем угля добывается на месте, то есть на Гореловском месторождении. Это значительно сократило их доходы от привозного угля. Местные власти тоже были не в восторге от нашего угля. Для них привозной был «выгоднее» и совсем не потому, что лучше или качественнее. В одном из последних поздравлений министра геологии по случаю дня геолога прозвучала фраза о том, что добывать уголь стало опасно. Надо представить себе размеры «откатов» за поставляемый уголь, если официальное лицо говорит об этом с высокой трибуны. Конкурирующие фирмы поставщиков иногда совсем не цивилизованным способом боролись за право обеспечивать углем многие северные населенные пункты. Качество привозного угля мало соответствовало представляемым сертификатам. Главная их задача сводилась к ответственности тоннажа. Открытых угроз до определенного момента не было.

В начале 90-х годов денежные расчеты за поставляемый уголь существенно сократились и нередко практиковалась вексельная оплата. Вексель - это такой «фантик» со сроком погашения через несколько месяцев, иногда до года. Никто не гарантировал его стоимость. Он в любой момент мог превратиться в никчемную бумажку. Для предприятий, конечно, требовались «живые» деньги. Именно поэтому об-

ладатели векселей старались как можно быстрее избавиться от них. Некоторые банки принимали их до срока погашения, но с дисконтом, который достигал 35-40 % и более. Несмотря на такие потери, предприятия соглашались на преждевременные погашения векселей. Люди требовали заработную плату. Не удалось избежать грабительского дисконта и ЗАО «Корякуголь». Администрация КАО в качестве частичного расчета за поставленный уголь, пообещала векселя со сроком погашения пол-года. Для получения векселей я прибыл в Москву. Они были на «предъявителя» и передвигаться с такими ценными бумагами по Москве было небезопасно. Пришлось попросить моих московских друзей хранить векселя на их квартире до моего отъезда на Камчатку. Позже выяснилось, что такая страховка была совсем не напрасной. За получением векселей зорко наблюдали угольные «братки». Дату моего вылета и номер рейса каким-то образом вычислили. У трапа самолета в Петропавловске-Камчатском меня встречал черный джип, как самую важную персону. Совсем не знакомые мне люди не навязчиво, но в тоже время под легким нажимом, усадили в машину и вывезли с территории аэропорта, после чего изложили свои требования о передаче им векселей. Чтобы у меня не возникло каких-то иллюзий, объяснили, что у них есть своя «микро» тюрьма (это 20 тонный контейнер) где у меня будет время подумать о возможных последствиях, если я не соглашусь отдать векселя. В «тюрьму» обещали дать сотовый телефон, по которому я должен сообщить о своем решении. Скажу откровенно, в такой ситуации я оказался впервые. Не знаю где и какие я нашел слова, но мне удалось убедить «братков», что векселей с собой нет, они находятся на хранении в одном из банков Москвы. «Тюрьмы» удалось избежать. Я был выпущен на свободу. Встречающий меня главный механик Камаев М.И. все это время пытался выяснить, почему меня нет в зале прилета, и почему мой багаж одиноко стоит на транспортной ленте не полученным? Только в тот день я понял серьезность слов нашего министра геологии об опасности в деле добычи угля. Это было время, когда реально могли «закатать в асфальт».

Нам не удалось избежать грабительского дисконта. Под 20% (по тем временам «божеский» процент) удалось обменять векселя на

«живые» деньги. Это позволило снять главную проблему - выдать работникам заработную плату.

После общения с «братками» я впервые задумался о серьезной «крыше». История вымогательства могла в любой момент повториться, не исключался печальный исход. Оборотных средств постоянно не хватало. Администрация КАО систематически не оплачивала счета за поставленный уголь. От этого страдали и наши партнеры (портофлот), которые возили уголь своими пароходами. Постоянные задержки оплаты сдерживали развитие производства, увеличение объемов добычи угля, а главное – задерживали выплату заработной платы. Попытки получения кредитов оказались безуспешными. Банки требовали надежный залог, а его не было. Запасы угля на месторождении они считали рискованным залогом.

В начале 90-х годов стали поговаривать о развитии малых предприятий и даже попытались создать соответствующее министерство. Но до него дело не дошло. Организовали комитет по малому предпринимательству во главе с Ириной Хакамадой. Комитету предписывалось помогать малым предприятиям, особенно в период их становления. По своему статусу ЗАО «Корякуголь» являлся именно таким предприятием. Я попробовал пробиться в этот комитет и даже «натоптал» туда дорогу. Но когда услышал выступление ее председателя И.Хакамады на встрече с шахтерами (они тогда часто стучали касками в столице) у меня пропало желание просить ее о поддержке нашего предприятия. Она посоветовала шахтерам Донбасса при отсутствии работы собирать грибы. О чем можно было говорить с И.Хакамадой после таких советов шахтерам? Сегодня я с усмешкой наблюдаю, как разрекламировали эту даму в стране и даже организуют ее мастер-классы по развитию бизнеса.

Мои поиски каких-то структур, которые могли реально помочь развитию нашего предприятия продолжались. Не помню, кто познакомил меня с человеком (имени не помню), который руководил всеми малыми угольными карьерами страны. Он громко называл себя президентом всех этих карьеров. Он выслушал мои проблемы, пообещал как-то помочь либо в приобретении техники, либо финансово и даже прибыл на Камчатку, добрался вертолетом до карьера. Навер-

ное, его отпугнула значительная удаленность карьера, слабо развитая инфраструктура в наших краях. Ознакомившись с красотами юга Камчатки, он удалился в столицу, так и не высказав своего резюме о Гореловском карьере.

Безрезультатными оказались мои встречи с депутатами Верховного совета, Государственной думы от Камчатской области и Корякского округа. Ни Григорий Ойнвид, уроженец Корякии, ни Владимир Мизинин (бывший директор совхоза Слаутный), ни М.И. Попов (по кличке Гегель) палец о палец не ударили для благополучия Корякии. Уверен, что с их возможностями добиться приема в кабинеты некоторых чиновников, можно было бы существенно помочь развитию предприятий и не только нашего. Я не говорю уже о том, что наши избранники могли приложить усилия и «выбить» из большой «копилки» страны хотя бы небольшой заводик по глубокой переработке оленины, рыбы, морского зверя.

Признаемся, народ избирал представителей в верховные органы власти прежде всего думая о их пользе для своего региона. Будучи нередко в Москве, мне приходилось видеть депутатов болеющих за свои регионы и реально решающие их проблемы. Наверное, таких не так много. Большая часть из них безмятежно отсиживают в уютных креслах свои депутатские сроки. Депутаты от Корякии относились именно к той, большей части. Попав в депутатскую обойму они забыли все обещания электорату не щадить «живота» в деле улучшения жизни на северах. Теплые кабинеты, хорошее обслуживание, совсем не пыльная работа, конечно, «разморили» народных избранников. Было время, когда я возлагал некоторую надежду на нашего избранника в Государственную Думу Владимира Мизинина. Он, как бывший директор Слаутнинского совхоза хорошо знал проблемы нашего округа и своей родины, но и он свой депутатский срок посвятил только рукоподнятию под команду «одобрямс».

Задержки с платежами за поставленный уголь приобрели системный характер. Частичных выплат едва хватало на выдачу небольших авансов для работников карьера. В аналогичной ситуации оказались наши партнеры, перевозящие уголь от карьера до села Манил. Администрация Корякского округа, пользуясь тем, что сроки навигации

ограничены и нам ничего не остается, кроме как добывать и вывозить уголь, не торопилась рассчитывать за наши услуги. Одновременно я видел, как та же администрация своевременно оплачивала услуги других предприятий находящихся за пределами нашего округа. Не хотелось верить, но бывалые люди подсказывали мне, что в новых условиях нужны более «гибкие» приемы получения заработанных денег. Я не смог перейти эту черту. Наверное, мешало мое «совковое» происхождение. Хотя, скажу откровенно, иногда был готов поступиться своими принципами, особенно когда мои работники просили денег на дорогу (на материк) к больному родственнику, иногда и на похороны, а касса предприятия была пуста. Признаюсь, такие эпизоды были самыми тяжелыми в моей работе.

Администрация КАО неплатежи объясняла задержками поступлений средств из центра. В это время центр методично призывал развивать малые предприятия, считая, что именно они смогут значительно пополнить бюджет страны. Особенно ратовал за это председатель правительства В.С.Черномырдин. Я решил написать главе нашего правительства с просьбой помочь упорядочить оплату за нашу продукцию. Это позволит развивать производство и более интенсивно наполнять местные и другие бюджеты. Я не очень надеялся получить ответ на свое послание, однако он пришел с резолюцией самого В.С.Черномырдина, где заместителю министра финансов предписывалось оказать содействие в оплате за поставленный уголь. В кабинете у зама было два стола с пачками писем, обращений. На одном столе бумаги за подписью Б.Н.Ельцина, на другом В.С.Черномырдина. Увидев эти кипы бумаг, я понял, что нет никаких шансов на успех в получении денег. Однако, вскоре, то ли в связи с письмом, то ли в связи с пониманием администрации того, что предприятие может прекратить свое существование, мы получили значительную сумму долга. Это позволило выплатить заработную плату работникам и погасить немалые долги по налогам, которые росли вместе с пенями, несмотря на задержки оплаты за поставленный уголь.

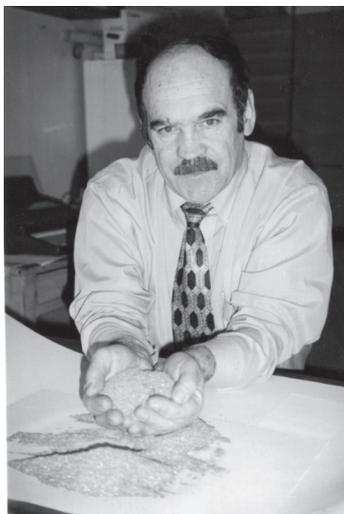
Поиски финансовой помощи для развития карьера не остановились. На Камчатке с советских времен существовала организация с названием «Камчатлестоппром». Ее многие годы возглавлял Ю.Вертман.

Она входила в состав «Ростоппрома», который в свою очередь, являлся «дочкой» министерства топлива и энергетики. В задачу «Лестоппрома» входило обеспечение малых населенных пунктов топливом, в том числе дровами. Один из участков этого заведения располагался в селе Манилы. Они заготавливали дрова для местного населения в долине реки Пенжины (собирали плавник), доставляли их на участок, где производили распиловку и даже кололи на «швырок». Кроме того, отгружали уголь в местные села. Основным же предприятием у «Лестоппрома» считался угольный карьер на Медвежке - это на восточном побережье Камчатки. Карьер существовал многие годы. Здесь добывался бурый уголь не очень хорошего качества с высокой степенью зольности. Он использовался близлежащими населенными пунктами и достаточно эффективно сжигался в смеси с завозным (сахалинским) углем. Под крылом «Ростоппрома» эта организация получала кое-какую технику и даже финансовую поддержку. Моему приезду в Москву в «Ростоппроме» были не очень рады, хотя в целом миссию по снабжению углем населенных пунктов западного побережья Камчатки за счет разработки Гореловского месторождения одобрили. Я понял, что делиться финансами с какой-то новой организацией им не очень хотелось. Однако помог случай. В то время заместителем министра топлива и энергетики оказался мой сокурсник Валерий Гарипов. Он отвечал за нефтегазовые дела, но узнав о моей проблеме состыковал меня с одним из замов, курирующих уголь. В назначенный день в министерство топлива и энергетики пригласили из «Ростоппрома» руководителя отдела, который был не очень благосклонен к Гореловскому карьере. В кабинете заместителя министра состоялся разговор, где хозяин кабинета тихим голосом сказал несколько фраз: «Прибыл человек с Камчатки. У него есть вопрос по вхождению в состав «Ростоппрома». Желательно помочь ему в этом и я бы хотел, чтобы вы понравились друг другу». На этом аудиенция закончилась. После таких слов клерк из «Ростоппрома» поглядел на меня как на очень родного человека. Тогда подумалось, как хорошо иметь такого сокурсника. В знак моей безмерной благодарности мы провели незабываемый вечер на его квартире. Весть о полученной «крыше» не осталась без внимания всех, в том числе недоброжелате-

лей мечтающих о переподчинении или даже закрытии нашего предприятия. У нас появилась государственная «крыша».

Отсутствие денежных средств сдерживало начало добычи россыпного золота. Должен признаться, что не ожидал больших задержек оплаты за поставленный уголь от администрации корякского округа. В перспективе от доходов за уголь планировалось приступить к добыче на россыпях ручьев Гриф, Нежданный. Более того, предполагалось подать заявки на добычу россыпей золота в близлежащих водотоках. Такие планы с учетом существующей базы на карьере «Гореловский» были вполне реальными. Увы, катастрофически не хватало оборотных средств. Банковские кредиты в то время были грабительскими. Кроме того, банки требовали гарантии погашения кредита. Наши основные средства, в том числе уголь на карьере в качестве гарантий не устраивали банкиров. И все же приступили к освоению россыпи ручья Гриф. На Магаданском механическом заводе приобрели небольшой промывочный прибор, доставили его на базу карьера «Гореловский». С карьера перегнали тяжелый бульдозер, произвели вскрышу и в начале лета начали промывку песков. Вскоре могли уже подержать в руках результаты наших работ.

*Золото россыпи
руч. Гриф.*

Уголь для пенсионеров

В связи с переходом на рыночные «рельсы» цена на уголь значительно подросла и не только для муниципальных котельных, но и для населения. Причем для населения она выросла весьма существенно и не каждая семья могла позволить себе уголь за такую цену. Особенно она ударила по наименее защищенным жителям – пенсионерам. В связи с этим ко мне обратился глава администрации села Манил Л.Р.Шапельский с просьбой оказать помощь некоторым пенсионерам, которые не способны приобрести уголь по столь высоким ценам..

Я попросил администрацию подготовить соответствующее письмо с перечнем таких пенсионеров. Для них мы решили выделить уголь бесплатно и более того, пообещал доставить нашими самосвалами в их дворы. С моряками и докерами договорился о том, что мы за этот уголь не берем оплату, а они за перевозку так же не предъявляют счета. Объем благотворительного угля составил 300-400 тонн. Я еще не представлял, чем закончатся наши благородные порывы. Все произошло, как и было задумано. Уголь добыли, отгрузили, доставили на берег, а так же развезли по дворам, согласно списка, представленного администрацией. Все бы ничего, но не прошло и месяца, как явились налоговые инспекторы с актами о штрафах по поводу незаконной операции. В порыве сделать доброе дело я, конечно, упустил из виду, что весь объем завезенного угля подлежал налогообложению, как за изъятые недра и т.д. Возражения оплатить налог не было, но в акте фигурировали штрафные санкции, причем в 10-ти кратном размере. Сумма штрафов превышала объем всего добытого угля в этот год. Налоговики тупо требовали оплатить всю сумму штрафа. Только благодаря придуманной легенде удалось уйти от штрафных санкций. Пришлось написать, что коллектив карьера в свободное от работы время собрал уголь на берегу Пенжинской губы, в приливно-отливной зоне. В начале 90-х годов в налоговых инспекциях собрался специфический контингент. Не хочу наводить хулу на всех работников этого ведомства, но многие из них излишне рьяно исполняли свои обязанности. Получив широкие права карать, они не всегда правомерно наказывали предприятия. В те годы налоговые инструкции часто дополнялись и не всегда доводились до предприятий. Этим широко пользовались инспектора. Они в те годы были некой кастой, со своеобразной манерой разговора. По двум, трем произнесенным словам можно было с уверенностью определить в нем налогового инспектора. Некоторые инструктивные положения, а такие появлялись почти ежемесячно, придерживали у себя, а затем приходили с проверками и, конечно, не находили их исполнения. Как известно, не знание инструкций не снимало ответственности. Некоторым руководителям приходилось дорого платить за свою «безответственность». Не секрет, что в таких случаях элементы коррупции имели место быть.

Мебель для В.А. Цареградского

В начале 90-х годов статус горно-технической инспекции Камчатки не позволял утверждать многие документы, в том числе и горные отводы под эксплуатацию месторождений полезных ископаемых. В то время она являлась филиалом Магаданской ГТИ. Лишь спустя несколько лет Камчатская ГТИ обрела самостоятельность и могла утверждать все подконтрольные ей документы. Не премину отметить такое право появилось после образования нескольких горно-рудных компаний на территории Камчатки. Все это было позже, а в 1992 году проект горного отвода под добычу угля на Гореловском месторождении, рассматривала Магаданская ГТИ. В связи с этим наше пребывание в Магадане стало нередким. Мы сразу отметили, как разительно отличались Камчатка и Колыма. Пребывая на Колыме, ее столице, чувствуешь, что находишься в горняцком крае. Люди горного дела здесь в особом «фаворе», Совсем иным выглядел стиль работы Магаданской горно-технической инспекции. Из рассказа местных горняков инспектора были строгими, но они делали все, чтобы работа предприятий не давала крупных сбоев. Сведущий читатель надеюсь, понимает меня. Я не ратую за прощение или послабление требований безопасности работ. Речь идет о заботе колымских инспекторов о совместном с производственниками устранении выявленных недостатков и минимизации простоя производства. Именно в этом принципиальное отличие двух инспекций.

Устроиться в гостиницу всегда было не просто, а в Магадане тем более. Столица Колымы - это сугубо административный центр. Все производственные подразделения находились вдали от него, вдоль трассы. Имеющиеся отраслевые гостиницы всегда забиты приезжими с многочисленных приисков и ГОКОВ. Проблему жилья удавалось решить в геологическом комитете, у которого были резервы жилья как для своих, так и для пришлых командировочных. Мой сокурсник Макс Зинатуллин в то время был председателем Магаданского геолокома, а второй сокурсник Артур Садыков - начальником лицензионного отдела. Здесь же, в Магадане проживал со своей семьей мой студенческий друг Михаил Орехов, который работал в геологическом

контроле. Такая встреча сокурсников и земляков (все из Казани) не обходилась без застолья. Нам было о чем вспомнить. Мы все вышли из одной альма-матер - геологического факультета Казанского университета.

В связи с устройством в гостиницу вспомнились рассказы колымских старожилков во время моих практик в Берелехской экспедиции. В 40-50 гг геология входила в состав наркомата внутренних дел (НКВД). Прямо скажем, зловещая аббревиатура в те годы. Работники геологии, выезжающие в отпуск, получали отпускное удостоверение. Оно выглядело в виде книжечки, на обложке которой тесненным шрифтом было написано «НКВД». Внутренняя запись оповещала сведения об отпускнике. Очевидцы рассказывали, что обладатели таких удостоверений не имели никаких проблем с устройством в гостиницы на территории всей страны. Надпись на обложке удостоверения приводила в трепет администраторов гостиниц. Была и другая льгота владельцам такого документа. Во многих крупных городах той, большой страны, имелись представительства от «Дальстроя», где можно было получить любую сумму в виде аванса. Удобный, прямо скажем, документ для отпускника.

На следующий день в геолкоме мне организовали рабочее место в одном из кабинетов, то есть выделили стол и стул. Если стул выглядел стандартно, то стол был совсем необычным. Его размер превышал обычные размеры, почти в два раза. Из-за его темной окраски я не мог определить, из какого дерева он сделан. Массивные элементы стола были инкрустированы плодами ягод и фруктов. Хозяин стола, отдав его мне во временное пользование, показал, как выглядит «долгий» ящик. Когда он выдвинул его, стало ясно: если какой-то документ окажется у дальней стенки ящика, то решение по нему будет не очень скорым.

Самым удивительным оказалась история появления этого стола. В 40-ые годы прошлого столетия начальник «Дальстроя» генерал-майор В.А. Цареградский заказал себе и заместителю два комплекта мебели для кабинетов. Оба комплекта изготовили из твердых пород дерева бригада краснодеревщиков с зоны. Комплект состоял из 75 предметов (столы, стулья, шкафы). Это были высокохудожественные

ственные изделия. Они впечатлили главу «Дальстроя» и авторы работ получили досрочное освобождение.

Президент сообщества «Русский крестьянин»

В одной из командировок в столицу нашей Родины, куда я неоднократно вылетал в начале 90-х годов для «выколачивания» оплаты за добытый и поставленный уголь, в моём гостиничном номере раздался телефонный звонок. Какая-то женщина просила о встрече, как она выразилась, по геологическому вопросу. Встреча состоялась в Корякском представительстве. По-видимому, на меня её вывела Валентина Тадеевна Броневиц – губернатор Корякии.

В назначенное время в кабинет представительства вошла энергичная женщина бальзаковского возраста. Она представилась депутатом Государственной Думы РФ, Огнёвой Еленой Георгиевной. Не часто встретишь женщину, которая может в первые же минуты разговора расположить к себе. Её облик, манера двигаться – соответствовали фамилии. Выяснилось, что она по образованию механик, специализировалась по сельскохозяйственной технике, значительное время работала по специальности. Про таких говорят: «Ей бы дивизией командовать». Она оказалась президентом сообщества крестьянских хозяйств России «Русский крестьянин». Её рассказы о жизни и быте селян свидетельствовали о глубоком знании предмета. Слушая её, я понял: именно таким должен быть тот, кто отстаивает интересы работников сельского хозяйства. Но темой встречи стал совсем не сельскохозяйственная тема. Как выяснилось, среди её друзей было немало учёных, причём самого высокого ранга – доктора наук, академики – истинные патриоты страны. В те времена многие учёные покинули Родину и уехали двигать науку за кордоном, т.е. в другие страны. Но были и те, которым жилось совсем не сладко, но они оставались на Родине, продолжая работать, несмотря на нищенское существование. Более того, изобретали новейшие технологии, за которыми охотились спецслужбы многих стран. Одному из таких изобретателей понадобился германий. Дело в том, что для изготовления солнечных

батареи используются некоторые компоненты, которые в значительной степени приводят к удорожанию их производства. Академик разработал новую методику для производства солнечных батарей. Основой для них являются производные от утилизации каких-то военных отходов. Для изготовления окончательного продукта требовались кое-какие компоненты, в том числе германий. Встреча понадобилась для консультации о проявлениях германия на Камчатке. Я, конечно, пообещал изучить материалы по проявлениям германия, однако таковых, заслуживающих внимания, на Камчатке не оказалось.

От встречи остался приятный осадок, сердце грело то, что есть ещё в России государственные люди, думающие об ученых, о стране.

Осень на рейде

Была поздняя осень. Ночные заморозки уже достигали 15-20 градусов. Небо озаряли голубые сполохи северного сияния. На море разыгрался сильный шторм, и капитан парохода СПА-010 принял решение отставиваться на рейде вблизи острова Аппапель. Мы пришвартовались среди своих пароходов. На всех судах работал 19-й канал, по которому моряки обменивались новостями. Это было время, когда спиртное было в избытке и его поглощение шло на рейде полным ходом. Наш экипаж не стал исключением. Капитан И. И. Лукьяненко и старший механик В. П. Пестунов считались на фоне других экипажей самыми благополучными по части приёма горячительных напитков. Эта команда всегда вовремя могла включить «тормоза» и не допускала срывов в работе. Осенние шторма в Пенжинской губе, да и во всем Охотском море, отличались особой свирепостью, поэтому требовали высокого внимания при судовождении. В этом мне приходилось убеждаться неоднократно.

Итак, мы на рейде. В капитанской каюте соорудили офицерский ужин и только сомкнули наши бокалы с благородным напитком, как дверь каюты открылась, и на пороге появился человек в лёгкой куртке (скорее ветровке) в вислоухой зимней шапке. И с самого порога стал умолять капитана догнать его моторную лодку, которую оторвало от одного из пароходов и понесло в море. Он сказал, что шёл на

лодке из посёлка Усть-Парень и остановился передохнуть на рейде. Чтобы было понятно читателям, поясню, что всё происходило ночью, т.е. в кромешной тьме. От Усть-Парени до рейда около 100 км по открытому морю в условиях бушующего шторма. Ориентиром для этого человека стали огни наших пароходов. Капитан Иван Иванович Лукьяненко, услышав рассказ о том, откуда он пришёл на рейд, увидев его одежду, в которой любой другой давно бы оказался в ином мире, тотчас отдал приказ запустить главный двигатель, включил все прожектора и мы начали поиск его моторной лодки. Приглядевшись к этому человеку, мы узнали в нём жителя села Манилы Петра Бурдакова. Нам повезло. Совсем скоро в лучах прожектора показалась моторная лодка. Из-за шторма её долго не удавалось пришвартовать. Когда, наконец, лодку подвели к борту парохода, то все увидели в луче прожектора собаку. Она лежала в носовой части лодки и, судя по её виду, многократно распрощалась с жизнью и прокляла тот день, когда свела свою судьбу с таким хозяином. Её тело, мокрое от морской воды тряслось, как осиновый лист, зубы плотно сжаты, под глазами застывшие слёзы. Собаку, конечно, подняли на пароход. Глядя на собаку, вспомнил, как однажды примерно в этих же местах был в аналогичной ситуации. Когда-то в районе устья р. Таловки мы попали в сильный шторм, возвращаясь с рыбалки на моторной лодке. Только благодаря опыту Олега Кошевого благополучно добрались до берега. На этом участке Пенжинской губы к Нептуну ушло немало жителей района. В месте впадения реки Таловка в Пенжинскую губу во время прилива и при встречном сильном ветре образуются большие волны. Только мастерство рулевого и большое везение может спасти от переворота лодку. Тогда я тоже проклял своё решение порыбачить, вспомнил всех святых и поклялся, что впредь никогда не выйду в море на моторной лодке.

Лодку Бурдакова отбуксировали на рейд, где команды всех пароходов выразили по 19 каналу своё одобрение. В каюте капитана СПА-010 И.И. Лукьяненко появился серьёзный повод поднять наши кружки за благополучный исход этой операции. Капитан много чего видел за более чем тридцатилетнюю жизнь на северах, но выход в шторм осенью по Пенжинской губе, из Усть-Парени в Манилы на лодке, потряс

его до глубины души. Через несколько часов шторм практически прекратился, в темноте начали просматриваться берега.

Пётр Бурдаков в селе Манилы слыл неординарным человеком. Заядлый охотник и рыбак, он нередко оказывался в экстремальной ситуации. Ему были привычны низкие температуры, дальние поездки по району, в том числе в зимний период. Похоже, что он пребывал под неусыпным присмотром своих «ангелов-хранителей», иначе давно бы ушёл к «верхним людям». И это действительно подтверждается его неоднократными случаями выживания во время зимней охоты. Постоянное желание попробовать себя в экстремальных условиях отличало его от остальных жителей района, в том числе и тех, кто тоже любит и зимнюю охоту, морские и речные прогулки в достаточно жёстких условиях. Не каждый отважится участвовать в гонках на собачьих упряжках, в Берингии, не имея своих собак, снаряжения, оборудования. Интерес и желание поучаствовать в престижном мероприятии заставили его однажды собрать всё необходимое и включиться в гонку. Собачью упряжку он собрал в селе Манилы, и каким-то образом внушил собакам суть их задачи. И пусть гонка не совсем удалась, но свою долю адреналина он получил. Признаюсь, мне всегда нравился такой авантюрный тип людей. Я сожалею, что в своё время, проживая в селе Манилы, не вовлёк его в геологическую обойму. Думаю, что он хорошо бы вписался в нашу геологическую семью.

Срок навигации на Охотском побережье очень короткий и за этот срок всегда хотелось доставить с угольного разреза в Манилы как можно больше угля. И это нормальное желание. Финансовое благополучие как ЗАО «Корякуголь», так и наших партнёров-работников портфлота напрямую зависело от объёма добытого и доставленного потребителю угля. Именно поэтому, несмотря на запреты, мы продолжали работу. Официально навигация заканчивалась 1 октября. Но наши рискованные рейсы за углем продолжались весь октябрь, а зачастую прихватывали и ноябрь, когда на берегах Пенжинской губы вырастали уже многометровые торосы и каждый рейс мог оказаться для парохода последним. Пароходы в это время из-за обледенения выглядели как айсберги.

Я припоминаю один из таких рейсов на пароходе СПА-010, когда нам совсем немного не хватило дотянуть до села Манилы, и по отливу наше судно, что называется «присохло», а следующая вода (прилив) уже будет ниже предыдущей. Так определено существующим графиком приливов и отливов. Фактически высоты следующего прилива будет недостаточно, чтобы всплыть нашему пароходу. Сложилась ситуация, когда пароход мог быть вмёрзнутым и раздавленным льдами, поскольку последующие воды по графику идут со снижением. Возникла реальная угроза заморозить судно с углём до следующего года, а это фактически его потеря. Мы оказались в той части бухты, где нам не могли помочь другие пароходы. Ситуацию разрешили капитан И. И. Лукьяненко и старший механик В. П. Пестунов. На осохшей, после отлива, поверхности Пенжинской губы они забили «мертвяки» (стальные ломы) и сделали между ними систему растяжек из тросов. Причём расставили их таким образом, чтобы при подходе прилива, подрабатывая двигателем (с учётом ветра и направления прилива), попытаться сдвинуть судно и оторвать его днище от уже промороженного грунта. Наблюдая за этой подготовкой, скажу прямо, я не рассчитывал на успех. Наверное, и команда не очень верила в него. Но всё же опыт, мастерство, а скорее чутьё капитана сделали своё дело. Пароход оторвался от грунта и всплыл. Это была ювелирная работа. Её могли сделать только те, кто хорошо знал характер Пенжинской губы, её приливо-отливные особенности.

ГЛАВА VI. ГЕОЛОГИЯ И АВИАЦИЯ

Аэропорт села Манилы

Геологию на Камчатке трудно представить без самолётов, вертолётов. Если в южных её частях существует кое-какое подобие дорог, то в северной части и таковых нет. Вся геологическая деятельность здесь была «завязана» на авиации, а конкретно на работе Корякского авиаотряда. Он до «лихих» 90-х годов базировался в посёлке Корф, что на восточном побережье Камчатки. В середине 60-х годов, а именно с этого времени я могу судить об авиаторах, отряд располагал десятком самолётов АН-2 и несколькими вертолётами МИ-4. Связь с городом осуществляли рейсовые самолеты ЛИ-2.

Наши геологические исследования на севере Камчатки (территория Олюторского и Пенжинского районов) велись под флагом Пенжинской ГРЭ. Экспедиция в то время проводила как геолого-съёмочные, поисковые, так и разведочные работы. В разведочные партии тракторными колоннами по зимнику удавалось доставить некоторые материалы, но для ритмичной работы этого было недостаточно. Её, то есть ритмичную работу, могла обеспечить только авиация. С авиацией связывалась не только доставка грузов и персонала к месту работ, но и ряд других работ. Значительный объём полётов выполнялся по нашим заявкам для аэрогеофизических исследований (аэромагнитные и аэрогравиметрические съёмки), аэровизуальных наблюдений. Вне всякого сомнения, уже в те годы геология было основным заказчиком у авиаторов.

Мои первые контакты с авиаторами начались с заброски так называемых «весновочных» групп. Эти группы доставлялись на место работ ещё ранней весной для подготовки баз к предстоящим летним работам. Для их заброски использовались самолёты АН-2 (на лыжах). Эти неприхотливые машины брали на борт одну тонну груза и

успешно доставляли в любую нужную точку. В качестве аэродрома для них служила наледь в долине речки около посёлка Первореченск. Несколько комнат нашего общежития служили пилотской, то есть, гостиницей. Полёты выполняли Анатолий Семченко, Вадим

Артемьев, Анатолий Трусенков, техническое обслуживание осуществлял Валерий Кочкин. Руководил всеми экипажами Борис Иванович Королёв. Большая часть пилотов были молоды. На фото Анатолий Семченко в кабине Ан-2.

Несмотря на то, что это была гражданская авиация, дисциплина среди пилотов мало отличалась от военной. Мне приходилось до этого видеть пилотов из разных регионов страны, в том числе из соседней Магаданской области. Наши камчатские пилоты выглядели на фоне других весьма презентабельно. Их лётная форма всегда была выглажена, бросались в глаза белые воротнички, отутюженные брюки. За многие годы я не видел среди них небритых, заросших членов экипажа (не считая техника Бориса Дремова, которого мало кто представлял без его окладистой бороды). Вид наших пилотов действительно радовал глаз.

Места будущих баз не имели готовых взлётно-посадочных площадок (ВПП) для приёма самолетов. Их приходилось выбирать по ходу полёта. Экипажи таких самолётов имели право подбора ВПП. Конечно, в таких случаях требовалось особое мастерство и им обладали почти все экипажи.

Во время заброски «весновочных» групп мы особенно сдружились с пилотами. Наша совместная работа по заброске грузов на необорудованные площадки для нас, молодых, считалась, конечно, небезопасной. В некоторых полётах доза адреналина зашкаливала. Я не оговорился, что работа была совместной. В каждом полёте обязательно присутствовал кто-либо из геологов. Нередко он выступал в роли штурмана. Именно он указывал место предполагаемой базы,

а пилоты вблизи её находили место посадки. Нередко при посадке самолет уходил под снег вплоть до верхних крыльев. В таких случаях приходилось всем откапывать его лыжи, а затем враскачку выбираться из снежного плена. И такие посадки были весьма неприятными.

Припоминаю один из полётов в долину реки Холоховчан, когда из-за очень рыхлого снега решили не садиться на площадку, а сбросить груз в воздухе. Для этого загрузились тем, что не пострадает от удара о землю, а в данном случае о снег. Оба пилота сидели за штурвалами, а сброс груза поручили мне. Открыли грузовой люк, сказали, чтобы привязался, и по их сигналу за несколько заходов я сбросил тонну груза. Всё прошло, как говорят, штатно, но когда я увидел конец страховочной веревки, которой был обвязан, свободно болтающийся на полу самолёта, то впервые познал про тот холодок, охватывающий всё тело. Заметил и ужас в глазах командира, который увидел, что конец веревки не привязан к борту самолета. Пилоты круто разворачивали машину при каждом заходе на площадку для сброса груза. У меня было много шансов отправиться на землю вместе с грузом. Не исключено, что поросль на моей голове стала прорезиваться именно с того эпизода. Позже я использовал такой способ доставки грузов в некоторые партии даже в летних условиях. Это случалось, когда не хватало вертолётов. С воздуха сбрасывали даже бочки с топливом. Бочки в таких случаях рекомендую заливать на 2/3 ёмкости и сбрасывать их на склон. Сохранность груза – 95%, но бывают и осечки. Такое случалось, если бочка падала на камни.

Жизнь пилотов в Первореченске была многообразной в отличие от других мест («точек») работы. В свободное время они играли с нами в хоккей. В то время на всю Камчатку только у нас был каток, где играли в хоккей с шайбой. Они участвовали в нашей художественной самодеятельности. Некоторые из них хорошо играли на музыкальных инструментах, а командир МИ-4 Носко-Бахаровский профессионально декламировал басни И. А. Крылова. На улице Первореченска можно было видеть экипажи АН-2, возвращающиеся из гостей под звуки гармошки, на которой классно играл Анатолий Семченко.

В первой декаде мая наш ледовый аэродром под лучами солнца раскисал. Самолёты, уходя на базу (в Корф), делали прощальные кру-

ги над посёлком и улетали на озёра, где ледовое покрытие ещё сохранялось, чтобы «переобуться» (поменять лыжи на колеса). Ритуал прощания был всегда трепетным. Заканчивали зимние грузоперевозки и тракторные колонны. Всё дальнейшее обеспечение геологических партий связывалось с вертолётами.

В ближайшем к нам аэропорту Манилы (9 км от п. Первореченска) в конце 60-х годов завершили строительство ВПП для самолетов Ан-2. Аэродром строил Владимир Давыдович Емельянов, который прибыл на Камчатку в 1960 году после службы на Сахалине. Работать начал техником по обслуживанию самолетов Ан-2 в Халактырском аэропорту. В 1961 году был направлен в командировку в Корякский авиаотряд, в поселок Корф. С этого времени связал свою судьбу с севером Камчатки. Несколько лет проработал авиатехником в пос. Корф, а в 1964 году возглавил аэропорт в селе Усть-Пахачи. В том же году приступил к строительству там взлетно-посадочной полосы (ВПП). Уже в следующем году аэропорт стал принимать самолеты Ан-2. Думаю, что руководство Корякского авиаотряда заметили организаторские способности В.Емельянова и перевели его в село Манилы, где также

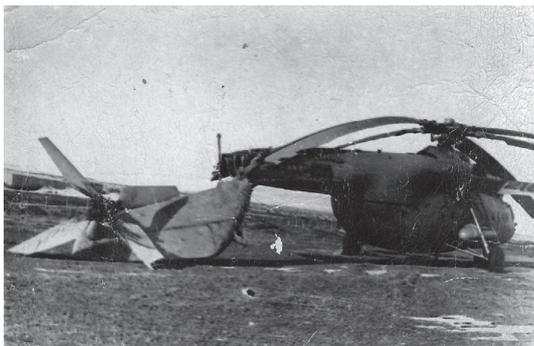
В.Д. Емельянов

требовалась ВПП. В 1968 году она была запущена для приема самолетов Ан-2. С этого года Владимир Данилович, почти на три десятилетия связал свою судьбу с аэропортом Манилы и многое сделал для его обустройства.

Здесь на постоянной основе стали базироваться звено самолетов Ан-2 и вертолет МИ-4. Для пилотов и авиатехников построили благоустроенный дом, а для тех, кто прилетал на работу с основной базы (посёлка Корф) - пилотскую. Наличие своего склада ГСМ позволяло надежно заправлять как свои летательные аппараты, так и проходящие.

Пенжинский район Камчатки, а в том числе село Манилы отличались сильными и многодневными ветрами (пургами), особенно в зимний период. Скорость ветра 20-25 м/сек было рядовое явление. Припоминаю, как однажды со стоянок в аэропорту сорвало два самолета Ан-2 (а они были закреплены тросами) и стало разворачивать их по «розе ветров», готовя к взлету без своих командиров. Последствия оказались таковыми, что фюзеляжи этих самолетов после таких маневров стали служить складом для хранения цемента.

Незавидная участь постигла вертолет Ми-6, прибывший для завоза тяжелых грузов в Сергеевскую разведочную партию. В один из пуржливых дней сорвало крепление лопастей, которые в итоге обрубили хвост этого вертолета.

Более года потребовался ремонт для этой машины. Перед вылетом на свою базу (Хабаровск) второй пилот вертолета посетовал мне, что не хотел бы лететь на этом вертолете. Позже выяснилось, что тогда вертолет

благополучно добрался до своей базы, но спустя некоторое время судьба «догнала» его. Вертолет попал в аварию, экипаж погиб.

Через аэропорт Манилы совершали полёты «на форму» многие воздушные суда на материк, а в 90-е годы даже в г. Анкоридж, что находится на Аляске. Этим маршрутом в наши края добирались заграничные любители поохотиться. Наши предприниматели под «крышей» предприимчивых чиновников организовали этот доходный бизнес – спортивную охоту. В те годы такой вид туризма был весьма распространён. Иностранцев привлекла охота на наших лосей, медведей, снежных баранов, считающихся самыми крупными в мире. Хочу отметить, что рога пенжинского лося в 1972 году завоевали золотой приз на всемирной выставке, где были оценены в 50 000 долларов.

Иностранные туристы со своими трофеями.

В наших краях иностранцы увидели девственную природу, которую в их странах уже трудно найти. Среди них были и любители экстрима. Один из охотников пытался «проверить на крепость нашего медведя» и сошёлся с ним в рукопашной схватке. Только благодаря карабину нашего охотника Анатолия Деменьчука удалось спасти иностранного гостя. Он успел вставить в пасть медведя свой карабин. Гость из Америки поблагодарил нашего охотника и в благодарность за спасённую жизнь подарил ему свой бинокль.

Доходы от спортивной охоты, конечно, терялись где-то в «глубоких» карманах. По договору иностранным охотникам разрешалось вывозить из нашей страны свои трофеи, в частности, рога лосей и баранов. В народе поговаривали, что вместе с добытыми трофеями некоторые иностранные любители «бруснички», увозили и самые памятные «экзотические сувениры» в благодарность от полюбившихся им местных девушек. Наверное, это было бесплатное приложение к договору, некий презент...

Иностранную охоту по требованию оленеводов вскоре были вынуждены закрыть. На одной из сессий Корякского округа оленеводы объяснили депутатам, какой вред наносят такие охоты. Оказалось, что выбивались элитные особи лосей, баранов, из-за чего возрождалось слабое потомство. Оленеводы жёстко предупредили власти о том, что если не прекратят такую охоту, то они начнут стрельбу по вертолётам, доставляющим иностранных охотников.

Объём работы для самолётов АН-2 значительно прибавился с началом разведки Сергеевского золотосеребряного месторождения. А когда в посёлке разведчиков построили ВПП для круглогодичного приёма самолётов, объём грузоперевозок вырос кратно. Основной объём грузов самолётами АН-2 на Сергеевское месторождение доставило звено, базирующееся в Манилах. В то время командиром звена был Владимир Чашев. Его звено в составе пилотов Леонида Дерянина, Геннадия Трофименкова, Рима Богданова, Александра Долгих и др. совершали по несколько рейсов в день. Несмотря на это местное звено с объёмом грузоперевозок не всегда справлялось. На помощь с базы Корякского авиаотряда прилетали Владимир Архипов, Владимир Шмырин, Владимир Квасов, Борис Пустовалов, Сергей Мануйлов, Владимир Семяшкин. Практически все из них позже перучились и пересели в кресла вертолётчиков.

В 1974 году посёлку геологов на месторождении было присвоено официальное название Северо-Камчатск. В 70-е годы аэропорт Манилы был, пожалуй, самым популярным на севере Камчатки. Гул моторов самолётов, вертолётчиков не стихал всё световое время. Разведка месторождения требовала ежедневно 6-7 тонн различных грузов. Своей авиации (Корякского авиаотряда) зачастую не хватало. На помощь прилетали вертолётчики с юга Камчатки (Халактырский авиаотряд). Среди прилетавших были командиры Владимир Самарский, Григорий Иванович Захаров, Анатолий Фомин (со своей присказкой «в ритме вальса») ставшие позже легендарными летчиками Камчатки. Сегодня их имена носят вертолёты МИ-8.

Вертолётчики были, есть и ещё, наверно, долго будут самым востребованным транспортом в отдалённых населённых пунктах Камчатки. Мало, кто из жителей страны так часто летал на вертолётчиках, как камчадалы. Население побережья Камчатки уважительно относится к этой авиации, а их экипажи запомнились многим, кто жил в этих краях. Невозможно рассказать обо всех вертолётчиках, с кем довелось летать по роду работы. Поэтому будет справедливо рассказать в первую очередь о тех, кто работал с геологами длительное время и провёл в небе Корякии не один десяток тысяч часов.

Вертолёты на севере Камчатки появились лишь в начале 60-х

годов. Первое звено вертолетов Ми-4 возглавил Вячеслав Петрович Забалуев, перебравшись на работу из Халактырского аэропорта в поселок Корф. Где-то в это же время звено пополнилось В.Кудрявцевым, А.Чистяковым, Ю.Завадовским. С этими командирами пришлось поработать совсем немного. Мои полеты связаны в основном с другим, чуть моложе, поколением пилотов. Это Н.П.Ковалев, Л.И.Новицкий, С.П.Волков, И.И.Шеремет, С.В.Касперович, В.Квасов, П.Ф.Петрищев.

В.П.Забалуев

Уверен, что жители самых северных районов Камчатки, проживавшие в 60-х – нулевых годах хорошо помнят командира вертолёт **Николая Петровича Ковалева**. Он учился в Кировоградском авиационном военном училище, где его готовили для полётов на самолётах ЯК-18, ИЛ-28, но судьба распорядилась иначе. Весь выпуск по окончании училища расформировали и уволили в запас. В 1960-1961 годах он переучился в Кременчугском училище на вертолётчика.

В 1961 году Н. П. Ковалев прибыл на Камчатку. Здесь некоторое время летал в южной её части на вертолёте МИ-2, а вскоре перебрался в Корякский авиаотряд, с которым на долгие годы (до 2004 года) связал свою судьбу за штурвалами вертолётов МИ-4 и МИ-8. За 43 года работы налетал около 22 000 часов, то есть более 900 дней (два с половиной года) провёл в небе Камчатки. Далеко не всем пилотам удалось так долго поддерживать форму, пригодную для лётной работы. Однозначно, это был самый известный пилот на севере Камчатки.

Мне часто доводилось видеть его работу. Николай Петрович, видимо, имел все допуски на право пилотирования вертолётom в самых сложных метеорологических условиях с посадками на различных высотах. Отмечу одну из профессиональных особенностей, которую я нередко наблюдал в его работе. Он обладал уникальной памятью в ориентировке на местности. Геологические отряды часто забрасывались вертолётami в различные участки района. Привязки последних в спешке не всегда отмечались на картах, и только зрительная память

Н. П. Ковалева позволяла безошибочно находить группы геологов.

С экипажем Н. П. Ковалева мне приходилось летать много, ино-

гда на предельной заправке, как говорят, на «лампочке», когда в баках оставалось совсем мало топлива. Точный остаток топлива, несмотря на наличие датчиков, трудно определить, и только какое-то внутреннее чутье командира позволяло дотянуть до заправки. Свидетелем таких эпизодов я был неоднократно. Со слов его коллег у него не было случаев возврата из полёта по выданным минимально допустимым метеоусловиям. Следует упомянуть и то, что Н. П. Ковалева

Н. П. Ковалев

был до конца приверженцем вертолета

МИ-4. Он последним «добывал» этот тип вертолёт в Корякском авиаотряде и лишь после этого переучился на вертолёт МИ-8.

Николай Петрович, несомненно, был пилотом «от Бога». Он не мыслил себя без полётов и относился к ним очень ответственно, понимая важность своей работы. Припоминаю, как однажды он резко отчитал своего бортмеханика за то, что тот посчитал уже достаточным налёт на текущий месяц и высказал мысль, что пора бы отдохнуть. Он разъярил тогда бортмеханику, что важен не столько налёт, сколько задача, которую надо выполнить для геологов. Эти слова у меня вызвали ещё большее уважение к этому пилоту. За время нашего знакомства Н. П. Ковалев не позволял себе повышать голос в общении со всеми. Не слышал от него и ненормативную лексику, хотя в его работе наверняка хотелось кое-кого «обложить». Признаюсь, что в наших северных краях без «крепкого словца» дело не всегда продвигается оперативно. Несколько стеснительный (так казалось), со спокойным, тихим голосом, доброй улыбкой, он сразу располагал к себе собеседника. Работать с ним было одно удовольствие. За многие годы работы Николай Петрович пересадил (то есть ввёл командиром воздушного судна) в левое кресло вертолёт не один десяток молодых пилотов. Не могу не упомянуть о его слабости к вкусной пище. Он являлся настоящим гурманом в выборе еды и употреблял только

качественный продукт. При этом практически не употреблял спиртное и не баловался табаком. Возможно, это продлило его долголетие в лётной работе. Сегодня Николай Петрович здравствует в городе Калининграде, помогает растить четырех внуков и двух правнуков.

Практически всю свою сознательную жизнь посвятил лётному делу **Леонид Иванович Новицкий**. Успел послужить в истребительной авиации, но в конце 50-х годов попал под сокращение в вооруженных силах по, так называемому, хрущёвскому указу. Авиацию не бросил, поступил в Кременчугское лётное училище и после его окончания в 1960 году прибыл на Камчатку. Как позже выяснилось, на всю оставшуюся жизнь.

Наверное, в авиации существует традиция строить жильё своим работникам вблизи аэропорта. Леонид Иванович жил в связи с этим максимально близко к аэропорту, и не только к аэропорту, но и к ВПП. Более того, стоянка его вертолёта находилась практически в шаговой доступности от порога дома. Его семья всю жизнь прожила под шум моторов самолётов и вертолётв. С этим шумом вынужден был смириться и медвежонок, который некоторое время проживал в этом же доме. Медвежонок звали Лялька, и он являлся достопримечательностью аэропорта Тилички, куда он иногда убегал за сладостями от улетающих пассажиров. Со временем медвежонок вырос, стал неуправляемым. В итоге его жизнь продолжилась в одном из военных гарнизонов Петропавловска-Камчатского.

Продолжая тематику о медведях, помнится полёт в районе реки Гыленга, это на севере Камчатки. Мы летели на вертолёте МИ-4 и ещё издалека увидели, что медведю осталось всего пару прыжков из-под террасы, чтобы отобедать только что родившимся лосенком. Жизнь его висела на волоске. За штурвалом вертолёта был Леонид Иванович. Он решил наказать медведя, и некоторое время летел над ним, прижимая к земле. Обессиленный медведь перевернулся на спину и очень смешно (хотя ему было

*Л.Новицкий
с Лялькой.*

не до смеха) оборонялся от вертолѐта всеми лапами. Он вряд ли тогда понял, за что ему такая кара, а вот мама лосѐнка наверняка поблагодарила «стальную птицу» за спасение её дитя.

Л.И.Новицкий

По роду работы на мои базы партий и отрядов довольно часто прилетал Леонид Иванович со своим экипажем. Скажу откровенно, всегда был рад видеть его. Считаю неуместным судить о его профессиональных качествах. Они, несомненно, высоки. Об этом говорят его коллеги. Он, конечно, был классным летчиком. Многие согласятся со мной в том, что природа подарила ему невероятно обаятельную улыбку, которая говорила об его открытости и доброте. Именно о человеке с таким типом лица говорят – светлый человек.

Леонид Иванович не имел своего жилья на материке. Севера при многих своих плюсах не лучшее место для нормального бытия. В 1997 году он решил перебраться в Подмоскoвье, где приобрѐл квартиру. Но Камчатка не отпустила его. По дороге в Петропаловск-Камчатский он ушѐл из жизни. Его тело привезли в п. Корф и похоронили на Тиличикском кладбище.

Станислав Павлович Волков один из аборигенов Корякской авиации. На Камчатку прибыл в 1961 году. Некоторое время работал на юге Камчатки, в Халактырском авиаотряде, где начинал свои полѐты на самолетах АН-2. Но впоследствии связал свою судьбу с вертолѐтами МИ-4 и МИ-8. За 36 лет налетал 16500 часов (около 700 дней или, почти, два года).

Многие жители севера Камчатки хорошо помнят, когда в Корякском авиаотряде появился первый вертолет МИ-8. Запомнился его бортовой номер 22263. Это произошло весной 1977 года. Экипаж того вертолѐта состоял из молодого второго пилота Бориса Алякритского, бортмеханика Владимира Рогожкина и командира – Станислава Петровича Волкова.

С.П.Волков у вертолета Ми-8

Это была техника совсем другого, более высокого уровня. Первое время все буквально любовались новой машиной. Она превосходила МИ-4 по всем параметрам. Её грузоподъёмность превышала МИ-4 более чем в два с половиной раза. Это был более скоростной и комфортный вертолёт. Конечно, геология стала одним из основных его заказчиков. Многие последующие экипажи данного типа вертолётов получили путёвку на полёты именно от С. П. Волкова. Один из его учеников Борис Алякритский очень образно отразил в своих стихах становление вертолётчика.

Начало начал.

*Плавно оторвался вертолёт
И оставил землю под винтами.
Это самый первый мой полёт,
Первое свиданье с небесами.*

*Горизонт, по- утреннему, чист.
Подо мной зелёные просторы.
Вертолёт послушен, чуток, быстр,
Безотказные, поют моторы.*

*Высота растёт, растёт, растёт...
Пробегают рощи и озёра.
Маленькой стрекозкой вертолёт
Растворится в небе синем скоро.*

*Стрелки на приборах все живут
Напряжённой жизнью вертолёта,
И не дни, а месяцы пройдут,
Чтобы их уметь читать в полёте.*

*Чёткий голос слышу в «СПУ»,
Выполняю, как во сне, движенья,
Кажется, что будто бы, плыву,
По земле мелькающею тенью.*

*Вот вдали уже аэродром.
Мой инструктор произвёл посадку.
Я осмыслю весь полёт потом,
Первый раз не всё бывает гладко.*

*Не приходит сразу мастерство,
Но теперь, наверное, я знаю,
Не сверну с пути я своего,
«Я живу» - мне равносильно - «Я летаю».*

С таким желанием летать мастерство пришло довольно быстро. **Б.Алякритский**, окончив Кременчугское летное училище в 1976 году начал летать на Ми-4, а совсем скоро вторым пилотом на Ми-8. Позже освоил вертолеты В-3 «Сокол», Ми-2. С опытом и мастерством росла карьерная поступь. В короткие сроки стал командиром воздушных судов, командиром эскадрильи, а вскоре командиром летного отряда. Камчатскую карьеру завершил в должности начальника межрегионального территориального управления. Значительный опыт работы, организаторские способности не остались незамеченными. В 2006 году был приглашен в Москву на должность начальника территориального управления центральных районов Росавианавигации.

В настоящее время директор департамента государственной политики в области гражданской авиации Минтранса РФ.

Мне довелось немало летать с экипажем Станислава Павловича, выполняя самые различные грузоперевозки для геологической партии. Особенно запомнилась его работа на внешней подвеске. Эта работа всегда была непростой в условиях нашей гористой местности. Нам нередко требовалась доставка негабаритных грузов (вездеходов, контейнеров, электростанций и др.). Однажды везли на внешней подвеске вездеход ГАЗ-71 в район реки Тылхой. По ходу полёта началась «болтанка», и сброс груза казался неминуемым. Я уже мысленно распрощался с ним. Сбросы таких грузов

Б.Алякритский

случались, от этого никто не был застрахован. Но этот вездеход во многом решал судьбу выполнения нашего геологического задания. В какое-то мгновение Волков, видимо, увидел моё лицо, явно выражающее страдание от возможной потери вездехода, а вместе с ним всех геологических планов. И он в самый последний момент смог погасить амплитуду «болтанки», выровнять машину и благополучно дотянул до базы геологической партии. Увидев потом мокрую спину командира, я понял, каково же было его напряжение. Когда мы сели на вертолётную площадку, командир посмотрел на меня и сказал: «Можешь выдохнуть, всё обошлось, мы это сделали».

Станислав Павлович, кроме того, что был классным лётчиком, слыл в Корфе изобретательным человеком. В 60-70 годах в посёлке ограничивали подачу электричества – его отключали на некоторое время для экономии топлива. В такие дни только в окне дома Волковых горел свет благодаря его миниветровой станции, сделанной из лопасти самолёта АН-2. Лопасть крутила корфская «бора», аналог новороссийской. В Корфе практически круглый год дуют северо-западные (320°) ветра и жаль, что этим природным явлением не вос-

пользовались до сих пор.

Сегодня Станислав Павлович живёт в Краснодарском крае. Ему (как он говорит) до сих пор снится Камчатка.

Игорь Иванович Шеремет один из немногочисленных пилотов,

*И.И.Шеремет
в кабине Ми-8*

кто налетал более 20000 часов в небе Корякии. Он прибыл на Камчатку в 1971 году после окончания Кременчугского лётного училища и начал свою карьеру вторым пилотом на вертолёте МИ-4. Совсем скоро стал командиром этого судна. Своим учителем считает Петрищева Петра Фроловича. В конце 70-х годов переучился на МИ-8 и через некоторое время возглавил эскадрилью. За долгие годы работы Игорь Иванович, как и другие пилоты, много летал по заявкам геологов. Также выполнил большое количество так называемых санрейсов в самые труднодоступные места севера Камчатки,

участвовал в спасении людей с тонущих судов в Беринговом море.

В 1980 году закончил заочно Хабаровский институт физкультуры. Наверное, дружба со спортом позволила ему так много времени провести в небе. Лётной работе посвятил 38 лет. Награждён знаком «Отличник воздушного транспорта». В 2009 году работал в инспекции по безопасности полетов и сертификации лётной деятельности. В 2010 году покинул Камчатку. Сегодня живет в Белгороде

Станислав Всеволодович Касперович прибыл на Камчатку в

1971 году вместе со своим курсником по Кременчугскому училищу Валерием Одноволиком. Свой первый рейс в роли второго пилота совершил в экипаже Юрия Анатольевича Завадовского, в то время уже именитого командира вертолета МИ-4. Бортмехаником в эки-

паже был Виктор Фалеев. В 1975 году С.Касперович пересел в левое кресло вертолета. В статус командира вводил Петр Кравец. Авиации Камчатки отдал 40 лет жизни. В его активе 14000 часов, проведенных в небе, это более, чем полтора года.

Существенная часть этого времени от- дана работе по геологическим заявкам. У пилотов, кто много летал, наверняка слу- чались нештатные ситуации, вынужденные посадки. Но то, что выпало на долю С.Кас- перовича ведомо не всем. В 1978 году в районе реки Укэляят, это на восточном по- бережье Камчатки его вертолет потерпел аварию и упал в узкое ущелье.

Этот район отличался высокогорным рельефом с пилообразными горами. Не берусь судить о причине аварии. Можно толь- ко сказать о том, что экипаж остался жив благодаря «ангелам-храни- телям». Из экипажа более всего пострадал бортмеханик Владимир Топольцев, которому пришлось оставить летную работу, но, при этом остался в «обойме» гражданской авиации.

*У вертолета С.Касперович и его борт-механик
Н.Петропавловских*

По роду работы я много часов налетал с экипажем С.Касперовича и всегда был рад видеть его вертолет на своих лагерях, базах партий и отрядов. Не могу не отметить его дружелюбное, благосклонное общение со всеми окружающими. Эта характерная черта сохранилась до сегодняшнего дня. Запомнилась его особая дружба с неизменным в экипаже бортмехаником Николаем Петропавловских. К сожалению, он рано ушел из жизни по болезни. Стас как чувствовал его кончину и потому бережно относился к нему. В 2014 году я находился на Камчатке. У меня раздался телефонный звонок от Стаса. Его просьба глубоко тронула меня. Он просил помянуть своего бортмеханика Н.Петропавловских. Прошло 14 лет как его не стало. Признаемся, мало, кто помнит из нас такие даты.

В.Н.Квасов в аэропорту Елизово.

Владимир Николаевич Квасов на Камчатке с 1971 года. Окончил Омское летно-техническое училище. Летную работу начал на самолетах Ан-2. В 1980 году переучился на вертолеты Ми-8. В 1987 году стал заместителем командира летного отряда. За время работы освоил самолеты Ан-28, Ан-74. В конце

90-х возглавил предприятие «Корякавиа». В 2001 году перебрался в южную часть Камчатки, где до настоящего времени летает на вертолетах Ми-2 и еврокоптерах, обслуживая предприятия рыбной отрасли. Из 45 лет летной работы 30 лет посвятил небу Корякии. Его налет составляет более 15000 часов- это около двух лет проведенных в небе. В 2014 году я встречался с В.Квасовым на Камчатке и задал ему вопрос: что запомнилось за многие годы пребывания в полетах? Ответ был неожиданным и одновременно оригинальным – остался жив. Такой ответ не был случайным. Он свидетельствовал о многих экстремальных ситуациях, сопровождавших некоторые его полеты. Профессия пилотов одна из самых опасных, но именно этот элемент работы приносит адреналин. Опасность не добавляет здоровья, но полученный драйв от необыкновенных ощущений в небе компенси-

рует потери нервных волокон отвечающих за страх. Геологическое сообщество севера Камчатки, оленеводы, многие жители сел и поселков Корякии с благодарностью вспоминают этого пилота.

За свою более чем тридцатилетнюю работу на Камчатке я познакомился, наверное, со всем Корякским авиаотрядом, во всяком случае, большей его частью. Сегодня, оглядываясь на прошедшие годы, я с теплотой вспоминаю всех пилотов, которые параллельно с нами делали общую работу по созданию минерально-сырьевой базы Камчатки. На фото у борта Ми-4 слева направо Н.Катранжи (бортмеханик), В.Токарев (второй пилот), В.Артемов, Л.Новицкий, В.Желванак (командиры воздушных судов), И.Диколенко (бортмеханик). На следующих фото командиры вертолетов В.Старостин, В.Шмырин, В.Коренев, В.Куратов, второй пилот В.Муратов многие годы обеспечивали наши партии и отряды необходимыми грузами. Сергей Горб летчик более позднего поколения. Его вертолеты Ми-8 немало потрудились по геологическим заявкам. Он и сегодня в строю, является командиром летного отряда Елизовского авиационного предприятия.

В.Шмырин

В.Муратов

С.Горб

В работе с вертолетчиками хорошую память о себе оставили бортмеханики В.Ермоленко, В.Дзуцев, В.Бутаков, Н.Катранжи и многие другие. Каждый из них летной работе посвятил 30 лет и более. Провели в небе до двух календарных лет, а некоторые (В.Ермоленко), почти три года. Лавры при выполнении полета отдаются тому, кто за штурвалом. Наверное, это справедливо, особенно когда полет проходит в горных условиях при минимально допустимых метеоусловиях. При всех вариантах это командное дело, то есть выполняется всем экипажем, в котором бортмеханику отведена самая важная роль – четкость работы всех узлов вертолета.

В.Ермоленко

В.Дзуцев

Н.Катранжи

В.Бутаков

Б.Дрёмов

Пожалуй, самой колоритной фигурой среди работников аэропорта был Борис Дремов. Я впервые увидел его в 1966 году на южной оконечности ВПП, где укрывшись брезентом от ветра, приводил в порядок вертолет Ми-4. Он был техником по обслуживанию и эксплуатации всей летающей техники, и надо отметить уже тогда слыл самым опытным специалистом своего дела. Он буквально с первого взгляда запомнился своей окладистой бородой, с которой не расстанется многие годы.

В.Старостин

В.Корнев

Ю.А.Ряховский

Работу авиаторов в геологии невозможно представить без **Ряховского Юрия Александровича**. Именно через него многие годы оформлялись заказы на полет в геологические партии и отряды, определялась загрузка, иногда место заправки. Знание специфики работы в геологии, места базирования партий и отрядов помогали рационально использовать вертолеты и самолеты. Иногда для наших срочных работ он подключал борта, находящиеся в воздухе. Мне часто приходилось общаться с Юрием Александровичем по роду работы. Случалось не раз на повышенных тонах «выколачивать» вертолет, но это не мешало поддерживать с ним дружеские отношения. Особенно «тесные» контакты возникали на хоккейной площадке. Юрий Александрович был хорошим нападающим в аэропортовской команде, а мне как вратарю противной команды геологов не раз приходилось жестко бороться с ним у моих ворот. Перед своим уходом на пенсию он успел поработать в небольшом горнодобывающем предприятии, где принял личное участие в добыче россыпного золота. Уверен, что эта работа впечатлила его. В созданной минерально-сырьевой базе Камчатки есть частичка и его труда.

В Корякском авиаотряде Виталия Пантелеймоновича Березкина знали все. Предположу, что многим другим авиаторам Камчатки тоже известно это имя. На протяжении более 30 лет он осуществлял связь между Северо-Камчатской ГРЭ (СКГРЭ) и авиаторами севера Камчатки. Его рабочее место было, в основном, в аэропорту поселка Корф, откуда осуществлялись все полеты в наши партии и отряды. В кабинете Ю.А.Ряховского был персональный стул и маленький кусочек стола для В.Березкина. Многие годы в этом кабинете обсуждались и составлялись заявки на полет как на вертолеты, так и на самолеты. Именно отсюда давались «отмашки» (разрешение на выезд) тем, кто ожидал на базе СКГРЭ своих полетов на полевые работы. Организа-

ция полетов дело совсем не простое. Здесь не все зависит от человеческого фактора. В любой момент могут измениться условия погоды в нужной точке, в связи с этим требовалось переориентироваться на другие направления. В.Березкин был по этой части на своем месте и заслуженно назывался нашим «Маршалом» авиации. Без его услуг никто не обходился. Ни те, кто улетал, ни те, кто прилетал. Прямо скажем, нужный был человек. Когда-то, будучи техником-геологом, участвовал в полевых работах, занимался различными видами опробования. Он застал времена «Дальстроя», поэтому был дисциплинирован и ответственен в порученной работе. Не могу не отметить его чувство юмора и склонность к розыгрышам и «приколам». Многие сторожили пос.Первореченск до сих пор помнят его шутку о подходе к берегу поселка баржи с розливным пивом (дефицитнейший по тем временам продукт). Все жители поселка помчались с бидонами встречать баржу. Сам В.Березкин так вошел в роль, что бежал вместе со всеми. Представляете лица тех, кто уже видел себя с кружкой пенного напитка, когда никакой баржи не оказалось? После такого «прикола» В.Березкин на несколько дней залег «на дно».

В.Березкин.

Наверное, следует упомянуть о том, что он был одним из лучших шахматистов экспедиции и представлял ее в областных соревнованиях. Не было ему равных в преферансе и некоторых других азартных играх. Грустно, что он безвременно ушел из жизни

С развалом Корякского авиаотряда пилотов разбросало по всей стране. Кто-то ушел на заслуженный отдых. Иные упокоились навечно. Отрадно было видеть в Петропавловске-Камчатском наших бывших пилотов Виктора Голованя и Владимира Валявко. Они закончили авиационную академию и стали большими начальниками. Сегодня первый является заместителем начальника камчатского ТО ГАН УГАН НО ТБ ДФО, а второй заместитель руководителя камчатского МТУ РАВТ. Проще говоря, оба большие начальники в сфере авиации. Но до

этого после окончания летных училищ по три десятка лет бороздили небо Корякии. В.Головань на вертолетах Ми-4 и Ми-8, а В.Валявко на самолетах Ан-2, Ан-28, Ан-74. и провели в небе каждый около 15000 часов.

В.Головань

В.Волявко

Символично, что оба управления, в которых они служат, находятся в бывшем здании геологосъемочной экспедиции ОАО «Камчатгеология».

Особую гордость вызывают наши корякские летчики, которые обслуживают полеты на вертолетах Ми-8МТВ первых лиц нашей страны. Они летают, в так называемом, президентском полку. Приятно осознать, что именно нашим пилотам Эмилю Бычеку (командиру летного отряда), Алексею Громову (командиру воздушного судна), Анатолию Кузьмину (бортмеханику) доверена столь значительная миссия.

Э.Бычек

А.Громов

Существует много интересных профессий, где люди с полной отдачей, самоотверженно и самозабвенно занимаются своим делом.

Для них полёты не просто работа – это образ жизни. Когда наблюдаешь их в полёте, слышишь разговоры о вертолётах, самолётах, то понимаешь, насколько же они увлечены своим делом. Были, конечно, и исключения. Кое-кто из них не очень любил сложные рейсы, тем более с подбором площадок, и летал, в основном, как говорили сами пилоты, по «помойкам», т.е. на коротких, проверенных рейсах между посёлками. Но таковых были единицы.

Доведись мне выбирать профессию пилота, стал бы именно вертолётчиком и тому есть объяснение. Только с борта вертолёта можно увидеть всю красоту природы, разглядеть в полёте даже самого маленького зверька, рассмотреть косяки рыб в водной глади рек и озёр. При этом можно снизиться и даже приземлиться, чтобы рассмотреть всё это на расстоянии вытянутой руки.

Работа вертолётчиков в геологических партиях и отрядах сопровождалась множеством посадок, связанных с отбором проб, перебросками на новые стоянки и т.д. Иногда организовывались стоянки вертолётчиков непосредственно на базах партий, и надо было видеть пилотов, которые восхищались окружающим покоем и близостью к нетронутой природе. Думаю, что они завидовали полевым геологам. Мне не раз приходилось видеть работу вертолётчиков в сложных горных условиях (узких ущельях), когда они держали машину на двух точках опоры для того, чтобы снять и перебросить лагерь геологов на другую точку. И это была ювелирная работа. Уверен, что именно в таких случаях пилоты получали свой максимальный «кайф». Памятны и нам, геологам, такие подборы. Думаю, что экипажи видели в таких случаях наши восхищённые взгляды.

Жизнь пилотов сродни морякам и геологам. Ещё неизвестно, кто больше времени проводит в кругу семьи. Большая часть пилотов, а особенно вертолётчики работают на «точках», то есть в различных местах Камчатки, вдали от своих семей. Там, они отрабатывают санитарную норму, затем короткий (2-3 дня) отдых на базе и снова на «точку». И так все годы. Условиям на «точках» не позавидуешь, многие удобства во дворе. Как правило, не было организованного питания. Какое-то время в сёлах, в том числе в Манилах, были столовые, где довольно вкусно готовили, особенно мясные блюда из оленины и

др. Но так было не всегда. Чаще пилоты с утра улетали по заданиям заказчиков и возвращались только к вечеру. Редко кто из них знал, где его застанет ночь. Хорошо, если в процессе полётов удавалось где-то пообедать. Ужин обеспечивали техники. В их обязанности неофициально входило приготовление ужина для экипажей. Такова была традиция.

В геологических партиях и отрядах тоже была своя традиция. Экипажи, прилетающие на их базы, обязательно приглашались в столовую. У меня в геологических партиях долгое время работала поваром Зинаида Сергеевна Кирдеева. Все называли её бабой Зиной. Она была одним из лучших поваров в северных экспедициях ПГО «Камчатгеология». Об её кулинарном искусстве хорошо знали многие экипажи вертолётов. Работая вблизи нашей базы, некоторые из них обязательно подсаживались на обед.

Мне неоднократно приходилось пурговать в аэропорту Манилы. Как «старому» заказчику, разрешали останавливаться в пилотской, где проживали экипажи. В пурговые дни время проводили по-разному. Чаще смотрели фильмы. В пилотской была установка для показа кинофильмов «Украина». Проблемы приобретения фильмов не существовало. Банки с фильмами часто лежали горами на ВПП (сейчас это трудно представить) в ожидании отправки в различные сёла района. Это были, в основном, старые ленты и не очень хорошего качества. В тоже время многие из них представляли классику кинематографа и смотрелись с большим интересом. Пилоты в селе считались «элитой», и новые фильмы нередко прежде просматривались в пилотской, а уж затем попадали на клубный экран. Кроме просмотра фильмов играли в шахматы, карты, нарды. Среди пилотов было много талантливых ребят. Кто-то рисовал, кто-то занимался «сучкографией» (резьбой по дереву), были косторезы.

Манильские экипажи в такие дни тоже пропадали в той же пилотской, нередко подкармливая своих коллег местными деликатесами. Как-то я заглянул в сарай местного командира АН-2 Леонида Дерянина, где увидел внушительную поленницу, сложенную из мороженого чира. Местный чир считался деликатесной рыбой и водился лишь в одной из проток реки Таловка. Строганина из этой рыбы являлась

изыском на любом застолье.

Не могу не упомянуть работу авиационных техников, которые готовили машины к полётам. Более всего впечатляла их работа зимой. Михаил Камков, Виктор Сыроваткин, Михаил Давыдов, Анатолий Коновалов с раннего утра (практически в темноте), когда все экипажи ещё почивали в своих постелях, готовили самолёты и вертолёты к работе. Кроме проверки всех узлов и агрегатов машин, требовался их прогрев. Это занимало немало времени в условиях, когда температура воздуха опускалась ниже 50 градусов. Совсем не факт, что с рассветом день будет лётным, но в любом случае вся техника должна быть готова к вылету.

В авиаотряде были пилоты разных национальностей со всех концов большой страны – СССР. Среди них кроме русских были украинцы, белорусы, армяне, греки, татары, осетины и др. В те годы никто и никогда не подчёркивал национальное происхождение кого-нибудь. Как-то, в пилотской аэропорта Манилы кто-то заговорил о возможности начала войны. В те годы никому в голову не могло прийти, что внутри страны может возникнуть какой-то конфликт, тем более война. В связи с таким страшным словом, как война, прозвучал вопрос одного из пилотов своему коллеге Валерию Дзугцеву (осетину по национальности): «Вот, если грянет война, ты станешь стрелять, увидев меня в прорезь прицела, когда мы встретимся в воздухе?». В комнате повисла гнетущая тишина. Взгляды многих пилотов стали, как никогда, серьёзными, задумчивыми. Все, конечно, отвергли саму вероятность такой встречи. Теперь, когда прошёл не один десяток лет после того разговора, такая встреча могла состояться. Ведь совсем скоро некоторые свидетели того разговора оказались в суверенных странах и не все из этих стран сегодня питают к нашей Родине дружественные чувства. Более того, именно Валерий Дзугцев в начале 90-х годов стал участником грузинских и осетинских событий. В 1992 году его родственник возглавлял ополчение в Осетии и пригласил помочь в их праведном деле. Тогда не пришлось участвовать в непосредственных боестолкновениях, вертолет В.Дзугцева обеспечивал ополченцев продовольствием, перевозкой раненых людей. Его вертолет не раз был обстрелян и возвращался на базу с пробитыми пулями лопасть-

ми. Его рассказ о полетах на стороне ополченцев состоялся совсем недавно при встрече в интернете.

Мое знакомство с **В.Дзущевым** состоялось в 1967 году. Он в 1962 году закончил Тамбовское военное летное училище. В том же году попал под Хрущевское сокращение в армии. Но не отказался от летной работы, переучился в Кирсановском авиатехническом училище и некоторое время летал на Кавказе. В 1967 году прибыл на Камчатку и 25 лет работал в небе Корьякии. За это время налетал около 20000 часов. После грузино-осетинских событий несколько лет работал в Непале, где обслуживал альпинистов, жаждущих взобраться на самую высокую вершину мира – гору Эверест. Сегодня проживает на своей родине, в городе Владикавказе и с ностальгией вспоминает камчатские времена.

Пророческой шуткой оказалась старая байка об отправлении скорого поезда Тбилиси – СССР с первого пути главного вокзала. Наше поколение росло в полной уверенности, что нам не придётся воевать. Увы! Кое-кому из нас пришлось познать ратное дело и, к сожалению, не только на учебных полигонах. Наши сверстники в немалом количестве полегли в Афганской войне, вдали от Родины. Но были и те, кто вынужден был защищать наши восточные рубежи. Техник-геолог из нашей партии (запомню имя), призванный в армию в 1967 году, успел повоевать на острове Даманском, вблизи границы с Китаем. Из его писем мы поняли, как можно быстро повзрослеть даже на такой короткой войне.

Подводя некоторые воспоминания о пилотах, возьму на себя смелость назвать 60-90 годы прошлого века временем расцвета, как геологии, так и местной авиации. Именно в этот период были открыты все известные сегодня месторождения полезных ископаемых. Именно в эти годы создавалась минерально-сырьевая база Камчатки. Интенсивные геолого-поисковые и разведочные работы не могли проводиться без использования авиации. Пожалуй, в эти годы пилоты осуществили максимальные налёты и отточили своё мастерство, выполняя наши геологические заявки. Сложно оценить в математическом выражении заслуги авиации в деле освоения минеральных ресурсов Камчатки. Но, безусловно, доля их вклада высока, а одер-

жимость и самоотверженность, с которой они делали свою работу, вызывает глубокое уважение.

За годы моего пребывания на Камчатке в работе авиаторов произошло немало, так называемых, нестандартных ситуаций. Они, как правило, обходились без жертв. Но были исключения. В 1977 году в ожидании вертолета мы прослушивали эфир по радиоприемнику. В то время мы хорошо знали номера наших вертолетов, самолетов, позывные аэропортов, частоту, на которой работали пилоты и даже номера квадратов, где находились воздушные суда. Это помогало нам заблаговременно готовить грузы для переброски и др. В тот день наш слух резануло слово «падаем». Мы не сразу поняли значение этого слова. Лишь спустя некоторое время до нас дошел его смысл. Позже выяснилось, что это было последнее слово командира самолета Ан-2 Юрия Гаранько. Вторым пилотом в экипаже был Федоров, штурман Владимир Камалетдинов. Кроме них в самолете находился летчик-наблюдатель. Они упали вблизи села Аянка. Все погибли.

На фото слева направо в первом ряду С.Руденко, Ю.Вонсул, Б.Алякритский, руководитель училища Малиновский, В.Ермоленко, В.Однволик, В.Касперович, во втором ряду С.Буловицкий, А.Бурков, Г.Гоголь.

Самая страшная авария произошла 23 июля 1990 года во время перегона трех вертолетов В-3 («Сокол») польского производства. Разговоры о приобретении этих вертолетов шли давно. Помнится разговор со Стасом Касперовичем на ВПП аэропорта Манил, когда он взахлеб рассказывал о технических возможностях этих вертолетов, особенно при работе с внешними подвесками. Вертолеты В-3 приняли в Кременчуге, куда перегнали их польские коллеги. В пилотке Б.Алякритского (по жребии) три экипажа разыграли вертолеты. Каждый командир выбрал свою судьбу. Экипажи возглавили Б.Алякритский, С.Булавицкий, В.Одноволик. Штурманы С.Руденко, Ф.Бурков, С.Касперович, бортмеханики, Г.Гоголь, Ю.Вонсул, В.Ермоленко, авиатехники А.Беличенко, О.Челиков. В полете экипаж командира С.Булавицкого замыкал тройку вертолетов.

На перегоне Олекминск-Магадан, в излучине реки Лена примерно в 100км от поселка Мадан на высоте 2000 м произошло разрушение вертолета. Экипаж погиб.

Люди в небольших населенных пунктах ближе знают друг друга, вся их жизнь «как на ладони», поэтому смерть земляков воспринимается острее. Гибель экипажа С.Булавицкого, А.Буркова, Ю.Вонсула, О.Беличенко, А.Челикова переживала вся Камчатка и особенно пос. Корф, где проживали семьи погибших. Этой трагедии посвящено стихотворение Бориса Алякритского, командира одного из экипажей.

Остров Уэдей на реке Лена

*Июльский зной, примолкли птицы,
Устали бабочки порхать.
И надо ж этому случиться,
Когда домой - рукой подать.*

*Спешили, в нервном ожиданьи.
Долой сомненья без числа.
Теперь стоят вокруг в молчаньи
Все те, кого судьба спасла.*

*Стоят ребята, дым глотая
Давно потухших сигарет,
Глазами мокрыми моргая,
Глядят на тех, кого уж нет.*

*Четыре парня, плоть от плоти,
Лежат на выжженной земле,
А остальных слезка колотит
В июльской знойной полумгле.*

*Куски горевшего металла.
Ошмётки тяг и лопастей.
Машина попросту упала
На этот остров Уэдей.*

*Взрывной волною разбросало
И экипаж и вещи их.
Лишь полчаса, как их не стало,
Таких весёлых и живых...*

*Глаза закрыв прощальным жестом,
Накрыв их бранные тела,
От горя не находят места
Все те, кого судьба спасла*

В начале 90-х годов наша страна переживала развал во многих отраслях экономики. Сократились, а порой вовсе прекратились заявки на полеты от камчатской геологии. Авиаторы были вынуждены искать способы выживания. В это время европейские ворота широко распахнулись и наши пилоты оказались востребованными в Испании. Там летом то ли от грозových молний, то ли из-за местных поджигателей (фермеров) возникали сильные пожары. Испанцы своими силами не справлялись и привлекали на тушение пожаров пилотов из других стран. Вот, так на испанской земле в 1992-95 гг оказались наши пилоты Б.Алякритский, В.Одноволик, И.Шеремет, В.Головань, С.Касперович, В.Коренев, Ю.Коршунов и техники А.Руднов, В.Кочкин, С.Овсейчук, К.Смекаленков.

Пожары происходили в гористой местности, где пилотирование требовало особых навыков. Правда, нашим пилотам к таким условиям полета не привыкать. Вся их работа на Камчатке проходила в сложных горных условиях. Из рассказа С.Касперовича: сложнее всего было тушить эвкалиптовые леса, которые при горении образовывали черный дым. Приходилось снижаться до 40 метров и сбрасывать 1,5 тонны воды. Это была опасная работа и не все европейские летчики решались на такие полеты. Волей судьбы пожары тушили на вертолетах В-3 «Сокол».

Экскурсионный полет

В «лихие» 90-е годы авиация пострадала не менее чем геологическая отрасль. Экономический хаос, творившийся в стране, разрушил четко отработанный механизм работы камчатских авиаторов. В разы сократились объемы заказов на полеты, появились огромные проблемы с авиатопливом, авиационным обслуживанием самолетов и вертолетов. Практически захирели местные аэропорты. Перевозки пассажиров по местным авиалиниям стали редким явлением. Столь же редко случались специальные рейсы. Об одном из них хочу поведать читателю. Он состоялся в середине 90-х годов.

Рейс на вертолете Ми-8 заказали совсем недавно состоявшиеся миллионеры, желающие посмотреть красоты Камчатки, а заодно и её северную часть. Это были те самые ребята, которые когда-то поставляли уголь для севера Камчатки. Они потеряли значительный объем поставок из-за начала эксплуатации угольного карьера «Гореловский». Чувствовалось, что меня, как организатора этого предприятия, они не очень жаловали и были совсем не прочь (будь на то возможность) «закатать в асфальт», но из-за свершившегося факта смирились с потерей. Желание посмотреть на карьер своими глазами, как мне показалось, было связано с оценкой возможности как-то совместно поучаствовать в добыче и реализации угля. Не думаю, что от увиденного тогда карьера у них появились варианты совместной работы. Мощная толща вскрышных работ, работа в приливно-отливной зоне, сложная погрузка-выгрузка и многое другое не впечатлили

их. Думаю, что они отменили для себя вариант совместного освоения Гореловского угольного месторождения.

Знакомство с карьером они решили совместить с познанием красот Камчатки. Большая часть пассажиров вертолётa знали Камчатку лишь по областному центру. В качестве гида пригласили меня. Признаюсь, что я сам спровоцировал этот рейс. В качестве оплаты за услуги гида они взяли груз до угольного карьера. Это была очень выгодная для меня сделка. Я предложил им самый интересный вариант знакомства с Камчаткой, включающий в себя самые живописные её уголки. Погода была как по заказу. Видимость «миллион на миллион» и все красоты Камчатки были как на ладони. Действующие вулканы, горячие источники, сказочные пейзажи – все это произвело неизгладимое впечатление на участников полёта. Для меня этот рейс тоже был подарком. Когда бы я смог вот так, без особых обязательств, насладиться красотами Камчатки, да ещё бесплатно?

По ходу маршрута заказчикам захотелось остановиться в посёлке Усть-Хайрюзово для беседы с директором рыбного комбината. Наверное, решили обсудить коммерческие вопросы. Как известно, комбинат перерабатывал большой объём камчатского краба. Здесь на западном побережье находилась его главная «банка». Большое впечатление произвёл директор комбината Азатов Михаил Робертович, оказавшийся интересным собеседником с энциклопедическими познаниями во многих вопросах. Беседа за вино-водочным субстратом затянулась далеко за полночь. Все участники обогатились полученной информацией друг от друга. На следующее утро наш полёт продолжился в сторону Петропавловска-Камчатского. Не долетая села Мильково, командир вертолётa Протосеня Николай Николаевич сказал, что топлива до города не хватит и придётся дозаправиться. Экипаж ещё в воздухе договорился о возможности заправки с начальником мильковского аэропорта. За последние три месяца это было единственное воздушное судно, приземлившееся в Мильково. Нас встретил начальник аэропорта (НАП). Им оказался Владимир Топольцев. В былые годы он много летал в небе Корякии, в том числе по нашим геологическим заявкам. Мы встретились с ним как хорошие приятели. В 1978 году В. Топольцев в составе экипажа вертолётa Ми-4

(командир С. Касперович, штурман А. В. Сагун) попали в аварию в районе реки Укэлаят. Обошлось без катастрофического исхода. Весь экипаж, можно сказать, «родился в рубашке». Обычно в таких авариях не выживают. Больше всех пострадал В. Топольцев. Его отстранили от полётов в связи с медицинскими показаниями. С тех пор он работал «на земле».

Капиталистические порядки в Мильково уже действовали полным ходом, поэтому форма оплаты за топливо решилась быстро. Заказчик оплатил его за наличный расчёт. Это были первые за несколько месяцев деньги в аэропорту. Я до сих пор помню задумчивое лицо начальника аэропорта В. Топольцева, держащего в руках деньги, и его слова: «То ли выдать работникам хоть какую-то заработную плату, то ли купить дрова для отопления здания аэропорта?». Скажу откровенно, именно тогда до моего сознания дошла степень деградации некогда благополучной авиации.

■ ГЛАВА VII. ОТЪЕЗД

Давно, когда ещё жил на Камчатке, я услышал фразу, которая отложилась в моей голове: «Прежде чем покинуть Камчатку, хорошо подумайте». Тогда у меня ещё не было в мыслях покидать любимый край. Природа, любимая работа, друзья. Ничто не предвещало, что всё это может закончиться. Но время шло. Судьба многих из нас круто развернулась вместе со страной, которая в короткие сроки поменяла свою идеологию. Рухнули все бывшие устои, поменялись ценности и, что самое трагичное для геологов, – практически разрушилась наша отрасль. Лишь годы спустя, когда вместе с семейством покинул Камчатку, я понял, что значит хорошо подумать перед расставанием с родным регионом. Мало кому удавалось покинуть Камчатку сразу после принятия такого решения. Очень многие растягивали этот процесс на несколько лет. Мои некоторые приятели уезжали в течение десяти лет. Причины «длительного покидания» были разные, но боль-

шей частью их сдерживала работа. Именно она тормозила отъезд. В любом случае, для окончательного решения об отъезде требовался серьёзный толчок, какое-нибудь событие и т. д.

Пожалуй, для многих камчадалов таким толчком стали события 90-х годов, когда начался период капитализации производств, их развал. Не побоюсь быть чрезмерно откровенным, но абсолютная правда причины моего отъезда заключается в том, что за последние годы работы на Камчатке (особенно в 90-е) у меня накопилась невероятная усталость. Это была усталость моральная. Главным образом она сформировалась в период строительства карьера, когда многие вопросы приходилось решать в непростых взаимоотношениях с чиновниками. Совсем нелёгким был и период моего руководства Пенжинской ГРЭ, когда много сил ушло на строительство новой базы в Манилах. Между прочим, из разговора с коллегами, такую усталость отметили многие те, кто перешагнул тридцатилетний рубеж пребывания на Камчатке. Наверное, и я попал в эту категорию людей. Мысли покинуть Камчатку иногда возникали и раньше, но это происходило под некоторыми впечатлениями. Как правило, они возникали из-за каких-то временных сложностей в той или иной части работы. Но стоило сесть в вертолёт, посмотреть в иллюминатор, и мысль покинуть Камчатку пропадала. Куда же от такой красоты? Но усталость всё же постепенно брала своё. Она усугублялась отсутствием платежей за поставленный уголь, невозможностью выдачи заработной платы работникам. Но наиболее тяжёлым испытанием были моменты, когда работник приходил к тебе, как к руководителю, и просил выдать ему заработную плату для выезда на материк к больным родственникам, а ещё страшнее – на похороны. Но в кассе в это время было пусто. Администрация Корякского АО не торопилась платить за доставленный уголь и накопила уже многомиллионные долги. Было обидно, что при наличии денег администрация рассчитывалась, прежде всего, с клиентами из других регионов, хотя именно мы пополняли бюджет. Вопрос, почему такая дискриминация по отношению к местным производителям, наводил на «гнусные» размышления. Задержки по оплате за наш уголь стали запредельными. В связи с этим мы не только не выплачивали заработную плату своим работникам, но не исполняли

выплаты по налогам (копилась пеня), сводились на нет перспективы развития угледобычи. В нашей программе развития стояли планы вовлечения других месторождений угля для обеспечения населённых пунктов всего западного побережья Камчатки. Выполнение этих планов стали весьма призрачными.

Создавалось впечатление, что администрация КАО не очень заинтересована в деятельности и развитии нашего предприятия. Идея завоза угля для севера Камчатки с других регионов крепко сидит в некоторых чиновничьих головах. Трансферты из центра для этих нужд, видимо, были более «выгодны» для них. Наступил момент, когда долги за поставленный уголь стали более чем запредельными, и вопрос о дальнейшей работе угольного карьера стал критическим. Наверное, это стали осознавать в администрации округа. Возможно, сказались и мои походы по некоторым московским кабинетам с просьбой выделить КАО соответствующие денежные транши для погашения наших долгов. В итоге на наш счёт поступили хоть и не все долги, но существенная их часть, которая позволила выплатить заработную плату, оплатить налоги и другие платежи. Это стало большим облегчением для предприятия. Одновременно я впервые задумался о том, что для дальнейшей борьбы за нормальный ритм работы карьера сил может не хватить. Я имею в виду, конечно, моральных сил. И тогда я принял трудное для себя решение уехать на материк. Об этом уведомил президента ЗАО «Корякуголь» Леонида Алексеевича Савостина. В течение последующих нескольких месяцев я вводил в курс дела главного инженера Спивака Сергея Витальевича. Он к этому времени уже хорошо знал производство. Поставил в известность и губернатора Корякского автономного округа В. Т. Броневиц. Она, как показалось, выразила искреннее сожаление в связи с моим отъездом, но я заверил её, что смена, которую готовлю в лице С. В. Спивака, будет достойной.

После завершения всех дел, связанных с передачей предприятия и выездом на «материк», в актовом зале ПГО «Камчатгеология» мы организовали «отъездинки». Камчатку покидал не только я, но и моя супруга Людмила Федоровна Гимадеева, которая за долгие годы работы внесла немалую лепту в познание геологии Камчатки. Это был

наш последний «научно-технический совет» с винно-водочным субстратом. На нём присутствовала вся геологическая братия, работники Камчатгеологии, коллектив ЗАО «Корякуголь». Как водится в таких случаях, нам наговорили много приятных слов и пожеланий, вручили множество подарков, сувениров, Почётных грамот. Пожалуй, самым приятным для нас стало вручение первого экземпляра только что составленной и защищённой во ВСЕГЕИ карты полезных ископаемых Камчатки масштаба 1:500 000. На этой карте были отражены все проявления, рудопроявления и месторождения, открытые по состоянию на 1999 год. Это большой итог работы всего персонала камчатской геологии за многие годы. На карте был и наш вклад. Об этом сказал вручивший нам карту А. Ф. Литвинов, являвшийся в то время председателем Камчатского геологического комитета.

ГЛАВА VIII.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА ИЛИ 14 ЛЕТ СПУСТЯ

После переезда с Камчатки на «материк» время беспечного, «тупого» созерцания горизонта прошло быстро и сменилось внутренним самокопанием. Появилось время оглянуться назад. Оказалось, что настоящая жизнь была там, на далёкой Камчатке, с которой связаны лучшие годы жизни. Тем более что на этот период (60-90-е годы) пришёлся самый яркий расцвет отечественной геологии.

Жизнь разделилась на камчатский и «материковский» периоды. Если в суеде «материковской» жизни днём камчатские воспоминания нивелируются событиями повседневной жизни, то ночь целиком посвящается Камчатке и не столько её красотам, а, в основном, рабочим моментам. Многое из задуманного некогда там, на Камчатке, прокручивается теперь во сне. Участники в сновидениях, в основном, те, с кем работал многие годы. Вектор происходящих событий всё тот же: маршруты, организация производства геологоразведочных работ, перевозка, строительство. Минувшие дела, видимо, крепко засели в

голове. Без преувеличения, я практически каждую ночь «провожу» на Камчатке.

А полуостров продолжает жить своим чередом. В начале 2000-х годов Камчатка стала привлекательной для горнодобывающих компаний. Толчком послужили добыча платины из двух богатых россыпей на севере Камчатки и разработка Агинского золотосеребряного месторождения в центре полуострова. Появился интерес к разведанному Аметистовому золотосеребряному месторождению на севере Камчатки.

Парадоксально, но с развитием горнодобывающей промышленности ускоренными темпами уничтожается геологическая отрасль, силами которой создан весь минеральный ресурс Камчатки. В связи с этим определённая часть геологов переосмыслили бывшие устои и включились в работу горнорудных предприятий. Когда-то у них была стабильная работа, заработная плата, наработанные годами способы и методы работы, позволяющие выполнять геологические задачи. Из центра почти в полной мере обеспечивалось финансирование, снабжение. И вдруг неожиданно, за очень короткое время, центр прекратил как финансирование, так и материально-техническое обеспечение. Совсем скоро и сам центр развалился. Кто-то выжидал, думая, что все «устаканится» и придут былые времена. Признаюсь, и мне одно время казалось, ещё там, на Камчатке, что всё наладится. Но вскоре стало ясно, что это необратимый процесс. Огромная армия геологического люда оказалась не у дел.

Руководителям высоких рангов повезло. Их, по-видимому, кто-то «предупредил», и они успели обзавестись лицензиями на высокодоходные объекты минерального сырья. Тем, кому не очень (или совсем) не повезло, пришлось искать свою нишу в новых условиях. Именно с этого времени появилась когорта тех, кто не стал скулять, ныть и жаловаться на судьбу, а взялся за совсем новое для себя дело, в котором всё решали расчёт и удача. Те, кто приняли новые правила жизни, «закусили удила» и начали строить свои капиталистические производства. Не всё сразу получалось, до многого доходили методом «проб и ошибок». Не все устояли. Кое-кто ушёл в мир иной. Но те, кто выдержали, сегодня не мыслят иную жизнь. И вот сейчас, спустя

некоторое время, можно подвести кое-какие итоги деятельности тех, кто принял тогда «безрассудные» решения.

Золотопромышленники Михаил Попович и Владимир Козлов

Михаил Попович на Камчатку прибыл в 1974 году вместе со своим другом Степаном Бобыком после окончания Киевского геологоразведочного техникума. Свою работу начал в Хрустальной геолого-поисковой партии в должности техника-геолога. Партия занималась поисковыми работами на рудное олово.

В 1975 году Михаил был призван в ряды Вооруженных Сил. Два года служил в Приморье. После службы вернулся на север Камчатки, в Ушканьинскую поисковую партию, которая в то время вела поисковые и поисково-разведочные работы на россыпное золото в одноименном россыпном узле. Именно отсюда началась его карьера как россыпника. Она началась с должности горного мастера, но уже на следующий год он становится исполняющим обязанности начальника партии. Здесь он прошёл хорошую школу по выживанию. Узнал, что такое морозы ниже 50 градусов, многодневные пурги, проживая в палатках и примитивных домиках типа «зимовья». Поиски и разведка россыпей велись с помощью горных работ (проходкой шурфов) и ударно-канатным бурением.

Основной базой для поисково-разведочных работ на россыпное золото на севере Камчатки был посёлок Первореченск. Этот посёлок всегда был проблемным в организационном и социальном планах. Отсутствие дорог, короткая летняя навигация, связь с большой землей только авиационным транспортом и многое другое заставляло руководителей всех рангов постоянно искать нестандартные пути выживания в этом посёлке. М. Поповичу некоторое время пришлось руководить этим посёлком. И этот опыт пригодился в последующей работе.

Работа в Ушканьинской партии, а затем руководство базой в Первореченске не остались незамеченными. В 1984 году его назначили заместителем начальника Аметистовой партии. Это была самая круп-

ная разведочная партия в Северо-Камчатской ГРЭ. Но отношения с начальником экспедиции В. И. Кисилем не сложились.

В 1985 году он вернулся в район Ушканьинского узла россыпной золотоносности, но не в систему геологии, а в артель «Камчатка», которая уже несколько лет вела добычу золота в этом россыпном узле. Добыча велась, по сути, на тех объектах, на которых ранее работал М. Попович. Работу в артели начал с должности геолога-горного мастера. С этого периода судьба накрепко связала его с добычей россыпного золота. Занимаемая должность не стала чем-то принципиально новым и практически не отличалась от того, что делал раньше. Конечно, появились более жёсткие требования. Пришлось принять все порядки и правила, существующие в артели. Знание района с его климатическими условиями, ранее приобретённый опыт организации зимних грузоперевозок и многие другие навыки позволили быстро вписаться в старательское дело. Совсем скоро он стал начальником участка, а затем главным инженером. Следует отметить, что именно в годы его работы артель добывала максимальный объём (500-700 кг) золота за промывочный сезон.

Всё складывалось неплохо, пока не пришли «лихие» 90-е годы. Переход бывшей экономики на капиталистический лад проходил «через колено». Остановились многие предприятия, разорвались былые связи, с полок магазинов исчезли товары продуктовой и промышленной групп. На предприятиях начались массовые задержки заработных плат. Почти все бросились зарабатывать деньги любыми способами. В стране появилась новая специальность – «челноки». Это те, кто где-то купил дешевле, а продал дороже. По сути, спекулянты. Но надо отдать им должное. Именно они наполнили страну товарами.

Челночный бизнес не обошёл стороной М. Поповича. В 1996 году решил попробовать себя в этом виде бизнеса, к которому подошёл творчески. Провёл маркетинг, изучил потребность, возможность реализации. В результате выгодным оказалась доставка пива и женской обуви из Венгрии в Ужгород. Такой географический выбор связан с тем, что его родина находилась на границе с Венгрией. Немаловажную роль сыграло знание венгерского языка. Бизнес не приносил больших доходов, но на жизнь хватало. Наверное, это занятие мог-

ло перерасти в более серьёзный бизнес, но где-то там, внутри душа протестовала. «Зараза» старательского дела не давала покоя. Потянуло снова в северные края. И это было логичным решением. Все, кто «хлебнул» старательского дела остается зараженным, практически, на всю жизнь.

В то время ЗАО «Корякгеолдобыча» («КГД») развернула большие работы по добыче россыпной платины на севере Камчатки. Его пригласили в ЗАО «КГД». Это была его стихия. Опробщик, моторист промывочного прибора, горный мастер, начальник участка, директор по производству – таков перечень всех должностей за время работы в ЗАО «КГД». Здесь пришлось познать всю имеющуюся к этому времени в горном деле новейшую землеройную и промывочную технику. Работа в ЗАО «КГД» стала хорошей школой по технологии добычи россыпного золота на больших глубинах.

За два десятка лет у М. Поповича появился значительный опыт в организации, технологии разработки россыпей. Всё чаще приходили мысли попробовать открыть собственное дело. Как выяснилось, о собственном деле стали задумываться и некоторые другие работники, получившие большой опыт в горнодобывающем деле. Все они были бывшими работниками камчатской геологии. В 2004 году эти мысли материализовались.

В Пенжинском районе (это на самом севере Камчатки) на базе небольших россыпей золота горстка энтузиастов: Анатолий Корнейчук, Михаил Попович, Виктор Уланов, Олег Стрельников и присоединившийся позже Владимир Козлов организовали горно-геологическое предприятие «Северное». Первый же промывочный сезон оказался «фартовым». Но последующие дела расстроились на почве раздела полученных прибылей. Один из учредителей (О. Стрельников) оказался весьма далеким от горнодобывающих дел и плохо представлял себе перспективу развития производства. Это привело к расколу в ГПП «Северное»

Так случилось, что в 2009 году Попович оказался в составе консультантов по оценке россыпей золота в Гайане (Чили). Они оказались низко рентабельными, и вариант их освоения отпал. Но в той поездке Попович познакомился с канадскими золотодобытчиками,

которые предложили совместную работу по добыче россыпного золота в одном из районов южной Америки. В том же году создали совместное предприятие «Диамголд». Три года работы в этих странах не принесли высоких доходов, но стали хорошим опытом работы в чужих странах. Печальной страницей в этой работе является потеря двух работников из команды М. Поповича. Погибли геолог Андрей Белый и машинист бульдозера Виктор Крупняк.

По возвращении с Южной Америки Михаил Попович встретился с Владимиром Козловым. Наверное, так было предначертано судьбой.

Владимир Козлов прибыл на Камчатку в 1982 году и оказался в Северо-Камчатской ГРЭ. Его прочили на должности механика, энергетика, но он отказался. Наверное, предпочёл более романтическую полевую работу. Летом работал водителем вездехода в геолого-съёмочных и поисковых партиях Ярослава Семенова. Зимой ходил в рейсы в составе тракторной колонны, которые доставляли необходимые грузы, в основном, в разведочные партии. Он был напарником Николая Зиновьева, легендарного рейсовика. Со временем тракторные рычаги поменял на баранку Камаза. Возил грузы для Аметистовой ГРП. Природа подарила ему инженерный склад ума. С его приходом в экспедицию появилась идея переоборудовать бензиновые двигатели вездеходов ГАЗ-71 на дизельные. И эту идею он воплотил в жизнь. Два вездехода ГАЗ-71 он переоборудовал под дизельные двигатели. Его разработками заинтересовались на заводе-изготовителе этих вездеходов. Некоторые недоработки в вездеходе, выявленные В.Козловым в ходе эксплуатации в полевых условиях, были приняты к исправлению конструкторским отделом завода.

В связи с развалом геологии В. Козлов перешёл в ЗАО «КГД» энергетиком, механиком. Занимался разведкой россыпной платины в долине руч. Левтыринвяям, а на участке Прижимный запускал первый промывочный прибор.

В ЗАО «КГД» с ростом объёма добычи платины увеличивалась потребность в технике, запасных частях, узлах и агрегатах к механизмам. Поэтому со временем возникла необходимость в создании отдела по снабжению. Выбор для руководства отделом пал на В. Козлова. Среди

технарей бытует фраза: «этот знает «железки», а другой не только знает их, но и любит». Именно к тем, кто знает и любит механизмы, относится В. Козлов. Он хорошо знал условия работы и потому подбирал самую надежную и эффективную технику.

Разнообразная техника, в том числе импортная, работающая на добыче платины изготавливалась как на территории нашей страны, так и за рубежом. Для её приобретения В. Козлову, совместно с А. Васильевым удалось наладить деловые связи с заводами Челябинска, Чебоксар, Белоруссии и даже Германии, Англии. Прямые поставки продукции с этих заводов значительно сократили их стоимость.

В разговоре со мной бывший генеральный директор ЗАО «КГД» В. А. Логинов высоко оценил работу этого дуэта, который закрывал всё снабжение большой горнодобывающей компании. По его словам они внесли существенный вклад в добычу платины, особенно в период сложных финансовых ситуаций. В такие времена им удавалось добиваться отсрочки платежей за поставленную технику даже до одного года.

За время моего пребывания на Камчатке и Колыме мне пришлось пообщаться со многими, кто знаком с В. Козловым. Всякий раз, когда упоминалось его имя, все собеседники отмечали главную его черту – твёрдость слова. В деловом мире эта черта характера является наиболее ценной. Твёрдое слово партнёра дорогого стоит.

В 2008 году в ЗАО «КГД» начался спад в добыче платины. Совсем скромным стал выглядеть офис. Отгремели былые фанфары и перестали петь дифирамбы СМИ. Поскромнели заработные платы, свелись к нулю дивиденды. Всё произошло в порядке вещей. Так было со многими большими и малыми месторождениями, особенно россыпными, которые отрабатываются довольно быстро. И хотя месторождения платины ещё не отработаны до конца, былой рентабельности уже нет. Наверное, можно было заняться коренными источниками платины, но для этого требовались значительные финансовые вложения. Былые прибыли от россыпной платины ушли совсем по другим назначениям. Начались значительные сокращения. Многие работники оказались не у дел. Это стало для них толчком к поиску своего дела.

Бывшие учредители ГПП «Северное» В. Козлов и М. Попович не

могли не встретиться. Их встреча состоялась в Москве. Здесь судьба свела их с генеральным директором Берелехского ГОКА Федором Александровичем Шефером, известным золотодобытчиком в Магаданской области. Наверное, он сразу разглядел в М. Поповиче и В. Козлове серьёзных специалистов и предложил им работу по добыче россыпного золота в Сусуманском районе на одном из своих участков на условиях подряда. В связи с этим организовали ГПП «Иткана». Весь состав предприятия представляли бывшие камчатские специалисты. В том же 2012 году оперативно организовали базу вблизи своего добычного участка и умудрились добыть более 100 кг металла, чем немало удивили даже бывалых магаданских горняков.

Однако руководителей «Итканы» тянуло в родные края, на север Камчатки, и они решили создать там горногеологическое предприятие «Тайгонос». Его юридическое оформление поручили Людмиле Петровне Федосенковой. Она же назначена директором этого предприятия.

Л. Федосенкова

Людмила Петровна, а попросту Петровна (так её зовут все друзья и знакомые), уже многие годы является нашим семейным другом. Дружба началась с совместной работы в Северо-Камчатской ГРЭ, продолжилась в Петропавловске-Камчатском в геологосъёмочной экспедиции, где она работала вместе с моей женой. После нашего отъезда с Камчатки Петровна неоднократно была у нас в гостях на «материке».

Её личная судьба сложилась не очень благополучно. Рано овдовела. Муж, Сергей Федосенков, тоже из геологической «обоймы», несколько лет ходил в поле водителем вездехода. Он был одним из лучших вездеходчиков в экспедиции. Именно он был за рычагами вездехода, на котором была смонтирована буровая установка, которую требовалось переправить на другой берег реки Пенжины. Мне пришлось организовывать эту рисковую переправу. Не у каждого водителя вездехода хватило бы хладнокровия на той переправе. Но тогда всё обошлось.

В 2013 году Петровна в очередной раз заехала к нам в гости и между делом рассказала о том, что на днях летит в Москву к одному из учредителей ГПП «Тайгонос» В. И. Козлову для решения текущих вопросов. Признаюсь, что-то ёкнуло у меня в груди. Неужели там, наверху услышали меня? В тот же день позвонил Козлову и объяснил свою тоску по Камчатке. Не могу передать свои ощущения и эмоции, когда получил «добро» на выезд в Москву. Разговор на московской квартире был коротким. На севере Камчатки необходимо подобрать несколько объектов под добычу россыпного золота, выставить на аукцион и обязательно их выиграть. Через день я совместно с Петровной вылетел в Петропавловск-Камчатский.

Возвращение на Камчатку

Перелёт в Петропавловск-Камчатский был трепетным. Знакомый аэропорт с домашними вулканами Авачинским и Корякским. Всё как прежде. Добавилась лишь часовня вблизи здания аэропорта. Как объяснили мне позже – для отмаливания грехов. Нас встретила машина родственников Петровны. По дороге из аэропорта мало что изменилось. Многие здания обвешаны рекламными щитами. Поселили меня на съёмной квартире по ул. Мишенной, 116, совсем рядом с ОАО «Камчатгеология». Квартира служила как офисом ГПП «Тайгонос», так и жильём для его сотрудников. Не удержался и в тот же день направился в ОАО «Камчатгеология». Около входа в здание всё тот же большой камень – «печень Винокура». В коридорах здания – большей частью незнакомые люди. Но в отдельных кабинетах сохранились те, кто продолжает дело камчатской геологии.

Время не пощадило «старую гвардию». Кого-то посеребрило, а кое у кого на бывших красивых лицах появилась «микроскладчатость». Наряду с таковыми совсем неизменными, на мой взгляд, остались руководитель геологических фондов В. Н. Федореев и редактор журнала «Горный вестник Камчатки» Б. А. Шеунов. По-прежнему бодрым и энергичным смотрится Ананий Иванович Поздеев. Он кардинально поменял свою «прическу» и сегодня своей бритой головой напоминает известного киноактера Брюса Уиллиса. Бодро выглядит

А. А. Орлов, лишь голова стала совсем белоснежной. Благородной сединой обзавёлся и генеральный директор ОАО «Камчатгеология» П. В. Буланый.

На фото слева направо А.Литвинов, Ш.Гумадеев, П.Буланый.

На фоне всех молодежавшими смотрятся бывшие северяне – главный геолог Игорь Матюшкин и заместитель по экономике Степан Горяшин.

Судя по реакции коллег, в своей основе я остался узнаваемым, но со значительной потерей поросли на голове. Как выяснилось из разговоров, ряды геологов поредели. Некоторые ушли к «верхним людям» ещё нестарыми и это особенно грустно. Наверное, на этот процесс повлияли перестроечные, а особенно «лихие» 90-е годы. Не все устояли от веяния тех лет.

За 14 лет моего отсутствия на Камчатке произошли существенные изменения. В её южной и центральной частях возникли горнодобывающие предприятия на базе открытых медно-никелевого и золотосеребряных месторождений. Камчатка стала выглядеть как серьёзный горнодобывающий регион.

Мой отъезд на Камчатку ревниво восприняла моя жена Людмила. Она, радовалась за меня и, конечно, завидовала. Перед выездом попросила замолвить словечко о возможной работе в ОАО «Камчатгеология». Совсем скоро после приезда меня нашла начальник партии Татьяна Ерёмкина и предложила моей жене работу геолога на

полевой сезон в Тымлатскую партию. Наверное, не последнюю роль в приглашении жены на работу сыграли сотрудники партии, с которыми Людмиле пришлось работать в прошлые годы. Предварительным условием было наличие медицинской справки с разрешением работать в полевых условиях. Такая страховка начальника партии вполне закономерна. Полевые работы на ГДП-200 совсем не лёгкая прогулка, особенно когда уже за шестьдесят. Медицинская комиссия через два дня подтвердила её достаточную физическую форму для работы в полевых условиях. И уже через день она прибыла в Петропавловск-Камчатский.

Наверное, следует пояснить предстоящие задачи в полевом сезоне. Это территория в горах площадью около 5 000 квадратных километров, которую необходимо обследовать пешеходными маршрутами, проживая в палатках, с приготовлением еды на кострах, в общем, со всеми прелестями полевой жизни. На «вкус» многих геологов это самый любимый вид геологической съёмки и поисков. Завершающий полевой сезон всегда важен. Именно в такой сезон предстоит увязать все геологические границы как внутри территории, так и по периметру со смежными площадями. При этом важно привести все выделенные стратиграфические подразделения к единой легенде. Выработка единой легенды всегда считалась непростой задачей. Особый акцент на участки, перспективные для нахождения полезных ископаемых. Здесь необходимо допробовать все типы гидротермально-измененных пород. Полевой сезон для моей жены представлял собой совсем не простую прогулку. Достаточно сложный горный рельеф с ежедневными маршрутами, переправами через горные реки даже для молодого геолога не слабая нагрузка. Но сказалась бывшая закалка. Как обычно в поле самыми трудными являются первые 3-4 дня, когда втягиваешься в маршруты. После чего начинается нормальный ритм работы. Профессиональные навыки не забылись и, как рассказала сама Людмила, не возникло каких-либо сложностей в познании района. Людмила всегда считалась неплохим геологом, а в области геохимических методов поисков была одним из ведущих специалистов. Она – автор и соавтор около 10 геологических отчётов. Возможно, сил прибавлял молодёжный состав этой партии.

На фото слева направо: Техник-геолог Иван Койдан, геолог Анастасия Доброва, геолог Людмила Гимадеева, студент Сергей Калинин.

Поездка по Центральной Камчатке

В мае из столицы поступила информация о возможности прилёта на Камчатку бывшего министра геологии РФ Виктора Петровича Орлова, а ныне – президента Российского геологического общества. К этому же времени пообещал прилететь из Хабаровска В. А. Логинов – заместитель руководителя «Дальнедра», бывший губернатор КАО, а ранее – генеральный директор «КГД», наш бывший коллега по Северо-Камчатской ГРЭ.

Вскоре выяснилась причина сбора высоких начальников. Весь «хурал» затеян по случаю проверки состояния монтажа двух скважин на Камчатке. Одна расположена в районе окружного центра Палана, где ожидалось получить горячую воду, а другая – в районе Усть-Камчатска, где планировалась забурка первой параметрической скважины. Желание поучаствовать в таком мероприятии было велико, и с согласия генерального директора ОАО «Камчатгеология» П. В. Буланого меня включили в состав делегации. Кроме уже названных, в нашу группу входили В. А. Данюх – руководитель «Камчатнедра» (официальный заказчик скважин) и заместитель генерального директора ОАО «Камчатгеология» Н. А. Прокопчук. В поездке также принимали

участие высокий чиновник из администрации Президента РФ и помощник представителя от Совета Федерации по Камчатскому краю. Из всей делегации представитель от администрации президента РФ был самым молчаливым и даже загадочным. Наверное, именно таким должен выглядеть посланник президента. На фото он третий справа.

Вот таким составом мы выехали из Петропавловска-Камчатского на автомобилях японского производства.

Значительный участок дороги до села Мильково уже имеет твёрдое покрытие, в связи с этим нет той былой пыли. Вдоль трассы нередко встречаются медведи. Некоторые из них стоят с протянутой «рукой». Рыба ещё не подошла, а кушать хочется. Ночёвку организовали в Эссо. Это жемчужина Камчатки с горячими источниками. Остановились в гостинице, красиво украшенной резьбой по дереву. По случаю присутствия высоких московских товарищей стол уставили всевозможными камчатскими деликатесами. Утром выехали в посёлок Анавгай, где пересели на вертолёт Ми-8. Погода была очень хорошая, солнечная. По ходу полёта необыкновенной красоты пейзажи гор, среди которых возвышались дымящиеся вулканы. Посреди речек «по пояс в воде» стояли медведи с широко расставленными лапами в томительном ожидании подхода своего любимого лакомства – лосося.

Ещё до приезда на Камчатку, я знал, что наш бывший министр геологии В. П. Орлов входит в состав совета директоров ОАО «Камчат-

геология» и интенсивно лоббирует вопросы геологии. Его интерес к Камчатке проявился ещё в студенческие времена, когда он проходил практику в одной из наших геолого-съёмочных партий. С тех пор, его постоянно притягивает Камчатка. Примечательно, что его первым наставником был наш геолог Борис Иванович Сляднев, который до сих пор «в строю» и является ведущим геологом ОАО «Камчатгеология».

В аэропорту Паланы наш вертолёт встречало много народа, но знакомых мне лиц среди них оказались единицы. Бросилось в глаза доброжелательное отношение присутствующих людей к своему бывшему губернатору В. А. Логинову. Некоторые из них специально прибыли в аэропорт, чтобы лично повидать его. Всё это было не показным, искренним. Чувствовалось, что он оставил о себе добрую память. Было заметно, что и В. А. Логинов растроган такой встречей.

В облике Паланы практически ничего не изменилось. Здесь не возникли новые здания. Но посёлок выглядел уютным и ухоженным. На некоторых зданиях появились цветные крыши. На улицах чистота и порядок. По-прежнему радует глаз окружающая красота: горы, залив, река Паланка. Всё это осталось неизменным. Должен отметить заметно выросший автопарк дорогих джипов в аэропорту. Этот феномен для меня, как и раньше, остаётся необъяснимым.

Место заложения скважины определено в 5 км от посёлка Палана. Наверное, следует отметить, что выделения денег для бурения скважины из федерального бюджета добился В. П. Орлов. Исполнителем бурения стала ОАО «Камчатгеология». Это хорошее подспорье для камчатских геологов, учитывая время, когда за такие проекты идёт жёсткая борьба. Проектная глубина скважины – 1500 метров. Для её проходки доставлено 1000 тонн различных грузов. Жители посёлка Палана с трепетом ожидают результаты этой скважины. Горячая вода для них может стать большим благом. Жаль, что эта поисковая скважина единственная. Получить положительный результат единственной скважиной удаётся только при очень «фартовом» стечении обстоятельств.

В посёлке буровиков созданы хорошие бытовые условия. Завершались работы по монтажу буровой вышки. Её подъём намечался на ближайшие дни.

Паланской вышки

Возвращаясь с буровой, заглянули на угольный карьер, где добычу бурого угля вело ООО «Палана-уголь». Порадовался за своего преемника Сергея Витальевича Спивака – он организовал хороший посёлок для угледобытчиков. Судя по глубине отработки пластов (до 50 метров) уголь достаётся с большими затратами.

Вечером в паланской гостинице снова накрыли «поляну» со всем набором камчатских изысков и разнообразием всяческих напитков. Утром летим на вертолёт в Анавгай. Полёт на вертолёт всегда доставляет большое удовольствие. В его иллюминаторы успеваешь рассмотреть все красоты природы. Даже небольшие животные хорошо видны. Вертолёт специально снизился, когда пролетал над маковкой церквушки южно-камчатского острога.

Во время нашего полёта путина ещё не началась. Но во всём чувствовалось, что лосось на подходе. Начались шевеления на местах родовых традиционных рыбалок коряков. В томительном ожидании посреди рек стояли главные рыбаки из животного мира – медведи. Картина, когда несколько медведей стоят поперёк реки с расставленными лапами, свидетельствовала о подходе первых лососевых разведчиков. Такие картины всё чаще встречались во время нашего полёта.

В посёлке Анавгай к нашей компании присоединились сахалинцы и член Совета Федерации от Камчатского края Б. А. Невзоров. С этого времени вся комиссия перешла под «юрисдикцию» сахалинских нефтяников. Они выиграли тендер на бурение первой Усть-Камчатской параметрической скважины. Оказывается, министерство природных ресурсов РФ выделило деньги для бурения нескольких скважин на территории России. Одна из них досталась Камчатке, и снова благодаря усилиям В. П. Орлова. Согласитесь, это очень мало для такой большой страны, и уж точно недостаточно для оценки перспективных нефтегазоносных площадей Камчатки. Но таковы времена. Бремя

поисков переложили, в основном, на нефтедобывающие компании. А им выгодно вести поисковое бурение, прежде всего, вблизи уже действующих предприятий. И когда их серьёзно заинтересует Камчатка?

Очень медленно (со значительными перерывами) на Камчатку возвращается поисковое бурение на нефть и газ, и всякий раз (на мой взгляд) пытаются мизерными объёмами бурения, геофизических исследований получить большое месторождение. На практике так бывает, но очень редко. Никого не надо убеждать, что для Камчатки нефть является важным стратегическим сырьём. Наверное, только она может кардинально преобразить этот край. Все рассуждения о нефтегазовых делах – это мои личные эмоции на фоне многих ранее составленных планов развития Дальнего Востока. Вот и сейчас обсуждаются грандиозные планы развития региона, но реальных действий пока не просматривается.

Вернусь к нашему полёту на скважину, которая может оказаться серьёзной вехой развития нефтегазовой промышленности Камчатки. По крайней мере, хочется, чтобы так и было. Ещё издали появилась мачта буровой. Она выделяется своей высотой (63 м) и яркой окраской.

Рядом расположен вахтовый поселок. Во всём был порядок. Это характерная черта на нефтяном бурении. Первым делом, как это принято, всех пригласили на обед, за которым произнесли тост за удачу. Затем главный геолог доложил о строении геологического разреза. Проектная глубина скважины - 3500 м. Буровая бригада и обслуживающий персонал имеют большой опыт работы. Генеральным директором нефтяной компании, как ни странно, была женщина.

Консультантом в её команде оказался Д. Н. Шаймарданов. Он учился на одном курсе с моей женой на геологическом факультете Казанского университета. Когда-то работал в ПГО «Камчатгеология», а когда нефтяные дела передали на Сахалин, перебрался туда. С пер-

вых лет проявил себя как серьёзный специалист и дослужился до генерального директора ПГО «Сахалингеология». В своё время включился в международный проект «Сахалин 1-2». За свою работу отмечен орденом «Знак почета». Продолжает жить в Южно-Сахалинске вместе со своим семейством.

Для забурки на скважине всё готово. Это подтвердила вся присутствующая комиссия. Бурение будет осуществляться в онлайн-режиме круглосуточно.

Наш путь на вертолёте продолжился в Анавгай, где нас ожидали автомобили, на которых мы должны вернуться в Петропавловск-Камчатский. По дороге сахалинская сторона демонстрировала хлебо-сольность. На фоне неописуемых красот Камчатки столы с сахалинскими деликатесами выглядели особенно контрастно.

Медведи вдоль дорог стали обычным явлением. Эти «попрошайки» совсем перестали бояться людей, автомобилей и совсем скоро могут отвыкнуть добывать еду своим традиционным способом. Вот тогда они станут угрозой для тех, кто на трассе не будет платить «ясак». Ранним утром наше путешествие завершилось в Петропавловске-Камчатском.

Тиличикское землячество

Когда вернулись в Петропавловск-Камчатский, В. А. Логинов пригласил меня на встречу с Тиличикским землячеством. Бывшие жители с. Тиличики, перебравшиеся в южные районы Камчатки, традиционно собираются раз в год в Петропавловске-Камчатском. В основном, это интеллигенция – медики, работники образования и культуры, много лет проработавшие на севере Камчатки. Наверное, проживая сегодня в цивилизованных и более комфортных условиях на юге, их тянет пообщаться друг с другом, обменяться новостями. Как правило, они снимают небольшое кафе, где вскладчину накрывают столы и весь вечер ведут беседы о днях, прошедших и настоящих.

Когда мы с В. А. Логиновым пришли в корейский ресторанчик, почти все участники (а их десятка два) были в сборе. Совсем не новичком в этой компании оказался наш бывший министр геологии

В. П. Орлов. Он долгое время представлял Корякский автономный округ (КАО) в Совете Федерации РФ. Наверное, будучи сенатором, ему довелось лоббировать и некоторые производственные вопросы. Это было сообщество людей, у которых сохранились очень добрые отношения между собой.

Вне всякого сомнения, душой этой компании был Гражданкин Владимир Иванович. Весь вечер он был в центре бесед. Чувствовался его безоговорочный авторитет. Он начинал работу в селе Соболево, а затем в селе Пахачи возглавлял партийную организацию рыбного завода. В селе Тиличики при райкоме был председателем партийного контроля. Бывший глава Корякии С. Г. Леушкин в свою бытность назначил его главой Олюторского района. На этом посту он оставил у людей о себе хорошие воспоминания. В команде губернатора В. А. Логинова стал вице-губернатором. Владимир Иванович один из тех одержимых людей, кто многие годы отдал северу Камчатки. Он хорошо знал проблемы как приезжих, так и местного населения. За столом он с удовольствием вспоминал лучшие времена, когда бюджет его района наполнялся налоговыми поступлениями от добычи платины. Действительно, ни один из муниципалитетов Камчатки не получал таких высоких налоговых отчислений.

С сообщением о минеральных ресурсах Камчатки выступил В. П. Орлов. Интерес к работе геологов и добытчиков стал велик. Многие убедились в целесообразности добычи минеральных ресурсов. Невольно мне вспомнились совещания в былые годы, как в областном центре, так и в КАО, когда о геологии упоминалось лишь вскользь. Тогда внимание партийных бонз было сосредоточено на рыболовстве и оленеводстве. Сегодня рыбная отрасль находится в режиме стагнации, а оленеводство, которое всегда было дотационным, практически исчезло, как отрасль.

Припоминаю совещание в обкоме партии, на которое пригласили геологов (в том числе и меня, как молодого специалиста). Партийному руководству захотелось узнать, чем занимаются геологи на Камчатке. Предоставили слово и мне. По своей наивности я сформулировал свое понимание развития Камчатки, отметив необходимость развития горнодобывающей отрасли наряду с рыбной. Партийные

бонзы резко прервали меня и заявили, что Камчатка никогда не станет горнодобывающей, а будет рыболовецкой всегда и вовеки веков. Так и сказали – вовеки веков. Не хочу себя выставить провидцем, но время показало, что мои доводы материализовались. Правда, с большим опозданием.

На встрече с землячеством меня попросили рассказать о возможностях освоения самых северных земель Камчатки, то есть Пенжинского района. Я рассказал о перспективах развития горной промышленности на этой территории и отметил, что они весьма высокие. Пройдёт совсем немного времени, и имеющиеся здесь месторождения перейдут в стадию освоения. Весьма высоким остаётся потенциал нахождения новых месторождений полезных ископаемых.

И всё же главной «фишкой» в этой встрече были рассказы и байки В. И. Гражданкина. За долгие годы пребывания на Камчатке и, прежде всего, в её северной части, он много общался с местным коренным населением (коряками). В связи с этим умел достоверно и правдиво копировать их речь, движения и делал это мастерски. Многие неоднократно слушали его рассказы, но всякий раз просили повторить некоторые из них. Баян и рассказов у него много, но более всего мне запомнилась одна из них.

Мне трудно передать, как он её рассказал, поэтому изложу только смысл. Бригадира одной из оленеводческих бригад вызвали на бюро райкома, где потребовали от него объяснение по поводу того, что в его партийном билете отсутствовали почти все страницы. Фактически от партбилета остались корочки и один лист с его именем и отчеством. Не стало возможности отмечать данные о партийных взносах. Он объяснил это тем, что в табун долго не прилетал вертолёт с почтой, среди которой всегда были газеты. Именно из неё сворачивались «козьи ножки», которые заправлялись махоркой. Из-за отсутствия газет «козьи ножки» оленевод сворачивал из страниц партийного билета. (К слову, в советское время доставка почты считалась первоочередной задачей властей особенно для жителей местного коренного населения. Этому придавалась политическая окраска. На моей памяти нередко вертолёт Ми-8 вёз в национальное село 5-10 кг почты. И это была вся загрузка. Такое нерациональное использо-

вание авиационного транспорта конечно, возмущало, особенно те предприятия, которые в это время нуждались в подвозе материалов, оборудования и другого технического груза.)

Его рассказ об этом с коряжскими акцентом, с показом всех движений, гримасами надо было видеть и слышать. Я никогда так не смеялся, а вместе со мной все остальные зрители. Смех был таков, что все долго утирали слезы. Присутствующие здесь люди коряжской национальности удивлялись и поражались сходству и правдивости показанных сценок. Сдаётся мне, что его рассказы могли бы украсить концерт известного ансамбля «Мэнго». Успех был бы гарантирован, а рейтинг ансамбля мог значительно вырасти.

Проведённый вечер среди тиличикских земляков оставил очень позитивные эмоции.

*На переднем плане слева направо В.И.Гражданкин, В.П.Орлов,
В.А.Логинов, Ш.Ш.Гимадеев и группа из Олюторского землячес*

Летим в Магадан

Пока мы путешествовали по Камчатке, из Москвы в Петропавловск-Камчатский прибыл один из основных учредителей ГПП «Тайгонос» и ГПП «Иткана» В. И. Козлов. Его приезд был совсем не праздным. К этому времени набрался комплекс вопросов для совместного обсуждения о развитии добычных работ, как на севере Камчатки, так

и на Колыме. В связи с его приездом рассмотрели заявленные объекты под добычу россыпного золота на севере Камчатки. Должен признаться, что подготовка необходимых материалов для заявки на недропользование не представляет особой сложности, а вот дальнейшее прохождение по бюрократическим инстанциям не предсказуемы по времени.

После рассмотрения дел по ГПП «Тайгонос» решено вылететь в Магадан, непосредственно на место добычи россыпного золота, в долину ручья Глухой. Полёт в Магадан предстоял через Хабаровск, где проживал В. А. Логинов. Необходимо отметить, что «Дальнедра» является вышестоящей организацией для «Камчатнедра», и субординация между ними неуклонно соблюдается. Маршрут полёта через Хабаровск выбран в связи со встречей в Хабаровске потенциальных инвесторов, пожелавших участвовать в организации добычи золота, как на Камчатке, так и на Колыме. В Хабаровске остановились на квартире Логинова. Его супруга Людмила Александровна (моя бывшая сослуживица по ГРК «Корякия») накрыла по случаю встречи соответствующий стол. Весь вечер был посвящён воспоминаниям о давно минувших днях.

На следующий день состоялась встреча с потенциальными инвесторами. Они выразили желание совместно поработать, но при этом потребовали жёстких гарантий возврата их капиталов. В тот же день мы с В. И. Козловым решили осмотреть город. Мне не раз доводилось бывать в этом городе ещё со студенческих времен, когда через него добирался из Казани в Магадан. Уже тогда он производил хорошее впечатление. С тех времен неоднократно приходилось летать через Хабаровск на Камчатку. Хабаровск – это воздушные ворота на Дальнем востоке, и мало кому удавалось их миновать. На фоне других дальневосточных городов, Хабаровск отличался уютом, ухоженностью, своими зелёными насаждениями. Вот и во время нашего пребывания город буквально блистал своей красотой. Вели-

колепная набережная вдоль Амура была, конечно, его жемчужиной.

Невозможно было себе представить, что всё это великолепие совсем скоро окажется под водой. В 2013 году в регионах Дальнего Востока произошло масштабное наводнение. Пострадали сотни населённых пунктов.

Название города Магадан до сих пор вызывает если не страх, то тревожное состояние и одновременно уважение. Ещё памяты для многих жителей страны колымские лагеря и многочисленные жертвы. Известен и суровый климат в этих краях. Фраза в народе «лучше вы к нам, чем мы на Колыму» стала крылатой, в основном, из-за суровости климата.

Столица валютного цеха страны, а именно таковым называют Магадан, на фоне дальневосточных городов, пожалуй, выглядела наименее благоустроенной. Добывая львиную долю золота в стране, Магадан по моим понятиям должен выглядеть совсем иначе. Наверняка он заслужил более приличную архитектуру жилых и административных зданий, зелёных парков, аллей и других строений. Главный валютный цех страны совсем не соответствует блеску добываемого здесь золота. Жаль, что отцы города не видят или не хотят видеть окружающую город красоту. Одна лишь набережная вдоль бухты Нагаева могла придать городу особый шарм. Увы, там наверху, по-видимому, считают, что северный коэффициент и надбавки к зарплате достаточны для компенсации всех других благ, потому город не выглядит уютным и ухоженным.

Наш самолёт приземлился в аэропорту Магадана. Плакаты крупными буквами напоминали, что город - это сердце золотой Колымы и России.

Скажу откровенно: здание аэропорта могло бы более соответствовать «золотому сердцу России». Особых изменений в городе за последние два десятка лет не произошло. Как и в других городах, многие здания увешаны рекламными щитами. Несколько торговых центров предлагают широ-

кий объем различных товаров. В магазинах большое разнообразие овощей и фруктов, в том числе и экзотических. Цены – запредельные.

Обращают внимание многообразные религиозные храмы. Вот в этом градоначальники преуспели. И каких только храмов здесь нет! В центре города возвышается Свято-Троицкий кафедральный собор, посвящённый жертвам политических репрессий.

Совсем недалеко от него расположились церкви «Скала Надежды», «Евангелистских христиан», «Святого духа», «Иоана Предтечи», «Николая Чудотворца», «Сергея Радонежского», «Собор Троицы Живоначальной», храм адвентистов седьмого дня и несколько часовен, посвящённых нашим народным героям. Раньше жители Колымы поминали бога лишь в особых случаях, в сочетании с «крепким словцом» и совсем не из религиозных чувств и не с просьбой помочь, а так, для усиления эффекта при выполнении каких-то (чаще физических) работ. Сегодня довольно многих «качнуло» в сторону религии и таких становится всё больше. Общаться с богом стало модно. Кое-кто уже стараются не гневить бога, особенно по пустякам и реже его поминают. Ряды безбожников (атеистов) заметно поредели. Потеряв веру в существующие ранее ценности, люди, видимо, стали обращаться к Создателю за защитой от всяких жизненных невзгод.

На фоне культовых сооружений заметным приобретением за последние годы стал памятник жертвам репрессий – «Маска скорби», автором которой стал Эрнст Неизвестный, а архитекто-

ром – житель Магадана Камиль Казаев. Высота основного монумента составляет 15 метров. Его установили на сопке Крутая 12 июня 1996 года. Внутри монумента находится копия типичной тюремной камеры. Когда-то на этой сопке была транзитка. Отсюда заключённых развозили по лагерям. За два десятка лет через эту перевалку прошло более 700 000 человек. С этой сопки хорошо просматривается бухта Нагаева, куда приходили пароходы с будущими жителями лагерей. Это не просто памятник, а мемориал. Вокруг основной скульптуры памятные плиты с названиями многих лагерей. В первом ряду – плита с названием лагеря Бутугычаг. Этот лагерь считался с самым жестоким режимом. Здесь добывался уран, в связи с этим его обитатели не задерживались на этой брэнной земле. Таких оказалось около 400 000 человек.

Совсем необычным для меня явлением стали большое количество в городе выходцев из Средней Азии. Они заняли нишу в сфере общественного транспорта – работают водителями автобусов. Никогда бы не подумал, что люди из очень тёплых краев могут добровольно решиться жить и работать в суровом Магадане. По-видимому, на то оказались веские причины.

Так получилось, что, нередко бывая в Магадане, не удавалось посетить областной музей. В этот приезд восполнил пробел вместе с В. Козловым и Наташей, главным бухгалтером нашего предприятия. Он оказался весьма познавательным. Из трёх этажей один посвящён Дальстрою. Впечатлили многие экспонаты, доставленные непосредственно из бывших лагерей.

Отрадно, что на одном из домов на центральной улице появилась мемориальная доска Олегу Куваеву – геологу-писателю, который в своей книге «Территория» впервые доходчиво и образно донёс читателю сведения о жизни и быте тех, кто в 50 – 60-х годах жил и работал в геологических экспедициях на Чукотке и Колыме.

Трасса

Наверное, в стране мало найдется строительных объектов, с которыми так много связано трагических судеб людей. Таковой является магаданская трасса. Её длина – 2 000 км, и проходит она по самым экстремальным районам. Температура ниже 50 градусов не является предельной. Трассу начали строить в 1932 году. Необходимость её строительства стала очевидной, когда стало ясно, что найдена огромная россыпная провинция (Яно-Колымский пояс россыпной золотоносности). По этой трассе от бухты Нагаево шли те, кого приговорили осваивать тот самый золотоносный пояс. Не знаю почему, но, как и в прошлые годы (во время производственной практики), проезжая по трассе, всегда думается о тех, кто строил трассу и осваивал золотоносный пояс. Наверное, их много лежит по сторонам от трассы.

Мои мысли о тех, кому колымская земля стала последним пристанищем, прервал В. И. Козлов. До сих пор он молча управлял джипом и вдруг высказал практически ту же мысль: «Вот если все, кто положил свою жизнь во имя освоения этого края, могли бы вдруг встать, они бы заполнили всю проезжую часть трассы». И в это вполне можно поверить. Наш путь к объекту добычи, россыпи руч. Глухой, не близкий, чуть более семисот км, с пятью перевалами, каждый из которых около 1000 м над уровнем моря. Самым трудным из них считается Бурхалинский, его высота – 1010 м. Некоторые перевалы имеют оригинальные названия. К примеру, Дедушкина лысина – 997 м.

Вдоль трассы – знакомые названия посёлков. К большому сожалению, почти все они лежат в руинах. Посёлки, в которых некогда жизнь была ключом, сегодня выглядят, в основном, убогими и заброшенными. Гнетущее впечатление произвёл Оротуканский завод, который в советское время производил горное оборудование, буровую технику, многие нужные механизмы, узлы и агрегаты, востребованные даже далеко за пределами Колымского края. В военные годы (1942 г.) здесь была произведена первая плавка высококачественной стали, а мартеновский цех выплавлял марганцовистую износостойкую сталь. Относительно нормально выглядят два населённых пункта: посёлок Ягодный и город Сусуман.

Практически вся трасса (за редким исключением) имеет грунтовое покрытие, но появилась надежда, что здесь появится твёрдое покрытие. На одном из участков мы проехали 10-12 км хорошей дороги с твёрдым покрытием. Завод в модульном исполнении по изготовлению асфальта в короткие сроки построили японцы. Если такие заводы будут работать так же эффективно, то не за горами время, когда многие смогут познакомиться с Колымским краем.

Кстати, несмотря на отсутствие твёрдого покрытия на трассе нередко встречаются легковые автомобили с номерами Москвы и других регионов. Из разговоров с некоторыми путешественниками по трассе узнал, что они хотят лично увидеть места, где жили, работали их отцы и деды. И это вызывает уважение к младшему поколению.

Во время движения по трассе отметил, что все местные водители грузового и легкового транспорта, видя остановившейся транспорт, обязательно замедляют свой ход, при этом присматриваясь, не нужна ли помощь. Такого я не наблюдал ни в одном регионе страны.

За окном автомобиля постоянно мелькают отвалы промытой породы. На память пришел эпизод, когда в период моей практики (1964–65 гг) на трассе пропал грузовой автомобиль с коньяком. На месте приема груза в машине оказались песок и камни. Следователям важно было знать, где поменяли груз и они обратились к геологам Берелехской экспедиции, которые указали примерное место, где произошла смена груза. Совсем скоро нашелся и сам груз. Аналогичная история произошла в Казани во время моей учебы на геологическом факультете университета. Из Одессы в одну из больниц прислали контейнер с медикаментами. Когда его вскрыли, там оказались камни. Сыщики прибыли на наш факультет и обратились к профессору Б.В.Селивановскому, который тотчас определил, что камни из красноцветных отложений татарского яруса верхнепермской системы. Это помогло быстро раскрыть преступление и более того, как сообщил на лекции сам профессор, он получил вознаграждение от надзирающих органов, не преминув отметить геологию, как содействующий метод в раскрытии преступлений.

Как и на Камчатке, колымские медведи так же стали «попрошайками». Они выходят на трассу и требуют еду у проезжих водителей.

Должен отметить, что вдоль трассы соблюдается чистота. Много мусорных баков.

Для жителей Колымы слово «трасса» – особое. Они не говорят «на дороге». Они говорят – на трассе. Как и жители Камчатки, которые говорят, что живут на побережье.

Итак, приехали в Сусуман, в некоронованную столицу золотой Колымы. Хочу отметить, что здесь с 1937 по 1999 годы добыты 1052 тонны золота. Фантастическая цифра. Это по 16 тонн ежегодно. Сегодня в Сусумане испытательная станция для автомобилей Зил, Урал, Камаз, Уаз, Фиат, Камацу и др. Лучших условий для испытания техники не придумаешь.

Здесь ГПП «Иткана» снимает квартиру, являющуюся гостиницей и офисом.

Снова Нексикан

От Сусумана до посёлка Нексикан – 26 км. Быть рядом и не посетить этот посёлок я не мог и попросил В. Козлова отвезти туда, где я пятьдесят лет тому назад проходил производственные практики, в том числе и преддипломную.

Нексикан – самый легендарный посёлок Колымского края. Он возник в 1938 году. Здесь появилась первая геологоразведочная экспедиция – Берелёхская. С её появлением начались планомерные поисково-разведочные работы на россыпное золото. Именно отсюда началась история большого Колымского золота. Это случилось в 1939 году. Здесь выросла когорта знаменитых геологов, открывших одну из самых крупных в мире золотоносных провинций, которая дала три тысячи тонн золота и продолжает до сегодняшнего дня пополнять наши золотовалютные резервы.

Мне посчастливилось поработать в Берелёхской ГРЭ два полевых сезона и воочию увидеть тех, кто непосредственно занимался поисковыми и разведочными работами. Я видел и даже поработал вместе с теми, кто не по собственной воле провёл немало лет в этих неуютных краях, кто прошёл первые горные выработки и отмыл первые шлихи с золотом в лотке и снимал с колоды первые килограммы

промышленного золота, всё это делая под досмотром вооруженных людей. Для многих из них Нексикан стал второй родиной.

И вот, спустя почти 50 лет, я еду в посёлок, где в 1964-65 годах проходил производственные практики. Из четырёх практик именно эти две отложили глубокий отпечаток в моей жизни. Наш путь от Сусумана до Нексикана был недолгим: это всего 25-28 км. Посёлок когда-то стоял на основной Колымской трассе, в 650 км от Магадана. К сожалению, на трассе не остался дорожный указатель посёлка, но остался главный ориентир – река Нексиканка.

На месте посёлка сегодня лишь отвалы промытой породы. На средства, собранные бывшими жителями посёлка, 11 октября 2012 года поставлен памятный камень Нексикану.

На территории бывшего посёлка сохранился один дом и стены бывшей больницы.

У единственного оставшегося дома я встретил группу мужчин. Из разговора с ними выяснилось, что некоторые из них были детьми тех геологов, с которыми мне довелось работать в поле. Всё-таки, видимо, существуют какие-то силы, притягивающие к местам, которые тебя сильно впечатлили. Мне остается поблагодарить судьбу за то, что дала возможность прикоснуться к истории этого легендарного поселка.

Кстати, в 10 км от поселка Нексикан в долине ручья Киргилях в 1970 году обнаружили мамонтенка Диму. Благодаря мерзлоте он сохранился абсолютно целым и сегодня хранится в музее города.

Едем на Глухой

ГПП «Иткана» второй год работала по договору подряда с БерГОКом, то есть не имела собственной лицензии для работы. Хозяева лицензии, нанимая стороннюю организацию, конечно, выделяли для отработки не самые лучшие участки – с максимально сложными гор-

но-техническими условиями. Именно такой участок достался работникам ГПП «Иткана». Меня не назовёшь дилетантом в горном деле, но то, что я увидел на горном участке, весьма впечатлило.

Россыпь ручья Глухой располагалась на высоте 1100 м. Глубина отработки – 25-27 метров. Когда видишь, как летят искры из-под клыков Камацу-450, то понимаешь, что золото здесь трудовое и достаётся тяжело. Хозяева лицензии, отдавая этот участок в аренду, не очень надеялись на успешный результат. Но вопреки всем сомнениям в свой первый промсезон камчатская команда выполнила и даже перевыполнила намеченный план по добыче золота. Они к этому времени прошли неплохую школу по разработке россыпей золота на севере Камчатки и месторождений платины Левтыринваям и Ледяной.

Это была хорошая команда, собранная В. Козловым и М. Поповичем. Главной её ценностью являлась вера всех работников в своих руководителей. Последние ещё на камчатских россыпных объектах доказали свой профессионализм, открытость, порядочность и верность своему слову. Не всем удавалось так сплотить коллектив. Хочется особо отметить руководителей ГПП «Иткана» М.Поповича и В.Козлова обучивших детей своих работников и дать им возможность трудиться на полигоне. Здесь работают два сына С.Наумченко, сын А. Дьяченко, сын Л.Федосенковой. Это вызывает дополнительное уважение к командирам производства.

*Слева направо - М.М.Попович,
Ш.Ш.Гумадеев, В.И.Козлов.*

Когда я прибыл на участок, это был второй промывочный сезон, на который Берелёхский горно-обоганительный комбинат выдал уже более высокий план по добыче, чем в прошлом году. К этому времени посёлок на участке выглядел благоустроенным. Особая гордость – столовая. Она не просто уютная с большим телевизионным экраном, но и отличается своим меню. Как правило, в меню 2-3 первых блюда, столько же вторых, разнообразные закуски, напитки. На столах многообразие видов печёностей. Все это великолепие обеспечивали

Татьяна Дмитриевна Лисицкая, Мария Павловна Чупикова и Любовь Алексеевна Малая. Качеству приготовленных блюд мог позавидовать самый изысканный ресторан страны. Небольшая животноводческая ферма и тепличка дополняли рацион экологически чистыми продуктами.

Наверное, сказалась работа руководителя участка Михаила Поповича в артели «Камчатка», где председателем был О. Сычинский. На его участках был всегда идеальный порядок во всём. За небрежное отношение к работе и порядку работники жёстко наказывались. Некоторые до сих пор помнят, как хоронили окурок на одном из участков.

*Ш.Гумадеев с самородком
из россыпи руч. Глухого*

На полигоне работала высокопроизводительная импортная техника – бульдозера, самосвалы, погрузчики, три промывочных прибора. Режим работы – 12 через 12. Это жёсткий распорядок, по сути, работа на износ. Но большая часть работающих уже привыкли к такому режиму. Они не мыслят себя вне такой работы. Старательское дело – это своего рода наркотик. Суточные съёмы различные от 1-2 кг до 8,5 кг.

Рядом с обрабатываемым блоком в свое время (на ручье Забытом) отмыли самородок весом 9 кг. На руч. Глухом самородки 20-30 грамм явление рядовое.

Работа на условиях подряда, конечно, не устраивает ГПП «Иткана». Её руководители понимают, что в любое время хозяева могут внести любые изменения в условиях договора о подряде, в связи с этим работа может оказаться нерентабельной. Отсутствие самостоятельности сдерживает развитие компании. Созданный коллектив мог решать более масштабные задачи, а для этого нужны собственные объекты для добычи россыпного золота. На НТС, проведённом на

участке, мне поставили задачу найти объекты в радиусе не более 20-30 км от действующего с приемлемыми горнотехническими условиями, то есть с торфами не более 20 метров и содержаниями золота в пределах рентабельной отработки, то есть с содержанием на горную массу не менее 0,16-0,18 г/м³. Данные о геологических исследованиях территорий находились в фондах города Магадан.

Золото с руч. Глухого сдавали на прииск Широкий. Это примерно в 50 км от участка. Совсем рядом когда-то находился прииск Мальдяк. Это один из первых приисков, организованных в 1937 году на Колыме. Долину одноимённого ручья, где добывалось золото, называли «долиной смерти».

Находясь в этих местах, мне вспомнился рассказ нашего топографа Владимира Сосновского о его отце Никите Иннокентьевиче. Я уже ранее упоминал о Володе Сосновском. Он прибыл на Камчатку после окончания Новосибирского института и был направлен в Сергеевскую геологоразведочную партию. В разговоре с ним выяснилось, что родился он в Магаданской области, в небольшом посёлке Талон. Будучи на практике, я в этом посёлке получал лошадей для полевой партии. В связи с этим у нас нашлись общие темы для разговора.

И вот, спустя почти пятьдесят лет, я оказался практически на его родине. Добычной участок оказался совсем рядом с местом его рождения. Конечно, вспомнился рассказ о его отце, репрессированном в 1938 году. Свой срок он отсиживал на Мальдяке, в одном лагере с Сергеем Павловичем Королёвым, известным конструктором ракетных кораблей. В 1953 году был реабилитирован, но узнал об этом (из-за чиновничьего разгильдяйства) лишь в апреле 1994 года, а в мае того же года ушёл из жизни.

В.И.Сосновский

Сегодня нам трудно понять, каково жить более пяти десятков лет с клеймом «врага народа». После освобождения из лагеря Никита Иннокентьевич несколько лет работал водителем автомобиля.

Кстати, возил известного на Колыме геолога Бориса Ивановича Вронского. В 1969 году судьба свела Владимира Сосновского с Б. И. Вронским в тайге, на поиске Тунгусского метеорита. В те годы некоторые энтузиасты организовывали самодеятельные поиски инопланетного гостя. Вот в такой экспедиции состоялась эта встреча. Хочется отметить, что когда Б. И. Вронский нашёл первый железный метеорит на Северо-Востоке, он назвал его «Мальдяк».

В фондах Магадана

Геологические фонды после начала строительства капиталистического способа производства перешли на коммерческие взаимоотношения с физическими лицами и организациями. Определена такса за пользование геологическими материалами. Графические материалы самых интересных участков с разведанными запасами золота оставались засекреченными. Это усложняло допуск к этим материалам. Требовалось оформление соответствующего допуска. Со времени начала перестройки нарушилась дисциплина представления отчетности при геологических исследованиях. В прошедшие времена все организации, ведущие любые геологические исследования, обязаны были представлять в геологические фонды материалы в виде отчетов, которые фиксировались на картограммах изученности. В настоящее время не все материалы оказались в геологических фондах и фактические данные по некоторым участкам территории трудно установить.

В геологических фондах Магадана мне повезло. Его руководитель Грищенко Анатолий Антонович когда-то был связан с Камчаткой и у него остались хорошие воспоминания о ней, более того у нас оказались общие друзья, приятели по работе в былые годы. Все это сыграло определенную роль при пользовании фондами. Мне удалось пересмотреть большой объем материалов по россыпной золотоносности бассейна реки Берелёх. Я впервые познал, что значит россыпная провинция. На картах золотоносности этого региона невозможно рассмотреть гидросеть - она сплошь закрашена цветом раскраски россыпей. Поражает масштаб золотоносности этого края. Бросаются

в глаза россыпи, залегающие на глубинах в несколько сотен метров. Их отработка производится подземным способом. Отсюда вполне заслуженно россыпники Колымы празднуют день шахтера. На берегу реки Берелёх один умелец сваял статую шахтера из местной лиственницы с отбойным молотком в руках.

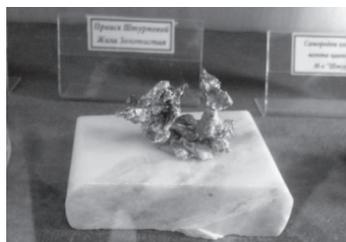
Среди рассмотренных материалов увидел знакомые имена их авторов. Листая отчет Щепотьева Ю.М. за 1962 год, вспомнил свою практику, которая проходила в этих краях. Через десяток лет судьба свела с ним уже на камчатской территории, на Сергеевском золото-серебряном месторождении, куда он прибыл в качестве научного сотрудника от головного института (ЦНИГРИ). В свое время он защитил кандидатскую диссертацию по нашим южно-камчатским месторождениям. До сих пор продолжает работу в упомянутом институте.

Мои полевые сезоны на Колыме были связаны с двумя уже тогда авторитетными начальниками партий: Валентином Егоровым и Анатолием Ивановичем Калининим. Первый выпускник нашего геологического факультета Казанского университета. Второй впоследствии стал доктором геолого-минералогических наук. Припоминаю, что А.И.Калинин ежедневно после ужина собирал всех работников партии в камеральной палатке и с выражением прочитывал десятка полтора страниц о бравом солдате Швейке. И так было весь полевой сезон. Знакомясь со старыми отчетами, вижу имена тех начальников и геологов, которые в то время были на слуху: Виссарион Ниорадзе (начальник экспедиции), два брата Наталенко, В. М. Мерзляков, Дорт-Гольц, Николай Хондошко, Борис Беневольский, Петр Кутузов, Павел Лычагин. Последний посвятил несколько своих отпусков поискам чудовища (мезозавра) на озере Быланкыр – это в Якутии. Вот были же энтузиасты!

Моя работа в фондах «Магаданнедра» завершилась выбором десяти объектов для заявки на аукцион. После согласования с учредителями оставили шесть. На каждый из них подготовил графические материалы и необходимые текстовые приложения. Пользуясь, случаем ознакомился с геологическими работами магаданских геологов вдоль административных границ Камчатской и Магаданской областей. Еще в 80-е годы была мечта состыковать наши работы с

материалами соседей, особенно по северным границам, то есть по границе с Чукоткой. Как выяснилось, по нашей западной границе с Магаданской областью каких-либо значимых объектов не обнаружилось, а вот данные вдоль северной границы с Чукоткой посмотреть не удалось. Оказалось, что все материалы, касающиеся Чукотки, перекочевали в Анадырь, столицу суверенного округа. Добраться до Анадыря не удалось. А жаль, именно вдоль этой границы по нашим (камчатским) материалам просматриваются хорошие перспективы, как по рудным, так и россыпным делам.

Пока пропадал в читальном зале фондов, время от времени кто-то из окружающих говорил о какой-то золотой комнате. Решил узнать у руководителя фондов Анатолия Антоновича, что это за комната. Действительно оказалось, что при фондах существует музей, а внутри его имеется золотая комната. У музея нет официального статуса, и он доступен для посещения по особым случаям. Иногда его двери открываются для школьников и студентов. В виде исключений показывают высокопоставленным гостям Магадана. Несмотря на наш не очень высокий статус, но с учетом близкого соседства областей, для нас сделали тоже исключение. Назначили время для экскурсии. Я предупредил В.Козлова, нашего главного бухгалтера Наталью Николаеву и мы в назначенное время прибыли в музей. Нас встретил его смотритель. Большая часть нескольких залов представлены образцами руд с месторождений Магаданской области и Чукотки. Это руды олова, ртути, вольфрама, серебра с известных месторождений Магаданской области и Чукотки. Такие образцы руд можно видеть во многих музеях страны. А вот образцы с золотом в той самой золотой комнате, произвели сильное впечатление. Мне раньше довелось видеть немало музейных образцов с золотом, но то, что выставлено здесь не идет ни в какое сравнение.

Уверен, что подобных образцов с золотом в музеях нашей страны нет.

Впечатлил образец метеорита весом в 50кг. На его поверхности мы заметили два спила. Природу их объяснил смотритель музея. Оказалось, что в «лихие» 90-е годы Магадан посетила (по собственной воле) жена бывшего мэра Москвы Е.Батурина и попросила отпилить кусочек метеорита. Следом за ней в столицу Колымского края наведася заместитель председателя Государственной Думы Л.Слиска, которой также захотелось получить аналогичный сувенир. Сегодня на метеорите есть два спила, связанные с посещением этого музея столь именитыми женщинами страны.

Метеорит

Посетив музей, захотелось пополнить его экспонатом с Камчатки. Чуть позже выслал с нарочным на имя Грищенко А.А. вулканическую бомбу с вулкана Плоский Толбачик.

Пребывание на Колыме совпало с моим юбилеем. Совсем незаметно «стукнуло» семьдесят.

Коллеги из ГПП «Иткана» организовали роскошный стол в японском ресторане столицы Колымского края. По традиции выпили за мои года. Приятно было слышать, что оказался полезным для предприятия. По возвращении с Колымы меня ждал подарок от камчатских коллег из НП «Горнопромышленная ассоциация Камчатки». Это было трогательно. Не обошлось без застолья. Помянули каждый проведённый год на Камчатке.

Геологи Колымы, Чукотки и Камчатки многие годы встречались, на различных совещаниях, конференциях. Были общие проблемные вопросы по геологическому строению и распределению полезных ископаемых на наших территориях. В связи с этим круг знакомств у геологов был весьма широким. На таких встречах находилось много общих знакомых, друзей.

Будучи в Магадане я встретил Павла Рожкова. Когда-то он со своим братом (близнецом) Александром учились в Ростовском университете и оба распределились на Колыму. В далекие 50-е годы здесь начинал работу их отец Юрий Павлович Рожков. Сегодня геологией в этом регионе занимается последний из плеяды Рожковых. Его младший брат (он на 10 минут младше) живет в Москве.

Жаль, но в мой последний приезд на Колыму в такой организации как «Магадангеология» от слова геология мало, что осталось. Правопреемница бывшего объединения «Северовостокгеология», некогда мощнейшей геологической организации на востоке страны, выглядела неким мелким осколком на фоне былых времен. Совсем жалким выглядит старое здание (сегодня заброшенное) этого объединения. Во время моих приездов на практики в 1964–65 годах в коридорах этого здания я видел всемогущего начальника Северо-Восточного геологического управления Израиля Ефимовича Драбкина и многих именитых геологов, сделавших Колыму поистине золотой. Сегодня геологов остались единицы. И один из них Павел Рожков, который до сих пор организывает весновки, продолжает ходить в маршруты и открывает перспективные участки для нахождения месторождений золота.

Встреча с Павлом была познавательной для меня, более того, обогатила, расширила мои представления о формации золоторудных даек. Эта формация, конечно, не нова. Она и раньше была известна на Северо-Востоке, в том числе на Колыме. Но то, что я узнал от Павла, было новостью для меня. На одном из его участков, где он проводил геолого-съёмочные и поисковые работы длительное время не могли установить коренные источники многих россыпных проявлений. Случайно отобранные 2-3 штуфные пробы из дайки кварцевых диоритовых порфириров показали ураганные (до 100 г/т) золота. При

более детальном обследовании выявили 4 участка на площади 100 кв.км. Золоторудными оказались пологие дайки сильно березитизированные с содержанием кварца до 50%. Золото в дайках крупное (эффект самородка), распределение неравномерное. Прогнозные ресурсы по P1 составили 30 тонн. Пока составлялся отчет, участки продали с аукциона. Владельцами стала Дукатская горнорудная компания. В том же году компания доставила модульные установки и добыла первые сотни кг золота. Такой оперативности в былые годы можно было только позавидовать.

*Павел Рожков
у золоторудной дайки.*

Находка золоторудных даек хороший повод пересмотреть многие геологические карты на предмет выявления аналогичных месторождений. Наверное, колымские геологи так и сделали. Не отказался и я от соблазна посмотреть окружающую территорию вблизи руч. Глухого. Здесь общая геологическая ситуация во многом схожая с той, что рассказал Павел Рожков. В терригенной толще средней юры я действительно наблюдал дайки гранит-порфиоров, диоритовых порфиритов. Но при этом они были абсолютно «свежими». В них не хватало той самой гидротермальной переработки, с которой связано поступление золотоносных растворов.

Вся плеяда Рожковых посвятила себя геологии. Жена Юрия Павловича - Валентина Кузьминична - полевой геолог, петрограф. Старший сын Сергей после окончания Ростовского университета работал в Северо-Камчатской ГРЭ геологом, а затем сделал стремительную карьеру и возглавил Центрально-Камчатскую ГРЭ. Сегодня в качестве чиновника пребывает в правительстве Ростовской области.

Пока писались эти строки, из Магадана пришла шокирующая новость. 13 февраля 2015 года Павел Рожков скоропостижно скончался. Из семейства Рожковых ушёл из жизни последний действующий геолог. Он всю жизнь посвятил изучению Колымы. Ему было 57 лет.

К семейству Рожковых относится супружеская чета младшего

брата Юрия Павловича – Сергей Павлович и его жена Элеонора. Как и все Рожковы, свою жизнь они связали с геологией. Сергей Павлович после окончания Иркутского геологоразведочного техникума в 1958 году некоторое время работал на Алтае, в Лениногорске, но совсем скоро оказался на Чукотке. Здесь более 10 лет работал в геолого-съёмочных и поисковых партиях. Надо признать, что геологическая съёмка является классической частью той – романтической – геологии. Как правило, она производится на довольно большой территории (несколько сотен, а иногда и тысяч квадратных километров). Это значит, что почти каждый день в маршрутах – новые горы, новые ручьи, озера и, соответственно, разнообразное геологическое строение с различным набором пород. Именно в процессе съёмки открыты большинство известных месторождений полезных ископаемых в нашей стране. Сергею Павловичу улыбнулась удача. Он в полной мере познал многокилометровые маршруты, переправы через горные реки, костры с бардовскими песнями, более того, оказался причастным к открытию Тамватнейского ртутного месторождения. Его шлиховые пробы оказались первыми вестниками будущего месторождения. С его слов у него состоялась встреча с начальником Северо-Восточного управления И.Е.Драбкиным, который прибыл с проверкой работ на Чукотку. Сергей Павлович показал ему капсулу (бумажный пакетик) со шлихом с киноварью. Шлих не впечатлил Израиля Ефимовича. А вот, когда Рожков С.П. высыпал на стол касситеритовый мешок с чистой киноварью, Драбкин сменил свой скепсис. На разведку этого участка были выделены целевые деньги. Так началась история Тамватнейского ртутного месторождения.

Неожиданно С.П. Рожкову пришлось сменить профиль работы в геологии. Для оценки Анадырского буроугольного месторождения потребовались буровые работы. Наверное, с этого периода у Рожкова С.П. началась совсем иная жизнь в геологии. Бурение является ювелирным делом в методике поисков и разведки полезных ископаемых. Здесь много технических тонкостей, от которых многое зависит при оценке рудных тел на глубину. По-видимому, именно эти тонкости увлекли Сергея Павловича. В каждом методе поисковых работ существуют свои трепетные моменты. В геолого-съёмочных маршру-

тах найденный штуф с полезным компонентом заставляет учащённо биться сердце геолога. Радостным мгновением для буровика является рудоносный керн. Буровик первым встречает руду из глубоких горизонтов с полезным ископаемым.

В первой половине 70-х годов на севере Камчатки проводилась разведка Сергеевского золотосеребряного месторождения. Буровики были весьма востребованными. Ю.П.Рожков пригласил на разведку этого месторождения своего младшего брата. Сергей Павлович несколько лет успешно занимался на месторождении колонковым бурением скважин, как с поверхности, так и горизонтальным бурением в штольнях.

Мое знакомство с Сергеем Павловичем состоялось на базе Сергеевской ГРП. Я в то время вел поисковые работы на флангах месторождения. Моя база партии была совсем рядом от поселка разведчиков. Будучи частым гостем, я сдружился с Сергеем Павловичем. Как оказалось у нас много общих знакомых по Колымо-Чукотскому региону. Как на Чукотке, так и на Камчатке младшего Рожкова сопровождала его жена Элеонора. По специальности она горный инженер-экономист и практически всегда оказывалась нужной в геологии. С окончанием разведки на Сергеевском месторождении Сергей Павлович перебрался на базу Северо-Камчатской ГРЭ, в поселок Корф. В производственном отделе курировал буровые работы в экспедиции.

С развалом геологической отрасли многих работников камчатской геологии разбросало по стране. Одно время практически исчезла связь со многими коллегами. Но в жизни появился интернет, это поистине великое открытие, которое позволило восстановить потерянные связи геологической братии. Посредством

С.П.Рожков

интернета мы узнали о некоторых талантах, о коих не подозревали в пылу прежних работ на Камчатке. Совсем неожиданными для меня стали картины С.П.Рожкова, выполненные маслом. Их оказалось так

много, что могло хватить на солидную выставку. Необходимо отметить, что Сергей Павлович оставил после себя на Чукотке несколько любительских фильмов и множество фотографий о жизни чукотских геологов.

Благодаря интернету совсем неожиданно мы познакомились с творчеством Елены Семченко. Она прибыла в Северо-Камчатскую ГРЭ в 1969 году, после окончания Ленинградского университета. По диплому инженер-картограф. Работала в оформительской группе. Совсем скоро обрела свою «вторую половину». В Корфе всегда был большой выбор ребят. Их хватало в экспедиции, аэропорту. Выбрала самого, самого-командира самолета Ан-2 Анатолия Семченко. Такой выбор, видимо, сподвиг сменить профессию. В Иркутске прошла переподготовку в учебно-тренировочном авиационном отряде и в 1976 году перешла работать в аэропорт дежурным штурманом. Семейные обстоятельства заставили покинуть Камчатку и уехать в Санкт-Петербург. Как это иногда бывает, трагические события вызывают не свойственные ранее способности. Елена стала рисовать цветы, бабочки и др. Выявив у себя такой дар, она поступила в университет искусств. Ее рисунками заинтересовалась губернатор города Матвиенко. По ее заказу Елена нарисовала более 20 работ. Три десятка работ выполнены и подарены некоторым социальным организациям. Все работы подарены безвозмездно. Стены многих друзей и приятелей сегодня украшены рисунками Елены Семченко. Одна из финских фирм предложила проиллюстрировать ее рисунками книгу о бабочках.

Отдельные ее работы сегодня демонстрируются на выставках Санкт-Петербурга.

Аукцион

Логическим завершением для выбранных объектов является аукцион, на котором определяется победитель. Выскажу свое мнение о

методе и способе получения лицензии на отработку месторождения полезных ископаемых. Не стану описывать все нюансы аукционной кухни, скажу лишь о тех законодателях, которые слабо или не достаточно четко и жестко прописали пункты положений о допуске к аукционам. Сегодня обладателем лицензии становится тот, кто заплатит большую сумму за объект добычи. Казалось бы, это нормальное явление и соблюдается основной принцип аукционов, но нередки случаи, когда на добычу полезных ископаемых стали претендовать люди далекие от горного дела. Особенно это касается месторождений россыпного золота. Мне неоднократно приходилось встречаться с такими людьми, у которых банкноты распирали карманы. В их понимании добыча россыпного золота дело не сложное. Их представления складывались, скорее всего, из прочитанных рассказов о старателях времен Джека Лондона. Узнав от меня более подробно о том, как приступить к добыче, что для этого требуется, какова возможная прибыль от добычи, у большинства отпадало желание заниматься этим ремеслом. Думаю, что мне удалось «спасти» не малые капиталы тех, кто хотел вложиться в россыпное золото. Кое-кто может возразить мне и может привести примеры, когда добыча золота приносит существенную прибыль. Согласен, но это возможно при хорошей доступности к объекту добычи, при очень высоких содержаниях золота в пласте и незначительных «торфах», т.е. близости к поверхности золотоносных песков. Сегодня такие месторождения, готовые к эксплуатации на Камчатке практически отсутствуют. И все же были те, кто рискнул заняться золотодобычей. Имея значительные финансовые ресурсы, они неистово торговались на аукционах и нередко выигрывали их. Лишь спустя некоторое время осознавали степень сложности в организации этих работ, подготовки соответствующей документации и, пожалуй, самое важное - формирование кадров, исполнителей, которые должны вести добычные работы. Сегодня не просто найти хороших геологов, горняков, механизаторов, знающих и умеющих горняцкое дело. И это стало большой проблемой для всех регионов, где ведется золотодобыча. Именно поэтому совсем нередки случаи, когда из нескольких десятков выданных лицензий (к примеру, на Колыме), лишь единицы приступают к добычным работам.

Рассуждая об аукционах, не могу не отметить (исходя из личного опыта) условия подачи заявок, их рассмотрение в Москве. Если на региональном уровне подача заявок на недропользование не вызывает принципиальных замечаний, то время рассмотрения их в столице затягивается до года и более. Совсем не просто найти инвестора для таких ожиданий, тем более команду будущих исполнителей. И самое главное, совсем не очевидно, что центр утвердит заявочный объект. Неоправданно длительными выглядят согласования на небольшие объекты. В связи с этим, они нередко остаются без недропользователей. Теряют и хозяева земли. Они не пополняют свои бюджеты и лишаются возможности занять население, особенно в удаленных районах.

Более чем за 10 лет моего отсутствия принципиальных изменений в изучении россыпной золотоносности на севере Камчатки не произошло. На своем месте остались все ранее известные узлы россыпной золотоносности. Поиски и разведка россыпей в пределах этих узлов проводились Северо-Камчатской ГРЭ и силами Пенжинской ГРЭ, начальником которой довелось быть несколько лет. Мне не составило большого труда вспомнить практически все разведанные россыпи в этой части Камчатки и более того, обозначить проблемные участки строения, степень разведанности и возможности наращивания запасов золота в их пределах. Скажу без бахвальства - это была моя территория, которой я посвятил не одно десятилетие. Я до сих пор помню все известные здесь россыпи и даже значимые шлиховые ореолы золота, рудные месторождения и рудопроявления. Когда-то собирал материалы для написания диссертации о золотоносности Пенжинского сектора Охотско-Чукотского вулканогенного пояса.

Золотоносные россыпи Камчатки, конечно не сопоставимы с Колымскими. Глядя на карты золотоносности Колымы, понимаешь масштаб этой золотоносной провинции. Колымские россыпи изначально изучались на геологических картах масштаба 1: 25000 с детальным геоморфологическим анализом. Это позволило накопить большой объем поисковых признаков, критериев в оценке территории, в выявлении структурных «ловушек» с золотом в долинах водотоков различных порядков. Из анализа геолого-геоморфологической ситу-

ации, истории формирования рельефа, появились критерии оценки россыпей на глубину. В связи с этим появились многочисленные глубоко залегающие (до нескольких сот метров) золотоносные россыпи с высокими (килограммовыми на куб.м) содержаниями металла. На всех картах бросается в глаза детальность и тщательность изученности россыпей.

Изученность россыпей Камчатки столь мала, что по признанию некоторых специалистов она находится на уровне первого класса, в то время как Колымские заканчивают институт. На мой взгляд, за всю историю Камчатской геологии никто не провел серьезных работ по прогнозированию поисков россыпного золота. Все поставленные работы свелись лишь к заверке шлиховых ореолов. Среди специалистов Камчатской геологии не оказалось квалифицированных геоморфологов, которые вкуче с геологическими данными, могли дать более достоверную оценку большой территории. К настоящему времени на севере Камчатки известны десятки россыпей золота. Большая часть из них либо отработаны, либо находятся в стадии истощения. В тоже время потенциал нахождения новых богатых объектов далеко не исчерпан и он связан с глубоко залегающими россыпями. Для их поисков требуется глубокий геолого-геоморфологический анализ территорий с применением поискового бурения. Это достаточно затратные работы и сегодня трудно ожидать, что появятся федеральные деньги для осуществления такого проекта. Такое финансирование могла бы осуществить «Корякгеолдобыча». Она продолжает вести добычу платины на двух уникальных месторождениях Левтыринваям и Ледяной. Но сегодня эти месторождения показали «донышко» и времена больших прибылей канули в лету. Не хочется пессимистически воспринимать финансирование богатых погребенных россыпей. Надеюсь, что развитие горной промышленности на севере Камчатки подтолкнет руководителей горнодобывающих предприятий к поискам и разведке этих россыпей. Последние могут стать весьма прибыльными на фоне золоторудных месторождений.

При анализе рассмотренных материалов по северу Камчатки для ГПП «Тайгонос» выделилось около десяти объектов. Они находятся в различной степени готовности для освоения. Отдельные из них раз-

веданы и имеют балансовые запасы, то есть готовы к эксплуатации. Для других требуются детальные поисковые работы, последующая разведка с подсчетом запасов. Конечно, на первом этапе для предприятия интересны объекты с балансовыми запасами золота, поэтому выбор пал на россыпи в Хиузно-Ушканьинском узле. Именно на эти участки были поданы заявки на участие в аукционе. Больших трудов стоило «уговорить» Москву включить их в перечень объектов подлежащих аукционированию в 2013 году. Наверное, решающую роль в этом сыграло письмо, составленное от имени горно-промышленной ассоциации Камчатки с просьбой ускорить решение вопроса о включении данных участков в перечень объектов. Лишь после этого было назначено время проведения аукциона. В результате проведения последнего ГПП «Тайгонос» стал недропользователем двух месторождений. Впереди хлопоты по составлению проектов, организации завоза оборудования, техники и многое другое, что требуется для начала добычных работ. Надеюсь, что это произойдет в 2015 году и команда геологов, горняков и механизаторов, работающих на Колыме, вернутся в родные края. Ведь все они сформировались как специалисты именно на Камчатке. Буду весьма рад тому, что директор ГПП «Тайгонос» Федосенкова Л.П. совсем скоро сможет подержать в руках первые килограммы добытого металла. Вряд ли она когда-либо представляла себя золотодобытчиком, но стремление, воля, настойчивость сыграли свою роль. Вне всякого сомнения, она на первом этапе формирования предприятия провела большую подготовительную работу.

На период проведения аукциона прибыли на Камчатку основные учредители ГПП «Тайгонос» В.И.Козлов и М.М.Попович. Оба хорошо известны в мире добычи драгоценных металлов на Камчатке. Их приезд сопровождался многочисленными встречами с коллегами. Скажу откровенно, для меня самой интересной была встреча М.М.Поповича со своим учителем, председателем артели «Камчатка» О.М.Сычинским. Именно у этого человека он начинал старательскую деятельность. Здесь постиг все азы, нюансы и премудрости, пройдя все иерархические ступени добычного дела. Его успехи на колымских россыпях, где он сегодня получил широкую известность, выкованы в артели «Камчатка». Не следует забывать и о том, что путь в артель

начинался из экспедиций ПГО «Камчатгеологии». Мне довелось в течение многих лет наблюдать за работой, как учителя, так и ученика, а в бытность работы начальником Пенжинской ГРЭ, вплотную сотрудничать с тем и другим. Наши разведанные россыпи передавались в эксплуатацию артели «Камчатка».

И вот, сегодня наметилась встреча учителя со своим учеником. Я заметил трепетное волнение М.М.Поповича, когда он зашел на территорию базы артели. Наверное, немало воспоминаний навеяла эта база. Сама встреча состоялась в кабинете О.М.Сычинского. Она началась с дружеских объятий, после чего они обменялись состояниями дел на своих предприятиях, обсудили некоторые новинки техники, применяемых при промывке золотоносных песков. В разговоре чувствовался высокий профессионализм. Учитель явно радовался успехам своего ученика. Накануне встречи у М.М.Поповича был день рождения и О.М.Сычинский не оставил это событие без внимания, подарив песцовую шапку, сказав, при этом, что она будет кстати в условиях Колымы. Встреча завершилась пребыванием в сауне. Старатели большие мастаки по части бань и саун. За винно-водочным субстратом рассмотрели вопрос о возможной совместной работе на севере Камчатки.

Горный вестник Камчатки

Не ошибусь, если скажу, что журнал «Горный вестник Камчатки», учреждённый НП «Горнопромышленная ассоциация Камчатки», стал явлением для многих, кто жил, работал на Камчатке и тех, кто продолжает жить на полуострове. Предположу, что такого журнала не выпускается в близлежащих регионах Дальнего Востока. Правда, издаются подобные отраслевые журналы, рассказывающие в своих материалах о тех или иных ресурсах всей страны. А вот, журнал ГВК рассказывает читателю непосредственно о горно-геологических делах Камчатки, то есть об отдельном регионе. Он выпускается ежеквартально с августа 2007 года.

С развитием горной промышленности на Камчатке многие работники ПГО «Камчатгеология» связали свою судьбу с добывающими

предприятиями. Найденные и разведанные месторождения теми же геологами сегодня оказались востребованными. Сведения по освоению этих месторождений стали основной рубрикой журнала. Наряду с новостями о горнодобывающих кампаниях, печатаются результаты о геологической деятельности ОАО «Камчатгеология». Нередко здесь можно увидеть научные статьи о новых представлениях в геологическом строении некоторых территорий Камчатки, прогнозные оценки отдельных участков на нахождение полезных ископаемых. Наверное, не менее интересны воспоминания некоторых геологов, в том числе и ветеранов геологической службы Камчатки. Эти воспоминания, по сути, история Камчатской геологии. Думаю, что и работникам добывающих предприятий интересно знать, как открывались месторождения, на которых они трудятся. Хочется, чтобы они знали о том, какой трудной, а порой опасной была работа тех, кто проводил геолого-съёмочные, поисковые и разведочные работы, которые привели к открытию месторождений. Ценой некоторым из них были человеческие жизни. Когда-нибудь, кто-нибудь проведет расчеты стоимости одной человеческой жизни за тонну добытого полезного ископаемого. Была же когда-то в советские годы статистика в угольной промышленности, где один миллион тонн добытого угля стоил жизни одного шахтера.

Пожалуй, главными поклонниками журнала являются те, кто когда-то жил и работал на Камчатке и сегодня находятся на материке. Журнал Горный вестник Камчатки - это ниточка, связывающая с Камчаткой тех, кто сегодня живет за ее пределами. Знаю по себе, как хочется знать о том, как она там Камчатка живет без тебя, чем занимается, какова судьба месторождений? Для многих, кто долгие годы занимался геологическими исследованиями, а тем более участвовал в открытии месторождений, «бальзамом» на душу являются сведения о вовлечении месторождений в освоение. Не все дожили до времен, когда это стало явью. Многие из нас мечтали о времени, когда проделанная работа получит логическое завершение. В журнале радуешься постоянной рубрике, посвященной поздравлениям юбиляров, о которых не забывает редколлегия. С грустью читаешь некрологи об ушедших коллегах.

Во время моего пребывания на Камчатке в 2013 году мне довелось тесно пообщаться с теми, кто создаёт журнал «Горный вестник Камчатки». Редколлегию составили весьма уважаемые люди из геологической «обоймы»: А.А.Орлов (главный редактор), выпускающий редактор - Б.А.Шеунов, члены редколлегии А.Ф.Литвинов, В.Н.Федореев, В.М.Округин. Справедливости ради надо сказать, что львиная доля работы по выпуску журнала лежит на Борисе Алексеевиче Шеунове. Именно он собирает материалы, редактирует, оформляет и компонует.

Б.А.Шеунов

Я был свидетелем четырех выпусков журнала и убедился в кропотливости и сложности подготовки журнала к изданию. Искренне считаю, что журналу повезло с таким редактором. Руководители горнодобывающих предприятий не очень охотно сотрудничают с редакцией журнала, ссылаясь на занятость, не всегда способствуют подготовке сведений о жизни и работе горняков, поэтому Б.А.Шеунову нередко приходится выезжать на объекты работ и собирать на месте необходимые сведения. Несмотря на эти и многие другие сложности, в том числе и финансовые, с 2007 года ежеквартально журнал «Горный вестник Камчатки» радует своих читателей подробными новостями о деятельности горняков, геологов, об экологии и недропользовании. Постоянной рубрикой стали хроника и страницы истории. Журнал всегда выглядит красочно, особенно выделяются обложки, которые оформлены с большим вкусом и эта заслуга, прежде всего, его редактора Б.А.Шеунова.

Во время пребывания на Камчатке в том же 2013 году неожиданно для себя втянулся играть в настольный теннис. Вовлек меня в эту игру Б.А.Шеунов. Как выяснилось, в ущерб своему обеду группа работников ОАО «Камчатгеология» уже многие годы играют в эту игру. У теннисного стола я выглядел «чайником». Другой бы на моем месте не стал позориться на фоне прилично играющих людей и бросил

это занятие. Но сыграли роль подсказки членов команды и главное - доброжелательное их отношение. Никто не осуждал мои промахи и ляпы. Все давали советы по технике игры, подбадривали, а когда у меня получался хороший прием или удар по мячу, радовались вместе со мной. Именно тогда я сожалел о том, что мой студенческий друг Александр Мухер, который выступал за сборную команду Татарстана по настольному теннису и по классу был близок к мастеру спорта, не преподавал хотя бы несколько уроков. Признаюсь, что мы с друзьями иногда использовали его мастерство в корыстных целях. В холле главного здания Казанского университета был стол для тенниса, где всегда кто-то играл и нередко под интерес. Это были игроки высокого класса. Признаюсь, что в те далекие студенческие годы, когда возникал повод отметить событие, а для этого требовалась бутылка вина, мы вели нашего друга в холл университета, где он давал противнику 18 очков (из 21 необходимых для победы) форы и конечно, выигрывал.

Со временем в моей игре появились положительные сдвиги. В некоторых партиях, когда играли парами, удавалось даже выиграть. В таких победах мой вклад был весьма скромным. Отдельные игры посвящались праздникам - Новому году, Дню геолога. Я с грустью расстался с этим коллективом, «заразившим» меня игрой в настольный теннис. В день моего отъезда на материк Б.А.Шеунов подарил свою ракетку. Теперь я играю в теннис всюду, где это только возможно.

Команда теннисистов слева направо Б.Шеунов, Т.Еремينا, А.Новокрещин, Т.Макаренко, В.Кирносенко.

Моя работа на Колыме и Камчатке закончилась, и я мог вернуться на «материк». Однако появились обстоятельства, которые заставили отложить выезд. Начальник Тымлатской партии Татьяна Еремина попросила мою жену Людмилу остаться для написания окончательного отчета. По большому счету такая просьба вполне логичная. Трудно писать главы отчета по чужим полевым материалам. Несомненно, при этом теряется качество отчета. Понимая все это, моей жене пришлось остаться на написание своих глав отчета. Кроме основного отчета той же Тымлатской партии предстояло подготовить записку по изданию двух листов геологической карты масштаба 1:200000.

Время написания отчета совпало с празднованиями Нового года, Дня геолога. Традиции у геологов сохранились. Как и прежде праздники отмечаются всем коллективом. Порадовался за свою жену. По случаю профессионального праздника она удостоилась почетной грамоты от управления «Камчатнедра», а «Горнопромышленная ассоциация Камчатки» наградила её серебряным Почётным знаком. Порадовался и за то, что она так эффектно завершила свою карьеру, став соавтором большого окончательного отчета и записки по изданию двух листов масштаба 1:200 000.

Наше пребывание на Камчатке завершилось прощальным застольем в актовом зале ОАО «Камчатгеология» и в камеральном помещении Тымлатской партии. Мы еще раз пережили горесть прощания с Камчаткой, нашими коллегами.

Очередное прощание с Камчатскими коллегами. Как видите, нас уже не хватает в шеренге по восемь...

Заключение

Говорят, что у каждого, кто преступает определенный жизненный рубеж, возникает желание оглянуться назад, проанализировать, оценить пройденный этап. Я не стал исключением. С удивлением осознал скоротечность своего бытия. В хронологической таблице жизни оказались три основных периода: детство, учеба, работа. Где-то в промежутке марш Мендельсона. Время стремительно летит. Финишная черта не за горами и ты ничего с этим не можешь поделать. Музыканты, возможно, уже настраивают инструменты и вот-вот могут грянуть первые аккорды Шопена и это будет совсем не «Экспромт» и даже не «Полонез»... Самое время дать оценку годам, прошедшим на Камчатке.

Прежде всего, хочу поблагодарить судьбу за возможность жить и работать не в самой экзотической части юга Камчатки, как хотелось многим, а в северной ее части, где жили и трудились (не в укор будет сказано) более дружные и сплоченные люди. И это явление логичное. Север с его суровыми климатическими особенностями заставлял теснее объединяться.

Мне несказанно повезло поучаствовать практически во всех видах геологических исследований - от региональных, поисковых до разведочных. Посчастливилось познать радость открытия месторождения. Это была интересная работа. Именно она, в основном, удерживала жить в этих не очень благоустроенных краях. Здесь написаны многие отчеты об исследованиях северной части Камчатки. Сегодня они хранятся в геологических фондах, и будут служить ориентиром в дальнейших познаниях территории нашей страны.

Геология – это автономная отрасль. Кроме геологических работ мы занимались собственным строительством, энергетикой, морским транспортом и др.

В моей работе особую гордость вызывает строительство новой базы Пенжинской ГРЭ в селе Манилы, где построили свой микрорайон. Жители поселка Первореченска впервые оказались в благоустроенных домах со всеми удобствами. Это была нелегкая и одновременно интересная работа. Я получил хороший опыт строительства и

безмерно рад, что смог его благополучно завершить.

Не менее интересной оказалась работа по организации и добыче угля на Гореловском месторождении и россыпного золота. Для геолога подержать в руках добытое полезное ископаемое большое счастье. Добычные дела пришлось на «лихие» 90-е годы, когда страна переходила на рельсы капиталистического способа производства. Это было время жестких испытаний, как для предприятий, так и для каждого члена общества. Не все смогли наступить «на собственное горло» и принять новые условия жизни, в которой правил капитал. Прискорбно, что в эти годы в расцвете сил ушли в мир иной некоторые коллеги. Вечная им память.

На всех этапах работы мне повезло. Меня сопровождали хорошие учителя, единомышленники. Вместе с рабочими я закончил еще один важный для себя университет. Сегодня глубоко сожалею, что в суете прошлых лет не смог достойно отблагодарить рабочих за науку жить и выживать в экстремальных условиях, за их самоотверженную работу. Во взаимоотношениях с рабочими все время помнил завет отца (в прошлом бригадира строителей): «Будь справедлив по отношению к своим рабочим. В ответ они сделают на твоём производстве даже невозможное».

Современное состояние геологии на Камчатке представляется плачевным, если не сказать хуже. От бывшего коллектива в 5000 человек остались жалкие осколки. Предаётся забвению гордое слово геолог. Прервана связь поколений геологов и не просматриваются пути её восстановления. Остатки геологов, разбросанные по различным горнорудным компаниям стали конкурентами в борьбе за геологические исследования. Министерство природных ресурсов Камчатки, «Камчатнедра», ОАО «Камчатгеология» оказались разобщёнными. Не стало единого центра по изучению недр Камчатки. Сегодня трудно себе представить как можно объединить геологическое сообщество. В любом случае это должно происходить вокруг нашего дома ОАО «Камчатгеология», где еще теплятся несколько геологических партий, и существует довольно мощная лаборатория.

В актовом зале здания ОАО «Камчатгеология» стоит лимонное дерево, которое пережило несколько поколений геологов и являет-

ся настоящим символом камчатской геологии. Более того, его можно назвать индикатором ее благополучия. В годы процветания, когда открывались месторождения, выполнялись планы прироста запасов, ветки дерева были усыпаны плодами лимона. Оно и сейчас продолжает расти, но как видите на фото, уперлось в потолок. Не хочется верить, что это тупик.

Как вариант для улучшения финансового состояния предложил бы заняться добычей россыпей золота. Насколько я знаю, в ОАО «Камчатгеология» все для этого есть.

Завершая свое жизнеписание, могу засвидетельствовать, что все планы осуществились. Для себя считаю важным, что за время работы «не прогибался», не боялся ответственности, за все отвечал лично, никого не подвел и не подставил. Сегодня счастлив от того, что не обременен

финансовыми накоплениями, совсем не напрягаюсь из-за волатильности курса валют. Не имею никаких обязательств и от того абсолютно свободен. Странно прозвучит, но именно такая свобода дает ощущение настоящего покоя.

Если бы «Создатель» подарил мне еще одну жизнь, она была бы прожита, как и предыдущая, день в день.

После приезда с Камчатки побывал с женой в туристической поездке в одной из стран северной Африки. Под ногами оказались развалы кварцевых глыб со знакомыми структурно-текстурными рисунками. Сработал инстинкт геолога. Отобрал 5 штуфов. В двух из них определились содержания благородных металлов, причем в одном – «ураганные» содержания. Не хочет отпускать геология...

СОДЕРЖАНИЕ

Шамиль Шарифович ГИМАДЕЕВ.....	2
От автора	3
ГЛАВА I. Начало	6
Дорога в Первореченск.....	6
Первое Камчатское поле.....	9
Первореченск – поселок геологов.....	15
Хоккейные баталии	23
Первый отчет и первый проект	27
Первореченск перед полем	33
Гусиная охота.....	35
Вадим Трифионов.....	39
Юбилей революции.....	43
ГЛАВА II. ПЕРВОЕ ЗОЛОТОСЕРЕБРЯНОЕ МЕСТОРОЖДЕНИЕ КАМЧАТКИ.....	47
Чалбугчанская партия	47
Последний сезон Чалбугчанской партии	66
Первая Сергеевская партия	78
Трагедия на Айнаветкинском перевале.....	80
Детальные поиски на Сергеевском месторождении.....	84
ГЛАВА III. ЭКСПЕДИЦИОННАЯ ЖИЗНЬ	128
Серная эпопея.....	128
Геологическая съемка и поиски	134
«КОГТИ» и геология	143
Перевозка лосей.....	149
Икар	151
День рождения Нельмы	153
Ужин в кафе «Юность»	156
Тихон Васильевич Тарасенко	157
Чукотский десант	161
Новая метла.....	167
Некоторые особенности организации буровых и горных работ	170
Алма-Атинские курсы.....	174

ГЛАВА IV. ВОЗРОЖДЕНИЕ ПЕНЖИНСКОЙ ГРЭ 183

Возвращение в Первореченск	183
Земля для микрорайона «Геолог»	190
«Строительство мечети»	193
Манилы – «столица» Пенжинского района	195
Первые строительные объекты	207
Золотоносные россыпи	213
Россыпное золото Пенжинского района	222
Артель «Камчатка»	232
Артель «Чайбуха»	241
«Засланный казачок»	244
Первореченский анархо-синдикалист	247
Дефицит кадров	249
Художник Бешенов	256
Сокращённый рабочий день	257
О дотации	257
Чрезвычайные происшествия	259
Радиоактивное облако	260
Навигация на Пенжине	264
Новая база Пенжинской ГРЭ	272
Первореченское «гестапо»	274
Геологи из местного населения	277
Собаки – наши друзья	281
Взаимоотношения с другими предприятиями и властями	284
«Дикий капитализм» в Манилах	286
Олени – это не только мясо	290
Конец правления Лаштабега	293

ГЛАВА V. ГОРНОРУДНАЯ КОМПАНИЯ «КОРЯКИЯ» 295

Новая работа	295
Первые иностранные инвесторы на Камчатке	298
Строительство вахтового посёлка	300
«Зеленое движение»	303
Депутатство	307
Начало вскрышных работ на карьере	309

Угольная шахта	315
Задержка оплаты - главный тормоз развития угледобычи.....	317
Уголь для пенсионеров.....	323
Мебель для В.А. Цареградского.....	325
Президент сообщества «Русский крестьянин».....	327
Осень на рейде	328
ГЛАВА VI. ГЕОЛОГИЯ И АВИАЦИЯ	332
Аэропорт села Манилы.....	332
Экскурсионный полет	362
ГЛАВА VII. ОТЪЕЗД.....	364
ГЛАВА VIII. ВМЕСТО ЭПИЛОГА ИЛИ 14 ЛЕТ СПУСТЯ	367
Золотопромышленники	
Михаил Попович и Владимир Козлов	369
Возвращение на Камчатку.....	375
Поездка по Центральной Камчатке	378
Тиличикское землячество	383
Летим в Магадан	386
Трасса	391
Снова Нексикан	393
Едем на Глухой	394
В фондах Магадана	398
Аукцион	406
Горный вестник Камчатки.....	411
Заключение	416
Содержание	419

Это наша камералка, где мы творили отчёты.

*На переднем плане слева направо Б.Вишневецкий, Н.Ворогушин,
Ш.Гимадеев. В дальнем углу В.Ашурко, А.Разумный.
Справа В.Панин, у бинокля техник Юрий.*

Перевоска лагеря отряда на новое место

Н.Ворогушин у слона с маршрутным рабочим.

На фото слева направо: Техник-геолог Иван Койдан, геолог Анастасия Доброва, геолог Людмила Гимадеева, студент Сергей Калинин.

Команда теннисистов слева направо Б.Шеунов, Т.Еремина, А.Новокрещин, Т.Макаренко, В.Кирносенко.

На переднем плане слева направо В.И.Гражданкин, В.П.Орлов, В.А.Логинов, Ш.Ш.Гимадеев и группа из Олюторского землячес

С.П.Рожков

«Последний борт»

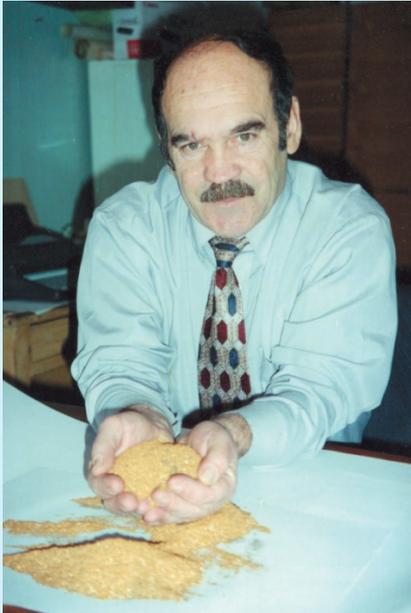

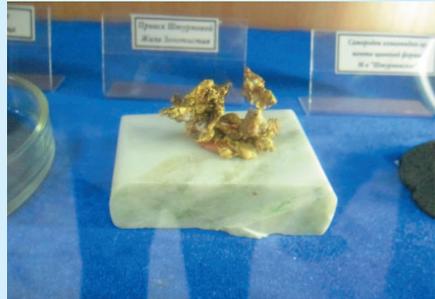
*Слева направо два студента,
Б.Вишневецкий, Ш.Гимадеев, В.Ашурко.*

Паланской вышки

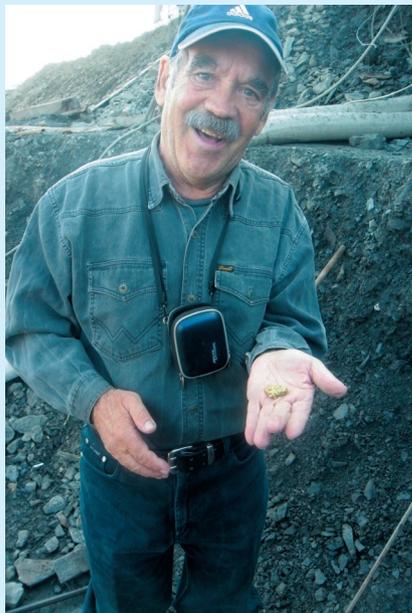
*Золото россыпи
руч. Гриф.*

*Павел Рожков
у золоторудной дайки.*

Фото Золото с Ушканьинско - Кондыревского узла

*Ш.Гимадеев с самородком
из россыпи руч. Глухого*

*Слева направо - М.М.Попович,
Ш.Ш.Гимадеев, В.И.Козлов.*

Б.А.Шеунов

Метеорит